

Кавказ
и Восточная Европа
в древности

Академия наук СССР

Ордена Трудового Красного Знамени
Институт археологии

ЕВГЕНИЙ ИГНАТЬЕВИЧ
КРУПНОВ

Кавказ и Восточная Европа в древности

Посвящается памяти
Е. И. КРУПНОВА

Издательство «Наука»

Москва

1973

Сборник посвящен памяти видного советского археолога — Е. И. Крупнова. Статьи сборника охватывают широкий круг проблем, связанных с археологией Кавказа и Восточной Европы от древнейших времен до позднего средневековья. Читатель найдет в книге описание отдельных памятников, исследования общенсторического характера, искусствоведческие этюды и заметки.

Ответственные редакторы

Р. М. МУНЧАЕВ, В. И. МАРКОВИЧ

К $\frac{0162-0592}{042(02)-73}$ 112-73

© Издательство «Наука», 1973 г.

В. А. Кузнецов

Евгений Игнатьевич Крупнов

29 сентября 1970 г. после тяжелой болезни ушел из жизни один из ведущих археологов СССР Евгений Игнатьевич Крупнов. Жизненный путь Е. И. Крупнова — яркий пример самоотверженного служения советской науке и Родине.

Е. И. Крупнов родился 16 марта 1904 г. в Моздоке (Северо-Осетинская АССР). Здесь прошло его детство. После смерти отца пятнадцатилетний юноша стал работать по найму — сначала батраком, затем конторщиком у частных лиц в станицах Вознесенской, Курской, Павлодольской, в шорной и сапожной мастерских Моздока, рабочим на промыслах «Грознефть».

Несмотря на трудности тех лет, Евгений Игнатьевич постоянно и настойчиво стремился к знаниям. В 1924 г. он окончил среднюю школу и поступил на этнологическое отделение Северо-Кавказского педагогического института в г. Владикавказе (Орджоникидзе). В этом институте работали в то время такие известные кавказоведы, как профессора Б. А. Алборов, В. П. Пожидаев, Л. П. Семенов, Н. Я. Немировский, привлекавшие к исследованию родного края способную молодежь. Скоро постоянным участником их научных экскурсий становится студент Е. И. Крупнов. Яркая и самобытная культура горцев Кавказа: осетин, ингушей, чеченцев, — тогда почти неизведанные пути их истории привлекли к себе внимание Евгения Игнатьевича и вскоре стали смыслом и делом всей его жизни.

Стремясь получить систематическое историко-археологическое образование, Е. И. Крупнов в 1927 г. переходит на историко-археологическое отделение исторического факультета МГУ, где занимается у профессора В. А. Городцова. По окончании университета (в 1930 г.) Евгений Игнатьевич был принят на работу в Государственный исторический музей.

Работа в ГИМе является важным этапом в творчестве, росте и деятельности Е. И. Крупнова. В ГИМе Е. И. Крупнов написал и опубликовал в 1933 г. свою первую научную работу — обстоятельную рецензию на статью А. С. Вартапетова «Проблемы родового строя чеченцев и ингушей»¹. В том же 1933 г. Евгений Игнатьевич вместе с Л. А. Ельницким провел первую самостоятельную археологическую разведку левобережья р. Риони. Так началась активная и многогранная творческая деятельность Е. И. Крупнова. Уже в 1935 г. он возглавляет археологическую экспедицию ГИМа в горные районы Северной Осетии. В 1937 г.

Евгения Игнатьевича приглашают на работу в Московское отделение ГАИМК (ныне ордена Трудового Красного Знамени Институт археологии АН СССР). В 1938 г. Е. И. Крупнову было присвоено звание старшего научного сотрудника.

К 1941 г. Е. И. Крупнов — уже сложившийся ученый-кавказовед. Основное направление его научной работы нашло свое воплощение в первой обобщающей работе «История Ингушетии с древнейших времен до XVIII века», первая часть которой вышла в свет в 1948 г.² Вторая — посвященная средневековой Ингушетии, переработанная и дополненная в виде монографии — опубликована посмертно³.

Одновременно с историей Ингушетии Евгений Игнатьевич занимается древней культурой Дагестана. В 1940 г. публикуется его работа «Каякентский могильник — памятник древней Албании»⁴ (памятник позднебронзовой культуры Северо-Восточного Кавказа, имевшей связи с Восточным Закавказьем). После выхода в свет этой работы культура получила название каякентско-хорочоевской.

Началась Великая Отечественная война. С группой своих товарищей-археологов (А. П. Смирновым, П. А. Дмитриевым, Д. А. Крайновым и др.) Евгений Игнатьевич вступает в московское народное ополчение и солдатом Ленинской дивизии отправляется на Западный фронт. После ранения (в октябре 1941 г.) он на короткий срок приезжает в Москву и успешно защищает в МГУ кандидатскую диссертацию. Дальнейшая военная служба Е. И. Крупнова проходит в стрелковой дивизии в качестве лектора политотдела.

В 1945 г. Евгений Игнатьевич был демобилизован и вернулся в Москву. С этого времени начинается наиболее плодотворная его деятельность. В первые послевоенные годы ощущался острый недостаток научных кадров в кавказской археологии и Евгений Игнатьевич, наряду с работой в ГИМе и Институте археологии АН СССР, в течение трех лет (1947—1949 гг.) заведует сектором археологии в Кабардинском НИИ. Возобновляется интенсивная полевая экспедиционная работа, охватившая в эти годы значительную часть Северного Кавказа от Дагестана до Кабарды и Пятигорья. Быстрыми темпами идет накопление и изучение нового археологического материала, в результате чего появляются такие ценные исследования Евгения Игнатьевича, как «Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода», «Новый памятник древних культур Дагестана»⁵, «Грузинский храм «Тхаба-Ерды» на Северном Кавказе»⁶, ряд больших статей по истории Кабарды и др. В первые послевоенные годы издаются небольшие по объему, но содержащие интересные наблюдения и выводы обзорные работы Евгения Игнатьевича: «Краткий очерк археологии Кабардинской АССР»⁷ и «К вопросу о культурных связях населения Северного Кавказа по археологическим данным»⁸.

Назначение Е. И. Крупнова (в 1951 г.) на пост заместителя директора Института археологии АН СССР не повлияло на его научную работу. В 1952 г. выходит монографическое исследование «Жемталинский клад», посвященное замечательному комплексу бронзовых вещей VIII—VII вв. до н. э., найденному в ущелье р. Псыгансу. Глубокое исследование Жемталинского клада явилось выражением постоянного инте-

реса исследователя к проблемам всемирно известной кобанской культуры Кавказа. Разработка этих проблем становится ведущей в дальнейшем научном творчестве Евгения Игнатьевича.

Опираясь на накопленный археологический материал, Евгений Игнатьевич в 1950—1951 гг. приступает к воссозданию древней истории Кабарды. Первые главы этой работы, охватывающие эпохи неолита, бронзы и раннего железа, были напечатаны в изданиях Кабардинского НИИ⁹. В 1957 г. был опубликован сводный труд «Древняя история и культура Кабарды»¹⁰. В трудах Е. И. Крупнова по истории Кабарды ясно выражено его стремление к широким историческим обобщениям, основанным на тщательном изучении и анализе фактов.

Трудно не только охарактеризовать, но даже просто перечислить десятки статей и рецензий, опубликованных Е. И. Крупновым в пятидесятые годы, и итоги его многочисленных экспедиций в различные районы Северного Кавказа. Из числа первых назовем проблемные статьи «О состоянии и задачах изучения археологии Кавказа»¹¹, «О походах скифов через Кавказ»¹², «Киммерийцы на Северном Кавказе»¹³. Большое научное и практическое значение имели исследования экспедиций Е. И. Крупнова в прикаспийских (Божиганских и Ачикулакских) песках. Работая несколько лет в Северо-Западном Прикаспии, экспедиция установила, что некогда в этих ныне безводных районах была достаточно высокая плотность населения, занимавшегося главным образом скотоводством. Основываясь на археологических и споро-пыльцевых исследованиях, Е. И. Крупнов доказал не только существование иной, более благоприятной биологической среды в Северо-Западном Прикаспии в прошлом, но и указал на возможность экономического возрождения и хозяйственного использования заброшенных районов в будущем. Этим актуальным задачам современности посвящены его статьи «За экономическое возрождение районов Прикаспийской низменности»¹⁴ и «К истории Моздокской степи и Западного Прикаспия»¹⁵.

В 1955 г. у с. Мужичи (в Ассинском ущелье) Чечено-Ингушской АССР Евгений Игнатьевич начал стационарные раскопки так называемого Лугового могильника VI—V вв. до н. э. и Лугового поселения III тыс. до н. э. В последующие годы раскопки этого археологического комплекса были продолжены учеником Е. И. Крупнова Р. М. Мунчаевым. В настоящее время Луговой могильник — наиболее значительный погребальный памятник скифского времени на Кавказе, характеризующий глубокие связи и взаимовлияния местных культур Кавказа, степного скифо-савроматского мира и даже связи со странами Ближнего Востока. Исследование материалов Лугового поселения позволило сделать важный вывод о том, что территория Чечено-Ингушетии в III тыс. до н. э. входила в зону распространения куро-аракской и майкопской культур.

Параллельно с активной исследовательской работой Евгений Игнатьевич вел большую научно-организационную, административную и общественную работу, оставаясь бессменным до 1960 г. заместителем директора Института археологии АН СССР. В 1950—1952 гг. он избирается депутатом Кировского районного совета г. Москвы.

В 1960 г. вышла в свет монография Е. И. Крупнова «Древняя история Северного Кавказа». В этом капитальном труде подведены итоги напряженной работы ученого в течение более двух десятилетий. В 1960 г. это исследование было защищено им в качестве докторской диссертации, а в 1963 г. за этот труд Е. И. Крупнову была присуждена Ленинская премия.

«Древняя история Северного Кавказа» весьма богата и многообразна по содержанию. Основной ее научный стержень составляет монографическое исследование кобанской культуры I тыс. до н. э. Содержание книги выходит далеко за рамки собственно кобанской культуры; в ней поставлены и решены многие кардинальные вопросы древней истории Северного Кавказа — о связях населения Кавказа со скифскими, позднее сарматскими племенами, о широких международных связях населения древнего Кавказа и их путях, о происхождении некоторых современных кавказских народов и пр. Всем своим содержанием книга Е. И. Крупнова неопровержимо доказывает главное — горы Кавказа никогда не были «дикими горными гущобами» и отсталой окраиной древнего цивилизованного мира, напротив, Кавказ был одним из очагов высокой культуры и в III—I тыс. до н. э., а история кавказских народов уже с этой седой древности была органически связана с историческими судьбами племен и народов Древнего Востока и Юго-Восточной Европы.

В 1966 г. вышла в свет статья Е. И. Крупнова «Кавказ в древнейшей истории нашей страны»¹⁶, где вновь была показана несостоятельность бытовавших в буржуазной историографии утверждений о якобы извечной культурной отсталости северокавказских народов. Правильное, подлинно научное выяснение исторической роли Кавказа во всех аспектах было в центре научных интересов Евгения Игнатьевича до последних дней его жизни.

С 1957 г. руководимая Е. И. Крупновым экспедиция становится объединенной Северо-Кавказской археологической экспедицией (СКАЭ) с участием Чечено-Ингушского, Северо-Осетинского, Карачаево-Черкесского научно-исследовательских институтов и музеев краеведения. По количеству сотрудников, охваченной полевыми исследованиями территории и широте научной проблематики СКАЭ становится одной из крупных археологических экспедиций СССР. В этом — огромная заслуга ее организатора и бессменного руководителя Е. И. Крупнова.

Наиболее широкие и плодотворные работы были развернуты в Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР. В 1957 г. СКАЭ начала многолетние исследования в районе Эльхотово-Змейской, где впервые в широких масштабах был раскопан поселок кобанской культуры IX—VIII вв. до н. э. Тогда же другой отряд СКАЭ начал раскопки обширного аланского катакомбного могильника XI—XII вв. у станицы Змейской, а годом позже было начато третьим отрядом изучение крупнейшего средневекового городища Северной Осетии «Верхний Джулат». Полученные здесь археологические материалы ныне принадлежат к числу основных источников по древней и средневековой истории не только Северной Осетии, но и всего Северного Кавказа. Роль Евгения Игнатьевича в организации

упомянутых исследований и научной оценке добытых материалов трудно переоценить. Достаточно сказать, что он первым энергично и уверенно присоединился к предположению Л. И. Лаврова о локализации на «Верхнем Джулате» известного в русских летописях «славного ясского города Дедякова»¹⁷.

Огромное значение для разработки все еще слабо изученной истории народов Чечено-Ингушетии имеют многолетние работы СКАЭ на территории ЧИ АССР. Исследованиями учеников Е. И. Крупнова (Р. М. Мунчаева, В. И. Марковина, В. И. Козенковой, М. Х. Багаева и др.) добыт настолько большой материал (от эпохи камня до позднего средневековья), что воссоздание древней истории республики стало вполне реальным делом. Неутомимый организатор и руководитель этих исследований, Евгений Игнатьевич начиная с 1959 г. непосредственно руководил раскопками двухслойного поселения у Сержень-Юрт. Ухудшившееся здоровье не позволило Евгению Игнатьевичу довести до конца эти раскопки, завершенные в последние годы В. И. Козенковой.

Серженьюртовское поселение — второй (после Змейского) древний поселок, раскопанный полностью. Верхний слой его синхронен Змейскому поселению и органически связан с кобанской культурой. Материалы этого слоя, особенно результаты радиоуглеродного анализа древесного угля, позволили Е. И. Крупнову вновь вернуться к вопросу о датировке и периодизации кобанской культуры и прийти окончательно к убеждению, что кобанская культура сформировалась и бытовала на Центральном Кавказе с XI по IV в. до н. э., пройдя три последовательных этапа своего развития. Этому посвящена одна из последних статей исследователя «Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры»¹⁸.

Еще большее значение имеют материалы из нижнего культурного слоя Серженьюртовского поселения. По его наблюдениям эти материалы тесно связаны с аналогичными материалами Дагестана и Закавказья и позволяют сделать важный исторический вывод о существовании в III тыс. до н. э. общекавказской культурной и этнической общности. Обоснование этого вывода с привлечением широкого круга историко-лингвистических исследований мы находим в проблемной работе Е. И. Крупнова «Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность»¹⁹. Это исследование отражает никогда не оставлявший Евгения Игнатьевича глубокий интерес к проблеме происхождения народов Кавказа.

Многосторонняя работа коллектива СКАЭ освещена не только в многочисленных статьях, но и в трех томах трудов экспедиции, редактором и одним из авторов которых был Е. И. Крупнов²⁰.

В последние годы жизни Евгений Игнатьевич, обобщая свой научный опыт, обращается к замечательному устнопоэтическому творчеству северокавказских народов — нартскому эпосу.

Длительное изучение кобанской культуры привело его к заключению о том, что именно в эту героическую эпоху первого появления железа могло сформироваться основное ядро нартского эпоса. Работа Е. И. Крупнова «О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа»²¹ привлекла внимание не только специалистов, но и широкой научной общественности. Основательное исследование о нартском

эпосе было мечтой ученого, но ей, к сожалению, не было суждено сбыться.

Поистине «лебединой песнью» Евгения Игнатьевича стала сданная им в печать в 1970 г. «Средневековая Ингушетия». И здесь исследователь остался верен себе — зародившийся еще в молодости интерес он целеустремленно пронес через всю жизнь и вновь вернулся к нему в конце своего творческого пути. Основательно переработав и пополнив новыми материалами свою кандидатскую диссертацию, Е. И. Крупнов дал по существу новую монографию, впервые (после устаревшей книги Г. К. Мартиросиана) освещавшую слабо изученную историю Ингушетии.

Говоря о творческом пути Е. И. Крупнова, нельзя не сказать особо о его многолетней научно-педагогической деятельности. Евгением Игнатьевичем подготовлен большой отряд высококвалифицированных археологов, ныне работающих в центральных и местных научных учреждениях (И. Г. Нариманов, Д. А. Халилов, Т. А. Бунятов, Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин, В. А. Кузнецов, В. И. Козенкова, Д. М. Атаев, И. М. Мизиев, В. В. Бжания, О. Х. Бгажба, М. Х. Багаев, О. Д. Давудов и др.). Особое внимание Е. И. Крупнов уделял подготовке национальных кадров археологов, считая это своим долгом и щедро делясь с молодежью не только знаниями и опытом, но и накопленными археологическими материалами.

Е. И. Крупнов достойно представлял советскую науку за рубежом во время поездок в Сирию, Ливан, Ирак, Турцию и Югославию. В 1963 г. за заслуги в освещении культурных связей южных районов СССР со странами Ближнего Востока ему была присуждена премия известного ливанского писателя и общественного деятеля Саида Акля. За большие научные достижения и плодотворную общественную деятельность Евгений Игнатьевич был награжден орденом Трудового Красного Знамени и четырьмя медалями, дважды награжден Почетными грамотами Президиума Верховного Совета и Совета Министров Северо-Осетинской АССР. Ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Чечено-Ингушской и Кабардино-Балкарской АССР.

Гражданин и коммунист, он все свои силы отдавал во имя процветания советской науки. Можно было удивляться неиссякаемой энергии этого уже немолодого человека: он находил время и для нелегкой работы в ВАКе, заведовал сектором неолита и бронзы Института археологии АН СССР, был членом редколлегии журнала «Советская археология».

Осенью 1968 г., находясь на Международном конгрессе в Душанбе, Евгений Игнатьевич почувствовал себя плохо. С этих пор недуг не оставлял его, но он стремился использовать всякую возможность для любимого дела, для общения со своими коллегами, учениками, друзьями. Но силы постепенно покидали Евгения Игнатьевича. «Нервы у меня на пределе, а с ними и сердце», — пишет он автору этих строк 25 июля 1970 г. Через два месяца Евгения Игнатьевича не стало...

Советское кавказоведение потеряло одного из известнейших своих представителей. Все, кто знал Евгения Игнатьевича Крупнова, сохранят о нем светлую и благодарную память.

- ¹ «Революция и горец», № 5, 1933.
- ² «Труды ГИМ», вып. XVII. М., 1948
- ³ *Е. И. Крупнов*. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
- ⁴ «Труды ГИМ», вып. XI, 1940.
- ⁵ МИА № 23, 1951.
- ⁶ КСИИМК, вып. XV, 1947.
- ⁷ Нальчик, 1946.
- ⁸ «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. II. Нальчик, 1947.
- ⁹ «Сборник статей по истории Кабарды», вып. I. Нальчик, 1951; «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. VII, 1952.
- ¹⁰ *Е. И. Крупнов*. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.
- ¹¹ КСИИМК, вып. 60, 1955.
- ¹² «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954.
- ¹³ МИА, № 68, 1958.
- ¹⁴ СА, 1961, № 3,
- ¹⁵ «Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии», т. II. Орджоникидзе, 1969.
- ¹⁶ «Вопросы истории», 1966, № 5.
- ¹⁷ См., например, его статью в сборнике «Славяне и Русь». — «Сб. статей в честь 60-летия академика Б. А. Рыбакова». М., 1968.
- ¹⁸ СА, 1969, № 1.
- ¹⁹ СА, 1964, № 1.
- ²⁰ «Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии», т. I. Орджоникидзе, 1961; «Средневековые памятники Северной Осетии». М., 1963; «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963.
- ²¹ Сб. «Сказания о нартах — эпос народов Кавказа». М., 1969.

Список печатных работ Е. И. Крупнова*

1933 г.

1. Рецензия на статью А. С. Варгапетова «Проблемы родового строя ингушей и чеченцев». Журнал «Революция и горец», № 5, 1933.
2. Краеведческие музеи Северного Кавказа (в соавторстве с В. М. Подгорновой). Журнал «Советский музей», № 2, 1933.

1934 г.

3. Археологическая экспедиция Государственного исторического музея в Закавказье. СЭ, № 3, 1934.

1935 г.

4. Городище «Трестенный городок». СЭ, № 2, 1935.

1936 г.

5. Кавказ в I тысячелетии до нашей эры. Журнал «Советский музей», № 5, 1936.
6. Музеи Северо-Кавказского края. Журнал «Советский музей», № 1, 1936.
7. Рецензия на статью А. А. Иессена «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе». Журнал «Советское краеведение», № 11, 1936.
8. Северо-Кавказская археологическая экспедиция Государственного исторического музея. СА, 1, 1936.

1937 г.

9. Северо-Кавказская экспедиция Государственного исторического музея 1936 года (историко-бытовая). СЭ, № 2-3, 1937.
10. Ингуши. БСЭ, 1-е издание, т. 28. М., 1937.

1938 г.

11. Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов. ВДИ, № 2, 1938.

* Список печатных работ Е. И. Крупнова составлен А. В. Чернецовым.

12. Кобанская культура. БСЭ, 1-е издание, т. 33. М., 1938.
13. К 50-летию юбилею научной деятельности профессора В. А. Городцова. ВДИ, № 3, 1938.

1939 г.

14. К истории Ингушии. ВДИ, № 2, 1939.
15. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии. «Труды ГИМ», вып. VIII. М., 1939.
16. Из результатов Северо-Кавказской археологической экспедиции Государственного исторического музея 1937—1938 гг. ВДИ, № 1, 1939.
17. Государство Урарту и народы Закавказья. Путеводитель по залам ГИМ. «Первобытная община». М., 1939.
18. Хазарская держава VI—X вв. Путеводитель по залам ГИМ. «Первобытная община». М., 1939.

1940 г.

19. Каякентский могильник — памятник древней Албании. «Труды ГИМ», вып. IX. М., 1940.
20. Из итогов археологических работ в Северной Осетии 1935 г. «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. IX. Орджоникидзе, 1940.
21. ~~Рецензия на книгу~~ Я. И. Гуммеля «Раскопки в Нагорно-Карабахской области в 1938 г.». ВДИ, № 1, 1940.
22. ~~Рецензия на книгу~~ Б. Б. Пиотровского «Урарту — древнейшее государство Закавказья». ВДИ, № 2, 1940.
23. Глиняная головка скифа из Закавказья. ВДИ, № 3-4, 1940.
24. Академик Иван Александрович Джавахишвили. ВДИ, № 3-4, 1940.
25. Старейший русский археолог Василий Алексеевич Городцов (к 80-летию со дня рождения). КСИИМК, вып. V, 1940.
26. Список научных трудов профессора В. А. Городцова. КСИИМК, вып. V, 1940.

1941 г.

27. Краткий отчет об археологических исследованиях в Северной Осетии и Чечено-Ингушетии 1935 г. Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». Л., 1941.
28. Археологические памятники Ассинского ущелья. «Труды ГИМ», вып. XII. М., 1941.
29. Из истории Северного Кавказа. «Археологическая сессия ученого совета ГИМ 19—22 марта 1941 г.». М., 1941.

1946 г.

30. Археологический очерк Кабардинской АССР. Нальчик, 1946.
31. К вопросу о хронологии кобанской культуры. «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. I. Нальчик, 1946.

32. Рецензия на книгу Г. А. Кокиева «Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев)». «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. I. Нальчик, 1946.
33. Рецензия на книгу Б. Б. Пиотровского «История и культура Урарту». ВИ, № 7, 1946.
34. Василий Алексеевич Городцов. «Бюллетень Московского общества испытателей природы, отдел геологии», т. XXI (2). М., 1946.
35. Памяти В. А. Городцова. ВДИ, № 3, 1946.

1947 г.

36. Грузинский храм Тхаба-Ерды на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XV, 1947.
37. К вопросу о культурных связях Северного Кавказа по археологическим данным. «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. II. Нальчик, 1947.
38. Ценный труд по древней истории Кабарды. «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. II. Нальчик, 1947.
39. Юбилейная научная сессия Кабардинского НИИ, посвященная 25-летию автономии Кабарды. ВИ, 1947, № 1.
40. Рецензия на сб. «Материалы и исследования по археологии СССР», ВДИ, 1941, № 3; ВДИ, 1947, № 4.
41. Северо-Кавказская археологическая экспедиция (1940 г.). КСИИМК, вып. XVII, 1947.
42. Союзы племен и древнейшие государства на территории СССР. «Путеводители по залам ГИМ». М., 1947.

1948 г.

43. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. «Труды ГИМ», вып. XVII. М., 1948.
44. Археологические работы в Грозненской области в 1946 г. КСИИМК, вып. XX, 1948.
45. Основные проблемы древней истории и археологии Кабарды. «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. IV. Нальчик, 1948.
46. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР. «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. IV. Нальчик, 1948.
47. Памяти академика Симона Николаевича Джанашиа. «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. IV. Нальчик, 1948.
48. Рецензия на книгу Л. П. Семенова «Татартупский минарет». «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. IV. Нальчик, 1948.
49. Северо-Кавказская экспедиция (тезисы доклада). КСИИМК, вып. XXI, 1948.
50. К историко-археологическому изучению Грозненской обл. «Известия Грозненского областного института и музея краеведения», вып. 1. Грозный, 1948.
51. Вторая научная сессия Кабардинского НИИ. СЭ, № 1, 1948.

1949 г.

52. К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XXIV, 1949.
53. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XXVII, 1948.
54. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. V. Нальчик, 1949.
55. Очерки по истории Кабарды (в соавторстве с Л. А. Смирновым). «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. V. Нальчик, 1949.

1950 г.

56. Археологические работы в Кабарде и Грозненской обл. КСИИМК, вып. XXXII, 1950.
57. Рецензия на книгу Б. Б. Пиотровского «Археология Закавказья». ВИ, № 2, 1950.
58. Рецензия на книгу Е. М. Шиллинга «Кубачинцы и их культура». СЭ, № 2, 1950.
59. Рецензия на сборник «Известия Северо-Осетинского НИИ», т. XII, № 4, 1950.
60. Пятая научная сессия Кабардинского НИИ. ВИ, № 11, 1950.
61. Агулские поселения. БСЭ. 2-ое издание, т. I. М., 1950.
62. Адыгские БСЭ. 2-ое издание, т. 2. М., 1950.

1951 г.

63. Рецензия на книгу Б. Б. Пиотровского «Кармир-Блур». ВИ, № 1, 1951.
64. Древнейший период истории Кабарды. «Сборник по истории Кабарды», вып. I. Нальчик, 1951.
65. Предисловие к МИА № 23. М.—Л., 1951.
66. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода (опыт периодизации памятников энеолита и бронзы). МИА, № 23, 1951.
67. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, № 23, 1951.
68. Рецензия на статью Г. Г. Леммлейна «Каменные бусы Самтаврского некрополя». МИГК, вып. 29. Тбилиси, 1951.

1952 г.

69. Жемталинский клад. «Труды ГИМ», серия «Памятники культуры», вып. IV. М., 1952.
70. Первые находки неолита в Северной Осетии. КСИИМК, вып. XVI, 1952.
71. Древняя история Кабарды. «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. VII. Нальчик, 1952.
72. В. А. Городцов. БСЭ, 2-ое издание, т. 12. М., 1952.
73. Дергавс. БСЭ, 2-ое издание, т. 14. М., 1952.

1953 г.

74. Сталинградская археологическая экспедиция. ВАН, № 6, 1953.
75. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953.
76. Кабардинская АССР (исторический очерк). БСЭ, 2-ое издание, т. 19, М., 1953.
77. Долинское поселение. БСЭ, 2-ое издание, т. 15. М., 1953.
78. Жемталинский клад. БСЭ, 2-ое издание, т. 16. М., 1953.
79. Казбекский клад БСЭ, 2-ое издание, т. 19. М., 1953.
80. Квишарские клады. БСЭ, 2-ое издание, т. 20. М., 1953.
81. Кобанская культура. БСЭ, 2-ое издание, т. 21. М., 1953.

1954 г.

82. О походах скифов через Кавказ. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954.
83. Древнее население Нижнего Поволжья (в соавторстве с И. В. Синицыным). Сб. «По следам древних культур» (от Волги до Тихого океана). М., 1954.
84. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954.
85. Деятельность Института истории материальной культуры Академии наук СССР (в соавторстве с А. Д. Удальцовым). ВИ, № 10, 1954.
86. Колхидская культура. БСЭ, 2-ое издание, т. 24. М., 1954.
87. Кумбулта. БСЭ, 2-ое издание, т. 24. М., 1954.
88. Лац. БСЭ, 2-ое издание, т. 24. М., 1954.
89. Лехчумский клад. БСЭ, 2-ое издание, т. 25. М., 1954.
90. Махчешский лабиринт. БСЭ, 2-ое издание, т. 26. М., 1954.
91. Махчешский могильник. БСЭ, 2-ое издание, т. 26. М., 1954.
92. Моздук. БСЭ, 2-ое издание, т. 28. М., 1954.
93. Мцхета. БСЭ, 2-ое издание, т. 28. М., 1954.

1955 г.

94. О задачах археологического изучения древней истории Кавказа. ВИ, № 2, 1955.
95. О состоянии и задачах изучения археологии Кавказа. КСИИМК, вып. 60, 1955.
96. Раскопки на дне Сталинградского моря. Журнал «Советский Союз», № 12(70), 1955.
97. Нальчикский могильник. БСЭ, 2-ое издание, т. 29. М., 1955.
98. Нестеровский могильник. БСЭ, 2-ое издание, т. 29. М., 1955.
99. Осетия. БСЭ, 2-ое издание, т. 31. М., 1955.
100. Исторический очерк Северо-Осетинской АССР. Энциклопедический словарь, т. 3. М., 1955.

1956 г.

101. О жизни и научной деятельности В. А. Городцова. СА, XXV, 1956.
102. К изучению древних культур Северо-Восточного Кавказа. «Известия Грозненского областного краеведческого музея», вып. VII—VIII. Грозный, 1956.
103. Основные проблемы Кавказской археологии. (Тезисы доклада). «Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 г.». М., 1956.
104. К археологическому изучению Северо-Восточного Кавказа и Северо-Западного Прикаспия. (Тезисы доклада). «Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г.». М., 1956.
105. Предисловие и редакция книги Н. В. Пяташевой «Ювелирные изделия Херсонеса». «Труды ГИМ», серия «Памятники культуры», вып. XVIII. М., 1956.
106. Савиры. БСЭ, 2-ое издание, т. 37. М., 1956.
107. Фаскау. БСЭ, 2-ое издание, т. 44. М., 1956.

1957 г.

- ~~108—109~~ Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.
110. О интересе в происхождении кобанской культуры. СА, № 1, 1957.
111. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, № 2, 1957.
112. Предисловие и редакция книги Т. А. Бунятова. «Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы». Баку, 1957.
113. Археологическое изучение Кавказа (Об Ереванской конференции по археологии Кавказа в октябре 1956 г.). «Вестник АН СССР», № 1, 1957.
114. Памяти Николая Андреевича Сугрובה. СА, № 4, 1957.

1958 г.

115. Киммерийцы на Северном Кавказе. Сб. «Древние племена и народности Кавказа». МИА, № 68, 1958.
116. О древних связях юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока. «Вестник истории мировой культуры», № 1. М., 1958.
117. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, № 3, 1958.
118. Поездка в Ливан. «Вестник АН СССР», № 3, 1958.
119. На земле Ливана. Журнал «Новое время», № 12, 1958.
120. О чем рассказывают пещеры. Журнал «Наука и жизнь», № 2. М., 1958.
121. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа. (Тезисы доклада). «Тезисы докладов на пленуме ИИМК АН СССР, посвященном археологическим исследованиям 1957 г.». М., 1958.
122. Луговой могильник. БСЭ, 2-ое издание, т. 51. М., 1958.

123. Исторический очерк Чечено-Ингушской АССР. БСЭ, 2-ое издание, т. 51. М., 1958.
124. Basic Finds in Soviet archaeology. University of Toronto. October, 1958.

1959 г.

125. К историко-археологическому изучению степного Дагестана. (Тезисы доклада). «Тезисы докладов на научной сессии Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана». Махачкала, 1959.
126. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа. КСИИМК, вып. 78, 1959.
127. Древности Нижнего Поволжья. «Труды Сталинградской археологической экспедиции». МИА, № 60, 1959.
128. Памяти Л. П. Семенова. СА, № 4, 1959.

1960 г.

129. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
130. Предисловие и редаKTура книги В. И. Марковина «Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы». МИА, № 93, 1960.
131. Леонид Петрович Семенов. «Советская Осетия», № 15-16, 1960.

1961 г.

132. За экономическое возрождение районов Прикаспийской низменности. СА, № 3, 1961.
133. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961.
134. Мекенские курганы. «Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея», вып. 10. Грозный, 1961.
135. Предисловие и редаKTура сб. «Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии», т. I. Орджоникидзе, 1961.
136. Змейское поселение кобанской культуры (в соавторстве с Д. В. Деопиком). Сб. «Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии». Орджоникидзе, 1961.
137. Новое в изучении истории Северного Кавказа. (Тезисы доклада). «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1960 г.». М., 1961.
138. Предисловие и редаKTура книги Р. М. Мунчаева «Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа». МИА, № 100, 1961.
139. Планы. «Советская историческая энциклопедия», т. I. М., 1961.

1962 г.

140. Из древней и средневековой истории Северного Кавказа. (Тезисы доклада на пленуме ИА АН СССР). «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1961 г.». М., 1962.

141. Предисловие и редакция книги В. А. Кузнецова «Аланские племена Северного Кавказа». МИА, № 106, 1962.
142. К историко-археологическому изучению степного Дагестана и Северо-Западного Прикумья. МАД, т. II, Махачкала, 1962.
143. Рецензия на сб. «Народы Кавказа», т. I. Серия «Народы мира». ВИ, № 9, 1962.
144. A. propos de la Chronologie de l'age du Fer du Caucase Nord. «Les Rapports et les Informations des Archeologues. «Доклад на VI Международном конгрессе предыстории и доистории в Риме».

1963 г.

145. Редакция книги Л. П. Семенова «Археолого-этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг.». Грозный, 1963.
146. Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность. (Тезисы доклада и предисловие). «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1962 г.». М., 1963.
147. Предисловие и редакция сб. «Средневековые памятники Северной Осетии». МИА, № 114, 1963.
148. Христианский храм XII в. на городище Верхний Джулат. МИА, № 114, 1963.
- ~~149. Встречи с турецкими учеными. «Вестник АН СССР», № 5, 1963.~~
- ~~150. Византизм-Джулатское городище. СИЭ, т. 3. М., 1963.~~
- ~~151. Предисловие и редакция сб. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963.~~
- ~~152. Курганы у станицы Мекенской (в соавторстве с Н. Я. Мерпертом). Сб. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963.~~
- ~~153. Бамутский курганный могильник XIV—XVI вв. (в соавторстве с Р. М. Мунчаевым). Сб. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963.~~
154. *Kaukasische «Pintaderas» Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. LXII. Wien, 1963.*
155. Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии (в соавторстве с А. А. Иерусалимской и В. И. Козенковой). КСИА, вып. 94, 1963.
156. The Cultural Unity of Ancient Caucasus and the Caucasian Ethnic Community. XXVI International Congress of Orientalists. Papers Presented by the USSR Delegation. М., 1963, стр. 1—13.

1964 г.

157. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа). СА, № 1, 1964.
158. Дандарии. СИЭ, т. 4. М., 1964.
159. Некоторые нерешенные вопросы первобытной археологии Кавказа. КСИА, вып. 98, 1964.

160. Исследования Сержень-Юртовского поселения в 1962 г. КСИА, вып. 96, 1964.
 161. О загадочной майкопской надписи. ВИ, № 8, 1964.
 162. К 60-летию Д. А. Крайнова. СА, № 4, 1964.
 163. К 60-летию П. Д. Либерова. СА, № 2, 1964.

1965 г.

164. Памятники культуры — всенародное достояние. СА, № 2, 1965.
 165. Раннежелезный век Северного Кавказа. «Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР», т. XIV. Махачкала, 1965.
 166. О культурной роли Кавказа в древней истории нашей страны. «Елм ва хаят» (Журнал «Наука и жизнь», на азерб. яз.), № 6, 1965.
 167. Бронзовый век Кавказа. История СССР, т. I. М., 1965.
 168. История Кабардино-Балкарской АССР, т. I, главы I, II, III. Нальчик, 1965.
 169. «Новые пинтадеры из Сержень-Юрта». Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965.
 170. Ответ Г. Ф. Турчанинову. ВИ, № 4, 1965.
 171. Памяти Александра Александровича Иессена (в соавторстве с Б. Б. Пиотровским). СА, № 1, 1965.
 172. Кавказ — древнейший культурный очаг нашей Родины. (Тезисы доклада). «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР». Баку, 1965.
 173. Северный Кавказ в свете новейших исследований. Тезисы доклада (в соавторстве с В. А. Кузнецовым, В. И. Марковичем и Р. М. Мунчаевым). «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР». Баку, 1965.
 174—175. Казбекский клад. СИЭ, т. 6. М., 1965.
 176. Камунта. СИЭ, т. 6. М., 1965.
 177. Кистрик. СИЭ, т. 7. М., 1965.
 178. Кобанская культура. СИЭ, т. 7. М., 1965.
 179. Редактура книги С. С. Черникова «Загадка золотого кургана». М., 1965.

1966 г.

180. Кавказ в древнейшей истории нашей страны. ВИ, № 5, 1966.
 181. Изучение нартского эпоса и археология. Археолого-этнографический сборник. «Известия Чечено-Ингушского НИИ», т. VII, вып. 1. Грозный, 1966.
 182. Новое в изучении древней истории Северного Кавказа. Сб. «Археологические открытия 1965 г.». М., 1966.
 183. Проблема происхождения осетин по археологическим данным. (Тезисы доклада). «Тезисы докладов научной сессии, посвященной проблеме происхождения осетинского народа». Орджоникидзе, 1966.

184. А. А. Иессен (в соавторстве с Р. М. Мунчаевым). КСИА, вып. 108, 1966.
185. Кумбулта. СИЭ, т. 8. М., 1966.
186. Майкопская культура. СИЭ, т. 8. М., 1966.
187. Три исторических ингушских сказания и предисловие (на ингушском языке). «Утро гор». Грозный, 1966.

1967 г.

188. Проблема происхождения осетин по археологическим данным. Сб. «Происхождение осетинского народа». Орджоникидзе, 1967.
189. Заключительное слово. Сб. «Происхождение осетинского народа». Орджоникидзе, 1967.
190. Возникновение и развитие первобытного строя. История Кабардино-Балкарской АССР, т. I, глава 1. Нальчик, 1967.
191. Разложение первобытнообщинного строя и зарождение классового общества. «История Кабардино-Балкарской АССР», т. I, глава 2. Нальчик, 1967.
192. Начало раннежелезного века. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. I. Грозный, 1967.
193. Поездка в Ирак. «Вестник АН СССР», № 4, 1967.
- 194—195. Предисловие к книге М. И. Пикуль «Эпоха раннего железа в Дагестане». Махачкала, 1967.
196. Об очередных задачах охраны памятников истории и культуры Северного Кавказа. Вступительное слово на зональном совещании в г. Орджоникидзе 6 июня 1967 г. (издано на правах рукописи). Центральный совет ВООПИК, 5 октября 1967.

1968 г.

197. Еще раз о местонахождении Дедякова. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968.
198. Предисловие к сб. «Славяне и Русь». М., 1968.
199. К 60-летию академика Б. А. Рыбакова. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968.
200. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (на японском языке). Токио, 1968.
201. К 60-летию Б. Б. Пиотровского. СА, № 1, 1968.
202. Несколько ингушских народных сказаний. Археолого-этнографический сборник, т. II. Грозный, 1968.
203. 10 лет работ СКАЭ в Чечено-Ингушетии. (Тезисы доклада). «Тезисы докладов на сессии Отделения истории АН СССР, посвященной итогам полевых работ 1967 г.». М., 1968.
204. Северо-Кавказская экспедиция (в соавторстве с В. Б. Виноградовым, В. И. Козенковой, В. И. Марковиным и Р. М. Мунчаевым). Сб. «Археологические открытия 1967 г.». М., 1968.
205. Нестеровский могильник. СИЭ, т. 10. М., 1968.
206. Пиотровский Б. Б. СИЭ, т. 11. М., 1968.

1969 г.

207. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры. СА, № 2, 1968.
208. О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа. «Сказания о нартах — эпос народов Кавказа». М., 1969.
209. За хозяйственное освоение Прикаспийской низменности. Сб. «Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования». М., 1969.
210. Десять лет деятельности Северо-Кавказской археологической экспедиции в Чечено-Ингушской АССР. Археолого-этнографический сборник, т. III. Грозный, 1969.
211. Задачи ВООПИК в изучении и охране археологических памятников. (Материалы семинара, май 1968 г. Центральный Совет ВООПИК). М., 1969.
212. Новые пинтадеры из Чечено-Ингушетии. Сб. «Древности Восточной Европы». М., 1969.
213. К истории Моздокской степи и Западного Прикаспия. «Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии», т. II. Орджоникидзе, 1969.
214. Доктор Франц Ганчар. СА, № 3, 1969.
215. Рутха. СИЭ, т. 12. М., 1969.
216. Средневековая Ингушетия. М., 1971.

П. У. Аутлев

Мустьерская стоянка в Губском навесе 1

Проблему изучения палеолита Северного Кавказа, в том числе Прикубанья, Е. И. Крупнов неизменно относил к первоочередным задачам, связанным с начальными ступенями истории всего северокавказского региона. Он неоднократно указывал, «что каждая новая палеолитическая стоянка, открытая в любом пункте нашей страны, увеличивает число редчайших памятников древности, выше поднимает авторитет советской исторической науки и способствует сдвигу в обычных представлениях мировой науки о древнейшем бытовании человека на Земле. Для предыстории Северного Кавказа... подобные находки будут иметь весьма крупное значение, как самые убедительные доказательства древнейшего заселения его человеком»¹. Такими находками, служащими наглядными доказательствами раннего заселения, в частности Прикубанья, в настоящее время являются 97 палеолитических местонахождений и стоянок человека древнекаменного века, обнаруженных здесь с 1925 года — года вторичного открытия знаменитой Ильской мустьерской стоянки С. Н. Замятиным². К ним относится и мустьерская стоянка в Губском навесе 1, являющаяся на сегодня третьей по счету стратиграфически выраженной стоянкой той эпохи не только в пределах Прикубанья, но и в пределах всего Северного Кавказа.

Навес 1, в котором в 1962 г. открыта мустьерская стоянка, расположен в Борисовском ущелье, в 9 км к западу от станции Баракаевской (Лабинский район Краснодарского края). В ущелье ведет хорошая дорога, проходящая по руслу р. Губс, которая в данных местах прорезала свой путь в «полосе гипсов»³ и других горных пород. На 9 км дорога подводит к месту, где ручей Лубочный с правой стороны впадает в р. Губс. Отсюда начинается и подход к интересующему нас навесу. Пройдя около 300 м вверх по руслу Губса, необходимо совершить подъем на террасовидный уступ и тогда выйдешь к изрядно протоптанной тропе, вдоль которой из-под скал пробивается родничок. Почти над этим-то родничком и расположен навес 1. Подъем к последнему можно совершить двояким путем: или от родника, держась чуть левее, поднимаясь по крутому склону, или же пройти от него метров 20 вверх по тропе, затем повернуть налево и вдоль скалистых стен, мимо одного обвалившегося навеса и «Монашеской» пещеры, выйти к навесу. Второй путь наиболее удобен.

Навес 1 находится в 20 м к западу от этой «Монашеской» мустьерской стоянки⁴. Его площадка, по новым измерениям, возвышается над уровнем Губса на 67 м, что на 2 м больше высотного расположения площадки (65 м) «Монашеской» стоянки⁵. Навес ориентирован на юг с незначительным отклонением к востоку. Выгоды этой ориентации, видимо, были учтены при выборе данной ниши палеолитическими людьми.

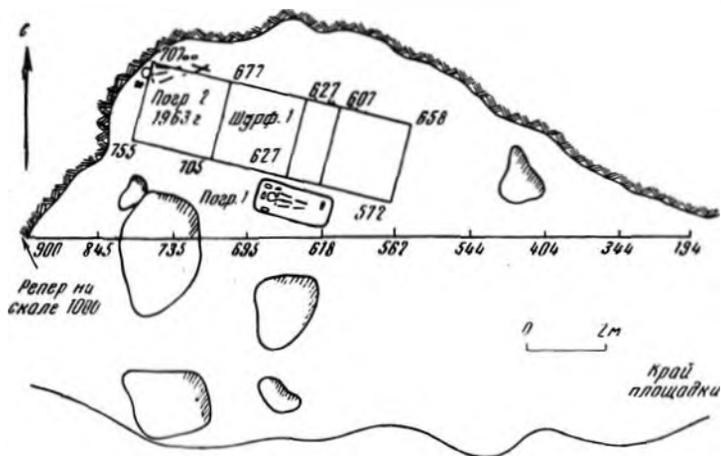

Рис. 1. План Губского навеса

Длина навеса по линии восток — запад равна 18 м, а ширина площадки — 11 м. Скала защищает от атмосферных осадков полосу площадки длиной в 14 и шириной в 6—7 м. На западной половине площадки лежат крупные глыбы известняка, упавшие сверху. На восточной же половине имеется только один крупный скальный обломок (рис. 1).

Поверхность площадки круто понижается по направлению с запада на восток, о чем свидетельствуют нивелировочные точки (от репера 1000) на рис. 1, отмеченные через каждые 2 м. Как показала шурфовка, такая покатость поверхности площадки обусловлена неровностью древнего пола навеса, также падающего с запада на восток. Падение пола, однако, не резкое, а постепенное.

При осмотре поверхности площадки было собрано около десятка кремневых сколов, по которым, однако, трудно было судить о хронологическом месте стоянки. Для выяснения этого места были заложены три шурфа размером 13 кв. м (рис. 1), ориентированных на юг — юго-восток (вышедший из строя компас и пасмурный день помешали правильной ориентации сторон шурфа).

Шурфовка показала наличие в навесе погребений VII—IX вв., двух археологических (верхний (I) — поздний палеолит, нижний (II) — мустье, рис. 2) отложений и восьми (по четыре для каждого из археологических отложений) геологических слоев. По описанию (1964 г.) геоло-

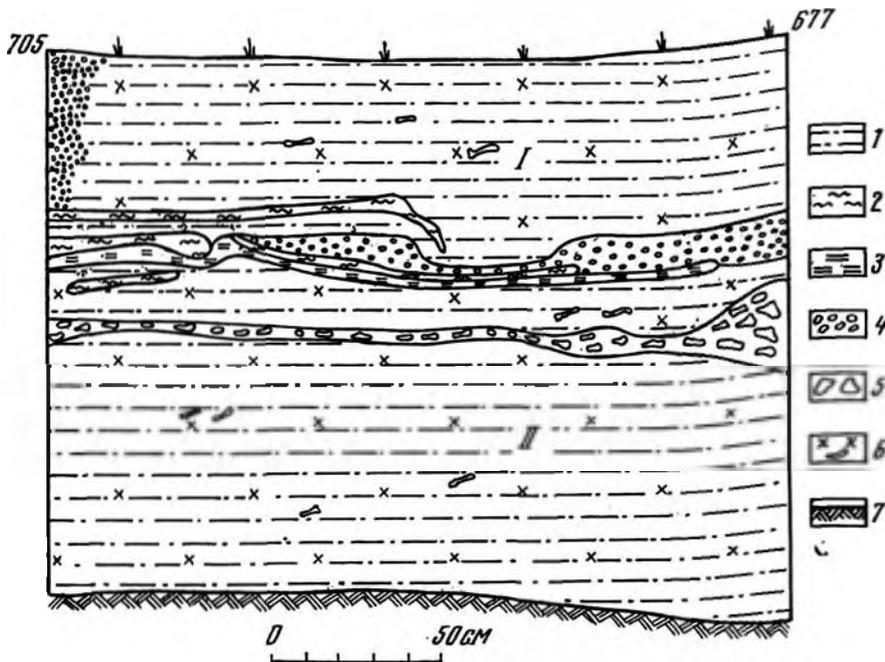

Рис. 2. Запад-северо-западная стенка шурфа № 1

1 — желтый песчаный слой; 2 — вода, щебень; 3 — обожженная глина; 4 — разложившиеся обломки скалы;
5 — крупные обломки; 6 — культурные остатки; 7 — суглинистый пол

га В. М. Муратова (юго-юго-западная стенка, линия 755—705, рис. 1), в мустьерском отложении навеса содержатся слои: I — до 116 см. Щебенка заполнителя — 40%; по простиранию в обе стороны слой переходит в обвалный с мелкими глыбами скал. Основная отличительная особенность слоя — появление красновато-коричневого оттенка. Контакт слегка заметный. Заполнитель — песок, местами — супесь; II — до 146 см. Аналогичен первому, но отличается несколько более бледной окраской и меньшими размерами щебенки. Контакт по цвету едва заметный; III — мощность 22 см. Этот слой очень похож на первый, того же цвета, отличается чуть-чуть более тонким заполнителем. Контакт четкий; IV слой содержит элювий, имеет мощность 5 см. После элювия уже следует пол навеса — плитняк известняков.

В целом, как и в «Монашеской» пещере, мустьерский культурный слой в навесе 1 в геологическом отношении «оказался связанным с горизонтом красновато-коричневых суглинков — возможным аналогом вюрмских отложений, перекрывающих карангатскую морскую террасу»⁶ средне-четвертичной эпохи. Эти красновато-коричневые или «пестро окрашенные глины и суглинки», напоминающие собой нижневалдайские (нижневюрмские) отложения, сформировались в периоды усиленного обводнения навеса в первой половине вюрма (вюрм 1), когда «климат был существенно

влажнее и мягче, чем во второй»⁷ половине вюрма. Кстати, с подобной климатологической интерпретацией отложений вполне согласуются и пыльцевые данные, обнаруженные в микрообразце суглинки из нижнего слоя навеса 1. В нем, в частности, найдено довольно много пыльцы березы — показателя влажного и прохладного климата, в условиях которого жили люди, оставившие следы своей культуры в нижнем слое навеса 1.

Кремневая коллекция из нижнего культурного слоя, вскрытого в пределах шурфа, состоит из 602 экземпляров. Среди них имеются 3 нуклеуса (рис. 3, 1, 2, 10), 24 остроконечника (рис. 3, 7—9; рис. 3, 12, 14; рис. 3, 18—20), 1 «рубильце» (рис. 3, 3), 3 скребла (рис. 3, 13; рис. 3, 21, 22), фрагменты от 2 лимасов (рис. 3, 4, 6) и 2 концевых скребка (рис. 3, 5). Один из нуклеусов (рис. 3, 10) является грубо призматическим; все скребла типологически относятся к скреблам с прямым рабочим лезвием, а многие остроконечники — к асимметричным изделиям подобного рода. От общего числа обработанных кремней остроконечники составляют 75%. В коллекции заготовок представлены ординарные отщепы (рис. 3, 17) и пластины (рис. 3, 15).

Все упомянутые изделия идентичны находкам в Губской «Монашеской пещере»⁸. Притом эта идентичность прослеживается и по такому статистическому признаку, как преобладание остроконечников (58%) над другими видами законченных вещей из слоя «Монашеской стоянки». Исключение составляет только двусторонне обработанный остроконечник-рубильце, пока отсутствующий в коллекции из шурфа пещеры. Остроконечники такого типа пока найдены на территории Прикубанья лишь в культурном слое Ильской стоянки и на Смоленском местонахождении.

Кроме того, на скальном дне шурфа было обнаружено зольное пятно размером 30×15 см с мелкими раздробленными костями и кремневыми сколами. Очевидно, оно является остатком от огня, впервые засиявшего под навесом в эпоху мустье. Заслуживает некоторого внимания и извлеченный из слоя кусок красной охры, месторождение которой встречено в окрестностях станицы Губской, в 15 км к востоку от стоянки.

Кремневые орудия из нижнего слоя навеса 1, как и аналогичные изделия из «Монашеской стоянки», датируются позднемустьерским временем. С подобной датировкой не расходятся и результаты анализа костей копытных (ближе не определимы⁹) методом прокаливания, произведенного проф. И. Г. Пидопличко.

Кости, подвергнутые анализу, были взяты с глубины более чем 1 м. Поэтому полученный средний показатель прокаливания заслуживает определенного доверия. Между средним показателем прокаливания костей из нижнего слоя навеса 1 и средним показателем (417) прокаливания костей из непо потревоженного горизонта «Монашеской пещеры» имеется разница в 19 единиц, что в какой-то степени говорит о принадлежности обеих стоянок к различным стадиям позднемустьерской эпохи. По средним показателям прокаливания костей нижний слой навеса 1 занимает промежуточное место между «Монашеской» позднемустьерской и Каменноостской раннепозднепалеолитической (показатель прокаливания 386) стоянками Прикубанья¹⁰. В этом смысле навес 1 на сегодняшний день является самой молодой мустьерской стоянкой на территории Северо-Западного

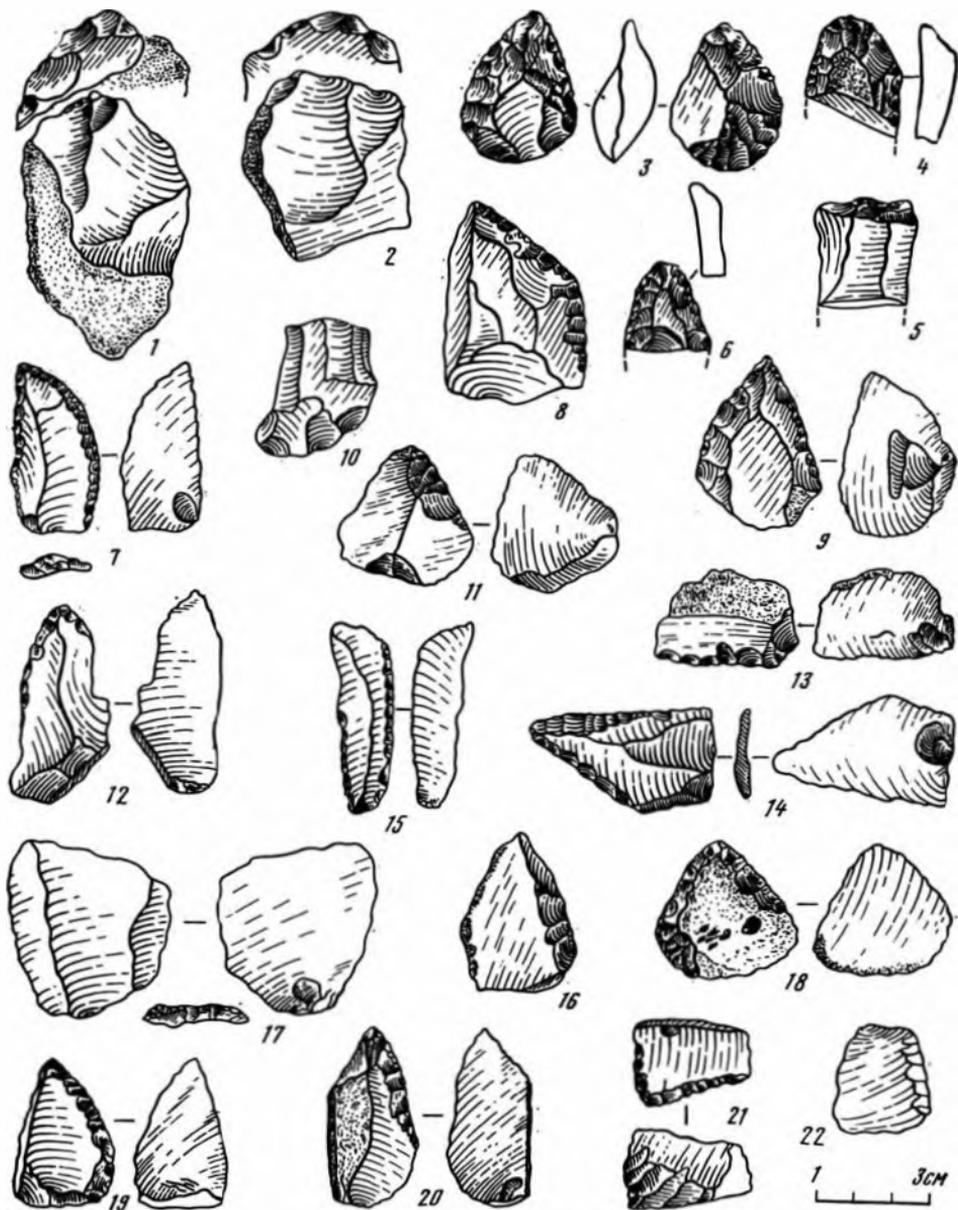

Рис. 3. Ниходки в нижнем слое Губского навеса 1 (1—22)

Кавказа (показатель прокаливания костей из Даховской пещеры — 773, из Ильской стоянки — 518)¹¹. Разумеется, полностью ручаться за бесспорность указанного хронологического места раннепалеолитической стоянки в навесе 1 по показателю прокаливания не приходится из-за того, что тот же самый коллагеновый метод определения этого места дает различные и завышенные показатели для позднепалеолитического слоя того же навеса (пк¹² — от 342 до 592 единиц), для Губского навеса 7 (пк — от 314 до 553), датированного финальным поздним палеолитом, а также

Таблица 1
Результаты анализа костей копытных

№№ п.п.	Животное	Кость	Вес пробы		Потеря (в мг)	Потеря в (%)	Показатель прокаливания
			до прока- ливания	после прока- ливания			
1	Копытное	Трубчатая	3673	2926	747	20,3	391
2	То же	То же	6301	5121	1180	18,7	434
3	Мелкое копытное	»	4407	3584	823	18,6	435
4	Копытное	»	7351	6054	1297	17,6	466
5	То же	»	3178	2537	641	20,1	395
6	»	»	4674	3427	1247	26,6	274
7	»	»	1055	842	213	20,2	395

Средний показатель прокаливания — 398.

для позднепалеолитических закавказских стоянок Сакажия, Дэвис-Хврели, Мгвимеви (пк — 580) и Гварджилас-кде (пк — 512)¹³, стоящего, как и Губский навес 7, среди памятников, завершающих поздний палеолит Кавказа.

В заключение следует отметить некоторые особенности позднемустьерской стоянки в навесе 1. В отличие от «Монашеской стоянки» здесь, во-первых, очень мало нуклеусов (3 экз.) и относительно много готовых кремневых орудий. Это говорит о том, что в данном навесе находился сезонный лагерь мустьерцев, которые почти не занимались техникой отщепления от нуклеусов, а были заняты в основном производством орудий из доставляемых откуда-то заготовок. Во-вторых, сравнительно с костями, изъятыми из непо потревоженного горизонта «Монашеской пещеры», кости из нижнего слоя навеса 1 расколоты до мельчайших кусков и по серовато-желтой окраске отличаются от костей «Монашеской стоянки», имеющих коричневый цвет. В-третьих, мустьерский слой навеса 1 характеризуется значительной рыхлостью, тогда как непо потревоженный слой «Монашеской стоянки» является сильно уплотненным. Последние два обстоятельства, очевидно, объясняются также меньшей древностью мустьерской стоянки в навесе 1 по сравнению со стоянкой в «Монашеской пещере».

Открытая в результате археологических разведок Адыгейского научно-исследовательского института новая мустьерская стоянка в Губском навесе 1, несомненно, заполняет один из пробелов в наших знаниях по истории заселения Прикубанья поздними палеоантропами.

- ¹ *Е. И. Крупнов*. Древнейший период истории Кабарды. «Сборник по истории Кабарды», вып. 1. Нальчик, 1951, стр. 25; он же. Основные проблемы древней истории и археологии Кабарды. «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. IV. Нальчик, 1948, стр. 98; он же. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 24.
- ² Раскопки Ильской стоянки. «Наука и техника», 1928, № 25, стр. 12.
- ³ *М. А. Зубашенко*. Карстовые явления в верхнеюрских гипсах на северном склоне Западного Кавказа. «Известия Воронежского государственного педагогического института», т. IV. Воронеж, 1938, стр. 118.
- ⁴ *П. У. Аутлев*. Губская палеолитическая стоянка. СА, 1964, № 4 стр. 172—176.
- ⁵ *В. М. Муратов*. Палеогеографические условия палеолитических стоянок Северного Кавказа. Сб. «Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР». М., 1969, стр. 171, рис. 55.
- ⁶ *А. А. Величко, И. К. Иванова, В. М. Муратов*. Геологическая история Русской равнины, Крыма и Кавказа в плейстоцене и возраст палеолитических культур. Сб. «Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР», стр. 36
- ⁷ *Э. О. Фриденберг*. Методика палеогеографического анализа пещер и пещерных отложений (на примере палеолитических пещер Западного Кавказа). Автореф. канд. дисс. М., 1970, стр. 12.
- ⁸ *П. У. Аутлев*. Губская палеолитическая стоянка, стр. 172—176.
- ⁹ Из мустьерского слоя навеса 1, как стало известно благодаря посредничеству В. П. Любина, происходит и одна орнитологическая вещь. По определению палеонтолога Н. И. Бурчак-Абрамовича, это дистальный конец правой плечевой кости альпийской галки — *Puŕthosaŕaŕa graculus*. В данном случае мы имеем дело с первой находкой палеоавиофауны в мустье Северного Кавказа. По наблюдениям, произведенным орнитологами
- (*Ю. В. Аверин* и *В. А. Насимович*. Птицы горной части Северо-Западного Кавказа. «Труды Кавказского государственного заповедника», вып. I. М., 1938, стр. 12, 16) на территории Кавказского заповедника и в его окрестностях, современные альпийские галки гнездятся исключительно в поясе альпийских лугов и субнивальной полосе (от 1900—2000 м и выше над уровнем моря). В частности, ими изучены альпийские галки с гор Тхач (выше 2330 м), Ачешбок (выше 2430 м) и Бамбака, но где они зимуют в пределах заповедника, — установлено лишь недавно. Как любезно сообщил нам кандидат биологических наук П. А. Мерц (Адыгейский пединститут), зимой альпийские галки спускаются в районы с высотными отметками 1600—1500 м и ниже, вплоть до предгорий. Кстати сказать, в Северной Осетии и Ингушетии они зимуют почти на тех же высотах — от 900 до 1800 м (*А. Б. Беме*. Птицы Северной Осетии и Ингушетии. «Ученые записки Северо-Кавказского института краеведения», т. I. Владикавказ, 1926, стр. 258). Если учесть, что Губский навес 1 расположен в высотной зоне от 600—1000 до 1735 м (г. Кизинчи), то из появления здесь в позднемустьерское время альпийской галки трудно сделать какие-либо выводы о резком, по сравнению с современной эпохой, изменении климата в сторону похолодания. Одним словом, современная альпийская галка, перекочевывающая из одной высотной зоны в другую, может служить индикатором лишь такого климата в мустье Прикубанья, какой мы наблюдаем сейчас в этой области страны.
- ¹⁰ *А. А. Формозов*. Каменный век и энеолит Прикубанья М., 1965, стр. 48.
- ¹¹ Так же, стр. 32.
- ¹² Здесь и всюду пк — показатель прокаливания костей.
- ¹³ *Н. К. Верещагин*. Млекопитающие Кавказа. История формирования фауны. М.—Л., 1959, стр. 240.

Об изображении мамонта с Каменной Могилы

В первой публикации богатейшего и хронологически неоднородного комплекса изображений Каменной Могилы в Приазовье, подготовленной еще в предвоенные годы, древнейшая группа их, локализованная в Первом гроте, занимающем господствующее положение на холме, была отнесена нами ко времени позднекаспийских памятников стран Средиземноморья, другими словами, — к финальному палеолиту и эпипалеолиту¹. Эта датировка была подтверждена обнаруженным в гроте своеобразным изображением мамонта². Того же мнения придерживается и В. Н. Даниленко³. Против подобной интерпретации и против столь ранней датировки выступил ряд авторов. Одним из них был Б. Ф. Земляков, опубликовавший специальную статью⁴. Он рассматривал упомянутое изображение мамонта как фигуру быка.

Среди аргументов, приводимых автором в пользу своего мнения, впечатление наиболее объективного и основательного аргумента производит указание на «слабовыраженную дугообразно изогнутую борозду, пересекающую голову» изображения. Ссылка на эту борозду как бы подводит фактическую базу под гипотезу автора, но сделана она на основании знакомства с плохой фотографией с гипсового слепка изображения и даже не с самим слепком, хранящимся в Антропологическом музее Московского университета⁵.

На самом деле никаких следов борозды на оригинале не существует, в чем легко можно убедиться, взглянув на гипсовый слепок изображения. Поэтому и я не указал ее в своем предварительном описании, которым пользовался автор. Надо думать, что последнего ввела в заблуждение слабая игра света и тени на малоудовлетворительном отпечатке с полевого негатива в моем предварительном отчете. Таким образом, внутри контуров фигуры мамонта, указанных автором на его схеме⁶, дорисовано то, чего там на самом деле нет. В то же время ссылка на несуществующую борозду⁷ серьезно дезориентирует читателя.

Положение наклоненной головы быка, как это изображено на схемах Б. Ф. Землякова⁸, совершенно неестественно: при простом, даже очень крутом наклоне головы последняя не может быть совсем поглощена контурами шеи, она должна быть так или иначе выражена в профиле. В случае поворота головы на 90°, т. е. лбом к зрителю, как это показано на упомянутых схемах, рога должны иметь совершенно иной изгиб и положение. Быки и бизоны с повернутой головой не раз встречены среди древнейших произведений искусства. Но в этих случаях голова, повернутая обычно на 180° (см. пещеры Altamira, Bruniquel и др.), изображена существенно иначе, чем это сделано автором. Кроме того, при повороте головы на 180° рога быка должны занять положение прямо противоположное тому, которое дано на указанных схемах.

Итак, вариант с поворотом бычьей головы не может быть принят, но, быть может, перед нами просто плохое изображение быка?

Рис. 1. Изображение мамонта (длина фигуры 65 см)

Не повторяя общего описания фигуры, отмечу лишь некоторые ее особенности. Так, эта фигура в два раза крупнее, чем все прочие фигуры животных на том же потолке, выполненные в более или менее одинаковом масштабе. Несмотря на общее сходство пропорций интересующей нас фигуры и фигур быков на том же потолке, на чем настаивает автор, это сходство нельзя принимать безоговорочно. Траптовка ног не имеет существенных различий только в измененном автором на его схемах соотношении масштабов.

В связи с незначительной величиной бычьих фигур (несколько более 30 см) толщина их ног соответствует ширине того каменного орудия, которым они протерты на поверхности песчаника⁹, поэтому они относительно толсты. В крупной же фигуре мамонта (длиной 65 см) ноги сделаны намеренно толстыми: они даны тремя смежными желобками от движения аналогичного орудия, хотя для пропорций фигуры быка было бы достаточно и одного. Этот признак очень важен. Задние ноги в их средней части несколько перегнуты назад, а не вперед, как у быка, что соответствует сгибу на ноге слона. Таким образом, автор неправ, говоря, что вывод о принадлежности фигуры мамонту мы основываем только на форме головы.

Что касается этой последней, то траптовка ее, действительно, наиболее интересна¹⁰. Близкая траптовка рогов и бивней в известной мере вытекает из материала (камень) и техники (глубокий врез), но она все же не вполне одинакова (рис. 1). Бивни мамонта относительно крупнее, изогнуты на концах и совершенно иначе направлены. Далее, на изображении отсутствует морда. Ее заменяет тонкая, направленная вперед черта. Принять ее за стилизованную морду невозможно, так как подобная стилизация невероятна при совершенно иной передаче всей фигуры и при

непосредственном соседстве целого ряда бычьих фигур, на которых морда и прочие детали переданы достаточно реалистически. Кроме того, если указанную черту принять за морду быка, получается острый, совершенно невероятный угол между этой последней и рогами.

Объяснение рассматриваемой черты как уха следует считать просто неудачным, так же как и первоначальную трактовку рогов: эта черта одинаково резко прочерчена и имеет вполне законченный характер. Наконец, нет серьезных оснований и для категорического заявления о том, что «изображение мамонта входит в общую композицию, причем его фигура оказывается возглавляющей вершину весьма реалистически изображенных быков». Фигура мамонта находится на обвалившейся с потолка плите, и ее первоначальное положение по отношению к другим фигурам не устанавливается точно.

Вот те соображения, которые заставляют нас считать более вероятным определение этой фигуры как фигуры не быка, а мамонта. К этому мнению еще в 30-е годы присоединились палеонтологи В. И. Громов, И. Г. Пидопличко, археологи П. П. Ефименко, В. А. Городцов, проф. Хрдличка (Вашингтон) и многие другие.

В 50-е и 60-е годы некоторые киевские археологи высказали в печати мнения, подтверждающие точку зрения Б. Ф. Землякова.

Так, М. Я. Рудинский, выполнивший в послевоенные годы детальное исследование изображений на Каменной Могиле¹¹ и опубликовавший их в специальной книге¹², рассматривает крупнейшую фигуру петроглифов Каменной Могилы, вслед за Б. Ф. Земляковым, как фигуру быка, датирует ее вместе с другими рисунками того же грота последними тысячами летиями до нашей эры, рассматривает эти рисунки в целом как отражение скотоводческой или земледельческо-скотоводческой формы хозяйства, объединяет их предпочтительно с культурными комплексами бронзового века и подразделяет на две хронологические группы: более раннюю — эпоху быка и более позднюю — эпоху коня. Существенно важных новых аргументов в пользу своей датировки М. Я. Рудинский не приводит. Его основной тезис — хронологическая однослойность изображений в гротах и на плитах Каменной Могилы; он считает возможным поставить их в связь с европейскими памятниками эпохи мегалитов. Ранний возраст древнейшей части изображений отрицает и А. Гейслер. Многие мотивы изображений Каменной Могилы он связывает с культурой мегалитов¹³.

Сперва точку зрения О. Н. Бадера и В. Н. Даниленко в датировке изобразительного комплекса Каменной Могилы поддержал А. А. Формозов¹⁴, но аргументы М. Я. Рудинского заставили его изменить свою точку зрения¹⁵. Теперь он датирует петроглифы Каменной Могилы «в основном периодом неолита и ранней бронзы»¹⁶. В тоже время А. А. Формозов указывает, что ни на одном памятнике III — начала II тыс. до н. э. в Причерноморье не встречено силуэтов животных подобных тем, которые нанесены на стены и потолок пещер Каменной Могилы. Их трудно связать с бронзовым веком. Он справедливо подчеркивает особенности топографии древнейшей, реалистической группы рисунков: «изображения сделаны на потолках гротов, т. е. так же, как и палеолитические гравировки и росписи Франции и Испании. Техника нанесе-

ния этих изображений на скалы — углубление всего силуэта при помощи протирания камня — напоминает о раннем пласте рисунков Кобыстана¹⁷. Все это, как нам кажется, дает право считать изображения животных Каменной Могилы более древними, чем рисунки повозок, стоп и т. д.»¹⁸. Но палеолитический возраст этих изображений автор отрицает на том основании, что «фигуры быков и оленей статичны и крайне далеки от полных жизни образов палеолитического искусства»¹⁹ и что со времен палеолита изображения на сравнительно непрочном песчанике вряд ли могли сохраниться.

Здесь нужно еще раз напомнить, что статичность фигур в существенной мере зависит от техники нанесения изображений. Кроме того, фигуры животных далеко не статичны, что хорошо прослеживается по некоторым фигурам быков и антилоп²⁰, в них не меньше экспрессии, чем в палеолитических рисунках.

Более широкого и, с нашей точки зрения, более правильного взгляда на хронологический диапазон изображений Каменной Могилы придерживается В. М. Гладилин. Он датирует их временем от мезолита до скифов и древнейшую группу реалистических изображений животных в гроте монмта, выделенную нами в предвоенные годы, относит к эпохе мезолита — раннего неолита²¹.

Наиболее крупную фигуру он определяет как изображение быка, хотя и отмечает, что ее определение продолжает оставаться дискуссионным. Проводя аналогии с палеолитическими изображениями, он согласен с магической принадлежностью сопутствующих некоторым фигурам углублений и линий, справедливо связывая их с охотничьей магией. Как и А. А. Формозов, он сближает эту группу изображений Каменной Могилы с рисунками под навесами Зараут Камар в Узбекистане²². При рассмотрении вопроса о времени реалистических фигур животных нашего памятника В. М. Гладилин указывает на отсутствие среди них фигур бизонов, что было бы характерно для палеолита. Это соображение представляется существенным.

В связи с этим необходимо вспомнить определение большей части фигур, данное нашим известным палеонтологом В. И. Громовым: «Если наше предположение о том, — пишет он, — что на рисунках изображены туры, правильно, то возраст рисунков можно было бы предположительно отнести к эпипалеолиту (азиль-тарденуаз) в связи с особенным распространением этих животных на данной территории именно в позднечетвертичное время»²³. Следовательно, время у грани плейстоцена и голоцена, палеолита и мезолита с этой точки зрения вполне допустимо.

Необходимо указать, что весьма своеобразно переданную фигуру монмта с Каменной Могилы было бы неправильно сравнивать только с классическими изображениями французских стоянок, отделенных от Приазовья огромным пространством. В верхнем палеолите мы уже имеем дело с достаточно ясно выраженными особенностями материальной культуры на различных территориях, с особенностями, позволяющими говорить о различных вариантах развития верхнепалеонтологического общества и его культуры. Таковы так называемые атлантический и средиземноморский варианты верхнепалеолитической культуры. Особенности, отличающие эти

области, не ограничиваются лишь инвентарем кремневых орудий, они наблюдаются во многом, в том числе и в произведениях искусства. Так, в областях Средиземноморья отсутствуют изображения животных, выполненные с тем поразительным реализмом, какой мы имеем во Франции и некоторых примыкающих к ней областях; произведения первобытного искусства несут здесь черты сильной стилизации и даже геометризации²⁴. Некоторые особенности палеолитических стоянок на берегах Черного моря дают основание все наше Причерноморье сближать с средиземноморским вариантом верхнего палеолита в Европе. Поэтому мы не имеем оснований ожидать здесь произведений искусства, близких классическим образцам Франции.

Изображения мамонтов из палеолитических памятников различных областей Евразии по манере исполнения далеко не одинаковы. Прекрасно выполненные рисунки мамонтов в пещере Шульган-Таш на Урале и гравировка из Мальтинской стоянки в Восточной Сибири (рис. 2, фиг. 1—3) говорят о близости изображений этого рода с территории северной половины СССР классическим изображениям Франции. Эти последние, однако, далеко не стандартны. Наряду с фигурами, похожими на уральские и мальтинские, мы знаем здесь многие другие и, между ними, изображения с высоко поднятыми бивнями (например, из Комбарель, рис. 2, фиг. 7), в данном случае для нас особенно интересные.

Для Испании существует уже несколько иная манера изображений, что видно, например, по известным фигурам из Кастильо и Пиндаль (рис. 2, фиг. 6, 8). Интересно, что эти изображения из всех палеолитических рисунков наиболее близки бушменским изображениям слонов, образы которых мы также позволили себе привести на нашей таблице (рис. 2, фиг. 9, 10).

Можно предполагать существование особой, возможно причерноморской, или, скорее, восточносредиземноморской области в палеолитическом искусстве, несущей черты известного своеобразия в отличие от областей западноредиземноморской и атлантической. Это подтверждается малоизвестным изображением мамонта из Озаринец бывшей Каменец-Подольской губернии, найденным в 1912 г. и опубликованным М. Рудинским одновременно в нескольких изданиях в 1930 г. На нашей таблице изображение из Озаринец скорректировано с фотографии 1940 г., любезно предоставленной нам С. Н. Бибиковым (рис. 2, фиг. 4).

Эта находка, наиболее близкая находке в Каменной Могиле территориально, обнаруживает с нею и наибольшие черты сходства. Перед нами те же, что и на изображениях Каменной Могилы, вытянутые пропорции тела (рис. 2, фиг. 4 и 5) и поднятые кверху бивни. Говоря о сходстве этих изображений, необходимо учесть, что относительная грубость выполнения фигуры из Каменной Могилы объясняется техникой и материалом: она протерта в камне грубым каменным орудием, тогда как фигура из Озаринец тонко выгравирована на куске мамонтового бивня.

Несомненная близость голоцену или даже принадлежность к началу голоцена древнейшей группы изображений Каменной Могилы позволяет выдвинуть предположение о том, что интересующая нас здесь крупнейшая фигура должна была, по сохранившейся традиции, изображать ле-

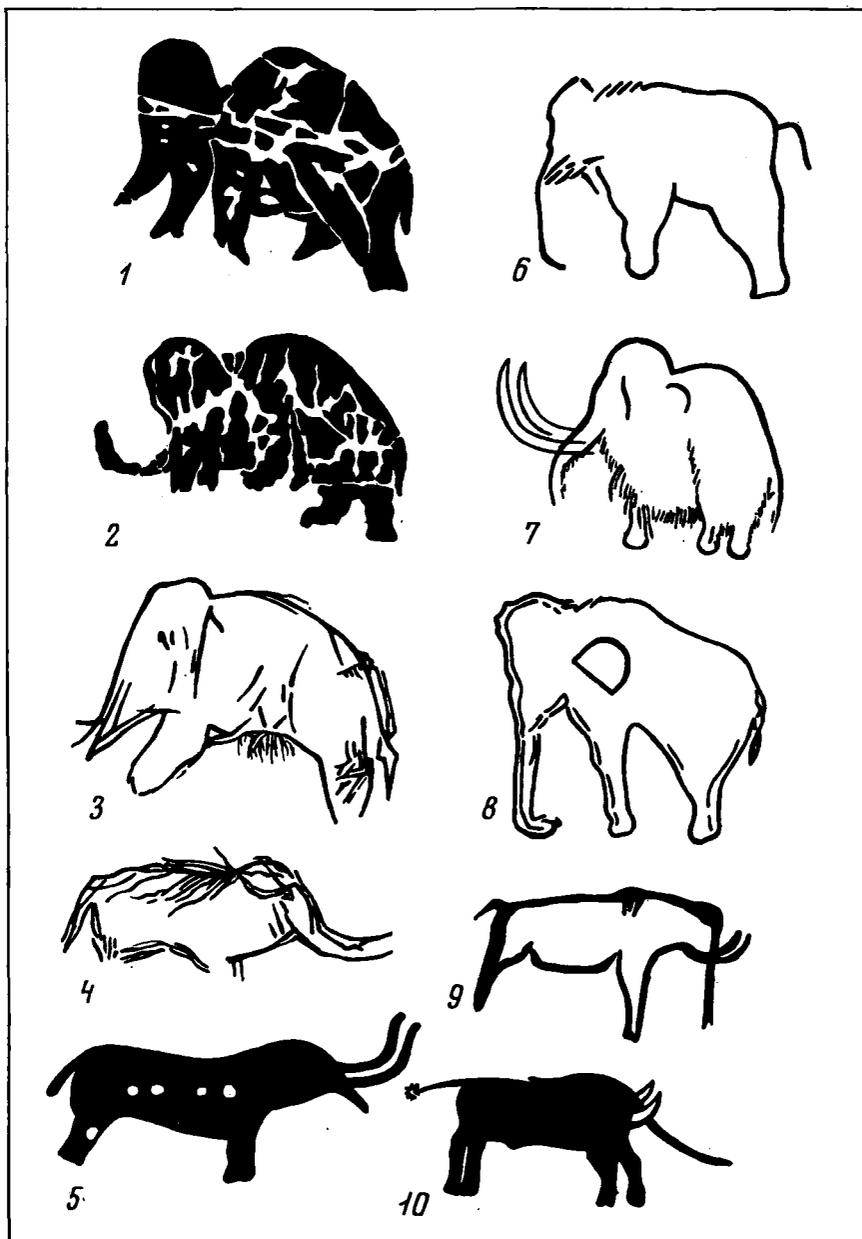

Рис. 2. Сравнительная таблица изображений мамонтов и слонов

1, 2 — пещера Шульган-Таш (Каповая, Урал); 3 — Мальтинская стоянка (Восточная Сибирь); 4 — Озаринцы (Южная Украина); 5 — Каменная Могилка (Южная Украина); 6 — Кастильо (Испания); 7 — Комбарель (Франция); 8 — Пиндаль (Испания); 9, 10 — рисунки бушменов (Африка)

гендарного зверя-мамонта в то время, когда он уже вымер в Приазовье, но еще жил в преданиях.

Всю группу реалистических изображений Первого, или Мамонтового, грота Каменной Могилы вместе с рассмотренной здесь фигурой мамонта следует относить к начальному этапу мезолита.

- ¹ О. Н. Бадер. Древние изображения на потолках гротов в Приазовье. «Палеолит и неолит СССР». МИА, № 2, 1941—1945, стр. 138.
- ² О. М. Бадер. Петрогліфи Кам'яної Могили. «Палеоліт і неоліт України», т. I. Київ, 1941—1947, стр. 310.
- ³ В. М. Даниленко. Про наскельні зображення Кам'яної Могили. «Археологія», т. IV. Київ, 1950 стр. 78—90.
- ⁴ Б. Ф. Земляков. Об изображении мамонта из «Мамонтова Грота» Каменной Могилы на Мелитопольщине. КСИИМК. вып. II, 1939.
- ⁵ Ссылка в статье Б. Ф. Землякова на мой отчет, опубликованный в 1937 г., является неверной.
- ⁶ Б. Ф. Земляков. Об изображении мамонта..., рис. 76.
- ⁷ Не существует и глаз, данный на рис. 76, вероятно, условно.
- ⁸ Б. Ф. Земляков. Об изображении мамонта..., рис. 76 и 86.
- ⁹ О. Н. Бадер. Древние изображения на потолках гротов в Приазовье.
- ¹⁰ Здесь нельзя не отметить, что схема Б. Ф. Землякова не точно передает изображение. Так, например, нарушены пропорции массы тела и бивней: на схеме длина бивней более чем в три раза меньше длины туловища от основания бивней, тогда как на самом деле бивни заметно крупнее, будучи лишь в 2,5 раза короче туловища, и т. п.
- ¹¹ М. Я. Рудинский. Каменная Могилка. КСИА АН УССР, вып. 1, 1952; он же. Каменная Могилка. КСИА АН УССР; вып. 2, 1953; он же. К вопросу о наскальных изображениях Каменной Могилы. КСИА АН УССР, вып. 5, 1955; он же. Петроглифический комплекс Каменной Могилы. КСИА АН УССР, вып. 7, 1957.
- ¹² М. Я. Рудинский. Кам'яна Могила. Київ, 1961.
- ¹³ Alexander Häusler. Die Felszeichnungen Der Kamennaja Mogila bei Melitopol und die megalithischen Einflüsse in Südrussland. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin Luther-Universität. Halle—Wittenberg, VII/2, 1958. Der selbe. Südussische und nordkaukasische Petroglyphen. Там же, XII/11, 1963.
- ¹⁴ А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 91—93.
- ¹⁵ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 126.
- ¹⁶ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, стр. 140.
- ¹⁷ Ранний пласт рисунков Кобыстана относится к мезолиту.
- ¹⁸ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству, стр. 138, 139.
- ¹⁹ Там же, стр. 140.
- ²⁰ О. Н. Бадер. Древние изображения на потолках гротов в Приазовье, рис. 2 (левая фигура) и рис. 3 (средняя фигура).
- ²¹ В. М. Гладилін. К датировке наскальных изображений Каменной Могилы. «Археологія», т. XVI. Киев, 1964; Wladislav Gladilin. Die Felsbilder der Kamennaja Mogila in der Ukraine. «Jahrbuch für prähistorische und ethnografische Kunst (JPEK)», Bd. 22. Berlin, 1969.
- ²² А. А. Формозов. The rock paintings of Zaraut-Kamar, Uzbekistan. «Rivista di Scienze Preistoriche», Vol. XX, fasc. 1 Firenze, 1965.
- ²³ О. Н. Бадер. Древние изображения на потолках гротов в Приазовье, стр. 138, 139.
- ²⁴ P. Craziosi. Die Kunst der Altsteinzeit. Florenz, 1956.

Гарпуны грота Хупынипшахва

Для мезолита достаточно характерную категорию костяных орудий представляют гарпуны. Их возникновение связано с более совершенными формами эксплуатации водных ресурсов. Рыбу раньше глушили камнем, дубинкой, копьем, но тогда, по-видимому, не было отработанных приемов вылавливания рыбы из воды, не существовало как отрасли рыболовства, а имелась лишь охота на рыбу, она-то и заставила усовершенствовать копьё, снабдив его отделяющимся от древка наконечником. Подвижную связь с древком обеспечивал «линь», изготовлявшийся из жилы зверя или из растительных волокон. Так был изобретен гарпун. Раненная гарпуном рыба уходила в глубину, а охотник (рыболов) «водил» рыбу до тех пор, пока, обессилев, она не становилась его добычей.

В дальнейшем гарпун был усовершенствован: при ремонте сломанного конца гарпуна приходилось укорачивать орудие, отверстие для привязывания «линя» оказывалось ближе к середине длины орудия. Это давало большие преимущества — гарпун при натягивании «линя» принимал перпендикулярное положение, и рыба уже не могла сорваться с него. Так гарпун из простого «бородчатого» превратился в более совершенный «поворотный»¹.

В гроте Хупынипшахва материалом для гарпунов служил рог благородного оленя. Расколов его вдоль, выбирали широкий овальный отщеп и, очистив от ноздреватой внутренней части, намечали резцом или резчиком-наметчиком места будущих зубцов, делали между ними, при помощи кремневой пилаки и реза, глубокие врезы, формирующие направленные назад треугольные зубцы. На противоположных концах орудия делались треугольное острие и базальная часть в форме широкой овальной лопатки, служившей для защемления в слегка расколоте конце древка. В середине лопатки прорезалось насквозь отверстие — «гнездо» чечевицеобразной формы. После этого оставалось только отшлифовать поверхность гарпуна, особенно его зубья. Иногда на плоскую «верхнюю» щеку гарпуна наносился орнамент. Нижняя щека не поддавалась шлифовке, так как представляла внутреннюю ноздреватую часть рога. Ограничивались более или менее тщательным ее сглаживанием.

В гроте Хупынипшахва найдены целые и сломанные гарпуны (10 экз.). Опишем наиболее хорошо сохранившиеся предметы, происходящие из слоя Б—2 на площадке перед гротом.

Бородчатый гарпун с двусторонне симметрично расположенными двумя парами бородок, со сравнительно узкой лопаткой в базальной части (рис. 1, 1). Все орудие было подвергнуто «задымлению», поэтому оно имеет черный цвет. Кроме того, спинка до блеска отполирована и орнаментирована прямыми линиями. Все это придавало орудию нарядный вид. Длина орудия 10 см, наибольшая ширина 2,5 см, толщина 0,7 см.

Бородчатый гарпун с двусторонним (по два с каждой стороны) несимметричным расположением бородок (рис. 1, 2). Базальная часть имеет

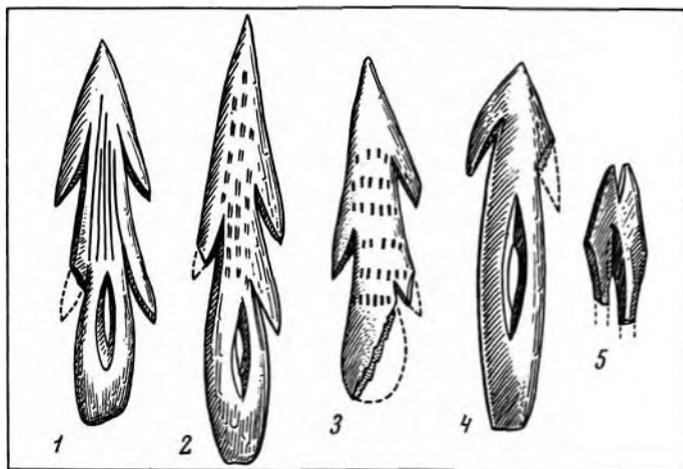

Рис. 1. Гарпуны (1—5)

вид широкой и длинной овальных очертаний лопатки, в середине которой имеется ромбовидное «гнездо». Грани орудия подкруглены. Цвет желтовато-коричневый. Спинка была хорошо сглажена и орнаментирована рядами черточек. Ближайшая к концу орудия бородка была сломана; следы излома выровнены; в настоящем своем виде орудие имеет три зубца. Длина 11,5 см, наибольшая ширина 2,2 см, толщина 0,7 см.

Бородчатый гарпун с двусторонним несимметричным расположением бородок (рис. 1, 3). Базальная часть имеет вид широкой, удлинненно-округлой лопатки, не сохранившейся полностью, что мешает с уверенностью сказать, было ли здесь «гнездо» для прикрепления «линя». Боковые фаски орудия не подкруглены. Спинка светло-коричневого цвета и сглажена до легкого блеска, орнаментирована рядом черточек. Длина 9 см, наибольшая ширина 2 см, толщина 0,7 см.

Поворотный гарпун с двумя бородками, боковые фасетки тулова слегка подкруглены (рис. 1, 4). Базальная часть в виде сравнительно узкой и длинной лопатки субовальных очертаний с прямо срезанным концом. Длинное, чечевицеобразное «гнездо» расположено посредине орудия в его современной форме. Большая половина базальной части, быть может, указывает на то, что гарпун был задуман как поворотный. Длина 0,5 см, наибольшая ширина 2 см, толщина 0,7 см.

Следующий гарпун интересен тем, что лопатка на базальном конце была превращена в наконечник, который имел узкий прорез для вставки кремневого «копьеца» (рис. 1, 5). Бородки отсутствовали. Прорезанное чечевицеобразное «гнездо» уцелело наполовину. Отсутствие бородок позволяет истолковать этот предмет как попытку сделать костяную удочку. Длина 4 см, наибольшая ширина 1,5 см, толщина 0,8 см.

Полных аналогий гарпунам грота Хупынипшахва на Кавказе мы не имеем и, быть может, только потому, что здесь пока еще найдено их

очень мало и в обломках. Две находки, происходящие из Имеретии, принадлежат, по-видимому, гарпунам азильского типа. Они плоские и сделаны были из рога благородного оленя. Сломанный гарпун из неолитического слоя пещеры Сагварджиле сходен с гарпунами из грота Хупынипшахва, но этот гарпун, по-видимому, был однорядным². Конец сломанного гарпуна из пещеры Гварджилас-кда, опубликованный С. Н. Замятниным, принадлежит двухрядному гарпуну. В отличие от абхазских гарпунов, он более глубоко рассечен врезам³.

Гарпун Новочеркасского музея, найденный в районе станицы Елизаветовской Ростовской области в старице р. Дона, связан условиями находки с поймой реки и, очевидно, относится к неолитическому времени или к эпохе бронзы⁴. Своей плоской формой и очертаниями зубцов он не отличается от гарпунов грота Хупынипшахва, но способ прикрепления иной, напоминающий гарпуны мадленской эпохи: привязывание «линя» к шишечке, завершающей базальную часть орудия. Эта особенность показывает, как долго держалась в Северном Причерноморье мадленская традиция оформления гарпунов. Полностью в этой традиции были изготовлены крымские мезолитические гарпуны из гротов Мурзак-коба⁵ и Виноградного, а также, по-видимому, неолитический гарпун сурской культуры из Надпорожья, у которого отсутствует базальная часть⁶.

К типу азильских гарпунов приближается гарпун со стоянки Молодова V. Он прикреплялся к «линю» посредством небольшого просверленного отверстия в широкой обрубленной на конце лопатке. Подобную обрубленную на конце лопатку имеет и один гарпун из нашей коллекции. Гарпун Молодова V — двухрядный, бородчатый, симметричный, но по форме зубцов не сходен как с гарпунами из грота Хупынипшахва, так и с типичными азильскими гарпунами Франции⁷. Зато с этими последними гарпуны грота Хупынипшахва связаны поразительным сходством.

М. В. Томпсон делит азильские гарпуны на четыре класса⁸:

1 — гарпуны без отверстий для прикрепления «линя». Последний крепился к выемке, отделявшей тело наконечника от треугольной или овальной базы; 2 — просверленные однорядовые и двухрядовые гарпуны, часто с квадратными зубцами (бородками), иногда с различными черешками. Бока ромбовидного основания (базы) могут быть выпуклыми. Этот класс можно разделить на две группы: а) с отверстием на центральной оси и б) с отверстием вне центральной оси; 3 — просверленные однорядовые длинные гарпуны. Зубцы обычно квадратные, основание короткое; отверстие сделано на уровне нижнего зубца. Отверстие всегда вырезано, а не просверлено; 4 — просверленные гарпуны — классическая азильская группа. Овальные или копьевидные по форме, почти всегда двухрядовые. Обычно нижние два зубца не расположены один против другого, так что основание (база) асимметрично. Чем короче гарпун, тем выше по черешку расположено отверстие, которое почти неизменно выполнено в форме петли.

Наконечники гарпунов второго класса иногда находят в одном слое с мадленскими наконечниками; они являются более ранней формой гарпунов, чем классические азильские. Поэтому их иногда называют «протоазильскими».

Наконечники гарпунов третьего класса хронологически занимают место между гарпунами второго и четвертого классов.

В четвертом классе среди категории гарпунов классического азильского типа можно заметить тенденцию к постепенному укорачиванию орудия, у которого отверстие перемещается ближе к его середине⁹. Финальная форма гарпунов этого типа — овалы пластины из рогов оленя, просверленные посредине, с двумя или тремя зубцами.

Как известно, гарпуны азильского типа, в широком понимании этого слова, встречаются в трех районах: на северном побережье Испании, во Франции (в центральной части северного склона Пиренеев) и в Южной Франции (к северу от р. Гарроны). Основное место находок классических азильских гарпунов — Пиренеи, реже — бассейн р. Гарроны. В этих двух районах и отмечаются наиболее близкие аналогии абхазским гарпунам. Сравнительно небольшие и укороченные формы последних, наличие среди них «поворотных» гарпунов позволяют поставить их морфологически в сравнение с более развитыми формами типичных азильских гарпунов Франции. При этом наибольшее сходство с абхазскими гарпунами (своей стройностью и более удаленным от середины орудия положением отверстия) имеют гарпуны из Пиренеев. Наряду с большим сходством можно указать на некоторые особенности, отличающие их от абхазских гарпунов. В Абхазии чаще наблюдаются гарпуны с симметрично расположенными зубцами. Зубцы никогда не бывают здесь «квадратными», они более длинные и вытянутые, отверстие для «линя» не просверлено, а вырезано и имеет удлинненную петлеобразную форму. Наконец, форма абхазских гарпунов более выработанная, изящная. Их поверхность часто покрыта орнаментом.

Указанные различия не снимают вопроса о большом сходстве гарпунов Абхазии и Франции, разделенных по Европейскому континенту обширной областью пережиточного бытования гарпунов мадленской формы.

Некоторую роль здесь могут играть природные различия указанных областей: для изготовления мадленских гарпунов употреблялись рога северного оленя, который никогда не обитал в Закавказье. Для азильских орудий больше подходили рога благородного оленя, обитавшего и в Закавказье, и на юге Франции, хотя, как известно, северный олень заходил далеко к югу. Важную роль в выборе стандарта для изделий играла традиция. Если допустить роль заимствования, то важно учесть, что первые азильские формы гарпунов в гроте Хупынипшаха появились еще в слое В, который, как увидим дальше, отразил похолодание, соответствующее во Франции «верхнему дриасу». В последующую эпоху «Иолдиевого моря», отвечающую слою Б нашего грота, во Франции и в Абхазии одновременно протекает дальнейшая эволюция азильских гарпунов, при этом хронологический приоритет остается за Кавказом.

Все же приведенные доводы лишь устанавливают факт неравномерного хода исторического процесса, но не разрешают загадки существования столь близких форм костяных орудий в Южной Франции и в Закавказье. Объяснить сходство этих гарпунов прямым культурным воздействием Кавказа на Францию у нас нет никаких оснований. Может быть, в разрешении этого вопроса нам поможет версия о том, что где-то южнее

(в Африке и Малой Азии) — в областях, не знавших оледенений и раньше пришедших к кризису палеолитического охотничьего хозяйства (относительно истреблению наземной дичи), — раньше появилась необходимость усовершенствовать орудия рыбной ловли. Выработанная там форма азильских гарпунов различными путями проникла в Западную Европу и на Кавказ. К сожалению, в нашем распоряжении нет фактического материала, происходящего из этих районов, кроме находки двух орудий в гроте Антелиус (в Ливане), из которых одно, может быть, представляет ранний опыт изготовления рыболовного крючка, а другое походит на азильский гарпун своей общей формой и характером зубцов, но не имеет отверстия в базальной части для привязывания «линя». Дальнейшие находки могут подтвердить или отвергнуть наше предположение: вспомним здесь лишь о том, что С. Н. Замятнин и А. А. Формозов отмечали в конце палеолита некоторую средиземноморскую общность между памятниками Испании, Южной Франции и Кавказа. Обосновать это предположение можно сходством природной среды, а главное, воздействием стран Северной Африки и Малой Азии на южную часть Западной Европы и на Кавказ.

В заключение следует сказать несколько слов об охотничьих гарпунах. Некоторые авторы, в том числе М. В. Томпсон, отмечая большое количество костей оленя в азильских стоянках Франции, придерживаются того мнения, что азильские гарпуны, в особенности «поворотные», служили для охоты на оленей. При этом Томпсон делает ссылку на способы охоты у эскимосов Северной Америки и негритосов Юго-Восточной Азии.

Не говоря уже о том, что трудно себе представить, чтобы гарпуном можно было сдерживать стремительный бег оленя, трудно понять, почему в дальнейшем отказались от применения гарпуна для охоты на дичь, заменив его стрелой, которая не обеспечивает так легко, как гарпун, вторую задачу охотника — овладение раненой дичью.

Историю гарпуна, связанную с развитием рыболовства, можно проследить более последовательно. Для этого сначала обратимся к этнографии абхазов. Абхазам хорошо известны места выхода карстовых речек, вода которых, как правило, очень холодна. В течение полугода, с июля или августа до ранней весны, сюда заходит «проходная» рыба — лосось, живущий в море, но мечущий икру только в холодной речной воде. Эти места называются по-абхазски «апсыдзтбпарта», от абхазских слов «апсыдз» — рыба, «атопра» — метать (икру); «та» — суффикс места.

Во время нереста рыбы подход к такой пещере перегораживается плетнем, устроенным таким образом, что рыба может только войти, выйти же она может только через узкий проход, в котором помещается сплетенная из веток узкая и длинная корзина «адарч». При обратном движении из пещеры рыба набивается туда в большом количестве. Берут ее оттуда прямо руками, через специально проделанные в «потолке» корзины отверстия. Ловля рыбы происходит ночью.

Подобная «апсыдзтбпарта» существовала в прошлом у подошвы скалы, где находится грот Хупынипшахва. Начиная с сентября сухое русло карстового ручья превращается в бурный поток; вода в нем исчезает только в мае или июне. Местные жители помнят, что здесь ловилось большое

количество лосося, а огромное количество рыбьих костей, найденное в гроте, свидетельствует о том, что «апсыдзтопарта» восходит здесь к мезолиту.

В нижнем культурном слое Г встречались только отдельные позвонки крупных рыб. Господствующим занятием обитателей грота была охота. В вышележащем слое В найдено значительное количество костей крупной рыбы и гарпун обычной азильской формы, но с несколько большим количеством зубцов. Очевидно, охотники, жившие в гроте, приспособились к «охоте» на рыбу, устраивая плетневый забор поперек ручья, выходявшего из пещеры. На это указывают примитивные топоры из расщепленной речной гальки, найденные в слое В. В самом верхнем слое Б количество костей рыбы крупной и мелкой увеличивается во много раз. В этом слое обнаружено около десятка гарпунов и несколько десятков сланцевых галечных топоров и других деревообделочных орудий. Можно догадываться, что появилась возможность делать не только плетни, но и всякие другие ловушки для рыбы, но не было еще длинной плетеной корзины — «адарча», чтобы овладеть пойманным лососем, нужен был гарпун.

С развитием искусства плетения появилась «адарча», из которой рыбу можно было вынимать руками, и гарпуны перестали быть необходимым орудием, они измельчали и превратились в роговые крючки для удочек. Интересно, что в настоящее время в Абхазии при помощи остроги и удочки ловят рыбу в основном не местное население. Абхазцы же предпочитают ставить различные ловушки для рыбы.

О том, какое огромное значение для жизни мезолитического человека в Абхазии имела охота на «проходную» рыбу, имеет сохранившееся в абхазском языке название лосося — «амлагур», где «амла» переводится на русский язык как «голод», а «гур» — как «спица», «острие». По-видимому, этот термин означал первоначально орудие ловли — «гарпун», а в переносном смысле им стали называть ту рыбу, которая в течение полугода служила основной пищей человеку.

¹ Н. А. Бергелова. Наконечники гарпунов из древних поселений Баранова мыса. МИА, № 39, 1963, стр. 424.

² Н. Э. Бердзенишвили. Многослойная стоянка «Сагварджиле», «Сообщения АН Груз. ССР», т. XIV, № 9. Тбилиси, 1953, рис. 3.

³ С. Н. Замятин. Новые данные по палеолиту Закавказья. СЭ, 1935, №2, рис. 4.

⁴ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. М.—Л., 1935, рис. 5.

⁵ С. Н. Бибигов. Грот Мурзак-Коба — новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму. СА, V, 1940.

⁶ «Нариси стародавньої історії Української РСР». Київ, 1957, стр. 42.

⁷ А. П. Черныш. Палеолитична стоянка Молдова V. Київ, 1961.

⁸ M. W. Thompson. Azilian Harpons. Proceedings of the Prehistoric society for 1954. New Series, vol. XX, p. 2. London, 1955.

⁹ Гарпунам этой формы присвоено наименование «поворотных».

Древние иероглифы Армении и их урарто-армянские двойники

Скальные вершины Армении «украшены» многотысячными петроглифами. Особенно большие их скопления выявлены в Гегамских горах, на западном побережье оз. Севан¹. Они простираются здесь на площади 150—180 кв. км и хронологически охватывают период от неолита до эпохи раннего железа (VI—I тыс. до н. э.).

Наскальные изображения Гегамских гор являются не только источником для изучения духовной жизни наших предков, но и чем-то большим — на них зафиксированы величайшие достижения первобытной цивилизации — иероглифическая письменность.

В композиционно-сюжетных изображениях петроглифов Армении уже в III тыс. до н. э. появляются символические знаки, пиктограммы, иероглифы и идеограммы, которыми обозначались различные понятия: простые предметы, антропоморфные небесные духи, небесные тела, созвездия и т. п.

Общее количество этих знаков в петроглифах Гегамских гор ныне доходит до ста. Семантическому разбору поддаются около 50 знаков, закономерно повторяющихся в наскальных изображениях Сюника², Арагаца³, Мецамора⁴, Армавира⁵, в орнаментике керамики III—I тыс. до н. э. и на многочисленных предметах того же времени. Эти первобытные «письмена» имеют свои вполне тождественные параллели в большой, хронологически последующей группе урартских иероглифов, пиктограмм (IX—VII вв. до н. э.)⁶, а также в списках иероглифов языческих армянских святилищ, помещенных в средневековых манускриптах вместе с короткими и ясными объяснениями. Во всех трех группах памятников письменности⁷ доклассовой и раннеклассовой Армении встречаются такие иероглифы, как «солнце», «луна», «звезда», «земля», «гора» или «горы», «вода», «родник», «дерево», «птица», «человек», «лучник», «сын», «стрела», «лестница», «колесница» и многие другие, а также связанные с ними понятия «восток», «запад», «юг», «север», «бесконечный», «бессмертный», «полнолуние», «утро», «вселенная», «небосвод», «гром и молния», «небесная вода»; зодиакальные созвездия: «Овен», «Близнецы», «Телец» («Бык»), «Стрелец»; понятия, связанные с человеком: «руководитель или вождь», «идолопоклонник», «жертва», «лучник», оплодотворяющие землю солнечные антропоморфные духи и многие другие.

Детальный графический, семантический и сюжетный анализ иероглифических знаков всех вышеозначенных групп неалфавитных «письмен» будет произведен подробно в другой работе. В настоящей же статье мы ограничимся рассмотрением лишь некоторых знаков, связанных с космическими представлениями, с землей, с общественно-производственной деятельностью человека.

«Солнце» — светило постоянной любви, всеобщего почитания, универсальная основа почти всех первобытных культов, изображается в много-

образных формах, в ассоциации звездного неба и созвездий — в сценах, связанных с охотой, культом плодородия, предками, потусторонним миром, в сценах мифической борьбы антропоморфных небесных божеств и в целом ряде других общностей, которые практически неисчерпаемы, как неисчерпаемо и необъятно само солнце⁸. Уже в петроглифах III тыс. до н. э., на синхронной керамике и археологических предметах последующих периодов сплошь и рядом выступает иероглифический знак солнца в виде кружочка с центральным углублением. Некоторые из петроглифов III тыс. до н. э. напоминают скорее всего связанные иероглифические тексты, состоящие из символов солнца, луны, птиц, вселенной, треугольников. На керамике первой половины III тыс. до н. э. солнечные знаки выступают с растительными орнаментальными мотивами, в семантическом пучке солнце — растение — земля. На керамике второй половины того же тысячелетия иероглифы солнца связаны с рельефно выпуклыми орнаментальными головками Овна, олицетворявшего весеннее зодиакальное созвездие вместе с «Тельцом» («Быком») и «Земными» «Близнецами». На некоторых сосудах конца III тыс. до н. э. прослеживается семантический пучок солнце — наездки — стая птиц — весенний небосвод⁹, изображенный целиком с помощью пиктографических или иероглифических знаков и как бы иллюстрирующих армянскую языческую загадку, в которой весенний небосвод представлен двумя наездками и множеством порхающих птиц¹⁰. В петроглифах III—II тыс. до н. э., в орнаментальных мотивах крашеной керамики первой половины II тыс. до н. э. солнечные знаки встречаются часто в семантической связи солнце — вода — небесная вода (арм. — пурпурное море) — водные птицы¹¹. Среди многочисленных других ассоциаций следует упомянуть иероглифы солнца со стилизованными человеческими изображениями над ними и крупномасштабные солярные знаки надмогильных плит с человеческими изображениями, которые явно связывают это светило с небом (обиталищем духов предков) и подземным миром — телесным обиталищем мертвых предков¹². Следует указать еще на то общее и весьма характерное явление, что интересующий нас солнечный знак чаще всего сопровождается изображениями лошади, птицы, льва, быка, которые, по-видимому, сопутствуют солнцу в разные времена года¹³.

Семантическими пучками как бы завершается космический круговорот солнца в пределах исконных трех горизонтов: небо — земля — преисподняя. Именно эти чрезвычайно живучие представления сохранились в армянском народном эпосе, где сасунские богатыри воплощают в себе силу дикой стихии (грома, молнии, солнца, воды). Старший из них Санасар обладает громовым голосом и силой молнии, мудрым и могучим спутником — коньком Куркик Джалаали, который поднимает своего героя к палящему диску солнца, опускает на землю для битвы с врагами и на дно морское, чтобы тот набрал живительную силу влаги¹⁴. Сын Санасара — Мхер старший (mihg — солнце), носит эпитет льва («Лев Мхер») или «львоподобного» («львораздиратель»). Внук Санасара, Давид, наделен всеми качествами полужемных-полунебесных героев Сасуна. И, наконец, правнук Санасара — Мхер младший, наделенный бессмертием, запирается в Ванской скале.

Солнечный символ сохраняется в урартской иероглифике и встречается на предметах глиптики (в комбинациях из иероглифических знаков, в сочетании с фантастическими небесными существами или с антропоморфным духом плодородия, с крылатым конем)¹⁵. В списках армянских языческих иероглифов этот знак (кружочек с центральной точкой) объясняется как «арегакн» — «солнце».

«Овен» — созвездие. Во всех известных петроглифах Армении III—I тыс. до н. э. встречаются символические, сильно стилизованные головки Овна (овцы), изображенные полукружьями мощных рогов и перпендикулярным выступом-мордой. Кроме этих символов, сохранились и такие изображения Овна, которые позволяют проследить семантику и графическое оформление фигуры. Одна из любопытнейших композиций сохранила цельную фигуру Овна с символами солнца, птицы, луны и изображением небесного быка — «Тельца» с конечностями в виде молний.

Подобная последовательность зодиакальных и космических фигур позволяет видеть мифотворческую основу вышеозначенной композиции, связанную с мифом о сотворении Вселенной. Ведь и в позднейшей вавилонской версии, одержав победу над Тиамат, Мардук украсил небосвод двенадцатью созвездиями, определив для каждого из них по две тысячи лет. Первую двойную тысячу лет поручил он стоять на страже «Близнецам», на смену им должен был прийти небесный «Телец», а тем временем «Овен» дожидался своей очереди.

«И призвал Мардук Сина (луну) и Шамаша (солнце) и поделил между ними сутки. Семь дней тиару Сина трудно было разглядеть, через неделю отчетливо становилась видна одна половина тиары, затем другая, а к концу месяца вся тиара загоралась невиданным блеском.

Каждое утро Син удалялся за свои небесные ворота; на смену ему на восточном горизонте подымался его божественный сын Шамаш и правил вторую половину суток, разгоняя сумерки и устрашая злодеев и нечестивцев.

Затем Мардук повелел прорасти травам, насадил леса и тростники, населил землю зверями, небо — птицами, создал людей для служения богам»¹⁶.

Последующие композиции Гегамских гор как бы продолжают содержание первой. В ряде композиций III—II тыс. до н. э. и в орнаментальных мотивах керамики III тыс. до н. э. изображаются все более стилизованные головки Овна (овцы) с гепардом, водными птицами (небесная вода), солнечными знаками и козлами-молниями, другими животными и людьми. Все эти памятники не оставляют сомнения в том, что символ Овна закономерно выступает как небесное явление. Любопытно, что в целом ряде других петроглифов рассматриваемые нами знаки изображаются группами в числе других иероглифических знаков. Группами они выступают также на крупных глиняных плитах двинских первобытных святилищ¹⁷ (IX—VIII вв. до н. э.) с той лишь разницей, что на них рядом с рельефными головками Овнов изображены человеческие маски, а под ними — символы солнца, небесной воды и других космических явлений. Очевидно, в этих изображениях Овен выступает как зодиакальное созвездие¹⁸.

В древней Армении существовал культ Овна. Об этом свидетельствуют культовые очажные подставки III тыс. до н. э. с рельефными изображениями Овна в верхних частях, глиняные плиты двух двинских святилищ, стоявшие над культовыми очагами-жертвенниками в окружении культово-ритуальной парадной керамики, орнаментированной небесными светилами и соответствующими им фигурами животных.

Недавно в Армении обнаружено погребение жреца с богатейшим набором золотых украшений и со скелетами двух лошадей и других животных, посвященных солнцу, сосудами для возлияния, украшенными рельефными головками овец. Очевидно, речь идет о культе весеннего плодородия¹⁹.

Иероглифический Овен первобытных петроглифов встречается также и на урартской иероглифической табличке из Топрах-кале (без объяснения), и в списках языческих армянских иероглифов с объяснением слова «овен».

Крупный армянский ученый VII в. Анания Ширакаци писал в своем труде о двенадцати созвездиях, в которых «Овен», «Телец» и «Близнецы» олицетворяют весенние месяцы²⁰. Далее он добавляет, что Овен благодатен, плодотворен, является вожаком стада. Все это хорошо увязывается с теми первобытными изображениями, в которых животные представляются как небесные тела, где самое почетное место уделяется Овну.

Как видно, пережитки культа созвездий в антропоморфизированном виде сохраняются и в сказах героического эпоса. Дело в том, что в ряде эпизодов сасунские герои названы Овнами не только потому, что они являются предводителями и защитниками своего народа, не только потому, что они продолжают богатырский род Санасара и Багдасара, зачатых священной водой, но и потому, что, олицетворяя силу космической стихии, многие сасунские герои и героини имеют прямое отношение к зодиакальным (Горлан Ога — гром и молния, Кери Торос — Стрелец, герои четырех колен — Овны) и космическим (Мхер — солнце, Цовинар, вероятно, — небесный океан, Нане — мать земля) понятиям, как это зорко подметил И. А. Орбели²¹. Любопытно, что главные персонажи эпоса одновременно являются мирными земледельцами, охотниками и скотоводами.

Небо. В Гегамских горах сохранилось множество композиций, в которых фигуры животных четко разделены на «небесные» и «земные». Небесные сопровождаются разнообразными солярными и астральными знаками и еще тремя равнозначными, равносильными идеограммами, которые изображаются в виде кружка с верхней вертикальной черточкой, в виде кружка с верхним крючком и в виде косога стержня с двумя кружочками на концах. Закономерное повторение этих знаков в ассоциации с астральными наводило на мысль, что и они являются небесными, тем более что таковые нередко встречаются на «вишапах» — каменных стелах, украшенных рельефными головками быков²². Эти головки изображаются с извивающимися струями воды и водными птицами, которые явно указывают на то, что речь идет о небесном существе, связанном с небесной водой (океаном). Народное армянское предание, сохранившееся у того же Ширакаци²³, связывает слово «вишاپ» со смерчем, громом и молнией. На связь этого существа с небесной стихией указывают и армянские загадки.

Таким образом, упомянутые идеографические знаки, несомненно, являются небесными. Один из них (кружочек с верхней черточкой) встречается в урартских иероглифических письменах, а все три знака — в списках армянских манускриптов со значением «небо».

Особое историко-культурное значение приобретают ныне обнаруженные знаки «неба» (стержни с кружками) на треугольной наблюдательной площадке первобытного святилища — «обсерватории» Мецаморского городища. Как указывают специалисты, острый угол этого треугольника направлен на юг по принципу современных обсерваторий. На восточной стороне высечена трапеция с четырьмя звездными знаками в ней и тремя знаками «неба» под ней. На другой площадке был высечен знак «север — юг — восток», предназначенный для простейших астрономических наблюдений в древности. При сопоставлении азимута трапеции с азимутами светила, восходящих в этом направлении, удалось установить, что подобное склонение в середине III тыс. до н. э. могла иметь звезда Сириус, которую можно было наблюдать рано утром в день летнего солнцестояния. На этом основании, как заключают астрономы, «возможно, что светило, которое наблюдали и которому поклонялись древние обитатели Мецамора и чье первое появление они могли связать с началом года, был Сириус»²⁴.

«Вода». Представление о воде было тесно связано с небом. Вода повсюду изображается с помощью волнистых или зигзагообразных линий, зафиксированных в петроглифах Гегамских гор, Сюника и на других многочисленных археологических памятниках. Уже на керамике III тыс. до н. э. выступает иероглиф «вода» в четырехугольном картуше. В орнаментальных мотивах крашеной керамики XX—XV вв. до н. э. волнистые линии отобразены в семантическом пучке солнышка — вода (небесная вода) — армянское пурпурное море — водные птицы. В подобной семантической связи состоит изображение воды также на рыбообразных и быкообразных «вишапах» Гегамских гор, на которых, кроме указанных рельефных изображений, выведены фигуры водных птиц и иероглифы «небо». Все это очень тесно увязывается с сюжетными изображениями бронзового пояса Ходжалинского большого кургана (X в. до н. э.)²⁵. На нем представлена борьба героя или небесного божества против быка или льва (голова животного повреждена) — характерный мотив древневосточных мифов и армянского эпоса (Гильгамеш, Михр, Мхер). На остальном пространстве пояса изображены небесные быки с лунообразными рогами, иероглифическим солнечным обозначением глаз и разукрашенным туловищем. Над одним быком сияет крупная многолучевая звезда, другой — сопровождается несколькими изображениями, символическими или иероглифическими знаками, которые, несомненно, связаны с небесным океаном. Под фигурой быка помещено ромбическое изображение неизвестного назначения, затем гравированный треугольник, напоминающий горную вершину, и змея под его задними ногами, обозначающая молнию. Над этим «небесным» быком представлен овал с кривым кончиком, соответствующий иероглифическому знаку «родник», а перед ним — большая водная птица с иероглифическим обозначением «воды» в четырехугольном картуше. Очевидно, здесь выступают те же самые основные компоненты, что и на вишапах.

Это фигура «небесного» быка (быкообразного вишапа или просто созвездия «Тельца»), водная птица, вода, родник и лунообразные рога в качестве небесного светила. Перед нами — тот же вишاپ в несколько иной художественной трактовке. Повторяя языческое народное предание, философ V в. Езник Кожбаци восклицает: «...И что такое вишапы, если не змеи великие земные, если не рыбы могучие морские ... или животные»²⁶. Это многолокое фантастическое существо, поднимаясь с земли, как смерч, вызывало гром, молнию и дождь, по преданию, сохранившемуся у астронома VII в. Анании Ширакаци²⁷.

В связи с многочисленными изображениями быка на памятниках первобытного искусства и, в частности на наскальных изображениях Армении, следует заметить, что иероглиф «Бычок» или «Телец» ни разу не замечен мною. Подобные зодиакальные иероглифы зафиксированы уже в урартских иероглифах Аргиштихинили и давно известны в списках армянских манускриптов. Это дает основание полагать, что зодиакальный «Телец» в памятниках первобытности выступал в полном своем изображении и не имеет пока вполне оформленного иероглифического знака.

«Родник». Если изображение или иероглиф «вода» связаны почти исключительно с небесной стихией, то иероглифы, обозначающие «родник», связаны большей частью со знаком «земля», со стадами пасущихся коз или сценами охоты на этих животных. В наскальных изображениях Армении и в списках раннеармянских письмен знак «родник» изображается овалом и выступающей черточкой, овалом и криволинейным выступом, парным овалом и зигзагообразной или волнистой линией, парным овалом и прямой длинной линией, кружочком с прямым длинным окончанием. Не трудно догадаться, что в этих знаках изображаются источники с вытекающими из них ручьями. Поэтому у подобных знаков везде и всюду представляются фигуры коз — одиночных, парных и мелких стад, пьющих из арыка или самого родника. Самые интересные композиции с родниками составляют сцены оригинальной охоты на коз. Охотники выступают здесь без оружия. Одни сгоняют коз к роднику, другие ловят их на водопое голыми руками. Приманивание животных водой — весьма древний и остроумный прием охоты.

Иероглиф «человек». В посленеолитических петроглифах весьма часто изображаются различные человеческие фигуры в различных действиях. Уже в III тыс. до н. э. человеческие фигуры, как и все другие, сильно стилизуются, получают форму двух треугольников, смыкающихся остриями, с рудиментарными элементами конечностей. Вскоре исчезают и рудименты и остаются лишь треугольники, углы которых закругляются, и человеческая фигура приобретает иероглифическую форму, форму цифры 8. Этот знак многократно повторяется во всех петроглифах и в урартской иероглифике, и в списках армянских рукописей с объяснением «человек».

Данные иероглифические фигуры в композиционных изображениях закономерно выступают во всех тех местах, где должен находиться скотовод, пастух, охотник, словом — человек.

Чрезвычайно интересны они в сценах охоты. В одном случае восьмиобразная фигура находится под козлом. Она снабжена сверху двумя еле

заметными отростками, которые обозначают руки человека, ловавшего козла. Во всех других случаях отсутствуют даже эти рудименты, но от восьмиобразной фигуры отходят концы веревки (лассо), накинутой на козлов, быков и других животных. Рядом с такими фигурами часто изображаются стреноженные животные или животные в загоне. Приведенные примеры не оставляют сомнения в том, что восьмиобразный иероглиф доурартских, урартских и армянских памятников действительно скрывает под собой понятие «человек».

Приведенные выше иероглифы вместе с десятками расшифрованных других знаков ясно показывают, что на территории Армении начиная с III тыс. до н. э. применялись иероглифические знаки, а позднее и письмо, которое сохранилось почти до появления армянской письменности. Расшифровка этих «писмен» с помощью внутренней семантики петроглифов и урарто-армянской иероглифики свидетельствует о том, что они охватывали довольно широкий круг производственных и общественных понятий, культовых и религиозных представлений.

- ¹ Петроглифы Гегамских гор были обнаружены А. П. Демехиным. Первая публикация их принадлежит С. А. Сардаряну («Первобытное общество в Армении». Ереван, 1967, стр. 118—122, рис. 24—29). С 1966 г. в районе Гегамских гор работает экспедиция Института археологии АН Арм. ССР под руководством автора настоящей статьи (см.: А. А. Мартиросян, А. Р. Исраелян. Насколько изображения Гегамских гор. Ереван, 1971).
- ² Г. Г. Караханян, П. Г. Сафян. Петроглифы Сюника. Ереван, 1970.
- ³ Л. А. Барсегиан. Новые материалы по древнейшему периоду искусства Армении. «Историко-филологический журнал», 1966, № 3, стр. 147—160 (на арм. яз.).
- ⁴ Петроглифы Мецамора еще не опубликованы.
- ⁵ С. Г. Бархударян. Памятники Советской Армении. Ереван, 1935, стр. 41—44 (на арм. яз.).
- ⁶ Л. А. Барсегиан. Об урартской иероглифической письменности. «Вестник АН Армянской ССР» (общественные науки), 1967, № 2, стр. 85—90.
- ⁷ Армянские иероглифы см.: А. Г. Абрамян. История армянского письма и письменности. Ереван, 1959, стр. 17—46, 139—173 (на арм. яз.).
- ⁸ О культе солнца см.: А. Р. Исраелян. Культы и верования в Армении в эпоху поздней бронзы. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1968, стр. 9—13.
- ⁹ С. Burney. Excavations at Janic-Tere. «Iraq» XXIII, 1961, tabl. LXXX, fig. 13—15; С. Б. Арутюнян. Армянские народные загадки. Ереван, 1965, стр. 10 (на арм. яз.).
- ¹⁰ Э. В. Ханзадян. Гарни, вып. IV. Ереван, 1969, стр. 86—89, табл. VI—VII (на арм. яз.).
- ¹¹ А. А. Мартиросян. Некоторые предварительные данные по классификации наскальных изображений. «Вестник общественных наук», 1970, № 9, стр. 69, 70.
- ¹² Там же, стр. 69—70, табл. VII.
- ¹³ А. Р. Исраелян. Культы и верования...
- ¹⁴ См.: «Давид Сасунский». Предисловие И. А. Орбели. Ереван, 1961, стр. 7 и сл.
- ¹⁵ R. D. Barnett. The Urartian Cemetery at Igdır. Anatolian Studies, XIII, 1963. p. 153—198; p. 40.
- ¹⁶ Д. Г. Редер. Мифы и легенды древнего Двуречья. М., 1965, стр. 37—38.
- ¹⁷ К. Г. Кафадарян. Об основании Двина и языческом Мехяне. «Историко-филологический журнал», 1966, № 2 рис. 5, 6 (на арм. яз.).
- ¹⁸ Зоднакальный характер двинских памятников не вызывает сомнения, поскольку культ созвездий Тельца, Овна и Близнецов был широко распространен в сопредельной с Арменией Малой Азии эпохи неолита. Правда, Дж. Меллаарт не заметил, что рельефы и фрески в святынях Чатал-Гуюка изображают именно созвездие Овна, Тельца и Близнецов на фоне звездного неба (см.: J. Mellaart. Excavations at Catal-Huyük. AS, XIII,

1963; XIV, 1964, стр. 39—73, рис. 4—7, 9, 14, 18, 19).

¹⁹ Находки археолога С. Г. Деведжян.

²⁰ А. Ширакаци. Космогония и календарь. Ереван, 1940, стр. 20 (на арм. яз.).

²¹ И. А. Орбели. Указ. соч., стр. XLIV—XLV.

²² L. A. Barseghian. Les višaps des monts Guegham. Revue des études Arméniennes, t. V. Paris, 1968.

²³ А. Ширакаци. Космогония и календарь, стр. 25.

²⁴ Э. С. Парсамян, К. А. Мкртчян. О возможном астрономическом назначении одной из площадок, обнаруженных в

Мецаморе. «Историко-астрономические исследования», т. X. М., 1969, стр. 36—37.

²⁵ К. Х. Кушнарева. Ходжалинский могильник. «Историко-филологический журнал», 1970, № 3, стр. 111, рис. 1;

А. А. Мартиросян. Поселения и могильники эпохи поздней бронзы. «Археологические памятники Армении», вып. 2. Ереван, 1969, стр. 33, 54, табл. X, XI.

²⁶ Е. Кохбаци. Опровержение ересей. Тифлис, 1914, стр. 72, 73 (на арм. яз.).

²⁷ А. Ширакаци. Космогония и календарь, стр. 25.

Д. А. Крайнов

Стоянка и могильник Сахтыш VIII

Около с. Сахтыш Тейковского района Ивановской области, на берегах древнего озера того же названия и р. Койки, вытекающей из него, Верхневолжской экспедицией Института археологии АН СССР было открыто более 15 поселений и могильников неолитического времени, эпохи бронзы и раннего железа. Раскопки их были начаты в 1962 г. и продолжаются до сих пор. Одним из наиболее интересных памятников являются стоянка и могильник Сахтыш VIII. Стоянка Сахтыш VIII открыта нами в 1964 г. Раскопки стоянки и могильника продолжались несколько лет. Вскрыта площадь около 350 кв. м (площадь всей стоянки — около 1500 кв. м). Находится стоянка в 2 км к юго-западу от поселка (4-й участок Леушинского торфпредприятия) и расположена на правом берегу русла р. Койки, впадающей в р. Нерль-Клязьминскую.

Культурный слой мощностью в 50—60 см можно разделить на горизонты только условно¹. Верхний горизонт относится к эпохе поздней бронзы и раннего железа, средний — к волосовской культуре, нижний — к неолиту с поздней ямочно-гребенчатой керамикой.

Культурные остатки выявлены на всей площади раскопа довольно равномерно. Они состоят из обломков разнообразных и разновременных глиняных сосудов, кремневых и каменных орудий, производственных отходов, костяных поделок и украшений, янтарных и каменных украшений, костей животных, птиц, рыб и др. Кроме того, в культурном слое обнаружены жилища, хозяйственные ямы, кострища и погребения.

Основную массу находок составляет ямочно-гребенчатая керамика. Она встречается на всей площади раскопа и во всех горизонтах, но больше всего на глубине от 20 до 60 см. Следует отметить, что под слоем торфа, ближе к берегу речки и в темной прослойке над материком, встречается керамика более древняя. В основном ямочно-гребенчатая керамика со сто-

янки Сахтыш VIII — более поздняя, чем керамика нижних слоев стоянок Сахтыш I и Сахтыш II. Она более тонкостенная, «звонкая», с хорошим обжигом. Основная примесь в тесте — дресва, а в более поздних фрагментах — и песок. Форма сосудов котлообразная, дно округлое. Венчики различны: у более ранней керамики — прямые, у более поздней они отогнуты наружу, скошены внутрь или с начинающимся утолщением и свисанием наружной части венчика. Очень часто по краю венчика идут насечки. В орнаменте ямочно-гребенчатой керамики ранние элементы сочетаются с поздними, например редкий ямчатый узор, геометрические узоры из ямок (треугольники, зигзаги, пояски и пр.) с пустыми пространствами, косые насечки зубчатого штампа, зигзаги из зубчатого штампа, широкие пояски и пр. Наконец, часто встречается керамика с дресвой, но с иными ямчатыми узорами (овальные ямки, прямоугольные, полукруглые, треугольные, каплевидные и пр.). Такая посуда как бы продолжает развитие ямочно-гребенчатой керамики. На ней появляются сложный узор и другие мотивы, которые потом развиваются в орнаментике волосовской керамики.

Волосовская керамика найдена в меньшем количестве в основном в северо-восточной части раскопа, около жилищ волосовского времени, и очень немного обломков обнаружено на месте могильника. Древняя волосовская керамика с раковинной примесью встречена в небольшом количестве недалеко от речки под слоем торфа. На стоянке господствует волосовская керамика с растительной примесью. Она встречается во всех горизонтах, но больше всего ее во втором горизонте на глубине от 20 до 40 см. Днища сосудов плоские, но есть и круглые. Венчики по форме близки венчикам ямочно-гребенчатой керамики. Толщина стенок различна, орнамент разнообразен. Он состоит из ямчатых вдавлений, зубчатых, елочных и рамчатых узоров и пр. Черепки с рамчатым орнаментом обнаружены только в верхнем горизонте и только в керамике с растительной примесью. Керамика с раковинной примесью имеет только ямчатый и зубчатый орнаменты, близкие орнаментам поздней ямочно-гребенчатой керамики. В нижних горизонтах почти вся волосовская керамика орнаментирована ямчатыми вдавлениями.

Между волосовской ранней и поздней ямочно-гребенчатой керамикой улавливаются переходные формы как в структуре теста, так и в форме сосудов, и орнаменте. Встречены обломки сосудов с дресвой, но с типичным ранним волосовским орнаментом и, наоборот, обломки волосовских сосудов с растительной и раковинной примесью с орнаментом, характерным для ямочно-гребенчатой керамики. Эти факты наряду с другими (форма жилищ, одинаковые кремневые и каменные орудия, способы охоты и т. п.) свидетельствуют о прямой преемственности в развитии так называемой волосовской ранней культуры от культуры с поздней ямочно-гребенчатой керамикой.

Керамика эпохи бронзы со стоянки Сахтыш VIII имеет примесь песка. Имеется несколько обломков с фатьяновским орнаментом и поздняяковским, много обломков «звонкой» посуды с хорошим обжигом, отогнутым венчиком, с ромбическим, зубчатым, елочным, шнуровым и пр. орнаментами; много выявлено обломков без орнамента. В значительном коли-

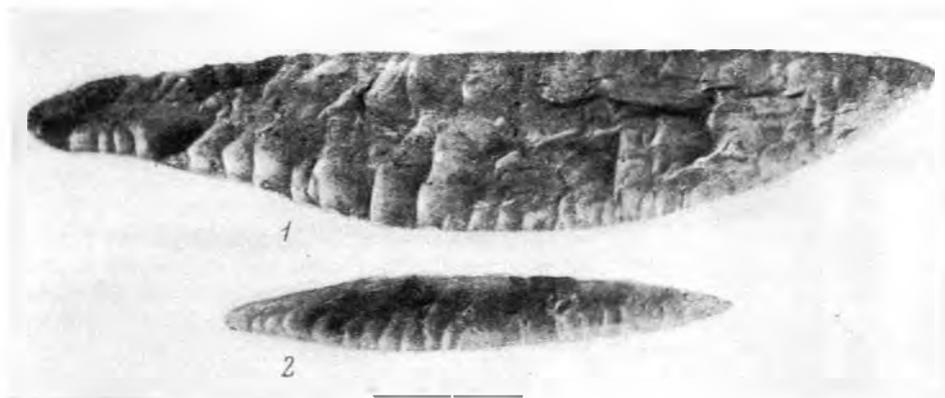

Рис. 1. Кремневый кинжал (1) и кремневый наконечник стрелы (2)

честве встречена и сетчатая керамика. Она концентрируется в северо-восточной части погеления и найдена в основном в верхнем горизонте.

Среди кремневых орудий господствуют всевозможные скребки на отщепках и сколах; крайне редко — на концах пластинок. Найдены наконечники стрел и дротиков различных форм (от миниатюрных до крупных): листовидные, ромбические, черешковые с односторонней обработкой и др. Также много выявлено всевозможных ножей на пластинчатых отщепках, кривых ножей. Остальные орудия (тесла, топоры, сверла, проколки, скребки и другие) встречены в небольшом количестве. Из кремневых поделок следует особо выделить штампы зубчатые на отщепках, фигурные кремни, один из которых изображает выдру, большой кинжал из розовато-желтого кремня длиной 18 см (рис. 1, 1), длинный листовидный наконечник стрелы (рис. 1, 2) и обрубленные ножевидные пластинки. Большое количество отщепов, нуклеусов и заготовок орудий со стоянки Сахтыш VIII свидетельствует о производстве орудий на стоянке.

Изделий и орудий из камня встречено немного — шлифованные топоры, тесла, долота, полированные плиты, отбойники, гладилки, бруски, грузила со сверлиной, кувалда, подвески пластинчатые со сверлиной, два обломка фатьяновских сверленных топоров, штампы с зубчиками, каменное кольцо с двумя отверстиями (прибалтийского типа), плоское шлифованное пряслице и др.

Немного найдено изделий из кости: биконические наконечники стрел «дигирского типа», гарпуны, проколки, долота, острия, игольники и др. Есть украшения в виде подвесок из зубов и клыков диких животных. Интересна находка глиняного кружка с елочным орнаментом.

Сейчас трудно разделить весь этот инвентарь по горизонтам, так как он встречается повсюду в слое и больше всего — во втором горизонте.

На стоянке открыты два жилища. Жилище 1 (рис. 2) имело форму неправильного прямоугольника площадью 8×6 м. Глубина «пола» жилища от современной поверхности 65—70 см. Вероятно, это наземное жилище,

стены и кровля которого поддерживались столбами; ямки от них прослежены и внутри, и снаружи жилища. С западной и северной сторон видны ряды кольев, служивших, очевидно, для укрепления или утепления стен. С северной стороны, около края жилища,— скопление мелких камней. С южной стороны от жилища шла темная полоса шириной 1,5 м. Возможно, это был выход из жилища, тем более что здесь же заметен промежуток между столбами. Внутри жилища видны ямки от трех центральных столбов и рядом с ними — кострище очага, диаметр которого равен 0,55—1,10 м. Мощность углистого слоя 20—30 см. У края кострища найден кусок бересты и кость медведя. Пол жилища представляет твердый сероватый слой. Находок было мало. Керамика встречается как поздняя ямочно-гребенчатая, так и волосовская. Скрепки и другие орудия — волосовского типа. В восточной части жилища отмечено скопление костей животных.

Следы от столбов удалось проследить в ряде мест со второго горизонта. Очевидно, жилище относится к волосовскому времени.

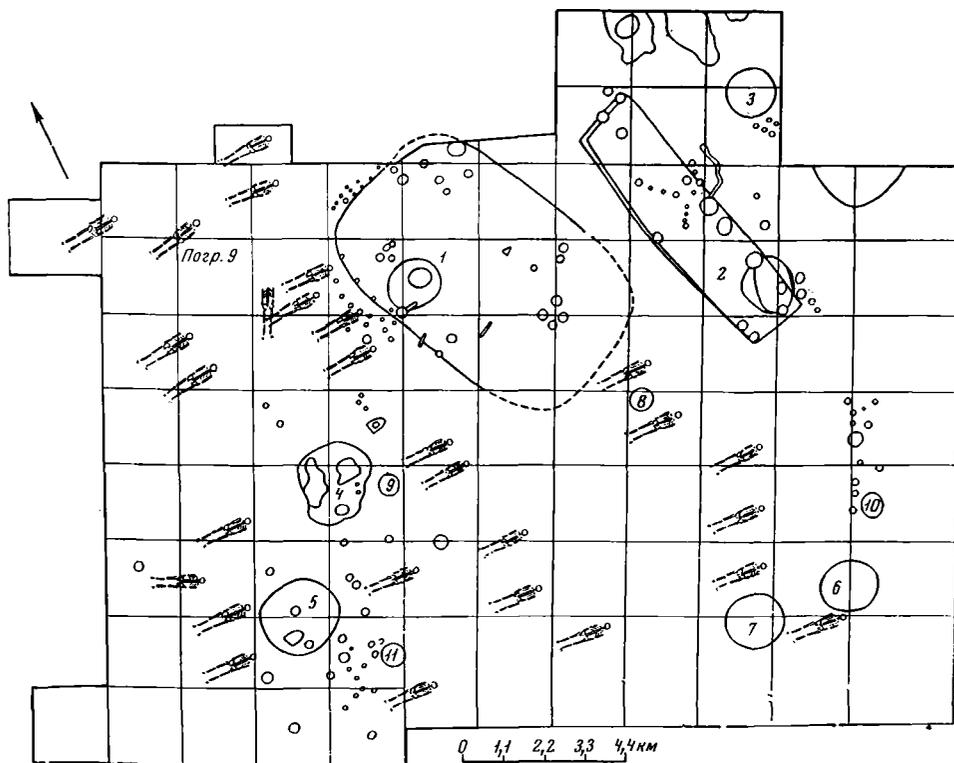

Рис. 2. Общий план раскопок и погребений в нем

1 — жилище 1; 2 — жилище 2; 3, 6, 7—11 — кострища; 4, 5 — шалашевидные жилища; мелкими кружками обозначены ямки от столбов и кольев

Жилище 2 названо жилищем условно, так как оно скорее представляет собой навес «открытого типа». Расположено оно к востоку от жилища 1. Его западная сторона отмечается резко очерченной ровной углистой полосой, ширина ее в средней части 10 см, а к северу 17—20 см. Здесь она поворачивает под прямым углом к востоку на длину около 2 м. Такая же картина наблюдается и у южного конца. Около боковых линий и длинной стенки навеса расположены ямки от столбов. С восточной стороны (снаружи навеса) — то же самое. В центре помещались два больших столба. Длина навеса около 8 м, ширина 2 м. Очевидно, с восточной стороны навес был открытым. Крыша была односкатной. В южной части под навесом располагалось кострище с мощным углистым слоем. Диаметр его 1 м. На полу найдены кремневые наконечники стрел, тесло, скребки и преимущественно волосовская керамика. Вероятно, навес также относится к волосовскому времени.

К северо-востоку от навеса обнаружено второе кострище такого же диаметра. Около него найдены обломки волосовской керамики с ямчатыми вдавлениями, часть вотивного сосудика волосовского времени и много костей животных.

К юго-западу от жилища 1 прослежено два пятна диаметром $2 \times 2,5$ м. Внутри и около них видны ямки от столбов и кольев (рис. 2). В одном обнаружено четырехугольное темное углистое пятно со жжеными костями и рядом — глен от столба. Возможно, что это были шалашеобразные жилища, но не исключено и ритуальное назначение их, так как они расположены в зоне могильника.

Особенность стоянки Сахтыш VIII заключается в том, что на ее территории, к югу и западу от жилых комплексов, расположен могильник. Здесь обнаружено 27 погребений и много отдельных костей от разрушенных погребений. Все они находились на глубине 0,30—0,40 м от поверхности. Могильные ямы не прослежены. Погребенные лежали внизу второго горизонта рядами (линиями), в направлении с севера на юг, часто по два погребенных рядом. Сохранность костяков плохая. Все погребенные лежали на спине, вытянуто, головой на восток, руки вытянуты вдоль тела, а кисти лежали на животе. У некоторых скелетов в ногах отмечены пятна красной краски.

В 12 женских погребениях найдены украшения из камня, янтаря и кости.

В двух погребениях обнаружены каменные прямоугольные и овальные пластинчатые подвески (12 штук) с отверстием (рис. 3); шесть подвесок из камня и три пронизки из птичьих круглых костей лежали возле тазовых костей. Очевидно, они украшали набедренную повязку или пояс. Подобные каменные подвески найдены нами на стоянках Сахтыш I и II в жилищах волосовского времени, а также в волосовском слое стоянки Стрелка I².

В десяти погребениях обнаружено около 400 янтарных украшений в виде подвесок (рис. 4), крупных бляшек с двумя-тремя отверстиями, маленьких бляшек с V-образным отверстием, целых колец и частями, колец с несколькими отверстиями, цилиндрических удлиненных пронизок с утолщением в центре и других форм (рис. 4). Эти подвески и

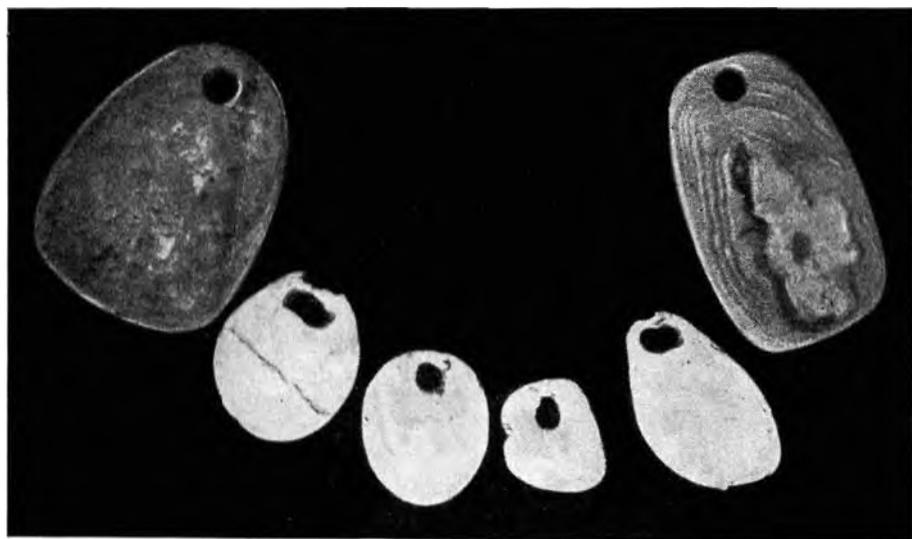

Рис. 3. Каменные подвески

пронизки найдены в различных местах погребений (они, очевидно, были нашиты на одежду). Особенно много янтарных подвесок (свыше 100 штук) было найдено в погребении 6 (1970 г.). Они располагались по всему скелету — над и под ним, но основная масса их сосредоточена была в области грудной клетки, поясницы, кистей рук, таза и даже ниже — до середины бедренных костей. Положение их свидетельствует о том, что они были нашиты на одежду в определенном порядке. В погребении 9 (1971 г.) (рис. 5) подобные украшения (также около 100 штук) располагались подобным же образом. В погребении 4 (1970 г.) янтарные украшения были найдены у бедер, а в 30 см от них обнаружено целое скопление янтарных пластинчатых подвесок и колец. В некоторых детских погребениях (девочек) также встречаются янтарные украшения. В одном из погребений наряду с янтарем были найдены пронизки (около 100 штук) из трубчатых костей птиц. Подобные подвески очень часто встречаются в женских погребениях фатьяновской культуры.

Около некоторых погребений на том же уровне обнаружены кострища диаметром 50—60 см, а также ямки от столбов диаметром до 10 см. Очевидно, огонь играл большую роль в погребальном обряде жителей стоянки Сахтыш VIII, а ямки от столбов могут указывать на присутствие идолов.

На восточном крае могильника найдены кострища, около них — воловская керамика и кости медведя (вероятно, существовал культ медведя). Кости (особенно черепа) медведей встречаются и около погребений на стоянках Сахтыш I и II³.

Погребения людей волосовского времени обнаружены на многих стоянках лесной полосы Восточной Европы, как, например, на стоянках Сах-

Рис. 4. Янтарные украшения

тыш I и II⁴, Языково⁵, Иловец⁶, Панфилово⁷, Стрелка⁸, Володары⁹, Кубенино¹⁰, Черная Гора¹¹ и др. Подобные погребения встречаются и на стоянках Эстонии (Акали, Тамула, Валма, Нарва и пр.)¹². Погребения на этих стоянках располагаются около жилищ, а иногда и в самих жилищах.

Могильник на стоянке Сахтыш VIII отличается от других строгостью погребального ритуала. Здесь не беспорядочные погребения в разных местах, как на стоянках Сахтыш I и Сахтыш II¹³, а компактное кладбище, отделенное от жилых комплексов. Одинаковое положение покойников и ориентировка указывают на более позднее время, чем погребения на стоянках Сахтыш I и II. Однако их сближают вытянутое положение покойников на спине, присутствие украшений из каменных подвесок, зубов животных и пронизок из птичьих трубчатых костей (Сахтыш II), костей медведя.

Очевидно, и те, и другие относятся к волосовскому времени. На стоянке Сахтыш VIII около некоторых погребений лежат развалы сосудов с ямочно-гребенчатой керамикой, но они не относятся к погребениям. Характерно, что на месте могильника волосовская керамика почти не найдена. Каменные плоские подвески, сопровождающие погребения, обнаружены в жилищах только волосовского времени (Стрелка I, Сахтыш I, Сахтыш II, Сахтыш IV и пр.). Янтарные пластинчатые привески, выявленные в погребениях на стоянке Сахтыш VIII, также найдены только в жилищах волосовского времени и не раннего, а среднего и позднего периодов развития этой культуры. Погребения в Иловце, Языкове, Панфилово и на других стоянках также связаны с волосовской культурой.

Большинством исследователей волосовская культура датируется концом III и началом II тыс. до н. э. Очевидно, могильник Сахтыш VIII относится к первой половине II тыс. до н. э. Здесь датирующими материалами могут служить янтарные украшения. И. А. Лозе на

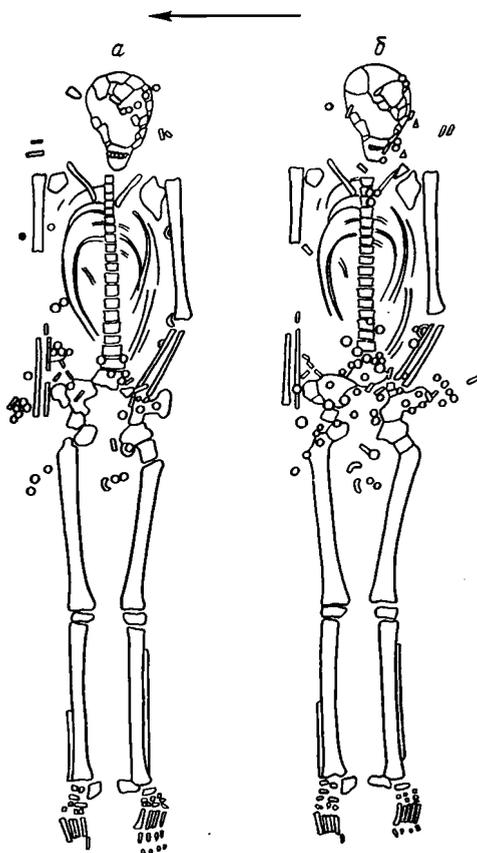

Рис. 5. Погребение 9. Вид спереди и сзади (а и б)

Расположение янтарных украшений на костяке и под ним (обозначено мелкими кружками)

основании изучения янтарных украшений выделяет три стадии их развития в Прибалтике¹⁴. Она предполагает, что трапециевидные подвески пришли на Верхнюю Волгу именно из Лубанской низменности, где действительно на стоянках Найниксте, Пиестиня, Абора и других встречаются абсолютно идентичные формы трапециевидных подвесок, колец, пуговиц с V-образным отверстием, цилиндрических подвесок, цилиндрических подвесок с утолщением в середине и пр. И. А. Лозе датирует их временем от середины III и до половины II тыс. до н. э. Однако И. А. Лозе считает, что некоторые формы трапециевидных пластинчатых подвесок и колец не встречаются во II тыс. до н. э. В сахтышских погребениях встречаются все формы янтарных украшений — и ранние, и поздние, по классификации И. А. Лозе. В стоянках Сарнате в Латвии¹⁵ встречены все сахтышские формы янтарных украшений. Л. В. Ванкина датирует их также со второй половины III и до конца II тыс. до н. э.¹⁶ Подобные формы встречаются и на стоянках Эстонии. Л. Ю. Янитс датирует их также второй половиной III и первой половиной II тыс. до н. э.¹⁷ Особенно широко распространены пуговицы с V-образным отверстием. Они найдены в Литве, Латвии, Эстонии, в Польше, в Восточной Пруссии¹⁸ и на территории лесной полосы Восточной Европы: в Кончанском¹⁹, Модлоне²⁰, Иловце²¹, Белом озере²², Сахтыше²³. Исследователи определяют время их бытования от середины III до середины II тыс. до н. э.

Очевидно, следует признать, что все янтарные украшения, найденные на стоянке Сахтыш VIII,— балтийского происхождения. По-видимому, в III—II тыс. до н. э. между этими областями связи были очень сильны. Этот факт имеет особое значение в решении вопроса о происхождении волосовской культуры. Возможно, сахтышцы обменивали янтарь на куны шкурки. Во всех стоянках волосовского времени (Сахтыш I, II, VII, VIII, Стрелка I и др.) найдено большое количество костей куницы. На стоянке Стрелка I они составляют 80% всех костей диких животных, в Прибалтике же в это время куницы не было. Поэтому вправе сделать такой вывод.

Таким образом, обитатели стоянки Сахтыш VIII волосовского времени, как и их предшественники, занимались охотой на диких животных (медведь, лось, кабан, куница, бобр, выдра, лиса, северный олень и др.), птиц (лебеди, гуси, утки и пр.), а также рыбной ловлей. Жили они в наземных больших жилищах. Своих покойников хоронили здесь же на поселении, но на специальном кладбище.

Раскопки стоянки Сахтыш VIII продолжаются и, безусловно, дадут нам новые факты для решения проблемы волосовской культуры. Уже сейчас подтверждается ее местное происхождение от культур с поздней ямочно-гребенчатой керамикой. Вряд ли можно связывать ее происхождение с Прикамьем и Приуральем. Следует учитывать тесные связи и влияние Прибалтики.

¹⁴ Луговина, где расположена стоянка, по-видимому, перепазивалась.

² Д. А. Крайнов. Отчеты о раскопках стоянки Стрелка I в 1967, 1968, 1969 гг. Архив ИА АН СССР.

³ О. С. Гадзяцкая и Д. А. Крайнов. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья. КСИА, вып. 100, 1965, стр. 29—39.

⁴ Там же.

- ⁵ О. Н. Бадер. Археологические работы у д. Языково. «Антропологический журнал», 1936, № 1; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1936, стр. 52; Ю. Н. Урбан. Исследование неолитических памятников в Калининской области. «Археологические открытия 1970 года». М., 1971, стр. 39; он же. Работы на севере Калининской области. «Археологические открытия 1968 года». М., 1969, стр. 30—32.
- ⁶ Ю. Н. Урбан. Работы Калининского отряда Верхневолжской экспедиции. «Археологические открытия 1969 года». М., 1970, стр. 35.
- ⁷ В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка. «Труды Владимирского краевого музея», вып. 3. Владимир, 1927.
- ⁸ Д. А. Крайнов. Отчеты Верхневолжской экспедиции о раскопках стоянки Стрелка I за 1967—1969 гг. Архив ИА АН СССР.
- ⁹ И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. Археологический сборник. «Труды ГИМ», вып. XXII. М., 1953.
- ¹⁰ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 215.
- ¹¹ И. К. Цветкова. Племена Рязанской культуры. «Труды ГИМ», вып. 44, 1970, стр. 127—131.
- ¹² Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмай-ыги. Таллин, 1959, стр. 67, 101 и др.
- ¹³ О. С. Гадзьяцкая и Д. А. Крайнов. Новые исследования...
¹⁴ И. А. Лозе. Новый центр обработки янтаря эпохи неолита в Восточной Прибалтике. СА, 1969, № 3, стр. 124—134; рис. 5, стр. 132.
- ¹⁵ Л. В. Ванкина. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970, стр. 105—115, табл. XLII—LIV.
- ¹⁶ Там же, стр. 108.
- ¹⁷ Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита..., стр. 282.
- ¹⁸ Л. В. Ванкина. Торфяниковая стоянка Сарнате, стр. 109, 113, рис. 145.
- ¹⁹ Н. К. Рерих. Некоторые древности пяти Деревской и Бежецкой. ЗОРСА, т. V, вып. 1. СПб., 1903, стр. 23.
- ²⁰ А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области. МИА, № 20, 1951, стр. 38, рис. 9; 8—11.
- ²¹ Ю. Н. Урбан. Работы Калининского отряда Верхневолжской экспедиции.
- ²² А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 128.
- ²³ Д. А. Крайнов. Раскопки стоянки Сахтыш VIII. Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1965, 1970, 1971 гг. Архив ИА АН СССР, Р—1, 4008, 1965; Р—1, 4551, 1970; Р—1, 4589, 1971.

Д. А. Халилов, Г. П. Кесаманлы

Гяфле-тепелери — поселение эпохи ранней бронзы в Азербайджане

В археологическом отношении районы, расположенные на северо-восточных склонах Большого Кавказского хребта на территории Азербайджанской ССР, представляют большой интерес. Разведочные работы, проведенные в этих районах в последние годы, позволяют утверждать, что эта область Кавказа была заселена в глубокой древности — в эпоху ранней бронзы. Поселение Гяфле-тепелери¹ расположено на нескольких холмах, находящихся на шоссе Кусары Худат, недалеко от Самур-Дивичинского канала.

Здесь выделяются три холма, один из которых содержит материалы раннего средневековья². Слой эпохи ранней бронзы прослежен на другом

Рис. 1. Гяфле-тепелери, вид с восточной стороны

холме, где был заложен небольшой раскоп площадью 50 кв. м. Холм удлиненной формы, высота — 10—12 м. Поверхность его представляет ровную площадку (рис. 1).

Культурный слой толщиной 1—1,2 м относится к эпохе ранней бронзы. Следовательно, это однослойное поселение.

В процессе работы расчищены часть пола, представляющая утрамбованную площадку, остатки очага и две круглые в плане хозяйственные ямы диаметром 0,9 м и 1,2 м.

Культурный слой насыщен каменными и костяными орудиями, обломками глиняных сосудов, костями животных и пр.

Особый интерес представляют каменные орудия — зернотерки, песты, топоры и другие, изготовленные в основном из булыжного камня. Обращают на себя внимание зернотерки. Обычно для изготовления их выбирались большие плоские камни. Верхнюю рабочую поверхность легкими ударами при помощи острого инструмента подравнивали, придавая более удобную форму (рис. 2, 1, 2).

Среди находок имеется валикообразный пестик, изготовленный из булыжного камня со следами сработанности на обоих концах. Длина его 13 см (рис. 2, 3). Валикообразные пестики найдены в Нахичеванском Кюль-тепе³, Каякентском поселении⁴ и других поселениях раннебронзового века Кавказа.

Среди каменных орудий имеются два оригинальных каменных топора, сделанных из плотной породы булыжника. На верхней части их был желобок для перехвата (рис. 2, 4, 5). Один из топоров отличается высокой техникой изготовления. Вся поверхность его шероховатая, сделанная путем равномерных ударов (рис. 2, 4). У них сильно округленные лезвия, а на перехвате имеется легкое и заметное ребро. Сечение топоров овальное. Размеры: длина 12—15 см, ширина в верхней части 7,5—10 см, в средней — 9—12 см.

Наиболее близкие аналогии упомянутым топорам встречаются в памятниках Дагестана и Чечено-Ингушетии⁵. Так, по своей форме они напоминают клиновидные топоры из Великентского поселения⁶.

На поселении найдены также кремневые вкладыши для серпов, точильные камни и костяные шилья.

Основную часть материалов из Гяфле-тепелери составляют керамические изделия. Керамика в основном черного и бурого цвета, поверхность ее иногда залощена. Формы ее различны. Распространены сосуды в виде кувшинов различных размеров. Они представлены большим числом фрагментов, из которых удалось восстановить один сосуд бурого цвета. Он имеет удлиненный шаровидный корпус, сравнительно высокую горловину цилиндрической формы и небольшое днище. Венчик отогнут наружу. На сосуде у края венчика имеются две ложные ручки в виде горизонтальных выступов. Поверхность сосуда залощена. По краю венчика расположен орнамент в виде наклепного зубчатого валика. Высота сосуда 20 см, диаметр венчика 17 см, дна 6,5 см (рис. 3, 1).

Значительную часть керамического инвентаря поселения Гяфле-тепелери представляют неглубокие миски (рис. 4, 1—4) с прекрасным двусторонним лощением. Цвет преимущественно коричневый и буроватый. Края мисок слегка загнуты внутрь, обычно утолщены и косо срезаны. Они имеют как бы уступ с внутренней стороны. У некоторых мисок, у венчика, — круглые сквозные отверстия, сделанные до обжига (рис. 4, 1, 2). Орнамент отсутствует; ни одна из мисок не имеет ручек. Это характерная форма посуды для эпохи ранней бронзы Восточного Кавказа.

Отметим еще одну форму керамики — крупные бочковидные сосуды (рис. 3, 4). Они вытянутой формы, со слегка раздутым туловом и суживающейся верхней частью. Поверхность их гладкая.

Еще одну группу керамики на поселении составляют многочисленные обломки глиняных жаровен (рис. 4, 6, 7). Они имеют круглую форму с плавно приподнятым, слегка закругленным краем. Высота бортика их от 3 до 5 см. Цвет бурый. Поверхность ровная и хорошо обожжена. На одной из жаровен у края в нескольких местах прослежены парные выемки. В средней части одной из жаровен диаметром 14 см — несквозное отверстие (рис. 4, 5).

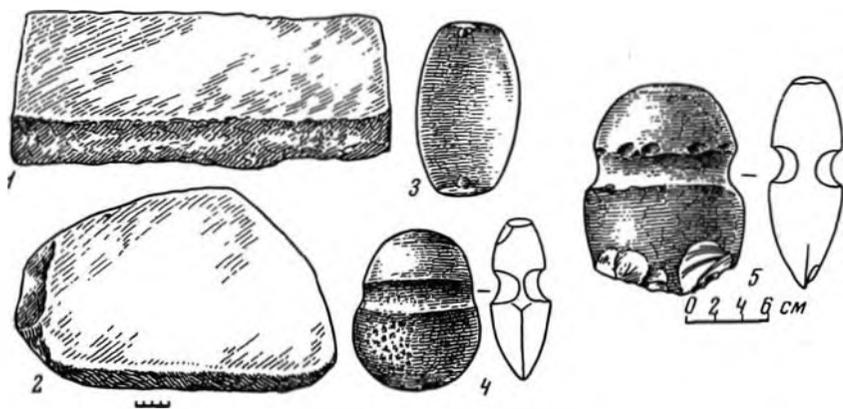

Рис. 2. Каменные орудия (1—5)

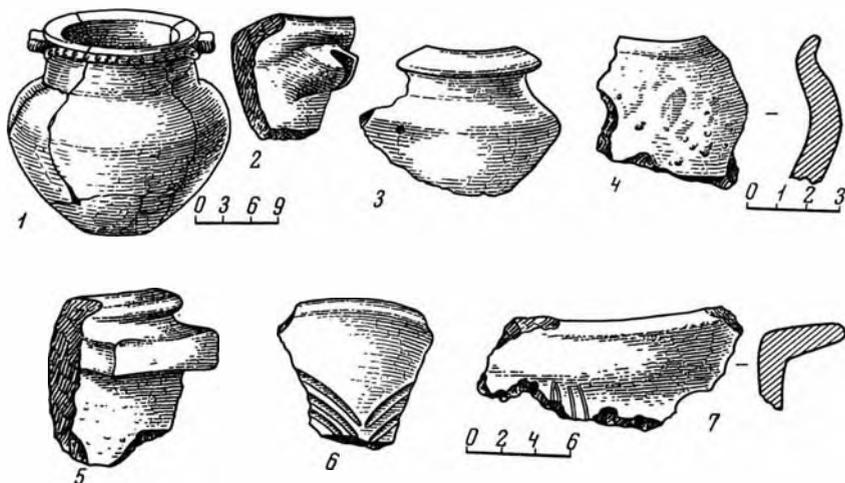

Рис. 3. Керамика (1—7)

Аналогичные глиняные жаровни встречены в целом ряде памятников раннебронзового века Кавказа, в частности в комплексах куро-аракской культуры⁷.

Было высказано предположение о том, что большие глиняные жаровни использовались в качестве сковороды или для подсушивания зерна⁸.

Говоря о керамике гяфлетепинского поселения, следует отметить, что на ней не встречается орнамент, состоящий из выпукло-вогнутых рельефных украшений в виде спиралей, концентрических кругов и резных узоров геометрического мотива, столь характерного для керамики эпохи ран-

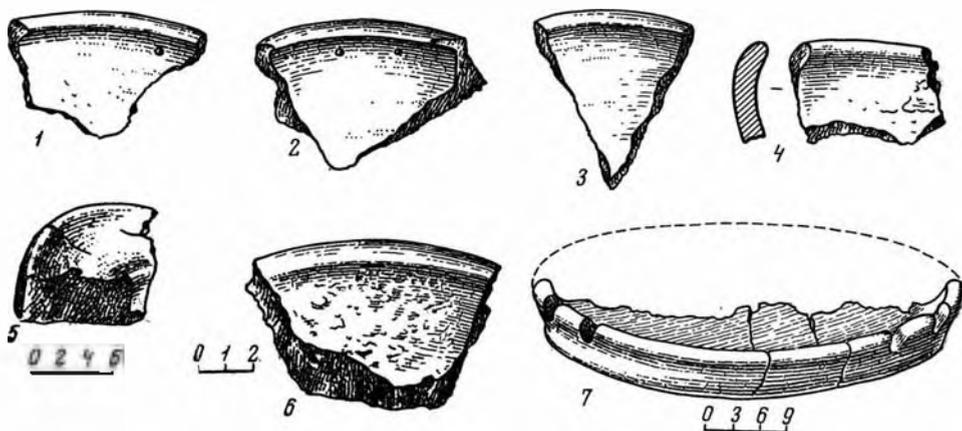

Рис. 4. Керамика (1—7)

ней бронзы Закавказья. На некоторых сосудах изредка встречается орнамент в виде налепного зубчатого валика и резных косых линий у венчика. Подавляющая же часть керамики вообще лишена орнамента. Сосуды с этого поселения не имеют ручек в виде полушарий, характерных для памятников куро-аракской культуры Закавказья. Таких ручек нет и на сосудах из синхронных памятников прикаспийского Дагестана⁹. Вообще материалы с поселения Гяфле-тепелери, в особенности керамики, тяготеют больше к памятникам смежных районов Дагестана, чем Центрального и Южного Закавказья.

Дальнейшее исследование поселения позволит не только выяснить все особенности культуры данной области Восточного Кавказа в эпоху ранней бронзы, но и определить точное культурно-хронологическое место его в общем ряду памятников III тыс. до н. э. Кавказа вообще, а Закавказья в частности.

¹ В переводе с азербайджанского «Гяфле-тепелери» означает «ряд холмов».

² Данные памятники выявлены нами в 1960 г. и в последующие годы неоднократно осматривались, а в 1970 г. здесь были проведены разведочные работы.

³ О. Абибуллаев. Энеолитическая культура Азербайджана. «Материалы по археологии Дагестана», II. Махачкала, 1961, стр. 74.

⁴ А. П. Кружлов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 25.

⁵ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961, стр. 55.

⁶ Там же, табл. III, 3, 5.

⁷ Обзор их дан, например, в работе Р. М. Мунчаева (см.: Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 120—121).

⁸ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 121.

⁹ Там же.

И. Г. Нариманов

**Архаические керамические маслбойки
и этимология азербайджанского слова «нехре»
(маслбойка)**

Керамические маслбойки куро-аракской культуры (III тыс. до н. э.) имеют важное значение в изучении развития скотоводства, его роли в хозяйстве, культуры животноводства. Еще не так давно время появления керамических маслбоек в Закавказье определялось второй половиной II тыс. до н. э. Единичные экземпляры глиняных маслбоек более раннего времени не привлекли внимания археологов.

В настоящее время в свете новых археологических данных подход к истории маслбойки, следовательно и к истории изготовления молочных продуктов, должен быть иным. В период бытования куро-аракской культуры в Закавказье рост домашнего скота создавал излишки молока, что обусловило возникновение маслбойки.

Из памятников этого периода, в которых найдены глиняные маслoбойки, в первую очередь следует назвать поселение Баба-дервиш (Акстафчай) близ г. Казаха¹. Здесь на первом и втором холмах было обнаружено около двадцати глиняных маслoбоек. По характеру материала, обжигу и отделке они совершенно тождественны остальному керамическому комплексу данного памятника.

Неоспоримым доказательством того, что мы имеем здесь дело именно с сосудами-маслoбойками, служат круглые отверстия, связанные с процессом изготовления масла.

Некоторые маслoбойки из Баба-дервиша относятся к типу амфоровидных сосудов с цилиндрическим горлом и яйцевидным туловом. Одна из них — сравнительно большого размера. От нее сохранился обломок шейки полной высоты (22 см). Следовательно, можно полагать, что корпус маслoбойки имел не менее чем в два раза бoльшую высоту, чем его горло. У основания горловины сосуда расположена полусферовидная ручка, а в 4 см от нее, на левой стороне, — сквозное отверстие диаметром 1,3 см, сделанное до обжига. Толщина черепка 1,5 см. Серая наружная поверхность сосуда залощена; внутри он красного цвета со следами бессистемных врезных линий, сделанных пучком грубой травы. Шероховатая внутренняя поверхность обеспечивала быстрое получение масла при сбивании молока.

Это сосуд и две другие маслoбойки аналогичной формы, а также фрагменты иных сосудов были найдены в одной из хозяйственных ям первого холма Баба-дервиш. Ни на одном из них нет признаков орнаментации, тогда как для керамики куро-аракского слоя Баба-дервиш орнамент — нередкое явление. Весьма вероятно, что керамика куро-аракского слоя первого холма Баба-дервиш хронологически не вносится к единому комплексу. Подтверждается это и стратиграфическими данными второго холма Баба-дервиш. В нижнем горизонте его, помимо амфоровидных, обнаружена большая маслoбойка с хорошо залощенной красно-вишневой поверхностью. На ней отсутствует желобчатое углубление, отделяющее корпус от шейки; днище снабжено невысоким поддоном, горло широкое, на верхней части корпуса расположена полусферовидная ручка, выше которой открыто небольшое круглое отверстие.

Типологически эта маслoбойка довольно архаична и относится к числу ранних материалов куро-аракской культуры.

Другие маслoбойки из поселения Баба-дервиш по форме мало отличаются от упомянутых. Однако круглое отверстие у них расположено не на горловине, а на верхней части корпуса. Именно этим признаком они отличаются от предыдущих маслoбоек.

На одной из этих маслoбоек дугообразный перехват ручки отломан. Прямо под дужкой находится сквозное отверстие диаметром 0,8 см, сделанное до обжига, — это особая деталь в маслoбойках из поселения Баба-дервиш. Однако размещение отверстий на горловине или на верхней части корпуса, иногда под дужкой ручки, не имеет отношения к процессу сбивания масла.

Тогда возникает вопрос о причине того или иного расположения отверстия на сосудах. Это не случайно. Глиняные маслoбойки с отверстием на горловине — наиболее древние среди подобных изделий. Постепенно с на-

коплением опыта отверстие это перенесли на верхнюю часть корпуса. Из всего сказанного следует логический вывод, что маслобойки первой группы (с отверстием на горловине) считаются ранними, а маслобойки второй группы — поздними.

Другим памятником в Азербайджане, где были обнаружены ранние экземпляры глиняных маслоек, является поселение Кюль-тепе I у г. Нахичевань. Здесь в слое куро-аракской культуры найдены две маслобойки. Одна из них описана О. А. Абибуллаевым так: «Часть большого сероглиняного кувшина, склеенного из многих фрагментов слабого обжига, поверхность залощена. Корпус сосуда округлый и продолговатый, плоское дно сравнительно широкое, верхняя часть отбита. Из трех полушаровидных ручек, прилепленных на верхней части корпуса, сохранилась одна. Выше ручки имеется круглое отверстие, сделанное до обжига. Может быть, это маслобойка. Высота оставшейся части 50,4 см, диаметр дна 10,6 см, приблизительный диаметр тулова 43 см». Эта очень крупного размера маслобойка обнаружена на глубине 11,5 м. Еще глубже (12 м) найдена другая маслобойка, значительно меньшего размера. Данные находки относятся к числу самых ранних материалов куро-аракского слоя из поселения Кюль-тепе.

Отверстия на кюльтепинских маслобойках в одном случае расположены на одном уровне с ручками, а на другом — выше, т. е. в обоих случаях они находятся на верхней части корпуса.

Среди керамического материала, собранного на поселении Гяфле-тепелери², присутствует фрагмент сероглиняного сосуда, на котором сохранилось круглое отверстие, сделанное до обжига. Очевидно, это была часть от маслобойки. Раскопки, проведенные в последние годы Ф. М. Мурадовой на поселении куро-аракской культуры в Гобустане, выявили также глиняные маслобойки³.

Ранние глиняные маслобойки известны также на территории Армянской и Грузинской ССР. В Армении из памятников куро-аракской культуры, в которых они найдены, отметим поселение Шенгавит⁴, а в Грузии — Дабло-Гоми⁵ и Урбниси⁶.

В памятниках куро-аракского типа на территории Восточной Анатолии и Северо-Западного Ирана глиняные маслобойки пока неизвестны. Они не отмечены до сих пор и в памятниках ранней бронзы Северного Кавказа. Характерно, что глиняные маслобойки на территории Северного Кавказа не были зафиксированы и в памятниках последующих периодов, тогда как в Закавказье они бытовали во все периоды эпохи бронзы и железа, дожив до наших дней.

Современные глиняные маслобойки Азербайджана сохраняют в целом форму древних маслоек данной территории, если не считать некоторых различий, например, в форме ручек. Но изменение формы ручек началось еще в эпоху бронзы. С упадком куро-аракской культуры выходят из употребления и полушарные ручки. В маслобойках эпохи поздней бронзы ручки более удобны, они горизонтально-наклонные, установлены на плечиках сосудов⁷. В редких случаях ручки на маслобойках отсутствуют (Триалети, Редкинлагер, Цхинвали, Хачбулаг и т. д.). По-прежнему около ручки существует отверстие, но, в отличие от ранних, оно

нередко окружено круглым выступом. В этот период для ускорения процесса сбивания масла после формовки сосудов-маслобоек на внутренней поверхности их прилеплялись глиняные заостренные комья. Такие маслобойки были найдены в Сары-тепе и в древнем поселении около Кармирблур. На маслобойках из поселения Кара-тепе в Мильской степи, относящегося ко второй половине I тыс. до н. э., встречаются цилиндрические остроконечные выступы на днищах внутри⁸. Подобные маслобойки встречены в комплексе Мингечаура и относятся к античному и раннесредневековому времени⁹. Очевидно, к маслобойкам с выступом можно отнести фрагмент днища из Узерлик-тепе эпохи средней бронзы¹⁰.

Цилиндрические остроконечные выступы на днищах маслобоек, безусловно, связаны с ускорением процесса изготовления масла. В настоящее время для указанной цели, правда не всегда, при сбивании масла в маслобойки бросают деревянные ложки или палочки. Присутствие обработанных костяных палочек и обожженных глиняных шариков на поселении Баба-дервиш предполагает применение данного приема еще в III тыс. до н. э. Масло готовят обычно из кислого молока, иногда из сливок и простокваши. Маслобойку клали боком на землю и раскачивали так, чтобы содержимое интенсивно взбалтывалось и от него отделялось масло.

Этнография Азербайджана и всего Закавказья знает несколько видов маслобоек, которые подробно описаны в соответствующей литературе, как и процесс изготовления масла¹¹.

Памятники III тыс. до н. э., в которых найдены глиняные маслобойки, локализуются в восточной и центральной частях Закавказья. Поэтому с большей вероятностью можно высказать предположение об их закавказском происхождении. У нас нет оснований связывать происхождение глиняных маслобоек с районами Древнего Востока, где нет аналогичных предметов. Напротив, все данные, в частности материалы из поселения кура-аракской культуры Баба-дервиш, свидетельствуют о том, что именно Закавказье было одним из древнейших центров возникновения маслобоек.

В этой связи большой интерес представляет также выяснение этимологии азербайджанского названия маслобойки — «нехре» («nehre»).

На армянском языке маслобойка называется «хноци» или «югкар», на грузинском — «садгвებელა». По-разному называется маслобойка у народов, говорящих на дагестанских языках: на цахурском — «беьякан», на удинском — «буйкал», на аварском — «дад», на лакском — «урша», на лезгинском — «кквар».

Азербайджанское слово «нехре», как видно, по своему материальному составу не совпадает с названиями маслобойки в языках народов дагестанской группы. Однако «нехре», как это ни кажется неожиданным, на первый взгляд свободно этимологизируется на основе именно дагестанских языков. «Нерх» означает масло на цахурском и рутульском языках, «нех» — на аварском, «нах» (nah) — на лакском, «нак/айран» (сыворотка) — на удинском, «нек» (молоко) — на цахурском, «нак» (молоко) — на лакском языках.

Может быть, азербайджанское слово «нехре» составлялось из «нех» и «ре». Первая часть означает, очевидно, масло и смежные с ним про-

дукты. Если вторая часть — существительное, тогда в целом слово «нехре» можно этимологизировать как сосуд для сбивания масла. Если вторая часть слова «нехре» — глагол, то в этом случае «нехре» означает снаряд, сбивающий масло. Не исключено, что «нехре» — одно слово, связанное с типичной перегласовкой «нерх» из «нехр».

Можно было допустить предположение о том, что азербайджанское название керамической маслобойки заимствовано у народов дагестанских языков, если на этих языках маслобойка называлась так же, как у азербайджанцев. Однако это не так. Тогда возникает вопрос, чем же объяснить совпадение как материального состава, так и смыслового азербайджанского названия маслобойки со словами «масло», «молоко» и «сыворожка» у народов дагестанских языков? Вывод может быть только один: азербайджанское название «маслобойка» сохранилось с тех времен, когда предки азербайджанцев и многих народов Кавказа говорили на родственных языках.

Это, очевидно, время III тыс. до н. э. и предшествующие тысячелетия, ибо в III тыс. до н. э. в Закавказье уже появляются глиняные маслобойки и, вероятно, тогда же появляется и название «нехре», почти в неизменном виде сохранившееся до наших дней¹².

В ту пору население Осетии, вероятно, говорило на близком языке с населением других районов Кавказа. В языке осетин имеется слово «нехле» (масло), имеющее сходство с вышеуказанными словами не только по смысловому, но и материальному составу. В чеченском языке сохранилось слово, связанное с молочным продуктом. Это — «нехча» (сыр).

В дагестанских языках, как отмечено, есть слова «нех» («neh»), «нах» (nah); оно употребляется в значении масла, «нак» — в значении «сыворожка»; «нек», «нак» — в значении молока. В этих же языках маслобойка обозначается словами, не этимологизирующимися на основе «нех», «нах», «нек», «нак». Но азербайджанский термин «нехре», как уже говорилось, этимологизируется именно на этой основе. В грузинском языке керамическая маслобойка обозначается словом «садгвебела». На территории Грузии и Азербайджана в III тыс. до н. э. обнаружены керамические маслобойки. На территории Дагестана и Северного Кавказа эти маслобойки в III тыс. до н. э. пока неизвестны. Следовательно, возникновение слова «нехре» надо датировать временем, когда уже произошло обособление некогда единого кавказского языкового субстрата. Е. А. Бокарев считает, что обособление дагестанских языков произошло не ранее III тыс. до н. э.¹³, что почти совпадает с временем появления в Закавказье керамической маслобойки.

Азербайджанское слово «нехре» в одном значении употребляется как в Южном (Иранском) Азербайджане, так и в Северном (Азербайджанской ССР). В Иране персы также употребляют слово «нехре», которое, однако, не этимологизируется на основе персидского языка¹⁴. Другие персидские названия маслобойки — «дуг кеши», «кере кеши» — четко этимологизируются и состоят из двух персидских слов «дуг» (сыворожка), «кере» (масло) и «кеши» (сбивать, делать). Следовательно, «дуг кеш» означает снаряд для сбивания сыворожки, а «кере кеши» — для сбивания масла. Таким образом, становится понятным, что слово «нехре» заимство-

вано персами. Это подтверждается еще и тем, что у таджиков нет слова «нехре»; маслобойка у таджиков называется «гуппи».

На талышском языке маслобойка называется «ниэ». Очевидно, возникновение талышского «ниэ» относится к тому же времени и слово это, вероятно, сохранилось с догалышского этапа языковой истории местного населения. На татском языке маслобойка также обозначается словом «нехре». Ни «ниэ», ни «нехре» не этимологизируются на основе талышского и татского языков¹⁵.

Очевидно, язык племен куро-аракской культуры (Закавказья, Северо-Западного Ирана, Восточной Анатолии и Северо-Восточного Кавказа) принадлежал к древней кавказской языковой общности. С этой точки зрения немалое значение имеет высказанное сто лет назад мнение В. Ф. Миллера о том, что коренные языки Кавказа появились еще задолго до индоевропейских и семитических языков; они как пережиток более многочисленной семьи языков бытовали к югу от Кавказа. Это не противоречит, а вполне согласуется с весьма важными выводами археологов-кавказоведов, что в материально-культурном единстве Кавказа и Восточной Анатолии в III тыс. до н. э. скрывается единство древнейшего этнического и языкового субстрата¹⁶.

- ¹ И. Г. Нариманов, Г. С. Исмаилов. Акстафачайское поселение близ г. Казах. СА, 1961, № 4, стр. 149.
- ² См. ст. Д. А. Халилова, Г. П. Кесаманлы в настоящем сборнике, стр. 57, сл.
- ³ Из отчета археологических раскопок в Гобустане в 1970 г. (рукопись).
- ⁴ Т. С. Хачатрян. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963, стр. 143.
- ⁵ «Археология Грузии». Тбилиси, 1959, стр. 85 (на груз. яз.).
- ⁶ А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонт. Урбниси 1. Тбилиси, 1962, табл. IV, 400 (на грузинском языке, с русским резюме).
- ⁷ Т. А. Бунятов. Из истории хозяйства в древнем Азербайджане. (К вопросу об изготовлении молочных продуктов). КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 39—40.
- ⁸ О. Ш. Исмизаде. Глиняные маслобойки из Мильской степи. «Доклады АН Азерб. ССР», № 2. Баку, 1961.
- ⁹ Р. М. Ваидов. Мингечаур в III—VIII вв. Баку, 1961, стр. 79—80.
- ¹⁰ К. Х. Кушнарасва. Новые данные о поселении Узерлик-тепе. МИА, № 195, 1965, стр. 82.
- ¹¹ Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957, стр. 108—114; Т. С. Хачатрян. Материальная культура древнего Артика, стр. 142—147.
- ¹² И. Г. Нариманов. К истории маслобойки. «Материалы сессии, посвященной итогам археологических исследований 1964 года в СССР (Тезисы докладов)». Баку, 1965, стр. 70.
- ¹³ Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, стр. 5.
- ¹⁴ Б. В. Миллер. Персидско-русский словарь. М., 1950, стр. 997; Х. Г. Кор-Олы. Персидско-русский и русско-персидский словарь. М., 1957, стр. 317.
- ¹⁵ В подборе материалов по дагестанским языкам мне любезно оказали помощь специалисты по кавказским языкам И. С. Джидалаев и В. Гукасян, которым приношу свою благодарность.
- ¹⁶ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1961, стр. 164—165; Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. СА, 1961, № 1, стр. 26.

Поселения очамчирской культуры в горах Абхазии

На карте распространения «энеолитических» культур Кавказа и Малой Азии, опубликованной Е. И. Крупновым, заштрихованный треугольник — территория Северо-Восточного Причерноморья — именуется «неизученным энеолитом...»¹. Это определение, высказанное десять лет тому назад, остается в силе и до настоящего времени. На самом деле, по сравнению с соседними территориями — Северным Кавказом и в особенности Закавказьем, где памятники раннего металла исследуются многочисленными группами специалистов, изучение культур эпохи бронзы на Черноморском побережье несколько отстает.

Прошло уже около сорока лет со времени первых археологических раскопок поселений эпохи ранней бронзы в Абхазии и Колхидской низменности². За истекшее время обнаружено и обследовано несколько десятков новых объектов, появились публикации комплексов и первые обобщающие работы³, позволившие говорить, теперь уже довольно определенно, о распространении на Кавказском Причерноморье в эпоху ранней бронзы самобытной культуры, по многим признакам отличающейся от синхронных ей майкопской и куро-аракской культур⁴. И вместе с тем много важных вопросов генезиса этой культуры, ее датировки, ареала еще далеки от окончательного решения. Изучение культуры эпохи ранней бронзы Кавказского Причерноморья требует накопления фактов.

Так, из-за отсутствия конкретных данных до последнего времени мы почти ничего не могли сказать о том, к какой этнокультурной группе относятся племена, заселявшие горную зону Абхазии и оставившие там свои погребальные памятники. Как показали исследования поселений прибрежной полосы, на жизненный уклад носителей распространявшейся здесь культуры заметный отпечаток наложила близость и общение с морем. Ведущую роль в их хозяйстве, наряду с земледелием и скотоводством играл рыбный морской промысел⁵.

В горной Абхазии дольмены были найдены еще в 1926 г.⁶ Затем погребальные памятники были обнаружены еще в нескольких пунктах, но их связь с конкретной археологической культурой оставалась невыясненной, так как не были обследованы бытовые памятники — поселения этой эпохи. В последнее время в горах Абхазии были проведены первые археологические раскопки поселений эпохи ранней бронзы. Остановимся вкратце на результатах раскопок двух пещерных стоянок.

В 1968 г. отряд археологической экспедиции Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР обследовал пещеру Ахра капш⁷. Она расположена в 30 км от Сухуми, на правом берегу р. Кодор, в 300 м ниже впадения в нее притока Джампал, на крутом скалистом склоне, в 40—50 м над уровнем речной поймы. Пещера представляет собой обращенную к юго-востоку полость в толще известняка, имеет ровный пол, заваленный оторвавшимися от потолка

глыбами. Ширина пещеры в средней части 7—8 м, глубина 17 м. На свободной от обломочного материала площадке у северной стенки пещеры был заложен раскоп (4×3 м), который позволил проследить следующее чередование слоев.

Слой I. Толщина 0,10—0,15 м. Темно-серый мелкозернистый пылеватый суглинок с большим содержанием золы. Встречались современные предметы.

Слой II. Толщина 0,30—0,40 м. Светло-коричневый рыхлый мелкокомковатый суглинок. Часто встречалась щебенка известняка, реже — речная сланцевая галька. Слой был насыщен угольками и пятнами золы. В слое найден фрагмент стеклянного сосуда и множество фрагментов разнообразной керамики. На одном фрагменте ручки сосуда нанесен орнамент в виде вдавленных кружков. Такой орнамент типичен для цебельдинской культуры раннего средневековья⁸. Этим временем, очевидно, и должен датироваться слой II.

Слой III. Толщина 0,35—0,45 м. Состоял из большого количества мелкой и крупной щебенки, больших обломков и глыб известняка, обломков сталактитов и пещерных натечных образований. Между камнями залегал светло-коричневый суглинок. В слое встречены черепки, характерные как для слоя II, так и для слоя IV. По-видимому, в течение длительного промежутка времени пещера была необитаемой. В этот период проходили резкие температурные колебания, вызвавшие сильное разрушение потолка и стен пещеры.

Слой IV. Толщина 0,30—0,70 м. Светло-коричневый гумусированный суглинок с большим количеством мелкой и крупной щебенки известняка. Большое содержание золы делает слой рыхлым. Встречались мелкие угольки и очажные пятна. Под слоем IV залегал крупнозернистый речной песок; культурных остатков в нем нет.

В комплексе находок из слоя IV имеется дисковидный нуклеус с негативами мелких пластинчатых сколов и два небольших отщепов красного кремня. Обнаружено также около 20 галечных сколов. Они сбиты с галек сланца, форма их овальная, один из краев — всегда тонкий. Сколы, по всей вероятности, использовались как резак. Найдена заготовка долото-видного орудия из удлиненной сланцевой гальки.

Основную массу находок четвертого слоя составляют фрагменты керамической посуды хорошего обжига с большим содержанием в глине дробленого кальцита. Иногда примесь видна на поверхности сосудов. Судя по фрагментам, ведущим типом были сосуды баночной формы (рис. 1, 1, 3, 4) с плоским, слегка выступающим у основания днищем (рис. 2, 10, 12, 13, 16), с прямыми или слегка отогнутыми наружу венчиками (рис. 1, 1, 3, 4). Встречались также фрагменты маленьких горшочков с небольшим вздутием тулова и петельчатыми ручками. Такие ручки прикреплялись посредством небольших круглых глиняных стерженьков, вделанных в ствол ручки и продетых через стенку сосуда. Некоторые сосуды вместо петельчатых ручек снабжались ластовидными выступами, помогавшими удерживать сосуд в руках (рис. 1, 8). В слое было найдено несколько черепков более крупных сосудов с заметным вздутием корпуса. На одном фрагменте от верхней части такого сосуда имеется массивная ручка,

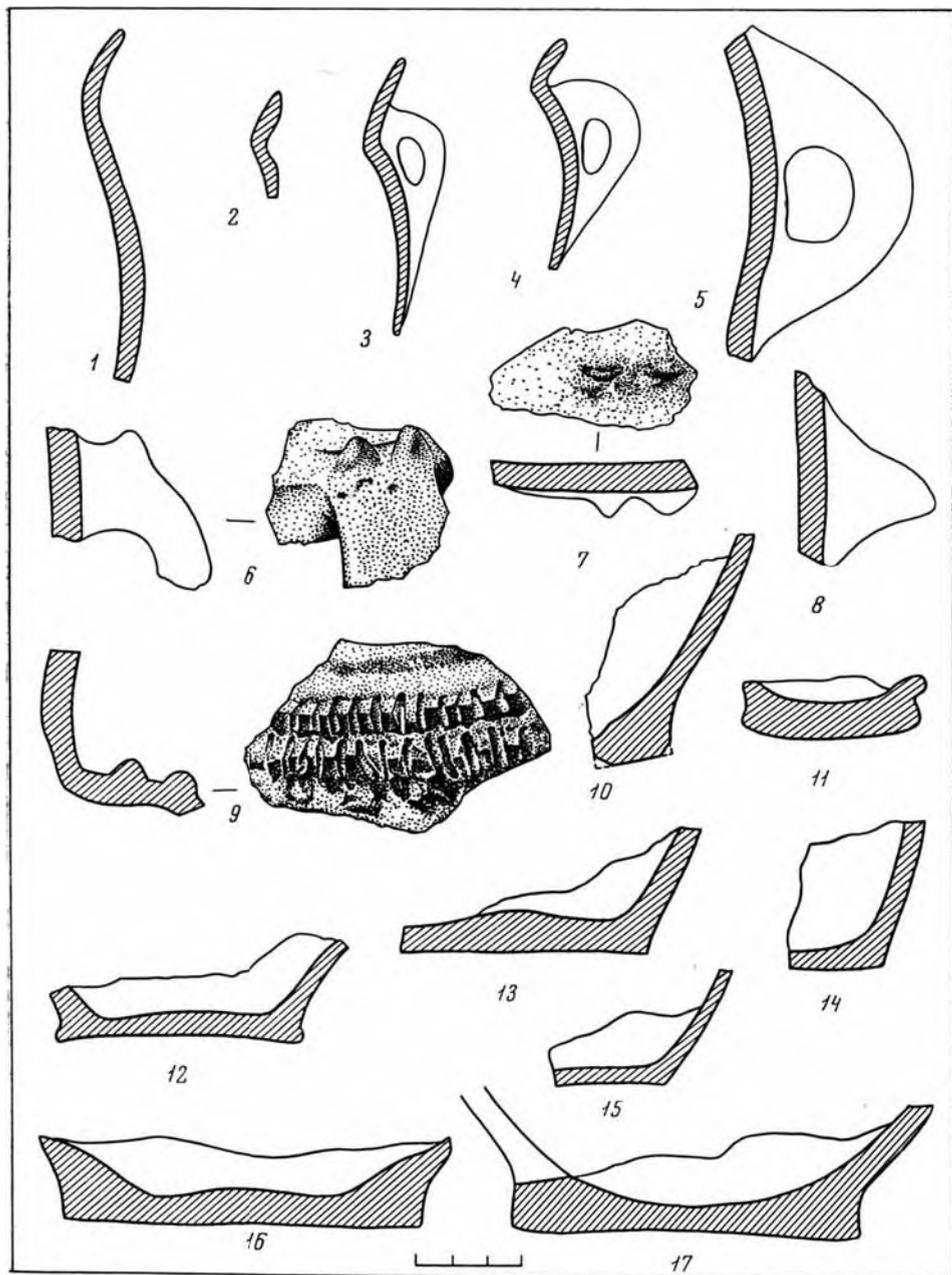

Рис. 1. Керамика из пещеры Ахра капш и грота Пал

1, 3-10, 12, 13, 16 — керамика из пещеры Ахра капш; 2, 11, 14, 15, 17 — керамика из грота Пал

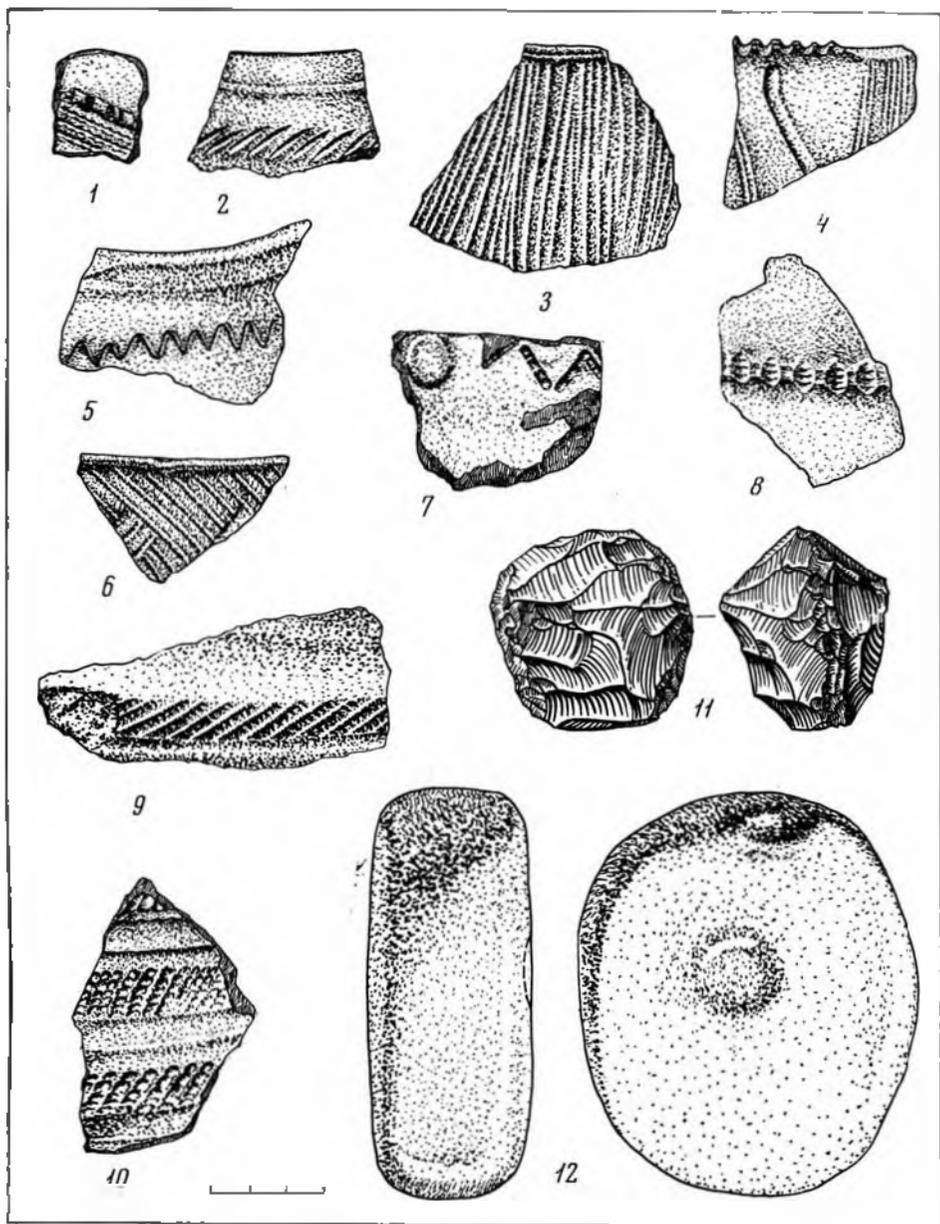

Рис. 2. Каменные орудия и керамика из пещеры Агра капш и грота Пал
 1, 2, 5, 7, 8, 10, 12 — материалы из грота Пал; 3, 4, 6, 9, 11 — материалы из пещеры Агра капш

у верхнего края которой наклеплено два зубца (рис. 1, 6). Такие же пары зубцов встречались на фрагментах стенок сосудов (рис. 1, 7).

Поверхность сосудов заглаживалась гребенкой, следы которой видны на поверхности фрагментов (рис. 2, 3). Иногда бороздки гребенки создают определенный узор (рис. 2, 6).

На этом можно закончить краткое описание материалов из слоя IV пещеры Ахра капш. К выводам, которые вытекают из этого описания, мы вернемся после обзора результатов обследования другого объекта — грота Пал.

Грот Пал расположен также на правом берегу р. Кодор у самой вершины Багадских скал. Он представляет собой широкую и высокую нишу в известняках, обращенную к юго-востоку. Большая часть грота загромождена мощными глыбами известняка. Наиболее удобен для обитания северо-западный угол. В этом месте и был заложен шурф (2×2 м), давший следующую стратиграфию⁹.

Слой I. Толщина 0,10—0,15 м. Пылеватый и рыхлый, обогащенный золой и гумусом светло-серый суглинок. Встречались современные предметы и средневековая керамика.

Слой II. Толщина 0,05—0,08 м. Светло-серая зола с угольками. Встречалась средневековая керамика.

Слой III. Толщина 0,10—0,20 м. Серый рыхлый суглинок с небольшим количеством щебенки. Найдены средневековая керамика и обломок железного ножа.

Слой IIIa. Толщина 0,03—0,07 м. Прослойка золы и угля.

Слой IV. Толщина 0,20—0,40 м. Щебенка и крупные обломки известняка, заполненные рыхлым темно-серым суглинком, обогащенным золой. В верхней части выявлена средневековая керамика. У основания слоя попадают черепки эпохи бронзы.

Слой V. Толщина 0,20—0,40 м. Коричневая рыхлая супесь с большим количеством крупной щебенки. Встречалась керамика эпохи бронзы. Находок мало.

Слой VI. Темно-серая рыхлая супесь с небольшим содержанием щебенки и крупных обломков известняка. Слой гумусирован, обнаружены угольные пятна. Находки представлены фрагментами сосудов эпохи бронзы, каменным терочником (рис. 1, 12) и кремневым отщепом с боковым режцовым сколом.

Слой VII. Светло-коричневая плотная супесь с большим содержанием крупных камней, гранита и песчаника. Находок нет.

Шурф раскопан до глубины 1,50 м.

Таким образом выясняется, что верхняя свита отложений до слоя IV накапливалась с эпохи средневековья. Наиболее ранняя керамика этих слоев датируется VII—IX вв. В период накопления слоя IV грот, очевидно, не обитался. Это было время резких температурных колебаний, способствовавших отслаиванию с потолков и стенок грота щебенки и крупных глыб известняка.

Керамика слоев V и VI представлена фрагментами небольших сосудов, в глине которых наблюдается примесь мелкодробленного кальцита. Поверхность покрыта вертикальной штриховкой. Днища сосудов плоские,

у некоторых — несколько расширенное основание (рис. 1, 11, 14, 15, 17). Часть сосудов имела ручки и была украшена орнаментом в виде горизонтальных полос, нанесенных штампом (рис. 2, 1, 5, 7, 8, 10). Есть фрагменты с лощеной внешней поверхностью.

Таким образом, характерные признаки керамики грота Пал типичны и для посуды из пещеры Ахра капш. Признаки здесь повторяются в деталях. Очевидно, можно говорить о синхронности этих двух объектов. Вместе с тем материалы пещеры Ахра капш и грота Пал имеют аналогии в памятниках прибрежной полосы, в частности Очамчирского поселения. Совпадения можно проследить в технике изготовления посуды, форме сосудов, способе прикрепления ручек, в характерных следах расчесов гребенки на поверхности сосудов, типичных очертаниях днищ¹⁰. Нет сомнений в том, что эти пещерные стоянки и Очамчирское поселение относятся к одной археологической культуре. Однако Очамчирское поселение — более древнее. Сосуды этого эталонного памятника украшались в основном резным орнаментом¹¹. Штамп только входил в употребление. В пещере же Ахра капш и гроте Пал штампованный орнамент уже превалирует (рис. 1, 9; 2, 1, 7—10). Из береговых поселений орнамент, нанесенный штампом, характерен для Гумистинского поселения¹². Оно, судя по сходности способов и мотивов орнаментики и в особенности по сходности миниатюрных кремневых наконечников стрел, синхронно второму слою поселения Диха Гудзуба в Колхидской низменности и нижнему слою Эшерского дольмена из раскопок Б. А. Куфтина 1937 г.¹³ Все три памятника относятся к эпохе ранней бронзы и пока (до результатов анализа материалов Гумистинского поселения по радиоуглероду) предварительно датируются рубежом III и II тыс. до н. э. Где-то в этих пределах находится время, когда накапливались нижние культурные слои в пещере Ахра капш и гроте Пал. В этих пещерах не были найдены каменные грузила для сетей, которые исчисляются десятками на каждом поселении приморской зоны. Зато наряду с костями домашних животных в пещере Ахра капш встречались кости горного тура. Надо полагать, что географический фактор наложил свой отпечаток на специфику хозяйства жителей горной зоны. Если для поморов дополнительным (а может быть, и главным) источником пропитания служило рыболовство, то для горцев таким источником была охота.

¹ Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. СА, 1964, № 1, стр. 38.

² Л. Н. Соловьев. Энеолитическое селище близ г. Очамчиры. «Труды Абхазского института», т. III. Сухуми, 1939; Б. А. Куфтин. Материалы по археологии Колхиды, т. II. Тбилиси, 1950.

³ Л. Н. Соловьев. Первобытные стоянки Очамчиры и Воронцовской пещеры, их стратиграфия и хронология. Автореф. канд. дисс. Симферополь, 1956; В. В. Бжания. Древнейшая культура Абхазии. Автореф. канд. дисс. М., 1966.

⁴ В. В. Бжания. Древнейшая культура Абхазии, стр. 22, 23.

⁵ Там же, стр. 25.

⁶ В. И. Стражев. К Азантскому дольмену. «Известия Абхазского научного общества», вып. IV. Сухуми, 1926.

⁷ Начальник экспедиции — Л. Н. Соловьев, начальник отряда — В. В. Бжания, научный сотрудник — Е. К. Анджинджал, лаборанты — А. И. Герасимова, А. О. Тополян.

⁸ М. М. Трапш. О некоторых итогах археологического исследования в с. Цебельда. «Труды Абхазского института»,

т. XXXII, 1961, стр. 187—190;
Г. К. Шамба. Ахачгарху — древний мо-
гильник нагорной Абхазии. Сухуми,
1970, стр. 18—32.

⁹ Обследование грота проводил Причер-
номорский отряд Института археологии
АН СССР (начальник отряда —
В. В. Бжания), включенный в состав
Причерноморской экспедиции Институ-
та истории, археологии и этнографии

АН Грузинской ССР (начальник экспе-
диции — Н. З. Бердзенишвили).

¹⁰ Л. Н. Соловьев. Энеолитическое сели-
ще..., стр. 41—44.

¹¹ Там же, стр. 44.

¹² В. В. Бжания. Раскопки Гумистинского
поселения в 1964 г. КСИА, вып. 115,
1969, стр. 61.

¹³ В. А. Куфтин. Материалы к археологии
Колхиды, т. II. Тбилиси, 1950, стр. 243.

Р. М. Мунчаев

Бронзовые псалы майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе

В последние годы большое внимание привлекают к себе вопросы о времени и месте доместикации лошади и о возникновении коневодства. Для изучения этих вопросов значительный интерес представляют материалы, происходящие из древнейших памятников Кавказа, в частности, раннебронзового века (III тыс. до н. э.). Настоящая статья и ставит целью ознакомить читателя с этими материалами, включающими в себя такие уникальные предметы, как древнейшие бронзовые псалы.

В целом ряде поселений куро-аракской культуры, например в Шенгавите и Эларе (Армения), Дидубе, Квацхелеби и Илто (Грузия), Каразе (Восточная Анатолия) и других, обнаружены кости лошади. Причем в Шенгавите кости лошади по количеству находок занимают третье место. Костей мелкого рогатого скота найдено 1573, крупного — 720, костей лошади — 472¹. Специальное изучение последних показало, что они принадлежат домашним особям². Кроме того, кости домашних лошадей отмечены, хотя и в крайне незначительном количестве (всего 0,4% от общего числа), в прикубанских поселениях майкопской культуры³, а также в Серженьюртовском I поселении (Чечено-Ингушетия). Таким образом, установлено, что в III тыс. до н. э. на Кавказе уже была домашняя лошадь.

На это указывают и находки глиняных фигурок лошади (во всех случаях сохранились головки) в куро-аракском слое Нахичеванского Кюльтепе⁴, Шенгавите и Эчмиадзинском Кюльтепе⁵. Нельзя в этой связи не отметить и удивительно реалистически выполненное изображение лошади на одном из серебряных сосудов, обнаруженных в Майкопском кургане.

Проблема доместикации лошади остается еще не выясненной до конца. Однако в ее решении (после выхода в свет труда Ф. Ганчара⁶) за последние годы достигнуты значительные успехи. Большая заслуга в этом принадлежит В. И. Бибиковой, изучившей костные остатки лошади из целой группы древнейших памятников Юго-Восточной Европы.

Наиболее древней из известных в настоящее время домашних лошадей считается лошадь с поселения Деревка на правом берегу Днепра, раскопанного Д. Я. Телегиным и датированного второй половиной IV тыс. до н. э.⁷ Кости домашней лошади встречены во многих памятниках III тыс. до н. э. Юго-Восточной Европы. Известно, что в культурном слое у хут. Репина (на Дону) кости лошади составляют до 80% всей коллекции остеологических находок⁸. В Михайловке (в древнейшем слое костей лошади 7,3%, а в следующем 17,9%) и на других поселениях, близких к ней, процент костей лошади составляет в среднем 18,2%⁹. Н. Н. Мерперт произвел подсчет процента костей лошади, встреченных в различных вариантах ямной культурно-исторической общности. Так, в нижнеднепровском они составляют 14%, а приазовском — 12%, в предкавказском — 7%¹⁰. Кости домашней лошади были обнаружены и в позднетрипольских памятниках, например, в Усатово и Маяках. Здесь, как и в Шенгавите, кости лошади по количеству занимают третье место¹¹.

Исходя из приведенных и других данных, В. И. Бибилова пришла к выводу, что на территории Юго-Восточной Европы намечаются два ареала памятников — западный и восточный с различным количеством остатков лошади¹². Причем количество остатков лошади в восточном ареале, судя по находкам в хут. Репина, значительно больше, чем в западном. Данный ареал включает энеолитические памятники левобережной Украины и Среднего Поволжья, а также, по-видимому, Заволжья. В этом ареале лошадь как домашнее животное была освоена очень рано. Отсюда, по мнению В. И. Бибиловой, она могла эпизодически проникать на смежные территории¹³. Одной из таких территорий является Кавказ.

Можно ли считать, что именно из этого ареала лошадь попала на Кавказ? Или она попала сюда из южных областей? Хотя область к югу от Кавказа не была родиной дикой лошади, она, как считал Ф. Ганчар, стала важнейшим центром разведения лошадей¹⁴. И. М. Дьяконов отмечает, что теперь существуют многочисленные доказательства того, что лошадь была известна в Двуречье в III тыс. и даже в IV тыс. до н. э., хотя там основным транспортным животным оставался в то время осел¹⁵. Известно также, что в конце III тыс. до н. э. в Месопотамии появилась легкая двухколесная колесница, которая позволила использовать коня в бою¹⁶. В этой связи И. М. Дьяконов приводит такой любопытный факт: в XXI в. до н. э. в гимне шумеро-аккадскому царю Шульге сообщается, что он якобы проскакал около 150 км в колеснице за день¹⁷. Несмотря на это лошадь в Месопотамии была редким и очень дорогим животным. Согласно документу из архива Мари, на который ссылается И. М. Дьяконов, цена на лошадь в XIX—XVIII вв. составляла 2,5 кг серебра, что соответствовало примерно цене пяти-шести рабов или 10 га земли¹⁸.

Приведенные данные, как по Восточной Европе, так и по Передней Азии, доказывают существование одомашненной лошади в рассматриваемую эпоху на смежных с Кавказом с севера и юга территориях, но они не решают вопроса о том, откуда появилась лошадь на Кавказе. С. К. Межлумян, специально занимавшаяся изучением палеофауны Армении, хотя и считает, что этот вопрос остается пока открытым, поддерживает точку

зрения тех, кто предполагает, что лошадь попала на Кавказ из степей¹⁹. Так это или нет, сказать с уверенностью трудно. Во всяком случае исключать полностью возможность того, что лошадь могла быть domesticiрована здесь, на самом Кавказе, в особенности в Закавказье, нельзя. Ведь дикие лошади здесь существовали. Достаточно сказать, что основным объектом охоты обитателей Бармаксызской мезолитической стоянки на Цалкинском плоскогорье в Грузии являлась дикая лошадь. Обнаруженные здесь костные остатки принадлежат главным образом дикой лошади²⁰.

Однако, как бы этот вопрос в дальнейшем ни был решен, сейчас уже совершенно очевидно, что населению Кавказа, в особенности Закавказья эпохи ранней бронзы, была знакома домашняя лошадь. Тогда, видимо, и началось здесь развитие коневодства. Любопытно предположение, высказанное И. М. Дьяконовым. Он полагает, что основным источником для пополнения конского состава древневосточных армий служили горные области, особенно Восточная Армения, бассейн Урмии и другие районы Северного Ирана, т. е. составная часть ареала куро-аракской культуры. Исходя из этого, он предполагает, что именно здесь впервые началось развитие коневодства у индоиранских племен²¹.

На памятниках майкопской культуры, как уже говорилось, кости лошади встречаются, по сравнению с памятниками Закавказья и особенно степных районов Юго-Восточной Европы, крайне редко (0,4%). Они представлены единичными экземплярами, да и то не во всех поселениях. В целом лошадей было довольно мало²². Но они здесь были. Ими, вероятно, владели богатые семьи, представители родо-племенной знати. Тем интереснее, что выясняется крайне важный факт, а именно: на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы, точнее на позднем этапе развития майкопской культуры, судя по соответствующим комплексам, лошадь уже использовали для верховой езды. Об этом свидетельствуют найденные в погребениях майкопской культуры две пары бронзовых удила.

Из-за исключительной важности этих находок, представляющих собой древнейшие из известных псалий вообще и металлических в особенности, мы вынуждены специально остановиться на тех памятниках, где они были обнаружены, и дать их описание.

Комплексов майкопской культуры, в которых представлены отмеченные псалии, известно сейчас два. Один — это курган близ г. Майкопа, раскопанный в 1906 г. Н. И. Веселовским²³, а второй — подкурганное погребение, исследованное в 1965 г. Северо-Кавказской экспедицией под руководством Е. И. Крупнова у с. Бамут Ачхой-Мартановского района ЧИАССР²⁴. Поскольку последнее представляет собой хорошо сохранившийся комплекс, мы опишем сначала его, тем более что именно после находок в нем бронзовых псалий стало возможным оценить и значение соответствующих металлических предметов, обнаруженных в Прикубанье еще в начале этого века.

Едва ли есть необходимость давать характеристику Бамутского курганного могильника эпохи бронзы — он уже достаточно широко известен в литературе. Укажем только, что здесь исследовано около 20 погребений майкопской культуры позднего (так называемого новосвободненского) этапа ее развития. Одно из них и есть интересующий нас комплекс.

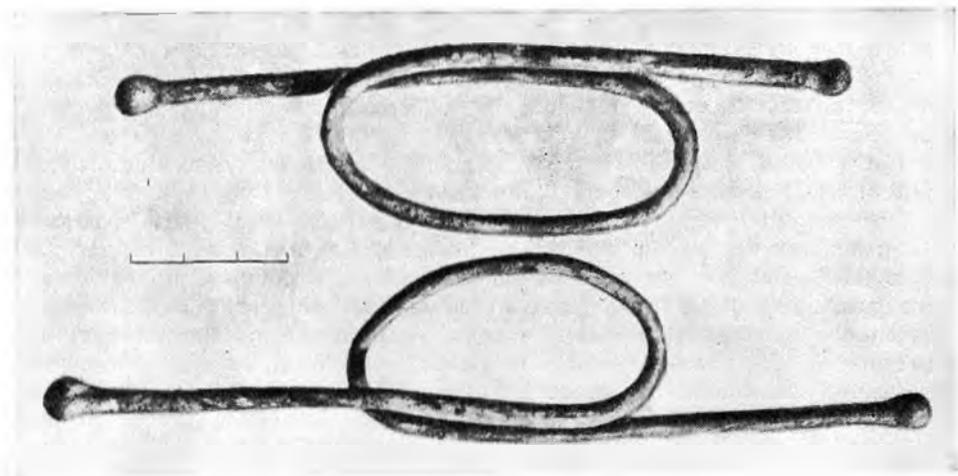

Рис. 1. Бронзовые псални из кургана у с. Бамут

Погребение располагалось под большой насыпью округлой в плане формы. Диаметр ее составлял в среднем 37 м при высоте 2,90 м. Центральная часть (в диаметре 21—24 м от основания до верхушки) была сложена из речных булыжников. Непосредственно под насыпью на глубине 3,0 м находилась могила четырехугольной формы, отличавшаяся значительными размерами (4,70—5,40 (север—юг) × 4,10—4,80 (запад—восток) м). Дно могилы было выложено прослойкой из гальки толщиной 5—10 см, а края укреплены несколькими рядами камней.

Погребенный и его вещи располагались в западной половине могилы, по оси север—юг. Судя по останкам плохо сохранившегося костяка, можно предполагать, что погребение было совершено в скорченном состоянии, на боку, головой на юг—юго-запад.

Под черепными костями найдено четыре литых массивных золотых кольца диаметром 1,2—1,5 см. Рядом с ними находились серебряная игла в виде изогнутого стержня с одним обломанным концом длиной 6,3 см, обломок конического, слегка изогнутого серебряного предмета с отверстием у широкой части (длина 2,4 см) и еще один обломок другого серебряного предмета. Примерно в 0,70 м к юго-востоку от них лежали два плоских бронзовых ножа-кинжала длиной соответственно 8,3 см и 17,5 см.

В северной половине могилы, ближе к северо-западному углу, в специально вырытые неглубокие ямы были положены два крупных красноглиняных сосуда с шаровидным туловом, плоским дном и прямым невысоким венчиком, отогнутым наружу.

Рядом с сосудами находились бронзовое четырехгранное шило длиной 7,4 см и два металлических псалня, сделанных из круглого (диаметром 0,4—0,5 см) в сечении бронзового прута (рис. 1). Концы обоих предметов закруглены (диаметр 0,8—0,9 см). Отличаются они друг от друга

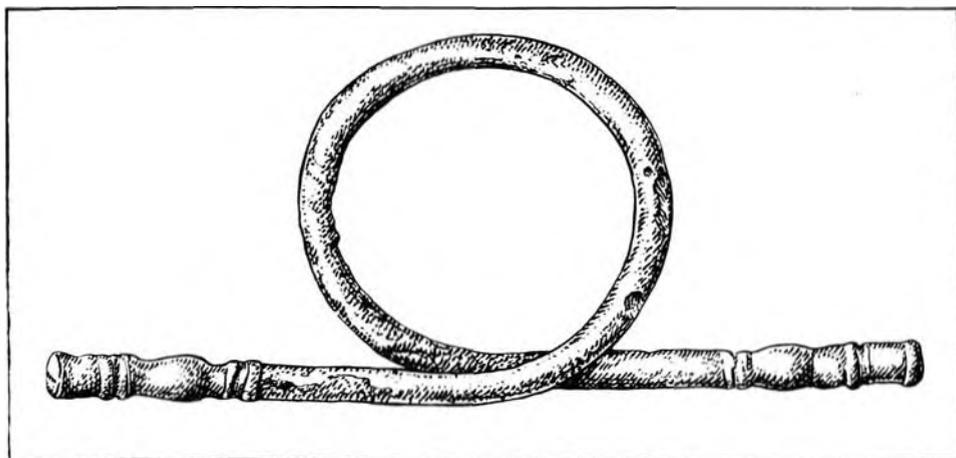

Рис. 2. Бронзовый псалий из кургана близ г. Майкопа

лишь размерами: одно из них достигает в длину 13,8 см, а второе — 16,5 см.

Судя по особенностям погребального обряда и инвентаря, комплекс представляет типичное для позднего этапа майкопской культуры захоронение²⁵.

Не обычны или, говоря иначе, не характерны для металлического инвентаря майкопской культуры как раз интересующие нас бронзовые псалии. Считалось, что в памятниках майкопской культуры никогда до этого не находили псалий, в том числе бронзовых, подобных обнаруженным в Бамуте. А между тем, как выясняется, совершенно аналогичные предметы были обнаружены на Северном Кавказе еще 60 лет тому назад. Хотя Н. И. Веселовский писал об этих предметах, как о псалиях, на это никто не обратил внимания, в том числе и А. А. Иессен, подробно исследовавший металл майкопской культуры.

Опишем условия находки и этих псалий. Они были обнаружены в кургане, расположенном в 3 км к северу от г. Майкопа, по дороге в станицу Келермесскую. Курган был «довольно значительных размеров и красивой формы»²⁶; он неоднократно подвергался, по утверждению Н. И. Веселовского, ограблению. Насыпь кургана состояла из щебня.

С южной части кургана была пробита широкая траншея. Н. И. Веселовский пишет: «В правой стороне раскопа при обвале потревоженной раньше земли обнаружались два медных псалия от удла, но при них ничего больше не оказалось, хотя раскоп в этом месте был значительно расширен. Ниже в насыпи попались черепки глиняной посуды, сходные по материалу с глиняными сосудами Майкопского кургана, кусок черепной кости, покрытый суриком, медный четырехгранный стержень, медная цилиндрическая трубочка и два глиняных пряслица»²⁷.

К глубокому сожалению, этим описанием ограничиваются все сведения об обстоятельствах находки псалий в кургане. Не совсем ясно, сколько

было здесь погребений — одно или два, с каким из них связаны интересные нас находки. Тем не менее, судя по тому, что найдено в кургане, совершенно очевидна принадлежность их к майкопской культуре. Эти псалии такого же примерно размера (длина 13 см), как и обнаруженные в Бамуте, и сделаны также из круглого в сечении бронзового²⁸ стержня с закругленными концами (рис. 2). Правда, они, в отличие от бамутских, выглядят внешне более эффектно. По форме же они совершенно одинаковы. Существенно и то, что в обоих случаях псалии найдены попарно.

Едва ли можно сомневаться в том, что обнаруженные предметы действительно псалии. Экземпляры из Бамута демонстрировались во время докладов в Институте археологии АН СССР и на пленуме ИА АН СССР, с ними внимательно знакомились многие специалисты-археологи. И все, кто их видел, не усомнились в том, что они использовались как псалии²⁹. В пользу того, что это действительно псалии, свидетельствует и результат специального просмотра их через бинокляр, проведенного в лаборатории Института археологии АН СССР. Он показал, что на них остались следы кожи.

Подобные предметы нам не известны нигде за пределами Северного Кавказа. Весь древнейший металл, обнаруженный в памятниках смежных областей Старого Света, в большинстве своем опубликован. Мы тщетно пытались найти им хоть какие-нибудь аналогии в коллекциях Британского музея и некоторых музеев Ирана и Ирака, с которыми нам удалось познакомиться. При встрече с турецкими учеными З. Акургалом и Э. Бильгичем мы интересовались тем, известны ли подобные предметы в памятниках Анатолии. Ответ был отрицательным. Наконец, мы обращались специально по этому вопросу к Ж. Дейе — большому знатоку древневосточного металла. Но и он не сумел указать на какие-нибудь аналогии упомянутым псалиям, заметив, что ничего подобного ему не известно в материалах IV—II тыс. до н. э. Старого Света. Следовательно, эти древнейшие псалии поистине уникальны, что дает основание рассматривать их как продукцию местной металлообработки и предполагать появление коневодства на Северном Кавказе в конце III тыс. до н. э.

¹ С. К. Межлумян. Палеофауна эпохи бронзы на территории Армении. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1965, стр. 6.

² Там же.

³ В. И. Цалкин. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970, стр. 245.

⁴ Т. А. Бунятов. Развитие земледелия и скотоводства в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957, стр. 98; Ю. Липс. Происхождение вещей. М., 1954, стр. 197.

⁵ Э. В. Ханзадян. Культура племен Армянского нагорья в III тысячелетии до н. э. Ереван, 1967, табл. XXVII, 1, 3.

⁶ Ф. Ганчар. Лошадь в доисторическое и историческое время. Вена—Мюнхен, 1956 (на немецком языке).

⁷ В. И. Бибикова. К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы. «Бюллетень Московского общества испытателей природы», отдел биологии, т. III. М., 1967, стр. 113.

⁸ О. Ф. Лаодовская, О. Г. Шапошникова, М. А. Макаревич. Михайловское поселение (на украин. языке). Киев, 1962, стр. 173.

⁹ Там же, стр. 172—173.

¹⁰ Н. Я. Мерперт. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тысячелетия до н. э.). Рукопись докторской диссертации. Архив ИА АН СССР.

¹¹ В. Г. Эбеневич. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья (памятники усатовского типа). Автореф. канд. дисс. Киев, 1967, стр. 14.

- ¹² В. И. Бибикова. К изучению древнейших домашних лошадей..., стр. 117.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Ф. Ганчар. Культура племен..., стр. 339—402.
- ¹⁵ И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, стр. 41; См. также: Хорст Кленгель. Экономические основы кочевничества в древней Месопотамии. ВДИ, 1967, № 4, стр. 60.
- ¹⁶ И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа, стр. 41.
- ¹⁷ Там же, стр. 42.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ С. К. Межлумян. Палеофауна эпохи бронзы..., стр. 21.
- ²⁰ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триаleti. Тбилиси, 1941, стр. 123.
- ²¹ И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа, стр. 42.
- ²² Поэтому, видимо, Северный Кавказ сам по себе следует исключить из общего ареала доместикации лошади.
- ²³ ОАК за 1906 г., стр. 104.
- ²⁴ Р. М. Мунчаев. Раскопки бамутских курганов в 1965 году. «Археолого-этнографический сборник», т. II. Грозный, 1968, стр. 135—137.
- ²⁵ Р. М. Мунчаев. Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы. (V—III тысячелетия до н. э.). Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1971, стр. 45—46.
- ²⁶ ОАК за 1906 г., стр. 104.
- ²⁷ Там же, стр. 105.
- ²⁸ Спектральный анализ псалий из Бамута, проведенный Е. Н. Черных в лаборатории ИА АН СССР, показал, что они изготовлены из мышьяковистой бронзы, причем в одном случае в составе металла наблюдается высокое содержание никеля (1,4%). Другими словами, по химической характеристике металл, использованный для изготовления данных псалий, характерен для майкопской культуры.
- ²⁹ Об этом см., например, И. М. Дьяконов. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа (К методике исследования исчезнувших языков). ВДИ, 1970, № 4, стр. 41.

В. Г. Котович. В. М. Котович

Находки древних бронзовых топоров в Дагестане

Среди многочисленных предметов, характеризующих культуру Дагестана в бронзовом веке, заметное место занимают бронзовые топоры. К настоящему времени зафиксировано 17 случаев находок древних проушных топоров¹. Изученные нами 11 бронзовых топоров могут быть подразделены на две группы: круглопроушные (рис. 1) и овальнопроушные (рис. 2; 3), из которых первые принято считать более древними².

Наиболее архаичным в первой группе является топор-кирка, происходящий из окрестностей с. Ругуджа Гунибского района (рис. 1, 4)³. Это единственный среди известных в настоящее время в Дагестане экземпляр, отлитый в одностворчатой форме из почти чистой меди. Последующей проковкой его тулову, округлому лезвию и клювовидному обушному отростку придана шестигранная в сечении форма. Лишь на нижней стороне вокруг проушного отверстия остался нераскованный небольшой участок, покрытый характерной бугристостью, образовавшейся при застывании металла. Оба рабочих конца орудия деформированы в процессе длительного использования. Этот топор-кирка может быть сопоставлен с

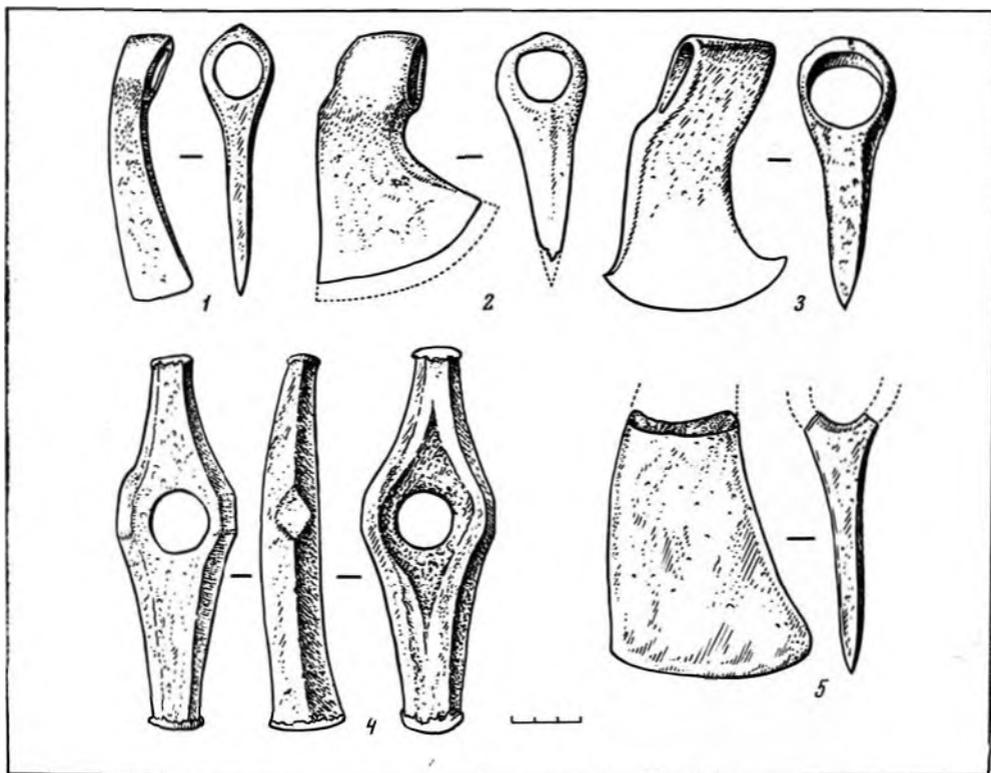

Рис. 1. Круглопроушные топоры эпохи ранней и средней бронзы

1 — из погр. 1, кург. 1, группы VI Миатлинского курганного поля; 2 — Дагестанские Огни; 3 — Мивас; 4 — Ругуджа; 5 — Мекеги; 2—5 — случайные находки

подобного рода орудиями, известными в Закавказье — в Грузии и Армении. Считается, что они проникли туда из Передней Азии не позднее второй половины III тыс. до н. э.⁴ По-видимому, одновременно им и наша находка. Подобные топоры служили и боевым оружием, и орудиями труда типа кирок или мотыг, применявшимися при горнорудных работах⁵.

К несколько более позднему времени относится обломок массивного клиновидного топора, обнаруженный в окрестностях с. Мекеги Левашинского района, вблизи поселения эпохи ранней бронзы (вторая половина III тыс. до н. э.). Он отлит из мышьяковистой бронзы в двусторонней форме; лезвие дополнительно проковано (рис. 1, 5)⁶. Судя по размерам и форме сохранившейся части, он может быть отнесен к одному из древнейших типов клиновидных проушных топоров, свойственному раннебронзовой металлургии Закавказья и Северного Кавказа (III тыс. до н. э.)⁷. Легкая изогнутость лезвийной части в сочетании со слегка вислым обухом типологически и, по-видимому, хронологически сближают

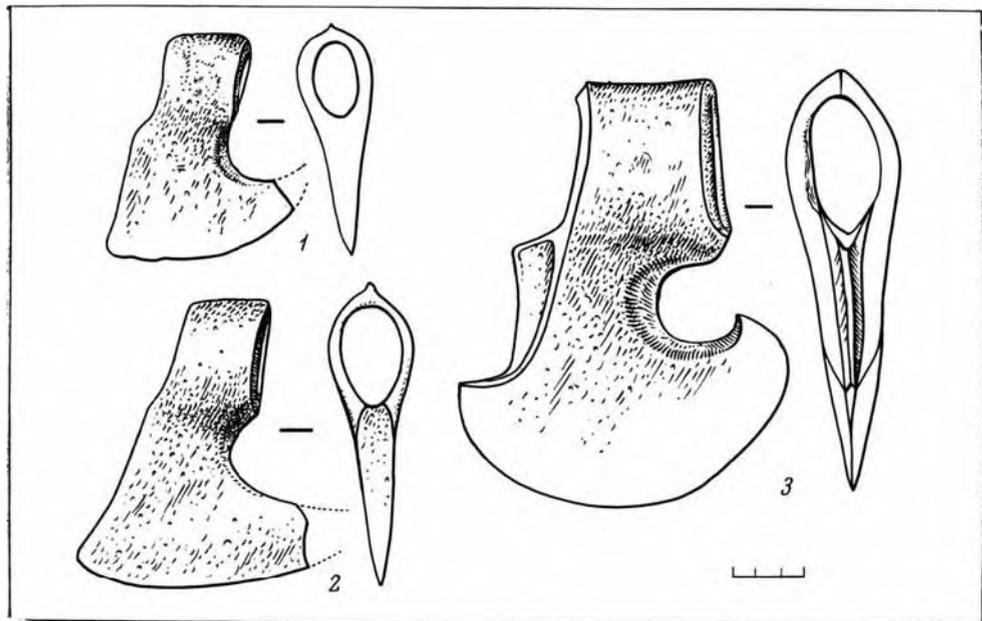

Рис. 2. Овальнотрубчатые топоры эпохи средней бронзы. Случайные находки
 1 — Кавкент; 2 — Сардаркент; 3 — Хоредж

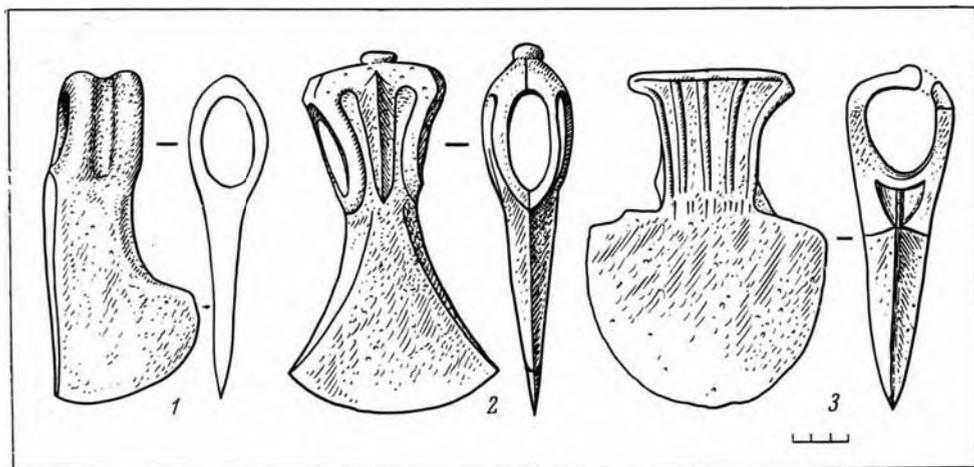

Рис. 3. Овальнотрубчатые топоры эпохи поздней бронзы. Случайные находки
 1 — Ругуджа; 2 — с территории Дагестана, точное место находки неизвестно; 3 — Дербент

его с подобными топорами из новосвободненской группы памятников, датированных концом III тыс. до н. э.⁸

Еще один топор аналогичной формы, но значительно меньших размеров найден в 1971 г. в окрестностях Кидеро Цунтинского района⁹. А в одном из жилищ поселения Галгалатли 1 (Ботлихский район), датированного второй половиной III тыс. до н. э., найдена двустворчатая глиняная формочка для отливки подобных топоров¹⁰. Все эти факты свидетельствуют о сравнительно широком распространении клиновидных вислообушных топоров на территории Дагестана в указанное время.

Дальнейшим развитием топоров этого типа можно считать топоры, происходящие из окрестностей пос. Дагестанские Огни Дербентского района (рис. 1, 2)¹¹ и из случайно обнаруженного в 1970 г. строителями подкурганного захоронения вблизи станции Манас Карабудахкентского района (рис. 1, 3)¹². Оба они отличаются укороченными пропорциями, массивным клиновидным несколько оттянутым книзу лезвием (у манасского экземпляра оно проковано), вислым обухом со следами литейного шва. Эти топоры изготовлены из мышьяковистой бронзы. Заслуживает внимания новый морфологический признак: верхняя ровная грань тулова образует при переходе к обуху небольшой уступчик. У огнинского топора в нижней части тулова сделаны скосы, отчего его шейка имеет характерное пятигранное сечение (у манасского же топора, как и у более древних экземпляров, сечение шейки прямоугольное).

Упомянутые топоры не находят себе прямых аналогий в памятниках Закавказья и Северного Кавказа¹³. Ориентируясь на особенности сопровождающего инвентаря, можно отнести обе эти находки к эпохе средней бронзы, вероятно к ее раннему этапу, и предварительно датировать их первой третью II тыс. до н. э.

К этому же времени относится и миниатюрный боевой топорик, происходящий из погребения 1 кургана 1 группы VI Миатлинского курганного поля (рис. 1, 1)¹⁴. Он изготовлен из почти чистой меди. Аналогии ему ведут к закавказским и северокавказским памятникам конца III — первой половины II тыс. до н. э.¹⁵

Древнейшими среди овальнопроушных топоров второй группы представляются два чрезвычайно близких по форме боевых топора-секиры, несколько различающихся по размерам. Один из них (рис. 2, 1) случайно обнаружен в 1967 г. в окрестностях с. Каякент Каякентского района¹⁶, другой (рис. 2, 2) происходит из окрестностей с. Сардаркент Хивского района, где он был найден в 1938 г. при строительстве оросительного канала¹⁷. Типологически оба они близки манасскому и особенно огнинскому топорам по наличию уступа на верхней грани у перехода к вислому обуху, а также скосов в нижней части тулова и пятигранному сечению шейки. Их лезвийная часть значительно больше оттянута книзу, а тыльная сторона обуха имеет четко выраженный гребень. Сардаркентский топор-секира изготовлен из оловянистой бронзы. Обе находки могут быть также сопоставлены с топорами-секирами из Шамшадинского района Армении¹⁸, в меньшей степени — с «парадной» секирой из Грма-Геле (Грузия)¹⁹. Однако наблюдаемое между ними сходство скорее функциональное, чем типологическое. При общей схожести формы

и пропорций закавказские топоры-секиры отличаются от наших шестигранной шейкой, более удлиненной формой обуха, сильно выраженным гребнем по верхней грани тулова. Тем не менее, ориентируясь на эти параллели, можно допустить одновременность дагестанских топоров-секир с закавказскими, время бытования которых определяется в рамках второй половины II тыс. до н. э.²⁰

Большой интерес представляет асимметричная бронзовая секира, найденная в 1970 г. в окрестностях с. Хоредж Хивского района, около средневековой крепости Гюрдишан (рис. 2, 3)²¹. По своей форме, размерам и деталям отделки (округлой лопастью с высоким гребнем по верхнему краю, шестигранным сечением шейки и косо поставленным обухом) она аналогична широко известной, единственной в своем роде секире из Кироваканского кургана в Армении, датируемого XVI—XV вв. до н. э.²²

Несколько бронзовых топоров, также обнаруженных вне комплексов, можно отнести к позднебронзовой эпохе. Один из них (рис. 3, 1) происходит из окрестностей с. Ругуджа Гунибского района²³. Он отличается удлиненными пропорциями, клиновидным, оттянутым книзу лезвием, пятигранным сечением шейки, слегка вислым обухом, украшенным опоясывающим его посредине горизонтальным желобком. Топор этот прямыми аналогий не имеет. Однако по особенностям обработки обуха и сильно вытянутым пропорциям он может быть сопоставлен с некоторыми типами бронзовых топоров, бытовавших на Северном Кавказе в докобанский период эпохи поздней бронзы, т. е. до XI в. до н. э.²⁴

Своеобразны по форме две бронзовые симметричные длиннолезвийные секиры. Одна из них (рис. 3, 2), место находки которой не известно, хранится в Дагестанском краеведческом музее²⁵. Весьма близкая ей другая секира, происходящая из с. Кубачи, хранится в Эрмитаже²⁶. А. П. Круглов выделял обе эти секиры среди известных в то время бронзовых топоров Кавказа, усматривая в них промежуточную форму между топором кобанского типа и закавказской секирой²⁷. Однако уже в послевоенные годы близкая по форме, пропорциям и деталям отделки (сравнительно узкое округлое лезвие, шестигранное сечение шейки) секира была найдена в погребении 3 могильника Артик в Армении, датируемом XIII—XII вв. до н. э.²⁸ Правда, секира из Дагестанского музея отличается от артикской более крупными размерами, рельефной орнаментацией обуха, наличием на его тыльной стороне небольшого округлого выступа. Возможно, отмеченные особенности указывают на несколько более поздний возраст дагестанского экземпляра.

В единственном пока числе представлена симметричная секира закавказского типа, обнаруженная в 1969 г. в окрестностях г. Дербента (рис. 3, 3). Она имеет массивную, несколько удлиненную лопасть, короткий перехват обуха, заметно расширяющегося к тыльной части. Края и боковые поверхности обуха украшены рельефными валиками; такой же валик проходит и по его тыльной стороне. Подобная орнаментация, насколько нам известно, впервые встречена на секирах этого типа, широкое распространение которых приходится, по мнению большинства исследователей, на рубеж II—I тыс. до н. э.²⁹

Еще одна находка овальнопроушного бронзового топора происходит из сел. Хунзах Хунзахского района³⁰. По своей форме он может быть отнесен ко второму типу колхидских топоров с граненым обухом (классификация О. М. Джапаридзе), датируемых от XIII до VIII вв. до н. э.³¹

И, наконец, мы располагаем достоверными сведениями о еще трех находках бронзовых топоров из горного Дагестана. Два из них были обнаружены (один — еще в дореволюционные годы, другой — в 1950 или 1951 гг.) у хут. Чорши в Гидатлинской долине на территории Советского (бывшего Кахибского) района при земляных работах³². Третий был найден в начале 30-х годов в окрестностях с. Тляррош Чародинского района³³. К сожалению, все эти находки не сохранились, но по описаниям многочисленных очевидцев они отличались удлиненными пропорциями и имели проушные отверстия.

Находки древних бронзовых топоров в Дагестане не только значительно обогащают наши представления о материальной культуре местных племен в различные периоды бронзового века, но представляют интерес еще и в другом отношении. Некоторые типы топоров впервые встречены к северу от Главного Кавказского хребта. В первую очередь отметим среди них топор-кирку (рис. 1, 4). Подобные топоры, служившие, как известно, и орудиями труда, и боевым оружием, до сих пор были известны по единичным находкам с территории Грузии и Армении³⁴. Ругуджинская находка не только значительно расширяет их ареал, но и заполняет недостающее звено в эволюции топоров-секир, получивших распространение на Северном Кавказе в эпоху средней бронзы³⁵. Асимметричная секира из Хореджа (рис. 2, 3) представляет собой всего вторую на Кавказе после кироваканской находку подобных орудий, в которых исследователи справедливо усматривают один из этапов развития закавказских секир³⁶. Дербентская находка симметричной секиры (рис. 3, 3) также значительно расширяет ареал подобных орудий, считающихся одним из руководящих типов инвентаря позднебронзовых комплексов Центрального Закавказья³⁷.

Однако отмеченные обстоятельства вряд ли возможно безоговорочно принимать как доказательства непременно закавказского происхождения всех трех названных дагестанских топоров. При нынешнем уровне наших знаний с одинаковой степенью вероятности можно отнести их и к предметам закавказского импорта, и к продукции, изготовленной по закавказским образцам местными мастерами. Сказанное относится не только к топору-кирке и асимметричной секире, находки которых немногочисленны и в Закавказье, но даже к дербентской секире, имеющей множество параллелей в Центральном Закавказье, но отличающейся от закавказских секир своеобразием ornamentации обуха.

Вместе с тем мы располагаем сейчас целым рядом данных, характеризующих достаточно высокий уровень, достигнутый в бронзовом веке дагестанской металлургией, очевидно, имевшей и необходимое сырье, и соответствующие производственные возможности, которые позволяли местным металлургам уже в раннебронзовую эпоху изготавливать и мелкое, и крупное литье, включая проушные топоры. Об этом убедительно сви-

детельствуют относящиеся к названной эпохе находки глиняной формочки для отливки клиновидного проушного топора на поселении Галгалатли³⁸, глиняных стержней для оформления круглых проушных отверстий топоров среди материалов литейной мастерской Верхнегунбского поселения³⁹. а также самих бронзовых проушных топоров из селений Мекеги (рис. 1, 5) и Кидеро.

Имеющиеся материалы позволяют поставить вопрос и о том, что на основе появившихся в эпоху ранней бронзы клиновидных топоров в эпоху средней бронзы развивается местная разновидность топоров с асимметричным, оттянутым книзу лезвием, пятигранным сечением шейки, ровной верхней гранью с уступчиком от места перехода к слегка вислому обуху, имевшему сначала круглое (рис. 1, 2), потом овальное (рис. 2, 1, 2) отверстие. Выше уже отмечалось, что именно эти морфологические особенности данной группы топоров не находят себе аналогий за пределами Дагестана.

К этой же группе тяготеет несколько более поздний по времени ругджинский топор (рис. 3, 1), имеющий такую же форму лезвия и сечения шейки, но отличающийся желобчатой орнаментацией обуха, возможно, заимствованной от северокавказских топоров. И совершенно особняком стоят длиннолезвийные симметричные секиры (рис. 3, 2), возможно, ведущие свое происхождение из Закавказья, но распространившиеся в Дагестане одновременно с ранними кобанскими и колхидскими топорами. По отношению к этим дагестанским секирам, на наш взгляд, полностью сохраняет силу оценка А. П. Круглова, видевшего в них промежуточную форму между топорами кобанского типа и закавказскими секирами⁴⁰.

В заключение характеристике небольшой, но достаточно выразительной коллекции древних бронзовых топоров с территории Дагестана хочется отметить, что, несмотря на малочисленность и фрагментарность представленных в ней материалов, она много дает как для суждения о путях развития некоторых типов топоров, так и для объективной оценки уровня, достигнутого в бронзовом веке местной металлургией, развивавшейся в тесной связи с металлургическими центрами Закавказья и Северного Кавказа.

¹ В данной статье совершенно не рассматриваются относящиеся к этому же времени бронзовые плоские топоры-тесла.

² Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе. ВГМГ, вып. XII-В Тбилиси, 1944, стр. 295—296; Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951, стр. 62; А. А. Иссен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце бронзового века. Там же, стр. 104; О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, 1953, стр. 289.

³ В. Г. Котович. Археологические рабо-

ты в горном Дагестане. МАД, т II. Махачкала, 1961, стр. 38.

⁴ Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях..., стр. 300—303; Д. Л. Коридзе. Новые находки медных орудий в Квемо-Картли. СА, 1958, № 1, стр. 134—137; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 32—33; Э. В. Ханзадян. О металлургии древнебронзовой эпохи в Армении. СА, 1964, № 2, стр. 97—98; С. А. Есаян. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966, стр. 31—32; Ц. Н. Абесадзе. Производство металла в Закавказье в III тысячелетии до н. э. Тбилиси, 1969, стр. 129.

- ⁵ Д. Л. Коридзе. Новая находка топорики в районе Дманиси. ВГМГ, вып. XIX-В. Тбилиси, 1956, стр. 251.
- ⁶ Мекегинский топор и бронзовая секира из окрестностей г. Дербента, речь о которой будет идти дальше, хранятся в историко-этнографическом музее при кафедре истории СССР истфака Дагестанского университета. Пользуемся случаем выразить благодарность заведующему кафедрой проф. Р. М. Магомедову за любезно предоставленную возможность опубликовать эти находки.
- ⁷ Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 36; А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 173; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 52—54; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, стр. 258—259; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, стр. 24—29; Э. В. Ханвадян. О металлургии древнебронзовой эпохи..., стр. 97; К. Х. Кушнарера, Г. Н. Чубинишвили. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, стр. 121—123.
- ⁸ А. А. Иессен. Прикубанский очаг..., стр. 173; Т. Б. Попова. Дольмены станции Новосвободной. М., 1963, стр. 28—30; А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 114—117.
- ⁹ Выражаем признательность О. М. Давудову за любезное разрешение упомянуть об этой, пока еще не опубликованной находке.
- ¹⁰ М. Г. Гаджиев. Галгалатлинское поселение — новый памятник раннебронзовой эпохи в горном Дагестане. «Тезисы доклада, прочитанного 22.4.1969 г. в г. Ленинграде на заседании секции археологии Кавказа Общесоюзной сессии, посвященной 50-летию ИА АН СССР». Л., 1969.
- ¹¹ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, стр. 19, табл. 3, 9.
- ¹² Выражаем благодарность Г. С. Федорову за любезно предоставленную возможность опубликовать эту находку.
- ¹³ Некоторое сходство с ними обнаруживают бронзовые топоры из Чечено-Ингушетии (В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, № 93, 1960, стр. 49, рис. 15, 41; он же. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963, стр. 98, 122—123, рис. 29, 6) и Юго-Осетии (Б. В. Техов. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, стр. 99—100, рис. 26, 1, 2).
- ¹⁴ В. И. Канивец и С. С. Березанская. Курганы бронзового века на Сулаке. МАД, т. I. Махачкала, 1959, стр. 81, табл. III, 1.
- ¹⁵ В. И. Канивец. Миатли — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане. Там же, 1959, стр. 43.
- ¹⁶ Хранится в Дагестанском краеведческом музее г. Махачкалы.
- ¹⁷ Хранится в краеведческом уголке Хивской средней школы.
- ¹⁸ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа стр. 60, рис. 62, 1, 2.
- ¹⁹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 17—18, рис. 20.
- ²⁰ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, стр. 60.
- ²¹ Хранится в краеведческом уголке Хореджской средней школы.
- ²² Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 47; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, стр. 64, рис. 29.
- ²³ Хранится в археологическом фонде Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР.
- ²⁴ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода, стр. 62, рис. 21, 5, 6; А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки, стр. 96—97, рис. 25; 27; 28; 32, 1.
- ²⁵ У А. П. Круглова указано, что эта секира происходит из окрестностей сел. Бабил-хади близ Дербента (А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 76), однако в инвентарной описи Дагестанского музея она значится среди вещей, место нахождения которых неизвестно (М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана, стр. 92).
- ²⁶ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 76.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Т. С. Хачатрян. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963, стр. 55, 57, табл. 3, 2.
- ²⁹ См., например: Г. М. Асланов, Р. М.

- Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур. Баку, 1959, стр. 76; Н. В. Минкевич-Мустафаева. О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. МКА, т. IV. Баку, 1962, стр. 121, 131; А. А. Маргиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, стр. 101, 111, 129, 133; К. Н. Пицхелаури. Локализация археологических культур на территории Восточной Грузии. «Труды Кахетской археологической экспедиции», т. I. Тбилиси, 1969, стр. 170—171.
- ³⁰ В. И. Марковин. Дагестан и Горная Чечня в древности. М., 1969, стр. 103, рис. 42, 2.
- ³¹ О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии, стр. 285, 300.
- ³² В. Г. Котович. Отчет о работе I-го горного отряда ДАЭ в 1956 г., л. 23.
- ³³ В. Г. Котович. Отчет о работе I-го горного отряда ДАЭ в 1967 г., лл. 39—40.
- ³⁴ Д. Л. Коридзе. Новая находка топора-кирки в районе Дманиси, стр. 251.
- ³⁵ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, стр. 93, рис. 6, 3—6.
- ³⁶ Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, рис. 14; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, стр. 64.
- ³⁷ Последнюю сводку о распространении подобных секир на территории сопредельных районов Грузии, Азербайджана и Армении см.: К. Н. Пицхелаури. Локализация археологических культур на территории Грузии, стр. 170—171.
- ³⁸ К. Х. Кушнарера, Т. Н. Чубинишвили. Древняя культура Южного Кавказа, стр. 122.
- ³⁹ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965, стр. 225.
- ⁴⁰ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э., стр. 76.

Т. А. Бунятов

К истории молотьбы в Закавказье

В древнейшем земледелии существовало несколько способов молотьбы. Этнографический материал позволяет сделать вывод о том, что в период перехода от собирательства к примитивному земледелию существовало несколько способов простейшей молотьбы. Как отмечает В. Л. Менабде, дикая пшеница характерна ломкостью колосового стержня, постепенным осыпанием колосьев и их обсеменением¹. Поэтому становится понятным, почему вплоть до начала XX в. в некоторых районах Закавказья сохранились примитивные способы молотьбы. Сорванные вручную колосья перетирали между ладонями по три-четыре колоса; зерно падало отвесно вниз, а шелуха отлетала в сторону. Этот способ был весьма трудоемким и отнимал много времени: одному человеку за день удавалось намолотить в среднем около 20—30 кг зерна. Существовал и иной способ молотьбы: взяв пучок колосьев за стебель, его подносили к огню и держали до тех пор, пока шелуха не принимала черно-коричневого оттенка, а затем трением рук легко отделяли шелуху от зерна.

Живучесть этих способов молотьбы на протяжении многих столетий объясняется следующим обстоятельством. В период созревания зерновых, когда обычно у крестьян кончалось зерно старого урожая, они обрывали созревшие колосья и перетирали их.

Примерно в развитом неолите мотыжное земледелие получает в Закавказье широкое развитие и становится одной из основных отраслей хозяйства. В этот период на жатве применяли серпы с вкладышами. Молотьба осуществлялась преимущественно с помощью обыкновенных деревянных палок длиной от 1 м до 1,20 м. Они были тяжелые и изготовлялись из твердых пород дерева. Для тока недалеко от поселения очищали участок земли и хорошенько его утрамбовывали. Сюда сваливали сжатые колосья и молотили их палками. Затем обмолоченное зерно просеивали на ветру. Таким способом одному человеку удавалось за день намолотить около двух-трех пудов зерна. Этот способ молотьбы также был весьма тяжелым и трудоемким. И все-таки он до сих пор сохранился в горных районах Закавказья, что объясняется двумя причинами. Во-первых, необходимостью быстро получить небольшое количество зерна; во-вторых, этот способ позволяет предохранить семенной материал деформации и порчи.

Примерно в конце IV тыс. до н. э. в Закавказье стали использовать скот как тяговую силу. Именно к этому времени можно приурочить появление плужного земледелия (соха). Применение сохи позволило не только перейти к новым формам земледелия, но также способствовало появлению более совершенных способов молотьбы. По нашему мнению, использование скота для молотьбы, так же как и его применение в качестве тяговой силы, относится к эпохе энеолита, т. е. к концу IV тыс. до н. э.²

Способы молотьбы с использованием тягла также прошли в своем развитии ряд этапов. Сравнительно простым был следующий: на току по снопам кто-то водил по кругу нескольких животных в ряд, и они копытами обмолачивали зерно. Этот способ был малоэффективным и отнимал много времени. В дальнейшем животных гоняли по кругу, привязав к колу, воткнутому в центре тока. В этом случае уменьшается количество животных и вносится больший элемент организованности в процесс обмолота. Подобный способ молотьбы позволял обработать большое количество зерна, но качество обмолота было низким (часть колосьев оставалась необмолоченной), поэтому иногда приходилось завершать процесс вручную, при помощи палки.

Примерно в начале III тыс. до н. э. в Закавказье стали использовать лошадь как тяговую силу.

Способ молотьбы с использованием тяговой силы характерен вообще для многих стран Востока. В этой связи интересны сведения Ксенофонта (V—IV вв. до н. э.)³. Этнографический материал показывает, что такой способ молотьбы сравнительно широко применялся для обмолота ячменя, проса и риса, которые легче вылущиваются. Можно предположить, что обмолот зерна при помощи животных был промежуточным звеном между первобытным выбиванием зерна палкой и молотильной доской.

Появление молотильной доски в Закавказье связано с переходом к более высокой технике земледелия.

В III тыс. до н. э. с ростом производительных сил земледелие в Закавказье получает дальнейшее развитие⁴. В связи с этим появляются:

новые орудия молотбы. Для быстрого обмолота урожая стали необходимы более совершенные формы молотбы. С этого времени начинается использование молотильных досок различных конструкций. История использования молотильных досок в Закавказье еще полностью не воссоздана. Мы думаем, что появление молотильных досок относится к началу III тыс. до н. э. Исключительный интерес представляют найденные в Грузии на поселении Хизанаатгора остатки молотильной доски, относящейся к III тыс. до н. э.

Найденная в Армении (при строительстве шоссе на дороге Горис — Шинуайр) каменная молотильная доска представляет собой камень треугольной формы и длиной 60 см с плоской нижней рабочей и округленной верхней частью; на узком конце ее имеется перехват для привязывания каната. Е. А. Есаян и А. Н. Шагинян, исследовавшие место находки молотильной доски, пришли к выводу, что обнаруженный здесь археологический материал аналогичен тому, который взят с памятников Шерш-Блур, Эчмиадзина, Мингечаура и Беш-Ташена⁵. Если это действительно так, тогда не будет ошибкой датировать каменную молотильную доску примерно II тыс. до н. э.

Совсем недавно в Нахичеванской АССР, в Кюль-тепе, В. П. Алиевым был обнаружен молотильный камень, относящийся примерно к началу II тыс. до н. э. К сожалению, этот материал не опубликован автором, и поэтому мы не можем дать полного описания памятника.

В Армении же (на Лчашенском курорте), выявлены четыре каменные молотильные доски, датируемые XIV—XII вв. до н. э. и представляющие собой более развитые формы.

«Лчашенские молотильные доски делятся на два типа. Первый тип чуть приподнятый в передней части, имеет отверстие, через которое вдевался канат, соединявший молотилку с ярмом быков. Второй тип, той же формы, вместо отверстия имеет выступ, служивший для привязывания каната. Интересно отметить, что лчашенские молотилки, в отличие от зангезурских, имеют одно техническое преимущество...

Указанное преимущество заключается в том, что на нижней, рабочей части лчашенских молотилок, в отличие от зангезурских, имевших гладкую поверхность, проведены горизонтальные и вертикальные взаимоперекрещивающиеся борозды; оставшееся между ними пространство образует почти равные квадратные выступы, расположенные в правильном порядке»⁶.

Этнографический материал показывает, что подобные каменные молотильные доски еще сравнительно недавно применяли в горных районах Зангезура, Нахичеванской АССР, Нагорном Карабахе и др.⁷

Применение каменной молотильной доски характерно было именно для горных районов, так как влажное зерно требовало использования тяжелой доски; в равнинных районах, где сухое зерно, употребляли более легкую, деревянную молотильную доску.

По нашему мнению, появление каменных молотильных досок по времени совпадает с появлением деревянных. Правда, в Закавказье каменные доски обнаружены пока в слоях II тыс. до н. э. Если деревянные молотильные доски были известны уже в начале III тыс. до н. э.,

а каменные обнаружены в начале II тыс., нельзя ли заключить, что они применялись уже в начале III тыс. до н. э.?

В связи с широким применением в I тыс. до н. э. железа плужное земледелие в Закавказье получает дальнейшее развитие. Следует специально отметить применение в Грузии IX—VIII вв. до н. э. пахотных орудий с железным лемехом, что лишний раз свидетельствует о высоком уровне культуры земледелия в Закавказье⁸. На том этапе развития деревянные молотильные доски получают широкое и повсеместное распространение. Археологический и этнографический материалы свидетельствуют о том, что эти доски изготовляли из прочных древесных пород (карагач, дуб, сосна и др.).

При археологических раскопках в Закавказье и Дагестане найдены семь деревянных молотильных досок. Еще в конце XIX в. французский исследователь Жак де Морган, производя археологические исследования в Армении (в районе Ахталы, на левом берегу р. Дебедчай) обнаружил в каменном ящике остатки молотильной доски. На доске лежал скелет в сильно скорченном положении. Деревянная часть молотильной доски почти не сохранилась. До нас дошли только куски дерева со вставленными камешками. По реконструкции Жака де Моргана, она состоит из двух половинок; передняя часть ее суживается и загибается кверху; на нижней плоскости вставлены мелкие четырехугольные камешки⁹.

Остатки подобной молотильной доски Мцхетская археологическая экспедиция обнаружила в 1948 г. в грунтовом погребении 320 на древнем Самтавском могильнике. В яме на глубине 2,28 м лежал скелет в сильно скорченном виде, на левом боку. Под скелетом найдено свыше 100 четырехугольных камешков, лежавших в беспорядке¹⁰. В Грузии аналогичные молотильные доски выявлены в Ковле и одна — Цхинвали¹¹. В одном из древних погребений под г. Дербентом, сохранились остатки молотильной доски с 54 камнями¹².

В Азербайджане в 1940 г. при раскопках кургана, расположенного к юго-западу от Ханлара, была обнаружена молотильная доска. Под насыпью оказалось погребение эпохи бронзы. Скелет лежал на молотильной доске. Доска была прямоугольной формы, с одной закругленной стороной. Размеры — 120×40×4,5 см. Она состояла из двух продольных половинок, соединенных деревянной перекладной, расположенной в передней, закругленной части. К этой перекладной привязывалась веревка, соединявшая доску с упряжкой. Передняя часть доски была немного загнута кверху, что облегчало ее продвижение. На нижней ее плоскости имелось много четырехугольных выемок, беспорядочно расположенных на расстоянии около 3 см друг от друга. В них были плотно вставлены мелкие камешки разной величины, квадратной или прямоугольной формы. Эти выемки занимали почти всю нижнюю часть доски, за исключением ее приподнятой части и небольшого пространства около заднего края¹³.

Можно считать, что молотильные доски Закавказья и Дагестана производились на месте, причем бытовали в течение долгого времени, начиная примерно с эпохи бронзы. Молотильные доски характерны для многих древних стран: Вавилонии, Египта, а также и для Древнего Рима¹⁴. В существующей литературе изобретение подобной молотильной

доски некоторые авторы приписывают римлянам. Но в Риме древний трибулум относится ко II в. до н. э. В Закавказье же существование молотильной доски уже в начале III тыс. до н. э. не вызывает сомнений.

Этнографические материалы позволяют представить процесс молотбы при помощи молотильных досок. Молотба зерна производилась при помощи быка или лошади на большом току площадью в 30—40 кв. м, на котором раскладывали снопы хлеба; на молотильную доску стащившись человек или клали тяжелый камень, чтобы придать ей большую тяжесть и тем способствовать ускорению процесса молотбы. Во время молотбы снопы часто переворачивали деревянными вилами. После молотбы зерно провеивали подбрасыванием его в воздух с помощью деревянных лопат¹⁵.

Изобретение «джарджара» (катка) внесло серьезные изменения в молотбу злаков. Производительность труда при использовании катков намного повысилась, меньше затрачивалось времени на обмолот. Мы не располагаем достаточными данными для определения начала использования джарджара в Закавказье. Известно, что на Востоке это орудие употреблялось еще в глубокой древности. Простота конструкции катков, а также высокое развитие культуры земледелия позволяют предположительно отнести начало пользования катками в Закавказье к раннему средневековью.

Каменный джарджар, очевидно, предшествовавший деревянному, изготовлялся из округло-продолговатого камня длиной 1 м. Деревянный джарджар состоял из рамы-станка, оси и «сиденья» (основа). Раму-станок составляли четыре связанных друг с другом деревянных бруска, круглого сечения диаметром 10 см, длиной 2 м. В раму были продеты две оси, на которые надевалось 20—30 металлических зубцов. Третья часть джарджара — это деревянное сиденье, прикрепленное к раме. При движении джарджара оси крутились, железные зубья резали солому. Обычно вслед за джарджаром пускают молотильную доску, которая лучше выбивает зерно из колосев. Можно сказать, что джарджар и молотильная доска друг друга дополняют¹⁶. Джарджар местами сохранился в горных районах Армении и Нахичеванской АССР.

Несомненно, что перечисленные способы и орудия молотбы не исчерпывают всего их многообразия. На протяжении большого периода времени — с глубокой древности до начала XX в. — существовали другие способы и орудия для молотбы. Возможно, что в дальнейшем данные археологии и этнографии подтвердят это.

¹ В. Л. Менабде. К истории культуры пшеницы. М., 1964, стр. 4—5.

² Т. А. Буягтов. К истории развития земледелия в Азербайджане (на азерб. языке). Баку 1964, стр. 35.

³ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 129.

⁴ К. Х. Кушнарера, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, стр. 107.

⁵ С. А. Есаиян, А. Н. Шагинян. Археологические находки в Зангезуре. СА, 1962, № 3, стр. 200.

⁶ Там же, стр. 201.

⁷ Ш. А. Гулиев. Молотильные камни, найденные в Карабахе. ДАН Азерб. ССР, т. XXIV, № 11, 1968, стр. 79.

⁸ «Народы Кавказа», т. II. М., 1962, стр. 235.

⁹ J. De Morgan. Mission Scientifique au Caucase, t. I—II. Paris, 1889, p. 58.

- ¹⁰ Т. Н. Чубинишвили. Погребения с могилойной доской на Самтаврском могильнике. «Сообщения АН Груз. ССР», т. XII. Тбилиси, 1951, стр. 61.
- ¹¹ Г. С. Гаситашвили. Народное деревообделочное ремесло в Восточной Грузии. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1964, стр. 4.
- ¹² А. А. Русов. Отчет о летних и осенних работах в Южном Дагестане. «Труды подготовительного комитета V АС в Тифлисе», т. I. М., 1882, стр. 543, 544; В. И. Марковин. Дагестан и Горная Чечня в древности. М., 1969, стр. 92.
- ¹³ Я. И. Гуммель. Курган № 2 близ г. Ханлара. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 55.
- ¹⁴ «Очерк по истории техники древнего Востока». Л., 1940.
- ¹⁵ Т. А. Бунятов. Из истории развития земледелия в Азербайджане. Баку, 1964, стр. 37 (на азерб. яз.).
- ¹⁶ Т. А. Бунятов. Земледелие в древнем и средневековом Азербайджане. «VII Международный конгресс атропологических и этнографических наук». М., 1964, стр. 7.

В. И. Марковин

Ложнопортальные дольмены Причерноморья

Среди дольменов Причерноморья довольно часто встречаются корытообразные сооружения, т. е. гробницы, высеченные в скалах и перекрытые плитой. По данным Л. И. Лаврова 1960 г., они составляют несколько более 10% из общего числа дольменов, тип которых установлен¹. Данная цифра уточняется для настоящего времени — 3,8%. Наиболее яркими памятниками этого типа являются дольмены, находящиеся на горе Аутль близ сел. Солох-аул. Для этого вида сооружений наиболее характерны следующие черты: при камере самой различной формы (от усеченно-пирамидальной до кувшинообразной) их передняя часть всегда имитирует фасады (порталы) дольменов, сложенных из плит — в скале высечены порталные выступы и небольшая площадка перед входом (у плиточных дольменов выступают части боковых плит, а площадку образует пяточный камень, расположенный под передней плитой), стена фасада имеет трапециевидную форму, суживаясь кверху (у плиточных дольменов план и сечения камеры, а также отдельные плиты — трапециевидной формы). Такова основная масса корытообразных дольменов. Однако среди них встречается очень редкая и интересная разновидность — дольмены с ложными порталами (фасадами).

Впервые на подобный дольмен, расположенный в районе г. Туапсе, обратили внимание П. С. Уваров, Г. Н. Сорохтин и А. А. Миллер², а позже несколько аналогичных сооружений описали Л. И. Лавров и Н. В. Анфимов, исследуя бассейн р. Аше³. Внешний вид одного из подобных дольменов, обнаруженного возле аула Большое Псеушко, опубликовал А. И. Шамотульский⁴.

К сожалению, в указанных работах интересующие нас памятники упоминаются бегло. Далее следует более детальное описание тех ложнопортальных (ложнофасадных) дольменов, какие удалось нам обмерить в процессе полевых изысканий в 1967—1970 гг.

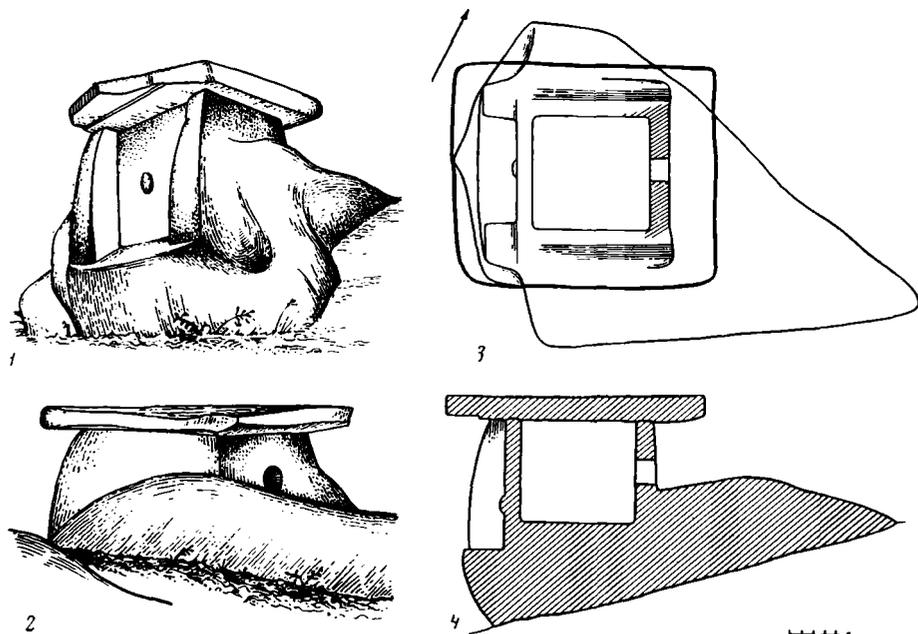

Рис. 1. Окрестности г. Туапсе. Дольмен с ложным порталом

1 — вид дольмена со стороны ложного портала; 2 — противоположная сторона дольмена с отверстием; 3 — план дольмена (утолщенной линией показано перекрытие); 4 — разрез дольмена; 1, 2 — зарисовки автора

Поселок Каменный карьер расположен в 6 км к юго-востоку от г. Туапсе. Здесь, в густом лесу Каштановой балки, находится дольмен, о котором, как уже говорилось, писали П. С. Уварова, А. А. Миллер и др. В списке дольменов, опубликованном Л. И. Лавровым, он значится за № 1007⁵ (рис. 1).

В скале серого песчаника площадью $6,20 \times 5,60$ м и высотой 4,55 м высечена дольменная камера, ориентированная с запада на восток. Обработка камня произведена была очень тщательно: стены камеры, достигая в толщину 0,30—0,24 м, строго вертикальны и лишь у дна слегка закруглены. Длина камеры 2,05 м, ширина 2 м, высота 1,80 м. Вход в нее в виде округлого отверстия ($0,42 \times 0,40$ м) расположен с восточной стороны там, где скала постепенно сливается со склоном горы, — на высоте 0,10 м от поверхности скалы и на 0,63 м от плиточного перекрытия дольмена. Внутри камеры нижний край лаза отстоит от ее дна на 0,70 м. Западная стена, расположенная с противоположной стороны, обработана особенно тщательно. Эта стена представляет собой ложный портал, конструктивно имитирующий фасад плиточного дольмена. Мощные боковые выступы стены высотой в 2,35 м кверху закруглены, в нижней части они упираются в ровную порталную площадку длиной в 1,85 м, которая образует нишу глубиной в 0,60 м. На высоте 0,65 м сглажен-

ную стену украшает закругленная выпуклость диаметром 0,34 м — «фиктивная втулка», как ее называет Л. И. Лавров⁶. Действительно, у дольменов на этом месте, между выступами, всегда имеется отверстие, закрытое каменной втулкой (пробкой). Отверстие восточной стены дольмена и выпуклость расположены на разных уровнях и несимметрично — лаз несколько отнесен к северной стене камеры.

Сверху дольменная камера перекрыта плитой прямоугольной формы (4,37×3,74×0,40—0,35 м). Эта плита имеет слегка вогнутую чашевидную поверхность. В западной ее части, снизу, возле порталных выступов, сделан уступ.

Долина р. Дедеркой. Здесь в 7 км от сел. Дедеркой (Дедерукай) и несколько к юго-востоку от местечка Пасека пастух А. А. Сатурян показал нам интересный дольмен (рис. 2, 1, 2). Это корытообразное сооружение имеет в плане закругленно-трапециевидную форму: контуры мягкие, углы сглажены. Кверху дольмен суживается, но неодинаково с разных сторон, откуда площадь основания равна 2,75×2,45—1,45 м, а площадь верхней части 2,50×2,30—1,30 м. Дольмен возвышается на 1,12 м. Камера дольмена повторяет его внешние очертания; книзу она также расширяется и стены камеры нависают над донной частью. Площадь дна камеры 1,92×1,70—1 м; площадь верхней части 1,88×1,50—0,90 м. Толщина стен дольмена 0,40—0,35 м. Сооружение ориентировано с северо-запада на юго-восток. Отверстие конической формы (к камере оно расширяется) расположено у дна дольмена с его северо-западной, узкой стороны (диаметры 0,38—0,34 м). Юго-восточная сторона служит ложным порталом; по краям она украшена сильно скошенными выступами, а в центре дольменной стены выдается небольшая выпуклость диаметром в 0,32 м, имитируя втулку, прикрывающую отверстие дольмена.

Красноалександровский аул II в бассейне р. Аше. Дольмен расположен среди построек аула, впервые кратко описан Л. И. Лавровым (рис. 3, 1, 2).

Сооружение высечено в скале песчаника; камера его ориентирована с северо-запада на юго-восток и имеет трапециевидную форму с закругленными углами. Длина ее по полу 1,95 м, ширина в ложнопортальной части 1,60 м, в задней 1,05 м. Кверху камера суживается и закругляется. Края ее отбиты, и в настоящее время она сохранилась на высоту до 1 м. У дольмена четко выделена ложнопортальная часть, обращенная на юго-восток. Ее детали традиционны — боковые выступы с площадкой перед ними и псевдовтулка, как бы закрывающая входное отверстие. Диаметр ее 0,40 м, выступает она из стены на 0,10 м. Настоящее входное отверстие расположено с северо-восточной боковой стороны дольмена. Оно имеет диаметр 0,43 м, окружено бордюром и соприкасается с дном дольмена.

Скала, в которой выбит дольмен, имеет размеры: 5,80×3,10 м при высоте в задней части более 2 м. От перекрытия сохранился лишь обломок толщиной в 0,40 м.

В том же Красноалександровском ауле II, во дворе гражданина С. Ту, находится дольмен. Сделан он в скале, округлой формы, имеет трапециевидные очертания. Сооружение ориентировано с севера на юг.

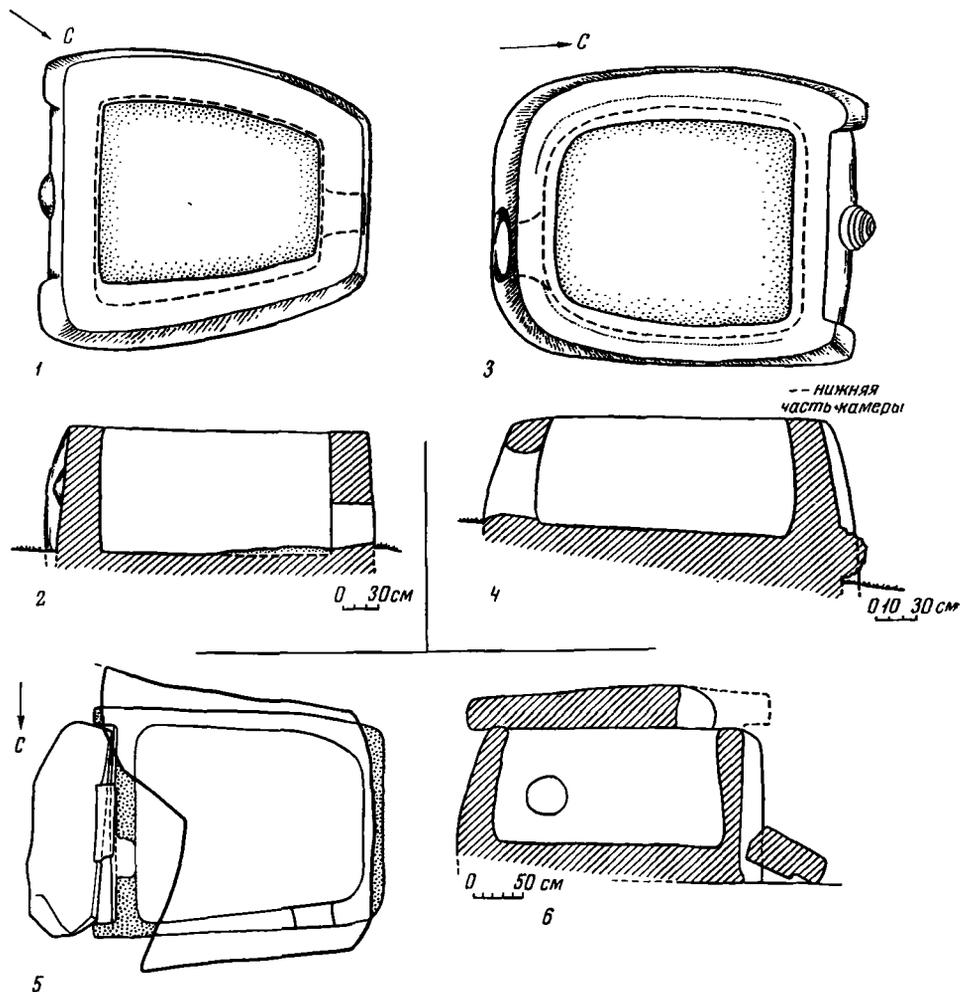

Рис. 2. Причерноморье. Планы и разрезы дольменов с ложными порталами
 1, 2 — сел. Дедеркой; 3, 4 — Красноалександровский аул II; 5, 6 — сел. Солох-аул, гора Аутль

Длина камеры у основания 1,80 м, ширина 1,50—1,40 м. Кверху камера заметно суживается. Высота камеры 0,87—0,80 м. Ложный портал с боковыми выступами обращен на север. Псевдовтулка выполнена в виде ступенчатой выпуклости (диаметр ее 0,33 м и выдается из стены дольмена на 0,20 м). Настоящее входное отверстие расположено с противоположной, южной стороны, близ восточной стены камеры. Оно имеет овальную форму и соприкасается с дном камеры (размеры отверстия: 0,50×0,40 м). Плита перекрытия сохранилась (рис. 2, 3, 4).

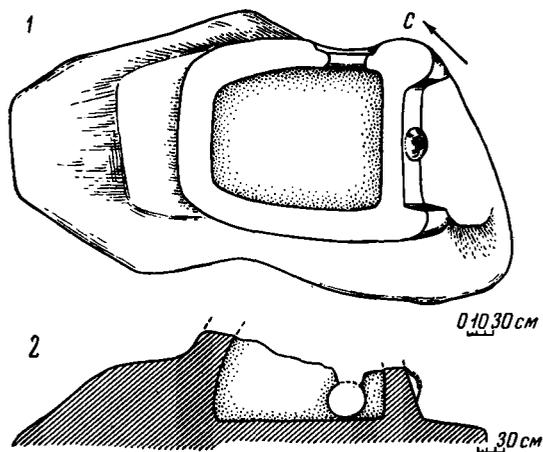

Рис. 3. Красноалександровский аул II. Дольмен с ложным порталом. План (1) и разрез (2)

Красноалександровский аул II. Во дворе гражданина С. Ту под сараем находится еще один ложнопортальный корытообразный дольмен из желтого песчаника. Измерить его не удалось. Сооружение ориентировано с северо-запада на юго-восток. Ложный фасад обращен на северо-запад, с противоположной стороны сделано отверстие. По конструкции дольмен близок предыдущему.

Сел. Солоники в бассейне р. Цуквадже (Цуцквадже). Здесь во второй дольменной группе, расположенной к юго-востоку от пос. Мирный, возле пасеки находится дольмен, высеченный из крупного блока светлого песчаника (рис. 4, 1—3). Сооружение ориентировано с запада на восток. Камера в сечениях имеет трапециевидную форму; углы ее закруглены. Длина камеры 1,93 м, наибольшая ширина в восточной части 1,90 м, в западной 0,85 м. Высота камеры варьирует от 1,93 м до 1,62 м. Боковые стенки, особенно северная, сильно наклонены внутрь камеры; в толщину они достигают 0,37—0,27 м, толщина пола 0,23—0,17 м. На стенках камеры заметны следы обработки камня небольшим орудием типа тесла с лезвием шириной в 3—4 см.

В западной, пониженной части дольмена, теперь сильно разрушенной, было пробито отверстие диаметром около 0,35 м. Края его закруглены, снаружи оно было оконтурено углубленным бордюром шириной 5—6 см. С противоположной, восточной стороны дольмена устроен ложный фасад. Сейчас сохранился лишь один порталый выступ, закругленный и скошенный в верхней части. Внизу, где ширина его колеблется от 0,20 м до 0,55 м, сделана порталая площадка. Здесь стена дольмена имеет ровную, слегка убегающую вверх поверхность. Высота этой стены 1,93 м, ширина 2,06 м. В 0,46 м от края площадки из стены выступает овальная псевдовтулка (0,44×0,40×0,09 м).

Дольмен перекрыт обломком плиты почти прямоугольной формы ($2,35 \times 2,05$ м при толщине $0,35-0,20$ м).

Солох-аул, бассейн р. Шахе. В 7,5 км к северу от селения, на склоне горы Аутль, по левому берегу р. Козлыхин, близ «балаганов» — охотничьих построек, — известна дольменная группа, состоящая из 12 сооружений. Один из дольменов (10) снабжен ложным порталом (рис. 2, 5, 6). Он сделан в виде корыта из огромного, хорошо обработанного блока песчаника, который стоит на скальном материке. Сооружение ориентировано с запада на восток. Камера его в сечениях имеет трапецевидную форму ($2,30 \times 2,04-1,50$ м при высоте в $1,23-1,18$ м). Толщина стен достигает $0,16$ м. Внутри дольмена заметны следы обработки породы

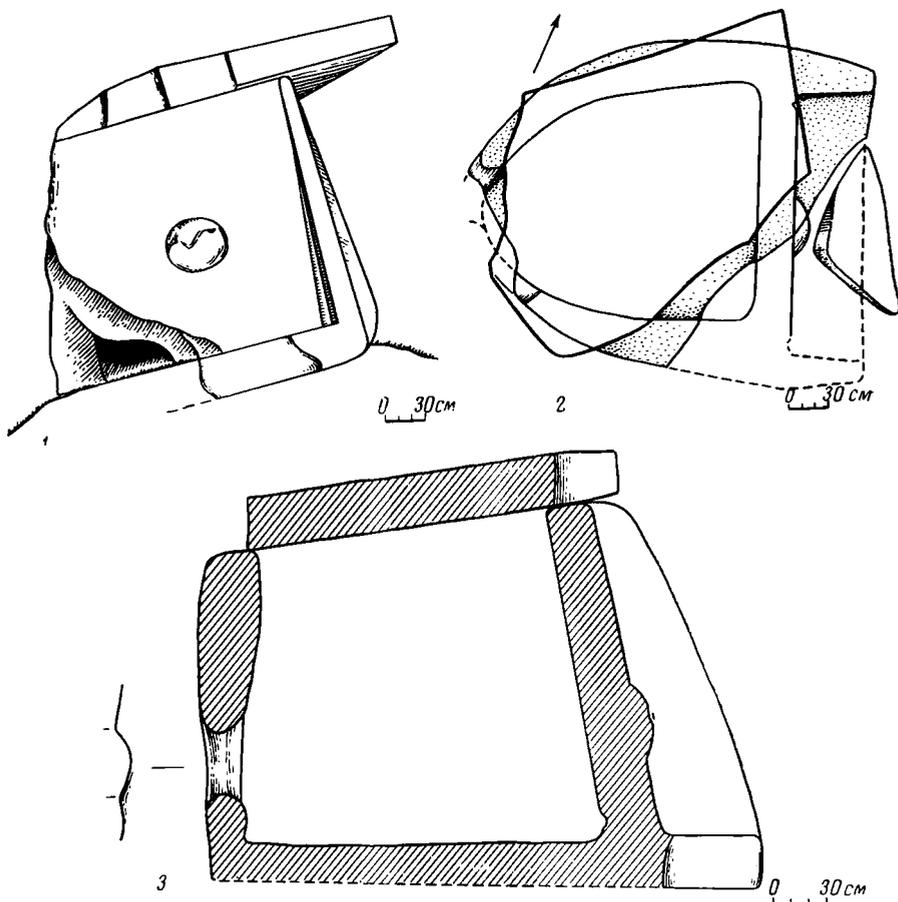

Рис. 4. Сел. Солоники. Дольмен с ложным порталом

1 — порталная часть дольмена (частично разрушена); 2 — план (несколько утолщенной линией показано перекрытие); 3 — разрез дольмена

орудием типа зубила с закругленной рабочей частью, ширина которого 1—1,7 см.

В северной боковой стене дольмена пробито отверстие цилиндрической формы (диаметр 0,40 м). Восточная стена является ложным фасадом. Она фланкирована порталными выступами (кверху они закругляются). Эта стена, в отличие от стен ранее упомянутых памятников, совершенно гладкая; фальшивая втулка на ней отсутствует.

Перекрытие дольмена точно пригнано к камере. С восточной стороны снизу в нем сделан уступ. Перекрытие сильно фрагментировано.

Следует упомянуть дольмен горы Мезанцу (аул Большое Псеушко). Отверстие в этом дольмене расположено сбоку камеры⁷.

Сопоставление ложнопортальных сооружений с плиточными и корытообразными дольменами приводит к интересным выводам.

Во-первых, ложнопортальные дольмены по основным габаритам камер и их формам мало чем отличаются от устройства камер корытообразных дольменов, имеющих обычные порталы. Однако необходимо отметить, что ложнопортальные постройки хорошо обработаны со всех сторон, а у обычных, корытообразных дольменов, высеченных в огромных скалах, тщательно сделан лишь фасад. Очень ярко эта особенность заметна в тех случаях, когда ложнофасадные и простые корытообразные дольмены составляют единые группы (Солоники, Солок-аул).

Во-вторых, в отличие от плиточных и корытообразных дольменов, основная масса которых всегда выходными отверстиями обращена в солнечные стороны — юг, юго-восток, восток, ложнопортальные дольмены не имеют четкой ориентации. В них, правда, заметно стремление сделать отверстие с «затененной», незаметной стороны (север, запад, северо-восток, северо-запад).

В-третьих, в отличие от основной массы дольменов, ложнопортальные сооружения обращены отверстиями не вниз по склону, а, наоборот, выходят к возвышенной части рельефа. Создается впечатление, что отверстия хотели замаскировать, скрыть от внимания людей. Возможно, их даже забрасывали землей и камнями. Все внимание зрителей должен был привлекать ложный портал дольмена.

Последнее наблюдение касается типологической эволюции данной группы памятников.

Среди изученных нами памятников, имеющих ложные порталы, можно выделить три варианта сооружений.

Дольмены с отверстиями, расположенными напротив «фиктивной втулки», т. е. с задней стороны гробницы, можно считать первым вариантом архитектуры ложнопортальных сооружений, так как они сохраняют зеркальность симметрии, присущей основной массе дольменов всех типов.

Ко второму архитектурному варианту ложнопортальных дольменов относятся памятники, у которых входные отверстия пробиты сбоку камеры. Такие дольмены представляются более поздними, так как в их композиционном построении нарушена традиционная симметричность.

К третьему варианту можно отнести лишь один памятник — дольмен 10 в сел. Солок-аул. Камера его имеет боковое отверстие, а ложный фасад лишен выпуклости, имитирующей втулку.

Датировать ложнопортальные дольмены крайне трудно. До сих пор не удалось найти ни одного памятника, который не был бы ограблен. Приходится исходить из типологически проверенной посылки, что ложнопортальные сооружения являются более поздними, чем основная масса корытообразных дольменов, фасады которых снабжены настоящими отверстиями. В 1969 г. в районе сел. Солоники удалось исследовать два корытообразных дольмена, содержавших погребальный инвентарь. В одном из них найден пастовый бисер, характерный для эпохи бронзы, а в кувшинообразной камере другого обнаружены обломки керамики и бронзовое копые «костромского типа»⁸. Данный материал позволяет датировать расчищенные дольмены началом второй половины II тыс. до н. э. Исходя из этого, ложнопортальные дольмены можно датировать несколько более поздним временем.

Упомянутые нами памятники с ложными фасадами занимают узкую предгорную полосу Причерноморья от р. Туапсе до р. Шахе. Юго-восточнее, в пределах Абхазии, известны лишь плиточные дольмены⁹. Можно предполагать, что ложнопортальные памятники, несмотря на свое позднее происхождение, присущи какой-то небольшой племенной группировке носителей дольменной культуры. Интересно, что эта группировка занимала территорию намного меньшую, чем родственные ей племена, оставившие значительное число корытообразных дольменов, имеющих порталные отверстия (такие дольмены известны по северному склону Главного Кавказского хребта).

Дальнейшее изучение дольменов с ложными фасадами и позволит уточнить их датировку, а также выяснить причины сооружения ложных фасадов и дальнейшую эволюцию этого вида памятников.

¹ Л. И. Лавров. Дольмены Северо-Западного Кавказа. «Труды Абхазского ИЯЛИ», т. XXXI. Сухуми, 1960, стр. 103.

² П. С. Уварова. Несколько дополнительных сведений по вопросу о кавказских дольменах. МАК, IX. М., 1904, стр. 175; Г. Н. Сорохтин. Дольмены Черноморской губернии и Крымской области. «Юбилейный сборник Крымско-Кавказского горного клуба». Одесса, 1915, стр. 93, табл. X, б; А. А. Миллер. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году. ИАК, вып. 33. СПб., 1909, стр. 84, 85, рис. 1.

³ Л. И. Лавров. Из поездки в черноморскую Шапсугию летом 1930 г. СЭ, 1936, № 4-5, стр. 124—126; Н. В. Анфимов. Отчет о работе Черноморской археологической экспедиции за 1957 г.

Архив краеведческого музея в г. Сочи, стр. 1—4.

⁴ А. И. Шамотульский. Дольмены Черноморского побережья Кавказа. Сб. «Туапсе и Туапсинский район». Краснодар, 1967, стр. 164, рис.

⁵ Л. И. Лавров. Дольмены Северо-Западного Кавказа, стр. 156. Здесь же дана литература, в которой упоминается этот дольмен.

⁶ Там же, стр. 156.

⁷ А. И. Шамотульский. Дольмены Черноморского побережья..., стр. 164.

⁸ В. И. Марковин. Раскопки дольменов в бассейнах рек Кизинки, Дегуак и Цуквадже. «Археологические открытия 1969 года». М., 1970, стр. 91, 92.

⁹ Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, стр. 19 и сл.

**О структуре и древности кавказского типа
в связи с происхождением народов
Центрального Кавказа**

В специальной работе мною была уже сделана попытка аргументировать представление о древности кавказского типа групп популяций и образовании ее характерных особенностей в условиях изоляции¹. После публикации этой работы появились исследования, в которых высказанная мною точка зрения была подвергнута критике и в числе прочих защищалось мнение об отсутствии аналогии кавказским особенностям в древнем населении Северного Кавказа и Закавказья². В связи с этногенетическим значением той или иной формы истолкования антропологических данных имеет смысл вернуться к обсуждению вопросов, непосредственно примыкающих к этой теме. Первый из них касается гетерогенности входящих в состав кавказского типа групп, второй — древности самого типа.

На основе подготовленной сводки по краниологии народов Кавказа были выбраны 13 близких к современности серий мужских черепов, достаточно многочисленных и географически охватывающих почти все основные народы Северного Кавказа и Закавказья (рис. 1). Среди них нет

Таблица 1

Суммарные расстояния между кавказскими группами, выделенными по морфологическому сходству

Группы народов	Адыгские	Центрально-кавказские	Чеченцы	Аварцы	Абхазы и восточно-кавказские
Адыгские	—				
Центральнокавказские	0,31	—			
Чеченцы	0,55	0,31	—		
Аварцы	0,59	0,33	0,46	—	
Абхазы и восточно-кавказские	0,55	0,28	0,33	0,18	—

лишь азербайджанцев, черепа которых пока отсутствуют в музеях СССР. Эти 13 серий представляют следующие народы или этнические группы: шапсуги, нутухайцы, абхазы, балкарцы, осетины-дигорцы, иронцы, туалыцы, ингуши, чеченцы, аварцы, грузины-карталинцы, хевсуры и армяне. Налицо представители всех основных групп, распространенных на Кавказе.

Чтобы получить информацию о взаимных расстояниях между ними, основанную не на изменчивости отдельных признаков, а на сумме признаков, подсчитаны суммарные различия между всеми сериями с помощью

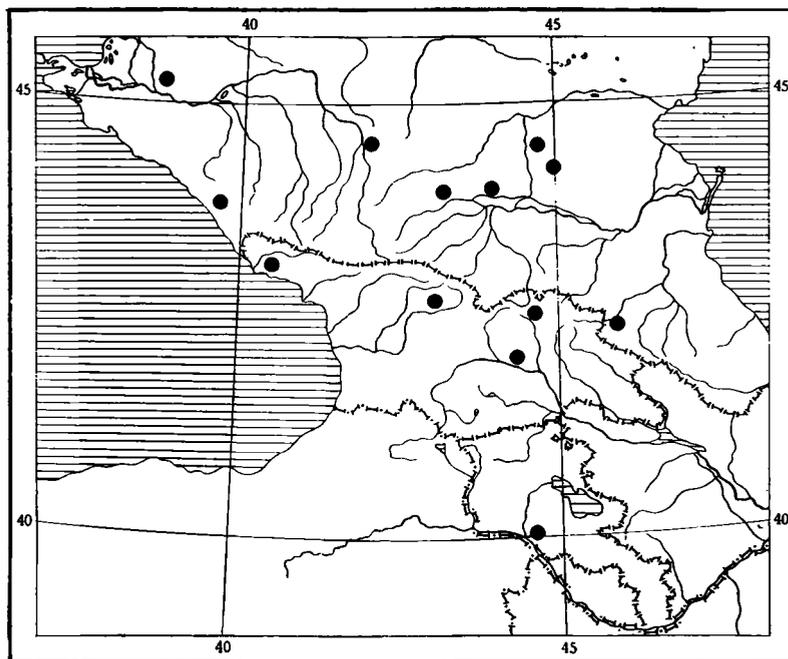

Рис. 1. Географическое положение привлеченных для анализа современных краниологических серий

широко используемой в краниологии формулы Л. Пенроуза. После этого серии группировались таким образом, чтобы расстояния между группами серий были наибольшими, а расстояния между самими сериями внутри групп — наименьшими. Ни географический, ни лингвистический принципы группировки не дали удовлетворительных результатов: серии, близкие друг другу по местоположению или языку представленных ими народов, оказывались резко различными морфологически и наоборот.

Оптимальный вариант группировки представлен в табл. 1.

Адыгские народы, представлены шапсугами и натухайцами, центральнокавказские — балкарцами, осетинами, ингушами и хевсурами, восточнокавказские — грузинами-карталидцами и армянами. Расстояния между сериями внутри групп значительно меньше тех, которые существуют между группами:

Народы	Расстояние
Адыгские	0,25
Центральнокавказские . .	0,14
Чеченцы	0,00 ³
Аварцы	0,00
Абхазы и восточнокавказские . .	0,19

Распределение народов по группам вполне соответствует традиционной типологии народов Кавказа по антропологическим особенностям. Адыгские народы — понтийская группа популяций, абхазы и восточнокавказские народы — переднеазиатская группа популяций, каспийская группа (азербайджанцы), как уже говорилось, не представлена в краниологических материалах. Центральнокавказские народы, чеченцы и аварцы объединяются в кавкасионскую группу.

Расстояния, приведенные в табл. 1, свидетельствуют о довольно глубокой дифференциации кавкасионского типа. Если балкарцы, осетины, ингуши, хевсурсы составляют одну гомогенную группу, то чеченцы и аварцы отличаются от них весьма значительно, не менее чем от представителей других кавказских расовых типов, и образуют самостоятельные популяции. Очевидно, своеобразие языков и геоморфологическая расчлененность местности образовывали на протяжении тысячелетий мощные генетические барьеры с постоянными векторами действия.

Кавкасионская группа популяций выделена на основе анализа самологических материалов, т. е. результатов исследования современного населения. Глубокий уровень дифференциации, установленный на основании специального анализа краниологических данных, и значительная морфологическая специфичность выделенных локальных популяций свидетельствуют о гетерогенности кавкасионского типа, о том, что он представляет собой не гомогенную единицу расовой классификации, а совокупность, пучок вариантов. Этим еще раз подчеркивается исключительная роль изоляции в формировании антропологических особенностей всех народов, объединяемых в кавкасионскую группу популяций. Вероятно, что, по мере дальнейшего накопления новых материалов и более углубленного анализа уже имеющихся материалов, в составе кавкасионской совокупности будут выделены самостоятельные локальные комплексы.

Возвращаясь к вопросу о древности кавкасионской группы популяций, укажу на огромное значение в этой связи новых палеоантропологических материалов с территории высокогорной Армении. Они происходят из поселений и могильников Шенгавит, Севан, Лчашен, Артик, Цамакаберд, Норадуз, относящихся к энеолитическому времени, эпохе бронзы и перехода от бронзы к железу⁴.

При всех незначительных различиях между сериями из отдельных могильников их объединяет комплекс признаков, одновременно характерный и для современных представителей кавкасионских популяций. Основные черты этого комплекса — массивность черепа и большая ширина лицевого скелета (рис. 2). Современным представителям кавкасионского типа свойственна еще брахикефалия, но это заведомо поздняя особенность строения черепной коробки, отсутствующая повсеместно у древнего населения. Таким образом, налицо бесспорная морфологическая преемственность между древним населением Армении, в основном проживавшим в районе оз. Севан, и современными народами, населяющими центральные предгорья Кавказского хребта.

На первый взгляд такая преемственность кажется неожиданным и труднообъяснимым фактом. Однако географические условия в обоих случаях близки — оз. Севан находится на высоте 2 км над уровнем

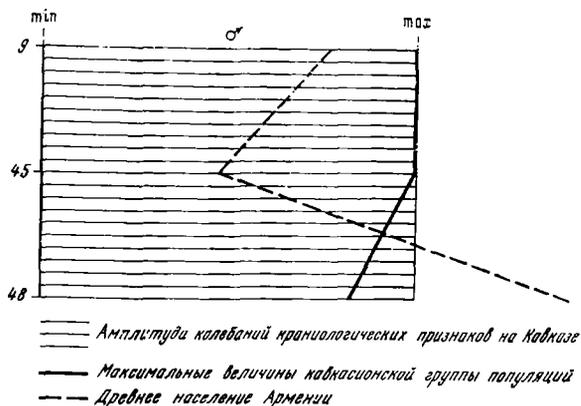

Рис. 2. Сопоставление древнего населения Армении и современных представителей кавказионской группы популяций

моря. Ареал кавказионского типа был заведомо непостоянен — широколицые формы проживали, например, на территории Азербайджана, где их нет сейчас⁵. Наконец, население, оставившее упомянутые поселения и могильники, говорило, очевидно, не на армянском языке, распространившемся позже, а на одном из кавказских языков⁶. Таким образом, морфологическая преемственность выглядит оправданной и с географической, и с лингвистической точек зрения.

Древность кавказионской группы популяций материалами по палеоантропологии Армении отодвигается вглубь минимум до эпохи энеолита. Этот вывод хорошо согласуется с результатами археологических исследований и выделением на их основе Е. И. Крупновым кавказского этнического единства, которое он датировал эпохой неолита⁷.

Итак, народы Северного Кавказа и Закавказья — носители кавказионского антропологического комплекса — сложились в глубокой древности. Такой вывод, сделанный раньше, находит подтверждение во всей приведенной аргументации. Народы западной части кавказионского ареала (балкарцы, осетины, ингуши, хевсуры) представляют собой в антропологическом отношении гомогенное целое. Народы восточной части этого ареала, в первую очередь народы Дагестана, были отделены от них мощными генетическими барьерами, начиная с самых ранних этапов расообразования, может быть, даже с неолитического времени.

¹ В. П. Алексеев. Антропологические данные к проблеме происхождения населения центральных предгорий Кавказского хребта. «Антропологический сборник», IV. «Труды Института этнографии АН СССР» (нов. серия), т. 82. М., 1963.

² М. Г. Абдушелишвили. Антропология древнего и современного населения Гру-

зии Тбилиси, 1964; он же. К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1966; А. Г. Гаджисв. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965.

³ Расстояние равно нулю, естественно, тогда, когда группа представлена одной серией.

- ⁴ Обстоятельный археологический обзор большинства перечисленных памятников: Т. С. Хачатрян. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964; С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967 (на арм. языке с русским и английским резюме).
- ⁵ Р. М. Касимова. Антропологическое ис-

следование черепов из Мингечаура (в связи с изучением этногенеза азербайджанского народа). Баку, 1960.

- ⁶ Об этом см.: Г. Б. Джаукян. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967.

⁷ Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. (К проблеме происхождения коренных народов Кавказа). СА, 1964, № 1.

В. М. Массон

Древние гробницы вождей на Кавказе (Некоторые аспекты социологической интерпретации)

Многочисленные погребения и могильники, раскопанные на Кавказе, являются ценнейшим источником для изучения общественных отношений первобытной эпохи. Целый ряд исследователей обращали внимание на это обстоятельство особенно в связи с интерпретацией богатых курганов майкопского типа. Вопросы социологического истолкования Майкопа всесторонне были рассмотрены А. А. Иессеном¹. Е. И. Крупнов подчеркивал значение Майкопского и Новослободненского курганов как захоронений богатых родовых или племенных вождей. При этом Е. И. Крупнов прозорливо указал на возможность открытия аналогичных погребений в Кабардино-Балкарии, ссылаясь на огромный курган в Нальчике², где действительно такое захоронение было обнаружено в 1968—1969 гг.³ Значительное число интересных наблюдений по осмыслению социальной значимости закавказских погребальных комплексов сделано Б. Б. Пиотровским⁴. К сожалению, в последнее время эта тема все меньше привлекает внимание исследователей, ограничивающихся вопросами хронологии и культурно-исторических связей. Между тем новый материал с еще большей яркостью раскрывает картину социальных отношений, отраженную в погребальных памятниках. Здесь прежде всего бросаются в глаза так называемые погребения вождей. На некоторых аспектах их изучения мы и хотим остановиться в настоящем сообщении.

Следует иметь в виду, что в обществах строгой социальной стратификации социальный ранг определялся происхождением, а не имущественным положением⁵. Соответственным образом необходимо заключить, что погребальные обряды отражают именно социальное, а не имущественное положение усопших, хотя сама оценка дифференцированности и дается по материальным критериям так называемых бедности и богатства. В методическом отношении соответствующий анализ на археологическом материале ведется по характеру обряда⁶, составу инвентаря и типу погребального сооружения. Отметим также, что широко распространенное представление об аморфности и монотонности социальной структуры первобытного об-

щества не отражает конкретной сложности реально наблюдаемой действительности. Например, даже в таком архаическом обществе ранних землевладельцев, как папуасы, различаются вожди, знахари, общинники и так называемые слуги, по происхождению, видимо, связанные с военнопленными⁷. На этапе интенсивного разложения первобытного строя в Меланезии устанавливается целая система иерархии вождей (мелкие главари родовых групп, военные предводители с личными слугами, крупные вожди-ростовщики)⁸. Разумеется, сложная социальная структура первобытного общества отнюдь не означает еще наличия классовых отношений, но ее обязательно следует иметь в виду при интерпретации археологических материалов.

После этих предварительных замечаний обратимся к рассмотрению конкретных кавказских могильников. Погребения, обычно характеризуемые как захоронения вождей, распадаются на три хронологические группы. Первая из них относится ко второй половине III тыс. до н. э. и представлена на Северном Кавказе курганами майкопского типа, а в Закавказье — погребениями вождей куро-аракской культуры.

Наиболее яркими образцами северокавказских памятников являются Майкопский курган и курган в Нальчике. Их отличают прежде всего размеры: высота их курганной насыпи превышает 10 м, а размеры нальчикского кургана по основанию 103 м на 55 м. Уже одно это обстоятельство выделяет их из числа обычных захоронений майкопской культуры, представленных, например, в Бамутском могильнике⁹. Однако в погребальном обряде эти различия менее заметны. И в майкопских, и в бамутских погребениях умершие лежат в скорченном положении, головой ориентированы на юг или юго-запад; стенки могильной ямы сложены из бревен, а дно устлано булыжником, под насыпью кургана — кольца-кромлехи. Различие их в том, что в погребениях майкопской культуры существовали балдахины из серебряных трубок с матерчатыми покрытиями, с нашитыми на них золотыми фигурами. Один такой балдахин был реконструирован Б. В. Фармаковским¹⁰. В Нальчикском кургане, где основное погребение ограблено, было встречено 57 беспорядочно разбросанных золотых пластин, что позволяет предполагать наличие и здесь подобного предмета. Менее ясно, в какой мере к погребальному обряду следует относить присутствие в Майкопском кургане одного основного погребения и двух менее богатых, расположенных в камерах меньшей величины. К сожалению, половозрастной состав определен не был и лишь предполагалось, что в восточной камере погребена женщина (встречены серьги)¹¹. Нальчикская гробница была однокамерной, но в ней также, помимо предполагаемого основного захоронения, присутствовали два костяка, один из которых имел височные кольца и определялся или как женский, или принадлежащий подростку¹². Подобная повторяемость может свидетельствовать в пользу того, что сопровождающие погребения являлись составной частью самого обряда, а в таком случае, если считать все погребения одновременными, речь должна идти о человеческих жертвоприношениях. Различия в погребальном инвентаре столь же разительны, как и в размерах курганной насыпи. Дорогие изделия из драгоценных металлов представлены и в Майкопе, и в Нальчике. В первом

кургане обнаружено, не считая прочих вещей, два золотых и 14 серебряных сосудов, а во втором, хотя и ограбленном, даже ручки бронзовых шилев имели золотые обкладки.

Открытия последних десяти лет в Закавказье нарушили, как это отметил А. А. Иессен, кажущуюся уникальность Майкопа¹³. В настоящее время мы знаем по крайней мере две группы «курганов вождей», относящихся к заключительным этапам куро-аракской культуры, т. е. ко второй половине или, скорее, к самому концу III тыс. до н. э. Это — группа трех больших курганов Уч-тепе в степной зоне Восточного Азербайджана¹⁴ и некрополь Бедени в Грузии на высоте 1350—1800 м над уровнем моря¹⁵. В обоих случаях здесь выступают те же характерные черты, что и в майкопской и нальчикской гробницах. Размеры десяти изученных курганов Бедени, правда, менее грандиозны: их каменно-земляные насыпи имеют высоту в 1,5—5 м и диаметр в 25—80 м. Зато тщательно изученный А. А. Иессеном курган 3 Уч-тепе даже превосходит своих северокавказских собратьев — его высота свыше 13 м, а диаметр около 130 м. Насыпь была сооружена в три приема, видимо, каждый раз с годичным промежутком. Кубатура первой насыпи составляла 6500 куб. м, второй и третьей — по 17 000 куб. м, что заставляет предполагать приблизительно одинаковые трудовые затраты в каждый сезон¹⁶. Хотя курган 3 Уч-тепе разграблен полностью, раскопки в Бедени, где, правда, тоже побывали грабители, позволяют в известной степени реконструировать погребальный обряд. Для захоронения в Уч-тепе и в Бедени сооружались подкурганые ямы. В двух случаях в Бедени сохранились склепы; в одном — яма была двухкамерной. В отличие от майкопской культуры, в Бедени пол погребальной ямы глинобитный или брусчатый, иногда покрытый войлоком, циновкой или звериными шкурами. Обычай ингумации трупа в Бедени такой же, как и в других погребальных памятниках куро-аракской культуры. Возможно, специфической чертой обряда, подобно майкопскому балдахину, являются ложе с носилками и захоронения в повозках, отмеченные в трех курганах Бедени. Последнее особенно примечательно с точки зрения социальной стратификации, на чем мы остановимся позже. Не исключены человеческие жертвоприношения. Хотя костяки в Бедени и нарушены, удалось установить как бы сопровождающие захоронения: в одном случае — одно (предположительно, женщины около 30 лет. Ограбленность этих гробниц затрудняет правильное представление о характере погребального инвентаря. Во всяком случае в Бедени есть золотые и серебряные украшения. Таким образом, на Кавказе во второй половине III тыс. до н. э. выделяется группа погребений, резко отличающаяся размерами погребального сооружения и положенного инвентаря от основного числа рядовых могил. Некоторые отличия, намечающиеся и в самом погребальном обряде, указывают на начинающееся идеологическое закрепление этой дифференциации.

Погребения вождей второй хронологической группы представлены широко известными памятниками триалетской культуры, расцвет которой относится к первой половине II тыс. до н. э. Целый ряд факторов, в частности определенная керамическая преемственность, свидетельствует

в пользу генетической связи Триалети с куро-аракскими комплексами¹⁷. Интересующие нас курганы в Триалети были впервые исследованы Б. А. Куфтиным¹⁸. Погребение этого типа в Кировакане доследовалось Б. Б. Пиотровским¹⁹, а группа зуртакетских курганов, расположенных в одном высокогорном районе с триалетскими, тщательно изучена О. М. Джапаридзе²⁰. Им же были открыты месхетские курганы к западу от Триалети²¹. Наконец, в Лчашене раскопан курган, обнаруживающий, несмотря на небольшие размеры, тесную связь с триалетской традицией погребального обряда²².

Наиболее значительные курганы Триалети и Зуртакети по размерам каменно-земляной насыпи ненамного уступают Майкопу или Уч-тепе: их высота достигает 7 м, а диаметр — 80—100 м. Огромные могильные ямы площадью до 120 кв. м, перекрытые бревенчатым накатом, заставляли вспомнить традиции Уч-тепе. Вместе с тем в ряде курганов сохранились монументальные каменные постройки в виде обширных залов площадью до 150 кв. м с длинным входом-дромосом и стенами высотой до 6—8 м. Таким образом, многие триалетские курганы представляют собой целые мавзолеи, своеобразные памятники монументальной архитектуры, сооружение которых было более трудоемким делом, чем обычная насыпь. Существенные изменения мы наблюдаем в погребальном обряде. Отсутствие остатков человеческих скелетов и в Триалети, и в Зуртакети, и в Кировакане делает убедительным заключение исследователей о распространении обряда кремации, когда пепел высыпался на деревянный катафалк или ложе. Видимо, аналогичному сооружению принадлежала найденная в Триалети золотая обкладка деревянной колонки диаметром в 12 см. Этот факт тем более существен, что в рядовых массовых погребениях того времени сохраняется традиционный обряд ингумации с расположением усопших на боку со скорченными ногами. Как справедливо отметил О. М. Джапаридзе, обряд кремации распространяется в основном в привилегированной части триалетского общества²³. Сохраняется также обычай помещения в могилы четырехколесных повозок. Хотя подавляющее большинство крупных триалетских курганов дошло до нас в разграбленном виде, можно с уверенностью сказать, что богатство погребального инвентаря этих гробниц было весьма значительным: большое количество глиняных сосудов, художественные серебряные и золотые изделия Триалети, золотая чаша с четырьмя серебряными сосудами в кироваканской гробнице. Важно отметить, что и оружие, помещенное в погребение, зачастую носило парадный характер. Таковы известные серебряные кинжалы из Триалети и бронзовое копье с золотым ободком на втулке в третьем месхетском кургане.

Таким образом, в триалетской культуре мы застаем уже устойчивую дифференциацию погребальных комплексов, распространяющуюся и на погребальный обряд, когда в крупных и богатых гробницах практикуется кремация, а в рядовых могилах ингумация. Это указывает на устойчивое утверждение социального первенства и в идеологических представлениях, отражением которых является погребальный обряд, системы социальной стратификации. Хорошо известно, что в ряде обществ даже загробные миры знати и простых смертных представлялись в различном виде. Так,

в Полинезии существовала вера в то, что души рядовых людей идут в подводное царство, а души вождей — на небо²⁴. В Меланезии, например, мумификация считалась почетным способом погребения и применялась больше к вождям и выдающимся людям²⁵. Можно предполагать, что в Закавказье первой половины II тыс. до н. э. целый ряд социальных категорий удостаивался почетного обряда кремирования. И в Зуртакети, и в Триалети наряду с крупными, так называемыми большими курганами, существовали малые курганы, нередко также содержавшие погребальные залы, но соответственно небольших размеров. Примером малых курганов могут служить и месхетские памятники. Интересно, что курган триалетского времени в Лчашене имел небольшую каменную насыпь диаметром в 4—5,5 м при высоте 0,8 м и простую могильную яму размером 2,5×4,5 м, но вместе с тем здесь скорее всего имела место кремация²⁶. Малые трудовые затраты на устройство этой гробницы и бедный инвентарь, состоявший главным образом из 15 глиняных сосудов, заставляют предположить, что в данном случае мы имеем дело с третьей, низшей категорией лиц, социальное положение которых предусматривало посмертную кремацию. Наконец, третья хронологическая группа интересующих нас гробниц относится ориентировочно ко второй половине II тыс. до н. э. и представлена в основном замечательными курганами Лчашена²⁷. Совершенно ясно, что к этой группе примыкает погребение из Адиамана, раскопанное в 1908 г. Е. Лалаяном²⁸. Это небольшие курганы. Их обычные размеры 18—20 м при высоте около 1 м (к этому в лчашенских гробницах, по мнению А. А. Мартиросяна, надо прибавить 1—2 м земляной насыпи, размытой водами Севана). Правда, сама погребальная камера сделана весьма основательно — из огромных каменных плит, использованных также и для перекрытия и достигавших веса в 2—5 т. Обычные размеры камер 5—8×2,5—3,5 м при высоте в 2,5—3 м. Перекрытие было двойным: под каменной плитой шел настил из мощных бревен, поддерживавшихся угловыми столбами. Находки бронзовых гвоздей свидетельствуют о том, что стены этих гробниц могли дополнительно обиваться тканями. В малых курганах того же Лчашена, как и в других рядовых погребениях этой культуры, мы находим одиночные захоронения в подкурганных ямах. В отношении обряда захоронения следует отметить, что и в малых, и в больших курганах был как бы «восстановлен в правах» древний местный способ ингумации. Однако именно в больших курганах мы находим помещенные в камеру деревянные повозки. Судя по опубликованным данным, в пяти больших курганах Лчашена было по одной повозке либо четырехколесной (курганы 1, 4, 11), либо двухколесной (курганы 6 и 8); в одном — две повозки (курган 10) и в другом — даже четыре (курган 2). Найденные в Лчашене двухколесные колесницы, по заключению С. А. Есяяна, были не боевыми, а легкими бытовыми повозками²⁹. Рядом с повозками в Лчашене обычно находились два бычьих черепа³⁰, а в Адиамане были найдены скелеты даже четырех быков. Связь повозок с самим погребением несомненна. А. О. Мнацаканян по крайней мере в двух случаях определенно говорит о расположении погребенного на повозке. В Адиамане на повозке покоился скелет в скорченном положении, на правом боку, лицом на юг. Два бронзовых кинжала, бронзовый пояс, вилы и булава не оставляют

сомнений в том, что это было центральное погребение. Видимо, в какой-то мере в погребальный обряд входили и человеческие жертвоприношения. В том же Адиамане, помимо основного погребения, обнаружено 13 других скелетов, расположенных в беспорядке и имевших лишь бронзовые кольца и редко браслеты. Менее ясен этот вопрос в отношении Лчашена. Здесь, в кургане 2, было обнаружено 12 скелетов, в том числе один — детский. Здесь же находились и четыре повозки, что может указывать на эту гробницу как на своего рода фамильный склеп с последовательными захоронениями. Традиция сопровождающих захоронений с интересным различием в самом способе расположения тел погребенных для начала I тыс. до н. э. отмечена в карабахских погребениях Ахмаки³¹. Погребальный инвентарь рассматриваемых гробниц обычно включает бронзовое оружие и орудия, бронзовые котлы, глиняные сосуды порой в исключительном изобилии (около 100 в кургане 2), украшения и подделки, сделанные из золота, правда, последние в сравнительно ограниченном количестве. Ни первоклассных произведений искусства, ни золотого великолепия Майкопа мы здесь не находим: в этот период строго соблюдается выдержанный обряд, но погребальный инвентарь подбирается уже более расчетливыми хозяевами.

Таким образом, намечается определенная эволюция в характере и облике рассматриваемых гробниц. В майкопской культуре второй половины III тыс. до н. э. при сравнительном единообразии погребального обряда рядовых погребений и больших курганов последние выделяются как огромными размерами, отражающими значительные трудовые затраты на их возведение, так и качественными отличиями в составе погребального инвентаря. Именно качественные, а не количественные различия в составе погребального инвентаря, как мы отметили, являются надежным критерием социальной дифференциации, выделения племенной аристократии³². Вместе с тем бедность и архаический облик рядовых поселков майкопских скотоводов³³ и наличие, во всяком случае в самом Майкопе, вещей явно импортного происхождения заставляют с вниманием отнестись к предположению, что часть богатства могла быть получена в ходе грабительских войн, способствовавших возвышению вождей-военачальников³⁴. Именно гробницами таких вождей следует считать курганы Майкопа и Нальчика³⁵. Учитывая редкость подобных курганов на достаточно обширной территории, занятой памятниками майкопской культуры, вероятно, даже следует говорить не просто о племенных вождях, а о вождях одного или нескольких³⁶ племенных объединений. Возможно, ближневосточные связи, в какой бы форме они ни осуществлялись, стимулировали не только социальное расслоение северокавказского общества, но и способствовали утверждению таких специфических черт погребального обряда его верхушки, как, например, парадные балдахины, хорошо известные нам по гробницам вождей в Аладжа-Гуюке³⁷.

Те же характерные черты свойственны и гробницам вождей куро-аракской культуры (Бедени, Уч-тепе). Характерно их появление именно на позднем этапе развития этой культуры, когда развитие отгонного скотоводства приводит к формированию своеобразной экономики скотоводческо-земледельческого характера³⁸. В связи с новым бытовым укладом

нарушается древняя оседлоземледельческая традиция территориального объединения жилищ и могил, некрополи располагаются в стороне от поселений. Социальное неравенство, стимулированное распространением такой легко отчуждаемой формой движимого имущества, как скот, утверждается через посредство идеологии и в погребальных обрядах. Огромные насыпи курганов символизируют неравенство, устанавливающееся в обществе. Племенные вожди выделяются в различных объединениях, поскольку Бедени и Уч-тепе принадлежат разным территориальным вариантам позднего куро-аракса³⁹.

Из специфических черт погребального обряда, наблюдаемого в гробницах вождей, особенно существенно наличие повозок в Беденских курганах. Как известно, четырехколесные повозки, запряженные быками, были составной частью инвентаря в царских гробницах Ура, датируемых XXVI в. до н. э.⁴⁰ Подобный обряд был широко распространен в Шумере и Эламе, на что указывают находки повозок в богатых гробницах XXVIII—XXVI вв. до н. э. в Кише⁴¹ и пары быков с погонщиками в погребениях в Сузах⁴². Имеются в Сузах погребения и с остатками деревянных частей повозки⁴³. Социологическая интерпретация подобных погребений как гробниц правителей или царских усыпальниц достаточно обоснована. В частности, в урских могилах обнаружены печати с собственными именами погребенных и с титулом лугаль, который, в отличие от титула энси, во многом связанного со жреческими функциями, означает правителя с большой полнотой власти, вероятно военной⁴⁴. Для нашей темы особенно существенно помещение в гробницы этой категории деревянных повозок, что составляло характерную черту погребального обряда верхушки шумерского общества. Г. Чайлд даже полагал, что наличие повозок, которые он трактовал как своего рода военные колесницы, должно было символизировать «воплощение государства как силы принуждения в лице земного династа и юридически обосновать определение таких гробниц как «царских»⁴⁵. Скорее всего этот обряд сложился в Шумере еще в IV тыс. до н. э., когда происходил интенсивный процесс социальной дифференциации общества. В качестве интересной стадияльной параллели можно указать и на колесницы в гробницах иньских ванов в Аньяне XIV—XII вв. до н. э.

Естественно предположить воздействие погребального обряда, сложившегося в Месопотамии, на соседние народы и племена. В отношении триалетской культуры подобное заключение уже было высказано О. М. Джапаридзе⁴⁶. После раскопок в Бедени мы знаем, что традиция погребений с повозками в Закавказье восходит еще к III тыс. до н. э. Следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет отнюдь не о механическом перенесении шумерских погребальных обрядов. Правильнее говорить о том, что когда в Закавказье на основе внутренних процессов происходит усиление социальной дифференциации общества, а возвышение вождей находит отражение в погребальных обычаях, то отдельные черты обряда, подчеркивающие это социальное противостояние и в загробном мире, могли быть заимствованы в уже сложившемся ритуале царских похорон в более развитых обществах. Древневосточная традиция помещения повозок в могилы знати как бы объединилась в Бедени с северной, скотоводческой

традицией возведения кургана в качестве погребального сооружения. Наличие в погребениях повозок скорее всего следует рассматривать как указание на социальный ранг усопшего, и, возможно, прав Д. Мелларт, предполагающий наличие повозок и в аладжагуюкских могилах⁴⁷. Отнюдь не обязательно определять все повозки как боевые колесницы. Вполне вероятно, что в ряде случаев для погребального обряда сооружались специальные повозки, подобные тем культовым колесницам, которые изготавливались на Древнем Востоке для религиозных церемоний.

В триалетской культуре мы наблюдаем признаки дальнейшего обособления части общества, замыкающейся в особую группу зародившейся аристократии. Это проявилось прежде всего в дифференциации погребального обряда, когда в привилегированных слоях распространяется, видимо не без переднеазиатских воздействий, обряд кремации. Среди гробниц с обрядом кремации по размерам погребальных конструкций выделяются три группы: большие курганы диаметром 80—100 м (Зуртакети, курганы 3, 4, 6), малые курганы диаметром 4—20 м (Зуртакети, курганы 1, 2, 7, 8; Месхети, курганы 1—3) и рядовые курганы диаметром 4,5—5 м (Лчашенский курган 6). Эти группы, помимо кремации, объединяют и некоторые другие черты. Так, например, в малых курганах, так же как и в больших, обычно устраиваются погребальные залы, но соответственно меньших размеров. В малом же кургане Зуртакети обнаружена деревянная повозка, а в Лчашенском кургане 6 — два бычьих черепа, что, возможно, связано с обрядами той же принципиальной значимости. Вполне вероятно, что наличие таких групп отражает определенную степень иерархических отношений в среде племенной знати, подобно иерархии вождей, наблюдаемой в Меланезии. В таком случае в больших триалетских курганах можно видеть гробницы вождей союза племен, в малых курганах — погребения вождей племен или территориальных объединений⁴⁸, а в рядовых курганах — могилы вождей или старейшин селений.

Устойчивый погребальный обряд для гробниц нарождающейся аристократии характеризует и курганы Лчашена, где традиция помещения в могилу повозки (либо реально, либо в виде бронзовой модели) устойчиво сохраняется. Южная часть Лчашенского могильника, где сосредоточены большие курганы, была фамильным некрополем местных правителей, одних из тех «царей», против которых совершали походы ассирийские урартские цари. А. А. Мартиросян полагает, что само городище Лчашен было в период поздней бронзы резиденцией вождей Киехуни⁴⁹. Идентичное погребение в Адиямане свидетельствует о том, что некрополи такого рода существовали, вероятно, в каждом территориальном объединении — «стране», на которые распадалось тогдашнее Закавказье. Очевидно, детальный социологический анализ раскопанных могильников того времени, например арктического⁵⁰, позволит выяснить конкретную картину всей социальной структуры общества. При сохранении отчетливой дифференциации в размерах самих погребальных сооружений и в погребальном обряде большие лчашенские курганы, однако, не содержат сколько-нибудь значительных материальных сокровищ в виде драгоценных металлов или других предметов искусства. Возможно, здесь нашел частное отражение отмеченный Г. Чайлдом общий процесс отставания содержимого могил от

растущего богатства общества⁵¹. На ранних этапах социальной дифференциации, когда какая-либо социальная группа впервые выделяется достаточно определенно, чтобы найти отражение в погребальных обрядах, соответствующие погребения обычно отличаются своего рода расточительством. Таковы курганы Майкопа и Нальчика — могилы первых племенных вождей и захоронения Ура и Аньяна — гробницы первых царей. По мере дальнейшего развития и упрочения новых социальных институтов, общество уже в более разумных пределах расходует силы и средства на их пропаганду через посредство погребальных обрядов.

Интересно, что погребения с повозками в эпоху бронзы получили широкое распространение в скотоводческих культурах степной зоны европейской части СССР. Ряд обстоятельств указывает на то, что и здесь соответствующий обряд также имел определенное социальное значение. Так, например, известный курган «Трех братьев» отличался, подобно курганам Триалети и Зуртакети, огромными размерами — 7 м высоты и 62—70 м в основании. Центральное погребение кургана характеризуется большим надмогильным жертвенником, в котором, кстати, находилась глиняная модель повозки и наличие остатков трех двухколесных повозок. Можно полностью согласиться с И. В. Синецким, который писал, что погребенное здесь лицо «занимало особое положение в обществе»⁵². Скорее всего это был племенной вождь приволжской группы катакомбных племен. Интересно, что в могильнике этого времени в районе Элисты в одном кургане дважды совершалось погребение с повозкой⁵³. Возможно, это своеобразная фамильная усыпальница знатной семьи. В последнее время появились материалы, свидетельствующие о том, что погребения с повозками имелись уже в памятниках древнеямной культуры, во всяком случае на поздних этапах ее развития. Таков курган Сторожевой могилы, курган 6 на р. Молочной и некоторые другие памятники⁵⁴. Весьма существенно, что в первых двух случаях погребения содержали только остатки повозок, а какой-либо иной инвентарь отсутствовал. И. В. Синецкий также пишет про огромный курган «Трех братьев» — «могильный же инвентарь при всей пышности погребального ритуала отличается бедностью как по количеству, так и по содержанию положенных предметов»⁵⁵. Надо полагать, это объясняется слабым развитием имущественной дифференциации древнеямных и катакомбных племен, уровень благосостояния которых намного уступал их закавказским современникам. Правда, в условиях безлесной степи массивная деревянная повозка сама по себе представляла значительную материальную ценность. В целом сам обряд погребения с повозкой имел скорее всего социальное значение, свидетельствуя о выделении определенной социальной прослойки, подобно тому как это мы наблюдали в целом ряде некрополей Кавказа.

¹ А. А. Иссен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 196—197.

² Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 73.

³ Р. М. Мунчаев, И. М. Чеченов. Находка медного котла майкопской культуры

в г. Нальчике. КСИА, вып. 115, 1969; И. М. Чеченов. Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике. СА, 1970, № 2; он же. Доисследование кургана эпохи ранней бронзы в г. Нальчике. «Археологические открытия 1969 года». М., 1970.

- ⁴ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 44—47, 58, 88, 89.
- ⁵ М. В. Крюков. Социальная дифференциация в древнем Китае. Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968, стр. 226—227.
- ⁶ Погребальный обряд является сочетанием таких признаков, как способ захоронения умершего, а также конструкция погребального сооружения, характер инвентаря, остаток тризны и жертвоприношений. См.: В. А. Назаренко. Классификация погребальных памятников Южного Приладожья. В сб. «Статистико-комбинаторные методы в археологии». М., 1970, стр. 191.
- ⁷ В. Р. Кабо. Становление классового общества у народов Океании. «Народы Азии и Африки», 1966, № 2, стр. 60.
- ⁸ Там же, стр. 61; Народы Австралии и Океании. М., 1956, стр. 450.
- ⁹ Р. М. Мунчаев, В. И. Сарияниди. Бамутские курганы эпохи бронзы. КСИА, вып. 98, 1964; они же. Исследование Бамутского могильника в 1963 г. КСИА, вып. 106, 1966, стр. 74—80.
- ¹⁰ Б. В. Фармаковский. Арханческий период в России. МАР, № 16, Пг., 1914, стр. 53—54.
- ¹¹ ОАК за 1897 г. СПб., 1900, стр. 10.
- ¹² И. М. Чеченов. Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике, стр. 118. Первоначально предполагалось, что оба котла — женские (И. М. Чеченов. Гробница майкопского периода в Кабардино-Балкарии. «Археологические открытия 1968 года». М., 1969, стр. 98).
- ¹³ А. А. Иессен. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. МИА, № 125, 1965, стр. 10—36.
- ¹⁴ А. А. Иессен. Раскопки большого кургана в урочище Уч-тепе. Там же, стр. 153—194.
- ¹⁵ Г. Ф. Гобеджишвили. Беденские курганы. «Тезисы докладов сессионных и пленарных заседаний». Тбилиси, 1971, стр. 44—49. Ряд сведений Г. Ф. Гобеджишвили любезно сообщил в личной беседе.
- ¹⁶ Следует иметь в виду, что в первый сезон, помимо земляной насыпи были сооружены также более трудоемкая каменная насыпь и могильная яма размером 2,6 × 14,3 м, перекрытая арчевыми бревнами в два наката.
- ¹⁷ О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1969, стр. 270.
- ¹⁸ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети I. Тбилиси, 1941, стр. 63—100.
- ¹⁹ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 47.
- ²⁰ О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалети, стр. 270.
- ²¹ О. М. Джапаридзе, Я. А. Киквидзе, Г. Б. Авалишвили. Результаты работ Месхет-джавахетской археологической экспедиции за 1970 год. «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 году в СССР». Тбилиси, 1971, стр. 56—59.
- ²² Э. В. Ханзадян. Лчашенский курган № 6. КСИА, вып. 91, 1962, стр. 66—71.
- ²³ О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалети, стр. 255. Погребения этого времени с ингумайской раскопкой также в Эчмиадзине (А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 67 и сл.).
- ²⁴ Народы Австралии и Океании стр. 625.
- ²⁵ Там же, стр. 476.
- ²⁶ Э. В. Ханзадян. Лчашенский курган № 6, стр. 71.
- ²⁷ А. О. Мнацаканян. Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г. СА, 1957, № 2; он же. Лчашенские курганы. КСИА, вып. 85, 1961; он же. Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан. СА, 1960, № 2; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, стр. 93—95.
- ²⁸ Е. Лалаян. Раскопки погребений в Советской Армении. Ереван, 1931, стр. 100—101, 194—196 (на арм. яз.). Перевод с армянского был любезно сделан Э. В. Ханзадян.
- ²⁹ С. А. Есяян. Оружие и военное дело в древней Армении. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1962, стр. 21.
- ³⁰ В кургане 8 наряду с бычьими черепами два конских черепа, но повозка здесь была только одна и притом двухколесная. Один конский череп, наряду с двумя черепами быков, обнаружен в кургане 2, где были как четырехколесные, так и двухколесные повозки. Возможно, в последние, как в более легкие, впрягали лошадей.
- ³¹ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 58; К. Х. Кушнарева. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в нагорном Карабахе. СА, XXVIII, 1957, стр. 148, 152.
- ³² В. М. Массон. Становление раннекласс-

- сового общества на Древнем Востоке. ВИ, 1967, № 5, стр. 85—86.
- ³³ Такие поселки хорошо характеризуют раскопки Мешоко (А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965).
- ³⁴ А. Я. Брюсов. Археологические данные об экономике доклассового общества в неолитическую эпоху. СА, XXV, 1956, стр. 56; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 73.
- ³⁵ Едва ли следует говорить о вождях-жрецах (В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья. ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8. Л., 1932, стр. 66). Несмотря на интенсивный процесс сакрализации светской власти на поздних этапах мервобытного строя, объединение этих функций характерно больше для раннеклассовых обществ Древнего Востока.
- ³⁶ Например, Майкоп мог быть центром западной группы племен, а Нальчик — восточной. Правда, хронологически Нальчик явно позднее Майкопа.
- ³⁷ J. Mellaart. Anatolia circa 4000—2300 B. C. Cambridge, 1965, p. 31. Определение Д. Меллартом этих погребений как царских является, с нашей точки зрения, неоправданной модернизацией.
- ³⁸ Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, 1955.
- ³⁹ К. Х. Кушнарева и Т. Н. Чубинишвили выделяют в Закавказье пять территориальных групп: юго-западную (куда попадает Бедени), северо-западную и центральную, северо-восточную (куда попадает Уч-тепе) и юго-восточную. См.: К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры южного Кавказа. Л., 1970, стр. 62—85. Правда, это деление во многом формально-географическое. Представляется, что детальный анализ массового материала, прежде всего керамики, может выделить в пределах куро-аракса керамические провинции, соответствующие группам племен или даже отдельным племенам.
- ⁴⁰ L. C. Wooley. Ur Excavations, vol. II. The Royal Cemetery. London — Philadelphia, 1943.
- ⁴¹ L. C. Watelin, S. Langdon. Excavations at Kish, vol. IV. Paris, 1934, p. 30 c.
- ⁴² Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 224—225.
- ⁴³ Этот вопрос детально исследован С. Пигготом. См.: P. Piggott. The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence. «Proceedings of the Prehistoric Society for 1968», vol. XXXIV, London, 1969, p. 272.
- ⁴⁴ И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М., 1959, стр. 122—126.
- ⁴⁵ Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 232.
- ⁴⁶ О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалете, стр. 256.
- ⁴⁷ J. Mellaart. The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia. Berlin, 1966, p. 155.
- ⁴⁸ И. М. Дьяконов отметил, что письменные источники, описывая периферию древневосточных государств, в том числе и районы Армянского нагорья, обычно говорят не об этнических объединениях («племенах»), а о «странах», т. е. неких территориальных образованиях (И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, стр. 78, 79).
- ⁴⁹ А. А. Мартиросян. Погребения и могильники эпохи поздней бронзы. Ереван, 1969, стр. 47.
- ⁵⁰ Т. С. Хачатрян. Арктический могильник и его хронология. «Тезисы докладов». Тбилиси, 1971, стр. 53, 54.
- ⁵¹ Г. Чайлд. Прогресс и археология. М., 1949, стр. 150.
- ⁵² И. В. Синуцын. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, X, 1948, стр. 156.
- ⁵³ И. В. Синуцын, У. Э. Эрдиев. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР. Элиста, 1966, стр. 31—37.
- ⁵⁴ А. И. Терсеножкин. Курган Сторожева могила. «Археология», т. V. Київ, 1951; он же. Раскопки курганов в долине реки Молочной в 1952 г. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 71. Список соответствующих находок приведен в цитированной выше работе С. Пиггота, который, однако, не всегда различает ямные и катакомбные погребения.
- ⁵⁵ И. В. Синуцын. Памятники предскифской эпохи..., стр. 145.

Статуэтка лошади с Алтын-депе

Среди многих предположений о месте одомашнивания лошади на Древнем Востоке существует теория, по которой это могли быть степные области Средней Азии, откуда уже в одомашнированном виде лошадь распространилась в Месопотамию, Малую Азию, Египет и Индию. Однако между этими двумя огромными регионами на крайнем юго-западе Средней Азии располагается промежуточная зона оседло-земледельческих поселений, как бы разграничивающая между собой пастушеско-скотоводческие племена бескрайних степных просторов Средней Азии и общинников традиционно-земледельческих центров Древнего Востока. Очевидно, что в таком случае предполагаемое южное проникновение одомашненной лошади должно было в какой-то степени отразиться в культуре этой контактной зоны, и в первую очередь на территории Южного Туркменистана. Посмотрим, как же соотносится эта гипотеза с имеющимися данными. Отсутствие письменных памятников заставляет нас обратиться к чисто археологическим источникам.

Сразу же отметим, что по своему характеру соответствующие археологические материалы из Южного Туркменистана распадаются на две хронологические группы, грань между которыми падает на рубеж III—II тыс. до н. э.

Сначала обратимся к материалам более раннего времени. Хотя имеется достаточно большая фаунистическая коллекция эпохи неолита, энеолита и ранней бронзы с разных поселений Южного Туркменистана, среди палеозоологов нет единого мнения о том, кому принадлежат соответствующие кости — лошади или кулану? Одни считают их, несомненно, принадлежащими домашней лошади (Дюрст), другие — кулану (В. И. Цалкин), третьи вообще затрудняются в точном видовом определении (А. Шевченко)¹.

Все это заставляет нас обратиться к другому виду археологических источников — мелкой терракотовой пластике. В настоящее время в нашем распоряжении имеется достаточно большое собрание зооморфной пластики VI—III тыс. до н. э. В подавляющем большинстве эти глиняные фигурки изображают представителей крупного и мелкого рогатого скота и вылеплены настолько обобщенно и схематично, что с трудом поддаются видовому определению. Правда, судя по некоторым стилистическим деталям (грива), некоторые статуэтки животных рубежа IV—III тыс. до н. э. условно определяются как изображения куланов или лошадей². К сказанному добавим еще находку в слоях IV тыс. до н. э. на Кара-депе обломка сосуда с возможным рисунком лошади³.

Известные к настоящему времени материалы еще недостаточны для решения проблемы в целом. Вместе с тем, если негативное заключение палеозоологов можно объяснить трудностью определения в различиях костей домашней лошади от дикой, особенно на ранних стадиях ее одомашнивания, то отсутствие каких-либо прямых свидетельств в чисто археологических материалах приобретает особую значимость⁴. Все это заставляет предпо-

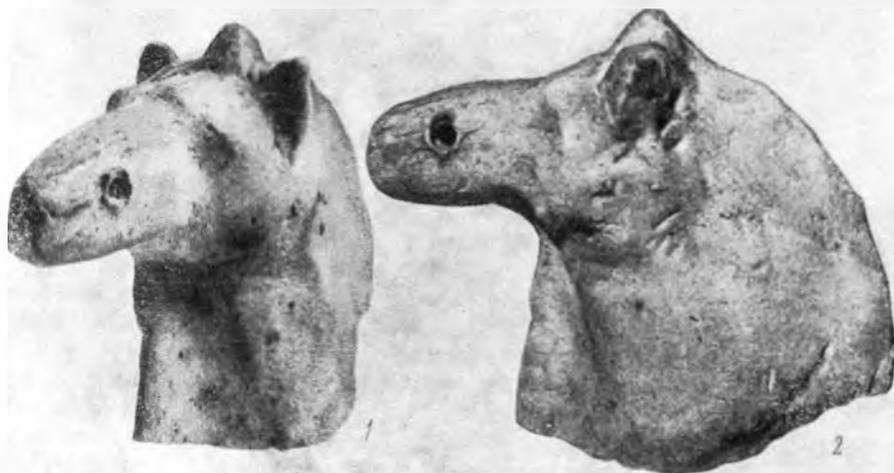

Рис. 1. Терракотовая головка лошади с поселения Алтын-депе (1, 2)

лагать, что в рассматриваемое время местные южнотуркменистанские племена скорее всего были знакомы с дикой лошадыю и куланом, возможно, являвшимися объектом охоты⁵.

Несколько иная картина наблюдается в следующий период — в эпоху ранней бронзы. Именно тогда начинают встречаться хотя и единичные, но бесспорные свидетельства знакомства местных племен с одомашненным верблюдом, а в начале II тыс. до н. э. — и с domestцированной лошадыю. Так, уже в слоях позднего Намазга IV (последние века III тыс. до н. э.) появляются терракотовые модели повозок, к передней части которых приделаны скульптурные изображения головок верблюдов на длинных изогнутых шеях. Количество подобных находок резко увеличивается в последующее время и тем более показательно, что на фоне многих десятков подобных образцов до сих пор известны лишь два экземпляра, изображающих лошады: с Алтын-депе и Улуг-депе.

Особого интереса заслуживает находка верхней части статуэтки лошади на поселении Алтын-депе. Здесь, на месте предполагаемого монументального здания, в ходе небольших разведочных раскопок была обнаружена статуэтка. Судя по сопровождающему ее керамическому материалу, слой, в котором она находилась, датируется первой половиной II тыс. до н. э.

Фигурка изготовлена из высококачественной красноватого цвета глины, хорошего обжига, снаружи нанесен светлый ангоб. Головка лошади имеет слегка горбоносый профиль с резко выдающимися скуловыми гребнями, рельефными надбровными бугорками и торчащими ушами (рис. 1). Тщательно моделированная, плавно изогнутая высокая грива имеет выстрижку между ушей, образующую конической формы невысокий султан. В пе-

редней части морды — сквозное отверстие, видимо, для узды. В целом статуэтка выполнена с незаурядным мастерством и изображает, по-видимому, породистую лошадь, отдаленно напоминающую знаменитых ахалтекинских скакунов.

Аналогичного типа терракотовая головка лошади также с коническим султаном между ушей, но выполненная более обобщенно и схематично найдена на поверхности поселения Улуг-депе и, видимо, относится к тому же времени, что и предыдущая.

Стилистические особенности рассмотренных терракот (стриженная грива, специальный султан) не оставляют сомнений в том, что перед нами изображения домашних лошадей — первое достоверное свидетельство знакомства местных племен с этим видом животного. В свете имеющихся археологических наблюдений достаточно широкое распространение домашней лошади в Южном Туркменистане относится ко времени не ранее рубежа III—II тыс. до н. э., что как будто находит подтверждение и в соответствующих фаунистических остатках. Так, по В. И. Цалкину, в большом фаунистическом материале эпохи неолита и энеолита кости домашних лошадей совсем отсутствуют, зато достаточно полно они представлены в остеологических материалах эпохи развития бронзы. «Видимо, начиная с этого времени, домашняя лошадь становится в Южной Туркмении обычной и получает широкое распространение»⁶.

Суммируя известные материалы, можно предполагать, что уже к середине III тыс. до н. э. местные племена в качестве тягловой силы использовали верблюда. Судя по терракотовым моделям, верблюдов впрягали в тяжелые двухосные повозки с прямоугольными в плане кузовами. Несколько позднее, во II тыс. до н. э., для этих целей могли использовать и крупный рогатый скот, о чем можно судить по находке модели повозки с Улуг-депе с приделанной к ее передней части скульптурной головкой быка⁷.

Очевидно, в полупустынных условиях Закаспия разведение, содержание и использование верблюда в хозяйстве являлось наиболее выгодным и экономичным.

Вместе с тем среди многих десятков образцов моделей двухосных повозок отмечены единичные, но одноосные, происходящие из слоев II тыс. до н. э., причем колеса их имеют четко выделенные ступицы и иногда специально нарисованные спицы⁸.

К сожалению, ни одна из таких моделей не сохранила скульптурного изображения животного — мы не знаем точно, впрягались ли в них лошади или верблюды. Считается, что подобные одноосные модельки, колеса которых были не сплошные, а на спицах, являлись уже изображениями не простых повозок, а колесниц, возможно парадных или боевых. По С. Пигготту, четырехколесные неуклюжие повозки характерны для равнинных областей, а двухколесные, как более мобильные, — преимущественно для горных⁹.

Возвращаясь к рассматриваемым статуэткам лошадей, следует отметить, что они изображают не рабочую лошадь пахаря-земледельца, а либо верховую, либо парадную, предназначенную для боевых или церемониальных колесниц. Не исключено, что такие головки и были приделаны к одноосным моделям колесниц.

По общему облику обе статуэтки, особенно с Алтын-депе, могут быть сопоставлены с изображениями голов лошадей на многочисленных ассирийских рельефах. Особенно показательна характерная стрижка гривы и наличие султана. На ассирийских экземплярах головы лошадей обычно украшены веерообразными «плюмажами», но в единичных случаях отмечаются и конической формы султаны. Точно такие же султаны у лошадей известны на рисунках, гравированных на шкатулке слоновой кости из Зивие.

Хотя мы пока не знаем ни одного изображения лошади в степных культурах Средней Азии эпохи бронзы, приведенные сопоставления склоняют к мысли, что домашняя лошадь в традиционно-земледельческих оазисах Южного Туркменистана была заимствована из городских центров Передней Азии. Если такое допущение подтвердится в будущем, то следует с большей осторожностью относиться к существующей теории о распространении колесницы (запряженной лошадьми) в Передней Азии вторгшимися племенами индоиранского происхождения из степных областей Средней Азии — места их первоначального обитания¹⁰. Имеющиеся прямые археологические факты из Южного Туркменистана периода 2000—1500 гг. до н. э. (Намазга V) пока не подтверждают такого предположения. Если эта гипотеза и правомерна, то предполагаемое распространение индоиранских племен может быть отнесено ко второй половине II тыс. до н. э. (Намазга VI), когда действительно на ряде поселений Южного Туркменистана наблюдаются бесспорные свидетельства контакта земледельческих и степных культур¹¹. И в этом случае налицо лишь общие контуры былых исторических событий, конкретизация которых требует еще больших дополнительных исследований. Мы до сих пор не знаем, были ли это вполне мирные соседские отношения, столь естественные для контактной зоны, или перед нами свидетельства драматических событий, связанных с вторжением пастушеских племен в традиционно-земледельческие центры Передней Азии. Как бы то ни было, на современном уровне наших знаний промежуточная территория Южного Туркменистана не дает пока никаких прямых археологических фактов, которые бы подтверждали предполагаемую теорию о расселении индоиранских племен в указанном направлении.

Нам осталось отметить, что рассмотренные две статуэтки лошадей интересны еще и в том отношении, что они указывают на достаточно далеко зашедший процесс дифференциации местного общества. Действительно, только обособившаяся от рядовой массы знать могла содержать породистых коней, не связанных непосредственно с производством материальных благ. Отсутствие письменных источников еще долго будет служить серьезным препятствием к окончательному решению вопроса о характере общественного строя местного общества эпохи бронзы. Отметим лишь, что, по данным хозяйственных документов (Рас Шамра, Боказкей) и критомикенских архивов (Кносс — Пилос), в середине II тыс. до н. э. одной из самых распространенных прослоек знати в ближневосточных и средиземноморских государствах были колесничие¹².

- ¹ См. обзор: В. И. Цалкин. Древнейшие домашние животные Средней Азии. «Бюллетень Московского общества испытателей природы», т. XXV. М., 1970.
- ² В. М. Массон. Кара-депе у Артыка. «Труды ЮТАКЭ», т. X. Ашхабад, 1960, стр. 368; В. И. Сарияниди. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ, БЗ—8. М., 1965, стр. 38, табл. XXVII, 8, 9.
- ³ И. Н. Хлопин. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. САИ, БЗ—8. М.—Л., 1963, стр. 12, табл. XXIV, 9.
- ⁴ Для примера отметим, что в Месопотамии появление пиктограммы колесного транспорта относится уже к IV тыс. до н. э. См. обзор: S. Piggott. The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence. Proceedings of the Prehistoria Societ, vol. XXXIV, N 8. Cambridge, 1968.
- ⁵ Ср.: Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТПКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. «Труды ЮТАКЭ», т. VII, 1956, стр. 283; И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л., 1964, стр. 110.
- ⁶ В. И. Цалкин. Древнейшие домашние животные Средней Азии, стр. 155.
- ⁷ Неопубликованные материалы автора.
- ⁸ Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ..., рис. 27.
- ⁹ S. Piggott. The Earliest Wheeled..., fig. 310.
- ¹⁰ И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 124, 125.
- ¹¹ А. Ф. Гаялин. Теккем-Тепе. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР», т. II. Ашхабад, 1956.
- ¹² Более подробно см.: П. М. Кожин. Кносские колесницы. Сб. «Археология Старого и Нового Света». М., 1966. 76—81.

П. Д. Либеров

Памятники абашевской культуры в Курской области

Правобережная речная система Среднего Дона захватывает лишь восточную часть территории Курской области. Вся остальная территория, включая западную и центральную части, входит в речную систему Поднепровья.

Такая обособленность речных систем и охватываемых ими территорий не могла не сказаться и на истории сложения этнокультурных образований. Поэтому трудно было предположить наличие памятников абашевской культуры в Курской области, хотя в соседней с ней Воронежской области их становится известно все больше с каждым годом.

За последние годы при более тщательном рассмотрении материалов с памятников эпохи бронзы в ряде случаев была обнаружена и керамика абашевской культуры, например, остросереберный сосуд (рис. 1) из сборов К. П. Сосновского, хранившийся в Курском музее, происходящий из Обояньского района Курской области. Типологически он очень сходен с абашевскими остросереберными сосудами. Высота его 7 см, диаметр горла 9,5 см, дна 6,5 см; ребро расположено посередине или несколько ниже; диаметр по ребру 11 см; венчик плавно отогнут наружу и немного заострен. Верхняя половина сосуда красиво орнаментирована крупноребен-

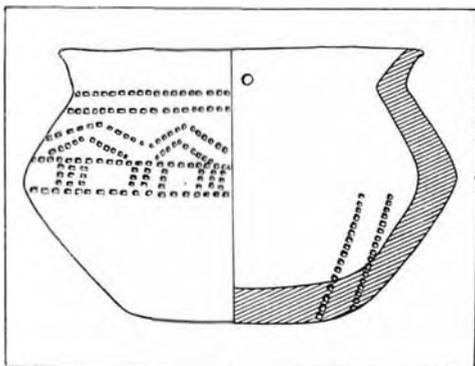

Рис. 1. Острореберный сосуд из сборов К. П. Сосновского

Рис. 2. Сосуд из кургана 3, погребение 7 у с. Средние Апочки

чатый штампом, состоящим из двух круговых полос по шейке венчика, двух полос по ребру, но так, что одна полоса расположена на верхней половине, вторая — на нижней; обе последние полосы соединены вертикальными полосками по три в ряд через определенные промежутки; каждый промежуток длиной до 1,5 см. От нижней полосы до дна спускаются параллельно две полосы крупно-гребенчатого штампа. Близость этого сосуда к среднедонским абашевским сосудам подчеркивается также двумя сквозными отверстиями под венчиком для подвешивания.

Позднее наше внимание привлекли результаты раскопок А. Е. Алиховой у с. Средние Апочки Курской области, где ею был исследован в 1967 г. один курган. Последующее изучение этого могильника было продолжено А. И. Пузиковой. Особое внимание привлек лепной сосуд из кургана 3 погребения 7 (рис. 2).

Дадим краткую характеристику погребения и сосуда. Могила имела прямоугольную форму с сильно закругленными углами, длина 1,73 м, ширина 1,42 м, глубина в материке 0,25 м. Погребенный лежал в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на север. Руки были согнуты в локтях так, что кисти лежали перед лицом. Над головой, немного к северо-западу, стоял целый широкогорлый лепной сосуд высотой 16,5 см, диаметром горла 20,5 см, дна 11 см; плечики очень низкие, венчик высокий и отогнут наружу; диаметр сосуда по плечикам несколько меньше диаметра горла.

Поверхность сосуда желто-оранжевого цвета с темными пятнами и орнаментирована по плечикам грубым крупно-гребенчатым штампом из треугольников вершинами вверх и вниз; треугольники заполнены тем же орнаментом и более углубленными продолговатыми ямками.

Под венчиком посредине шейки, идет ряд округлых ямок, а непосредственно на шейке имеются два сквозных отверстия для подвешивания. В тесте есть примесь песка и шамота.

В этом погребении, на наш взгляд, как бы совмещены черты разных культур. Во-первых, влияние катакомбной культуры проявляется в положе-

нии костяка и отчасти в форме сосуда, имевшего высокий венчик и округлые стенки; во-вторых, значительная широкогорлость и приземистость формы сосуда. Отверстия под венчиком для подвешивания отражают влияние андроновской и отчасти абашевской культур в поздний период их существования в Подонье. Отсутствие преобладающих черт какой-либо из культур затрудняет культурное и этническое определение этого погребения.

Зато его хронология, как и хронология острореберного сосуда из сборов К. П. Сосновского, определяется более или менее ясно. Наличие отверстий для подвешивания на абашевской керамике Подонья связано с появлением здесь андроновских элементов культуры, оказавших влияние на абашевскую керамику, вероятно, не ранее конца II тыс. до н. э.

Обнаружена также абашевская керамика совершенно случайно при просмотре материала из раскопок А. Е. Алиховой в 1961 г. у с. Успенки Курской области¹.

Поселение расположено на дюне правого берега р. Сейм, в 1,5 км к северу от моста, напротив с. Успенки Ивановского (ныне Львовского) района. Это поселение было открыто еще в 1953 г. Ю. А. Липкингом. В 1959 г. он заложил здесь шурф, давший значительное количество керамики и фрагментов яйцевидных блоков эпохи раннего железного века. В 1961 г. А. Е. Алихова заложила два раскопа в средней, высокой части дюны общей площадью 85,5 кв. м, в которые вошел и шурф 1959 г.

Мощность культурного слоя, состоявшего из песка разного оттенка, достигала 60—80 см, а местами — 90—100 см. Верхний слой задернован слабо и менее гумусирован по сравнению со вторым, нижним, слоем. В верхнем слое встречено незначительное количество неорнаментированной керамики юхновской культуры. Нижний слой более насыщен и, кроме керамики юхновской культуры, содержит керамику с жемчужинами. К сожалению, в отчете о раскопках отсутствует четкая характеристика керамического материала. Поэтому с точки зрения этнокультурной его принадлежности ясности нет. Ознакомившись с этим материалом², мы пришли к выводу, что некоторая его часть имеет важное научное значение в решении проблемы абашевских племен эпохи поздней бронзы. Часть материала подверглась камеральной обработке.

В типологическом отношении это, как правило, широкогорлые толсто-стенные и тонкостенные горшки с очень низкими плечиками или совсем без них (рис. 3). Венчик имеет прямой или немного овальный срез и чаще всего отогнут наружу; иногда венчик прямой, но утолщен с наружной стороны. Некоторая часть венчиков на внутренней стороне изогнута в виде лотка. Поверхность сосудов обычно желтая или серо-желтая, иногда с темно-серыми пятнами. Тесто мелкозернистое, с примесью толченой ракушки, за счет выпадения которой вся поверхность сосуда имеет вид как бы изъеденной оспой. Орнаментация очень бедная: на плечиках некоторых сосудов имеются горизонтальные резные линии, наколы косо поставленной палочки, иногда перекрещивающиеся короткие резные линии и вертикальная штриховка. Таким образом, типологический анализ этой керамики, цвет поверхности и примесь ракушки в тесте позволяют считать эту керамику абашевской.

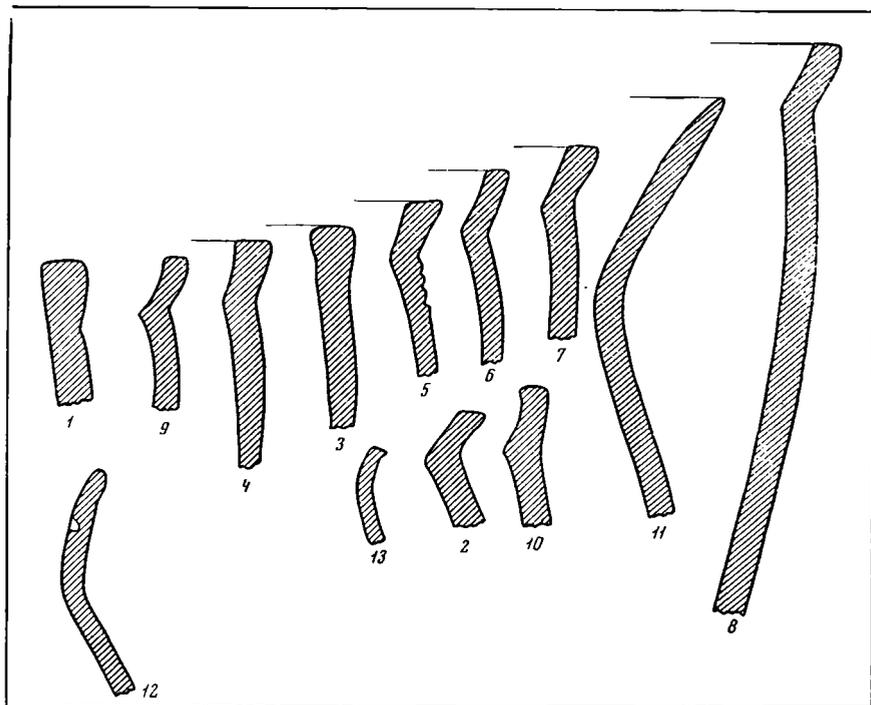

Рис. 3. Профили венчиков абашевской керамики с поселения у с. Успенка и Кузина Гора

И поскольку она встречена на всей глубине культурного слоя, то рассматриваемый памятник можно считать поселением абашевской культуры. Наличие керамики юхновской культуры в верхнем и последующем слоях не противоречит этому положению.

Время существования поселения недостаточно ясно. Однако бедность орнамента на сосудах и наличие в подкурганых погребениях абашевских типов керамики в ее поздних вариантах не дают оснований для датировки поселения более ранним временем, чем рубеж II—I вв. до н. э.

Таким образом, открытие памятников абашевской культуры в Курской области, в трех обособленных друг от друга пунктах, позволяет надеяться на то, что при более тщательных поисках этих памятников удастся обнаружить их в большем количестве и на более широкой территории, хотя она и представляется самой западной границей распространения абашевских памятников междуречья Дона и Днепра.

¹ А. Е. Алихова. Отчет о раскопках Успенского поселения в 1961 году. Архив ИА АН СССР, Р. 1—2317. Благодарю А. Е. Алихову за разрешение

использовать найденные ею материалы.
² С любезного разрешения автора раскопок, так как материал находится пока в фондах ИА АН СССР.

Бронзовые кинжалы предскифского времени

В течение последних лет на юге европейской части СССР найдены три бронзовых кинжала ранее неизвестных здесь типов, относящихся к позднему предскифскому периоду. Находки случайные: две — из Среднего Поднепровья, одна — из Таганрога.

Один кинжал происходит из с. Субботова Чигиринского района Черкасской области. Найден в 1961 г. на пашне между селами Субботовым и Чмыревкой. До 1967 г. кинжал находился в Субботовском народном музее им. Богдана Хмельницкого. Затем был передан на хранение в Институт археологии УССР. Клинок кинжала (рис. 1) сравнительно широкий, постепенно суживающийся к острию, имеет одинаково широко откованные лезвия. Перекрестие, отделенное от клинка небольшими выемками, сделано в виде уплощенных коротких с округлыми концами выступов. Овальная в поперечнике рукоять расширяется книзу, на одной ее стороне сделан продольный желобчатый расширенный в бока вырез, поверх которого наложены три узенькие перемычки. Навершие низкое полое грибовидной формы. Кинжал отлит в форме, изготовленной по восковой модели. Длина всего кинжала 32,5 см, длина клинка до перекрестия 22,5 см, ширина клинка 4,4 см.

Другой кинжал найден в Киевском уезде и поступил из собрания Кундеревича в Киевский исторический музей, откуда исчез во время немецко-фашистской оккупации Украины. Зарисовка кинжала сохранилась в архиве М. Миллера, находящемся в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР¹. Судя по рисунку (рис. 2, 1), он подобен предыдущему, имел низкое грибовидное навершие, овальную в разрезе расширяющуюся книзу рукоять с продольным вырезом на одной стороне, с двумя сохранившимися узкими поперечными накладками, перекрестие в виде уплощенных шиповидных выступов, отчлененное от клинка вырезами, и клинок с широко откованными лезвиями, сходящийся к закругленному затупленному острию. Длина кинжала 36,7 см, длина его клинка до перекрестия 24,7 см, ширина клинка 4 см.

Место находки третьего кинжала точно неизвестно. Хранился он в Таганрогском музее, где в 1930 г. был зарисован В. А. Городцовым (Архив Государственного исторического музея в Москве). Кинжал (рис. 1, 2) имеет широкий клинок с почти параллельными лезвиями, круто сходящимися к острию. По клинку проходят два желобка. Навершие рукояти грибовидное с низко опущенными боками. Рукоять ажурная с двумя параллельными сквозными вырезами, пересеченными двумя накладками. Перекрестие имеет вид четырехугольных, несколько опущенных вниз плоских выступов со скошенными четырехугольными сквозными вырезами. Длина кинжала 35,8 см, длина клинка до основания перекрестия 23,3 см, ширина клинка 4,2 см.

Все три кинжала по типу совершенно чужды культурам бронзового века Восточной Европы, но одинаково связаны с карасукской культурой

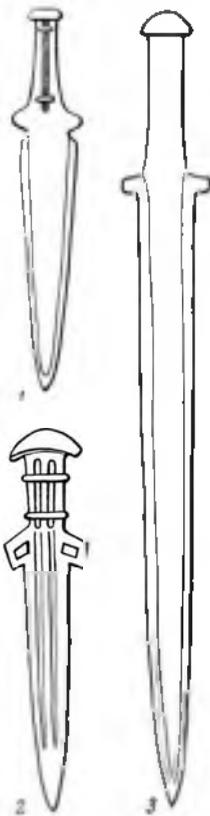

Рис. 1. Бронзовый кинжал из с. Субботово Чигиринского района Черкасской области (1, 2)

Рис. 2. Бронзовые кинжалы из Киевского уезда (1) и Тагаирогского музея (2) и бронзовый меч из с. Гебрино Балтского района Одесской области (3)

Сибири и Центральной Азии, где их принято датировать XII—VIII вв. до н. э. Тагаирогский кинжал является пока единственной находкой на нашей территории. Точных аналогий этому кинжалу среди карасукских нет, однако его карасукская принадлежность достаточно очевидна из серии ему подобных находок, отличающихся лишь в деталях².

Несравнимо более интересны для нас кинжалы из Субботова и Киевского уезда. Что они не случайны в Северном Причерноморье, подсказывает близкий по типу бронзовый меч, найденный при невыясненных обстоятельствах в 1965 г. на севере Одесской области, в с. Гебрино Балтского района³. Меч, как и кинжалы, имеет грибовидное навершие, овальную расширяющуюся книзу рукоять, на одной стороне которой сделан желобчатый вырез с двумя перемычками, короткие, плоские выступы перекрестия и длинный клинок с сильно откованными лезвиями, сходя-

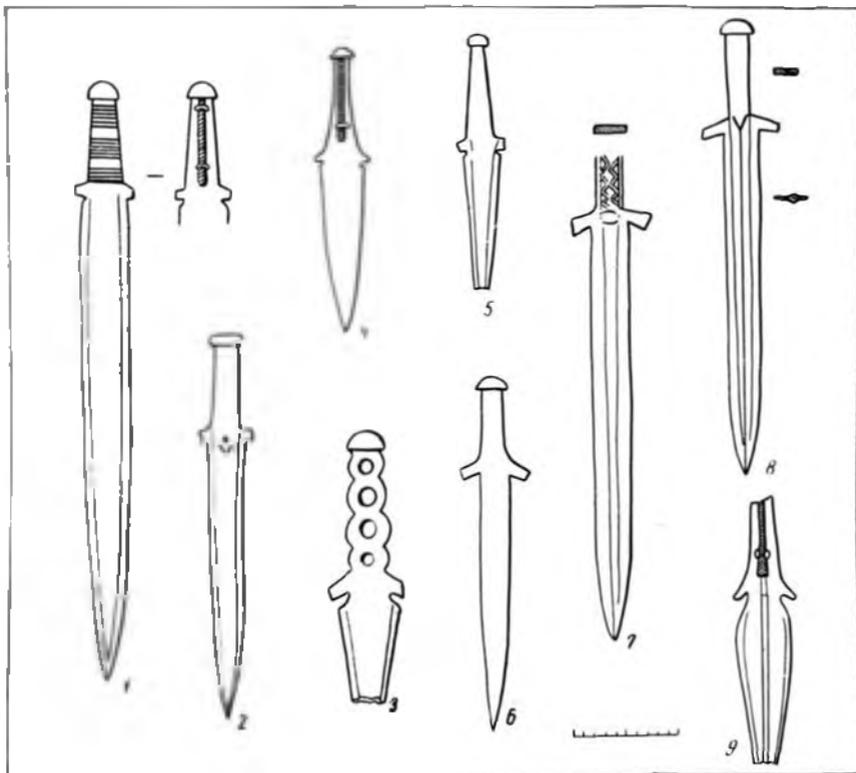

Рис. 3. Бронзовые кинжалы и мечи из Сибири и Центральной Азии

1—р. Вилюк в Якутской ССР (по А. П. Окладникову); 2—р-и Красноярск, с. Коринно (по Н. А. Числовой); 3—Тува (по Л. Р. Кызласову); 4—Восточный Кавказ, с. Баты (по С. С. Черникову); 5—Восточный Кавказ, с. Палацц (по С. С. Черникову); 6—Алтай (по М. П. Грязнову); 7—Томск (по Н. А. Числовой); 8—Томская губ., Эмшингорский уезд, с. Лаптев Лог (Музей МА); 9—Тува (по Л. Р. Кызласову)

щимися постепенно к острию (рис. 2, 3). Длина меча 54,5 см, длина клинка до основания перекрестия 41,5 см, ширина клинка 4 см.

Здесь нет необходимости останавливаться на карасукских аналогиях слишком подробно, так как они носят массовый характер. Среди карасукских имеются экземпляры кинжалов и мечей, вплоть до особенностей сходных с нашими находками. Для сравнения ограничимся тем, что приведем таблицу рисунков подобных по типам кинжалов и мечей, происходящих из различных пунктов Сибири и Центральной Азии (рис. 3), где археологически доказано развитие данного рода оружия от простейших до развитых форм. Находками бронзовых кинжалов в с. Субботове, Киевском уезде и меча в Гебрино, безусловно, выяснено, что данный род руководящего карасукского типа вооружения, проникая на запад, получил распространение и в Северном Причерноморье. Они значительно расширяют наше представление о масштабах и характере доскифских связей на-

Рис. 4. Бронзовая рукоять
железного меча (Киевский
исторический музей)

селения юга Восточной Европы с Сибирью, Восточным Казахстаном и Центральной Азией, отмечавшихся А. А. Иссенем (бронзовые удила с стремечковидными концами, котлы минусинского типа с кольцевидными ручками у Пятигорска) ⁴ и мною.

Главным поводом к постановке вопроса о ранних причерноморско-сибирских культурных связях послужили находки железных кинжалов с бронзовыми крестовидными рукоятками, выделенных впервые в конце 40-х годов Е. И. Крупновым в качестве особого «кабардино-пятигорского» типа позднейшего предскифского времени. Исключительная важность открытия неизвестной ранее серии железного оружия, сделанного Е. И. Крупновым, заключается в том, что эти кинжалы и мечи составляют не узлокальное, северокавказское явление, а характерны для многих культур Восточной Европы и имеют первостепенное значение для изучения позднейшего предскифского периода VIII—VII вв. до н. э. В ареале подобных кинжалов, охватывавшем не только Северный Кавказ с кобанской ⁵ и древнемеотской культурами ⁶, но и области чернолесской культуры в Среднем Поднепровье и Среднюю Европу, можно было видеть убедительное свидетельство в пользу того, что этот массовый тип старейшего железного оружия должен был выработаться в степном Причерноморье в киммерийской среде ⁷. Многочисленные находки железных кинжалов с бронзовыми крестовидными рукоятками и стел с их изображениями в Волго-Камской области на старейших могильниках ананьинской культуры, раскопки которых производились А. Х. Халиковым, дали дополнительные подтверждения вывода о происхождении их в Северном Причерноморье ⁸.

Вместе с тем тогда же стало очевидным, что прототипы таких железных предскифских мечей (рис. 4) и кинжалов одинаково отсутствуют как в культурах Восточной Европы, так и на Кавказе, тогда как в Сибири и Центральной Азии они представлены большим количеством подобных же и более архаических, и исходных форм бронзового оружия карасукской культуры.

Находки бронзовых кинжалов и меча в с. Субботове, Киевском уезде и Гебрино безукоризненно подтвердили наши выводы о том, что, во-первых, предскифские железные кинжалы и мечи ведут свое происхождение от карасукских форм и, во-вторых, что они возникли на их основе именно в Северном Причерноморье. Благодаря таким находкам эти важнейшие вопросы предскифской археологии можно признать уже решенными.

Остановлюсь еще на вопросах возраста упомянутых находок. Пред-

скифские железные кинжалы с бронзовыми крестовидными рукоятками у нас принято датировать VIII — первой половиной VII в. до н. э. В. Подборский, изучив подобные бронзовые и железные кинжалы с бронзовыми рукоятками из Средней Европы, пришел к выводу, что они никак не моложе ступени, соответствующей позднему бронзовому веку. Очевидно, и нам следует датировать большую часть железных предскифских кинжалов с бронзовыми рукоятками преимущественно VIII в. до н. э., хотя часть из них далека в своем оформлении от исходных карасукских образцов (с рукоятками ажурными, с несколькими рядами колец), комбинированными из железа и бронзы, а также сплошь железными, но сделанными по образцам кинжалов с бронзовыми рукоятками. Если такая датировка для архаических по типу кинжалов и мечей с бронзовыми крестовидными рукоятками (типа меча Киевского исторического музея, в том числе и с ажурными однорядными кольчатыми рукоятками) подтвердится, то очевидно, что бронзовые карасукские по типу исходные кинжалы и мечи можно будет датировать временем не позднее конца IX в. до н. э., к какому мы и относим предварительно кинжалы из с. Субботова Киевского уезда и меч из с. Гебрино.

- ¹ О находках бронзовых кинжалов в Киевском уезде и о кинжале из Таганрогского музея меня информировал В. С. Бочкарев, за что приношу ему большую благодарность.
- ² Э. А. Новгородова. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970, стр. 111, рис. 37. Б, 25 и 29.
- ³ И. Т. Черников. Новые находки эпохи бронзы и раннего железа на Одешине. «Археологические исследования на Украине в 1968 году». Киев, 1971, стр. 136—138, рис. 1.
- ⁴ А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. ВССА. М., 1954, стр. 124 сл.
- ⁵ Е. И. Крупнов. Древняя история Се-

верного Кавказа. М., 1960, стр. 201 и сл.

- ⁶ Н. В. Анфимов. Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья. Новое в советской археологии. МИА, № 130. 1965, стр. 196—197.
- ⁷ А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 185, рис. 137; он же. Киммерийцы. «Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в 1964 г.». М., 1964.
- ⁸ А. Х. Халиков. Железные кинжалы с бронзовыми рукоятками из Волго-Камья. Сб. «Древности Восточной Европы». М., 1969, стр. 275.

О. М. Д а в у д о в

Мугерганская культура

На территории Дагестана расположены памятники эпохи раннего железа, которые по характеру погребального обряда, инвентаря, погребальных сооружений, жилых и хозяйственных комплексов разделяются на две группы. Первая находится на севере края, вторая — южнее (рис. 1).

Северная группа памятников генетически связана с памятниками предшествующей эпохи и получила освещение в работах В. И. Марковина и В. Б. Виноградова ¹.

Рис. 1. Расположение археологических памятников Муггерганской культуры Дагестана

Условные обозначения:

- а — курган;
- б — поселение;
- в — городище;
- г — могильник;
- д — жертвенное место;

е — случайные находки;

ж — граница распространения муггерганской культуры в IX—VIII вв. до н. э.;

з — граница распространения культуры в VIII—IV вв. до н. э.;

и — граница распространения культуры до рубежа н. э., начиная с III в. до н. э.

- 1 — Нижнесигитмынское;
- 2 — второй Присулакский;
- 3 — Башугайское;
- 4 — Яман-су;
- 5 — Блан-су;
- 6 — Эванджский (Датбашский);
- 7 — Таринский;
- 8 — Карабудахкентский;
- 9 — Урцен;
- 10 — Аснийевский;
- 11 — Шахсенгер;
- 12 — Ах-лр;
- 13 — Мамайкутанский и Дербентский;
- 14 — Циурское;
- 15 — Шаракунский;
- 16 — Арал;
- 17 — Муггерганский;
- 18 — Макинское;
- 19 — Гаракское;
- 20 — Калинское;
- 21 — Аркаское;
- 22 — Маалибский;
- 23 — Халтамлихинский;
- 24 — Купинское;
- 25 — Мелекванский;
- 26 — Лабкозановское;
- 27 — Годатинский;
- 28 — Каратинский;
- 29 — Цархи-Годисинский;
- 30 — второе Гиминское;
- 31 — Хабавский;
- 32 — Гур-гур-райское;
- 33 — Цыйишское;
- 34 — Сумбаталинский

Некоторые памятники второй группы довольно подробно интерпретированы в посмертно вышедшей монографии М. И. Пикуль². В настоящей статье мы попытаемся установить их место среди сопредельных культур эпохи раннего железа.

Интересующие нас городища и поселения расположены поблизости от водных источников.

На городищах встречаются оборонительные сооружения двух типов. Первый — рвы и земляные валы, обложенные сверху плитняком (Аркас, Шахсенгер VII—IV вв. до н. э.). Техника их сооружения аналогична технике возведения оборонительных сооружений на скифских памятниках Юго-Восточной Европы³. Второй — стены, воздвигнутые из блоков «циклопического» характера, или стены с прямоугольными башнями (Урцки, Цыйиша). Эти фортификационные сооружения аналогичны Верхнегунбским⁴; технику их возведения следует рассматривать как сугубо местную.

В погребальных памятниках основным типом сооружений является грунтовая могила. Позже появляются склепы или каменные ящики (Карабудахкентский 3, Ленинкентский, Маалибский, Новолакский, Сумбаталинский могильники).

Грунтовая могила, как правило, имеет форму вытянутого четырехугольника с закругленными углами. Иногда могилы обретают овальные очертания (Хабада), и в этих случаях они по борту обложены камнями. На Мугерганском могильнике над погребальными сооружениями устроены завалы из валунов, а жертвенные места и могилы отмечены вертикально поставленными камнями. Иногда и могила, и жертвенник обнесены овальной или округлой стеной. На Шаркунском могильнике жертвенники устроены на специально отведенном для этого участке. Следы жертвенных костров около погребенных встречены и на других могильниках. Имеются случаи обкладки дна могилы песчаниковой плитой (Хабада, Сумбатли).

Погребенные в грунтовых могилах находятся в скорченном положении, на левом или правом боку (мужчины — на правом, женщины — на левом).

Погребенные из нижнего слоя Мугерганского могильника, не имеющие около себя жертвенных мест, ориентированы к одной точке, расположенной у подножия северного холма, которым огражден памятник. Такая ориентация погребенных находит аналогию на Ханарском могильнике в Азербайджане⁵. Погребения с жертвенниками у изголовья из этого же слоя обращены на юг с некоторым широтным отклонением. Многочисленные данные, свидетельствующие о культе солнца⁶, наводят на мысль о возможности ориентации таких покойников по движущемуся светилу — солнцу. В верхнем слое могильника не удалось уловить определенного порядка в ориентировке покойников. На других могильниках покойники ориентированы с запада на восток и с определенным отклонением к югу.

Рядом с погребенными встречаются кости животных (в том числе коня и собаки).

В Дагестане грунтовые могилы отмечаются и в эпоху бронзы (Карабудахкентский 2, Таркинский могильники и др.)⁷. Однако в качестве единственного типа погребальных сооружений они появляются в IX в. до н. э. на юге Дагестана (Мугерганский могильник), а в последующее время получают широкое распространение. В это время на севере Дагестана и юго-востоке Чечни встречаются каменные ящики (могильники Зандак, Шахсенгер, Ак-яр, второй Присулакский, Балан-су, Яман-су и другие памятники Ичкерии (Чечено-Ингушская АССР), а на территории Грузии конца II — последней четверти I тыс. до н. э. (Самтавро, Бешташины) и Азербайджана эпохи поздней бронзы — раннего железа (нижние слои Мингечаура, Кировабад — ханларская группа хаджало-кедабекской культуры и т. д.) известные грунтовые могилы⁸.

Для Самтаврского могильника, например, характерны скорченные захоронения мужчин на правом, женщин — на левом боку⁹. На памятниках каякентско-харачоевской культуры, наоборот, мужчины погребены на левом боку, женщины — на правом. Кромлехи и отметки могил валунами, встреченные на Мугерганском могильнике, типичны для памятников каякентско-харачоевской культуры¹⁰.

Склепы обнаружены в Дагестане на могильниках албано-сарматского времени (Карабудахкент 1, Сумбатлинский, Курклинский, Новолакский могильники). Они представляют собой каменные сооружения с перекрытиями из песчаниковых плит. Подобные более древние склепы отмечены на памятниках эпохи бронзы (Чиркей, Миатлы, Манас, Муги, Чох, Ирга-

най, Гинчи, Гоно)¹¹. В каякентско-харачоевское время они почти полностью исчезают. Отсутствуют они и в период эпохи раннего железа. Однако на Урцекском могильнике обнаружена внушительных размеров грунтовая яма (конца VI — начала V в. до н. э.). По-видимому, она служила своеобразным склепом.

Инвентарь исследуемой группы памятников богат и разнообразен. Он, характеризует культуру, в то же время свидетельствует об этнических и историко-культурных связях с сопредельными племенами.

На этих памятниках встречается тонкостенная керамика разнообразных форм и цвета. На ранних памятниках преобладает серая керамика, представленная сосудами с непропорционально узким дном, срезанным коротким венчиком и грушевидным туловом, шаровидными сосудами с ложными ручками, сосудами с грушевидными туловом и плечиками и сильно отогнутым венчиком (некоторые из них наделены ручками); миниатюрными сосудиками с узким дном, вздутым, а в некоторых случаях и ребристым корпусом и отогнутым венчиком; чашей с цилиндрическим верхом и усеченно-коническим низом, и с двумя ручками.

Среди металлического инвентаря выделяются своеобразием форм бронзовые ажурные четырехугольные и зооморфные пряжки, бляхи, височные головные булавки с петлевидным и ложковидным навершиями, антропоморфные и зооморфные статуэтки, навершия жезлов, фаллические изображения и т. д.

На генетическую связь с предшествующими местными культурами указывают толстостенная обмазанная или заглаженная керамика, височные привески в полтора оборота, наконечники, некоторые типы браслетов¹². Эти вещи совершенно исчезают в албано-сарматское время. Наибольшее количество их найдено в ранних комплексах Мугерганского могильника.

Подавляющая масса находок на интересующих нас памятниках имеет аналогии в закавказских комплексах. Таковы тонкостенные сероглиняные сферические горшки с пухлым венчиком, разнообразные вазы, кувшины, кубки, железные ножи с прямой спинкой, втульчатые наконечники копий с остролиственным пером из бронзы и железа, черешковые бронзовые и железные наконечники стрел типа «плошник», разнообразные массивные разломкнутые браслеты из бронзы и железа, лунницы, подвески, деталь от упряжи боевой колесницы¹³. Близки к закавказским по сюжету зооморфные навершия от жезлов.

На связи со степным ираноязычным миром указывает ряд находок, в том числе биметаллическая ручка от меча, близкого по типу так называемым кабардино-пятигорским мечам. Такие мечи А. И. Тереножкин считает изделиями киммерийских мастеров¹⁴. Если это так, то, по-видимому, упомянутая ручка сделана местным мастером под влиянием киммерийской культуры.

В скифо-сибирском, в частности савроматском, мире находят аналогии мечи-акинаки различных типов, ножны от меча, бронзовые, железные и костяные наконечники стрел, элементы поясного крюка, удила с подвижными кольцами и двудырчатыми псалями (одна костяная), бляшки, навершия от жезлов¹⁵. Пластинчатые бляшки, изображающие волка или в виде волчьей головы, а также поясной крюк — местного производства;

созданы они под влиянием скифо-сибирского звериного стиля. Имеются изделия, свидетельствующие о контактах с северокавказскими племенами. Таковы дуговидные фибулы, многовитковые кольца и браслеты, фаллары кобанского облика.

Таким образом, в материальной культуре данного круга памятников сочетаются черты, исключительно характерные только для этих памятников, с чертами, присущими памятникам Закавказья и Северного Кавказа скифо-сибирского степного мира. Поскольку наиболее древним, более выразительным и свободным от посторонних влияний памятником является Мугерганский могильник, а вокруг него объединяются все упомянутые городища, поселения и могильники, то и культуру можно называть мугерганской.

По своему характеру она близка хаджало-кедабекской культуре и появилась, по-видимому, в результате смешения культуры некоторых закавказских племен с культурой восточнокавказских, точнее дагестанских, племен.

Мугерганская культура хронологически охватывает время от X до начала III вв. до н. э. и делится на следующие этапы: X—VIII вв. до н. э. — переходный от эпохи бронзы к эпохе раннего железа; VIII—IV вв. до н. э. — время широкого распространения железа.

Каждый из выделенных этапов имеет свои особенности, обусловленные внутренним социально-экономическим развитием общества, которое оставило эти памятники.

- ¹ В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, стр. 15—29; В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Могильник «Ямансу» на границе Чечни и Дагестана. АЭС ЧИНИИ ИЯЛ, т. II. Грозный, 1968, стр. 153—205; они же. Могильники сарматской эпохи у селений Балабан-су и Байтарки (Юго-Восточная Чечня). АЭС ЧИНИИ ИЯЛ, т. III, 1969, стр. 37—67.
- ² М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.
- ³ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961, стр. 48—145; Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 49.
- ⁴ В. М. Котович. Верхнегуньбское поселение. Махачкала, 1966.
- ⁵ Я. И. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940, стр. 7—76.
- ⁶ Страбон. География, XI; IV, 7.
- ⁷ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ сел. Карабулдахкент. МИА, № 68, 1958, стр. 149—151; А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 45, 46, 53; К. Ф. Смирнов. Археологические исследова-

вания в районе сел. Тарки. МИА, № 23, 1951, стр. 232—243.

- ⁸ Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Мцхете. Тбилиси, 1955, стр. 50; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 65—75; Н. В. Минкевич-Мустафаева. О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. МКА, IV. Баку, 1962, стр. 127—129; В. П. Фоменко. Грунтовое погребение № 65 в Мингечауре. МКА, III, 1953, стр. 67—68.
- ⁹ Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Мцхете, стр. 50.
- ¹⁰ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 45.
- ¹¹ М. Гаджиев. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969, стр. 102—115.
- ¹² В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня в древности, стр. 42—68.
- ¹³ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 67 и сл., табл. I—XVIII; Я. И. Гуммель. Археологические очерки, стр. 31 и сл.; А. А. Мартиросян. Раскопки в Головно. Ереван, 1954, стр. 20—27; Т. Н. Чубинишвили. Древ-

нейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1956, стр. 24 и сл., табл. XIV, XV; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 86 и сл.; МАК, VI. М., 1911, стр. 89—141.

¹⁴ А. И. Тереножкин. Киммерийцы и Кавказ. «Тезисы докладов». Тбилиси, 1971, стр. 37—38.

¹⁵ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д1—4. М., 1964; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961; В. Г. Петренко. Правобережье среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. САИ, Д1—4. М., 1967; П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. ВССА. М., 1954.

А. П. Смирнов

О культурных связях Кавказа с Поволжьем

Вопрос о культурных связях Северо-Восточной Европы с Кавказом был поставлен и достаточно хорошо обоснован еще А. А. Спициным и В. А. Городцовым. Позднее данному вопросу уделил внимание А. Тальгрэн, опубликовавший ряд материалов, подтверждающих это положение. В 50-х годах этим занималась А. В. Эбруева¹. Наконец, А. Х. Халиков опубликовал новые материалы, свидетельствующие о тесных связях населения Среднего Поволжья с Северным Кавказом². Приблизительно в то же время А. П. Смирнов отметил вещи кобанского типа, найденные на Средней Волге³. В ряде своих работ Е. И. Крупнов подчеркивал тесные связи населения Северного Кавказа со своими северными соседями, отмечая далекие северные аналогии. Покойный исследователь был прав. Многие из вещей кобанского типа явились прототипами изделий, оставленных населением лесной зоны Восточной Европы.

Культурные взаимосвязи населения Северного Кавказа и лесной зоны Восточной Европы во многом определялись политической обстановкой того времени. Скифские племена включали в свою орбиту и население Прикубанья. Кавказские изделия известны среди скифского материала, особенно архаического времени. Вместе со скифскими вещами они попадали и к северным соседям. В этом отношении показательны находки на городище Малахай⁴. Большое число скифских вещей или предметов, изготовленных по скифским образцам, известно на территории ананьинской, дяковской и городецкой культур. В числе изделий ананьинского и пьяноборского времени интересны культовые изображения, характерные по стилю, которые позволяют выделять Прикамье в особую область. В этом отношении близка Прикамью Западная Сибирь. Своеобразны изображения, птиц, достаточно хорошо разделяющиеся по времени и датирующиеся или по характеру изображения, или по всему комплексу находок. Особенно интересна фигурка птицы в полете с вытянутой шеей и полуопущенными крыльями, происходящая из погребения 29 Зуевского могильника⁵. Эта птичка идентична скульптурному изображению на архаическом скифском зеркале, хранящемся в Краснодарском музее. Это крупное зеркало имеет небольшой бортик. На его обратной стороне, на четырех столби-

ках, помещается фигурка птицы. Подобные зеркала датируются архаическим временем⁶. Эта аналогия позволяет говорить не только о связях, но и о значительном влиянии, так как аналогичные изображения летящих птиц получили большое распространение в Прикамье. Можно здесь отметить находки на костеносных городищах и на Гляденовском костыше. Нельзя пройти мимо прорезных копий, широко распространенных в степной части, а также встреченных и на Кавказе⁷. Таким образом, и копыя, входят в число находок, связывающих Прикамье с далеким Кавказом.

Большую ценность для понимания культуры северных финно-угорских племен представляют умбоновидные пряжки кобанской культуры. По форме и деталям они идентичны некоторым находкам дьяковской и пьяноборской культур. На их основе получили развитие некоторые типы украшений финно-угров, сохранявшиеся еще в эпоху средневековья. Пряжки умбоновидной формы известны на Северном Кавказе уже давно. Имея в диаметре около 8 см, они в центре украшены выступом, состоящим из трех-четырех шариков. По краю пряжки проходит полоса двойных спиралей, отделенная от центра плетенкой⁸. Подобная находка в пределах дьяковской культуры происходит из городища Круглица (раскопки Л. И. Пимакина). Это поселение дьяковской культуры хорошо датировано временем с VII в. до н. э. по IV—V вв. н. э.

На Северном Кавказе имеется другой вариант круглых пряжек умбоновидной формы и нашивных блях с прорезной поверхностью⁹, являющихся прототипами для прикамских изделий. Такова небольшая умбоновидная бляха с гладкой поверхностью, украшенная по краю шариками¹⁰, прорезные бляхи различных размеров. В Прикамье и междуречье Оки—Волги такие формы были известны не только в эпоху раннего железа, но и позднее, почти до X—XI вв. н. э. Для пьяноборской эпохи подобные находки сделаны в могильнике Ныргында I, где они известны или в виде плоской круглой пластины с умбоновидным гладким выступом в центре, орнаментированной по краю полусферическими выступами¹¹, или же умбоновидной бляхи с поясом полусферических выступов, ограниченных гладкими линиями¹². От пьяноборского населения бляхи подобного типа перешли к более позднему населению края. Такие находки можно указать в Деменковском могильнике ломоватовской культуры, в котором можно отметить лишь отдаленные реминисценции первоначальных кобанских вещей. Деменковская бляха плоская. Она украшена по окружности плоскими выступами, ограниченными от края центральной части полосами мелкой зерни. Центр бляхи украшен кружком, обрамленным зернью и четырьмя группами трех мелких шариков¹³. Можно полагать, что умбоновидные подвески, известные в дьяковской культуре и в большом числе найденные на Троицком городище, представляют поздний вариант тех же пряжек кобанского типа, уже знакомых по находке на Круглице. Эти умбоновидные предметы, ограниченные по окружности мелкими шариками (жемчужинами), отличаются от всех предшествующих прототипов петлеобразными ушками для прикрепления к головному убору. Существует мнение, что подобное украшение характерно для ограниченного района и может являться племенным признаком¹⁴. Бляхи такого типа использовались

очень широко на этой территории. Помимо подвесок из городищ Кузнечики, Подмоклово, Круглицы встречены булавки с ажурным навершием и умбоновидным щитком, аналогичным щиткам височных подвесок. Умбоновидные подвески указанного типа неизвестны в памятниках Костромского и Ярославского Поволжья.

Хотя есть все основания считать, что пьяноборская культура играла большую роль в формировании дьяковской культуры, это украшение возникло за пределами Прикамья. Умбоновидные подвески на территории западной части дьяковской культуры представлены целой серией типов, что позволяет говорить о ее местном происхождении. Этот мотив умбона, претерпевшего значительные изменения по сравнению со своим прототипом в качестве составной части сложных мордовских и муромских украшений, известен в таких поздних могильниках, как Максимовский и Муромский. По-видимому, эти элементы, сложившись в эпоху дьяковской культуры, продолжали существовать в эпоху средневековья у мордвы, муромы и мери¹⁵. Излюбленным мотивом в искусстве кобанской культуры является спираль, представленная во многих вариантах. Трудно говорить о происхождении такого широко распространенного элемента орнамента, как спираль. Тем не менее при наличии общего направления связей между Северным Кавказом и лесной зоной Восточной Европы хотелось бы отметить два сходных предмета, орнаментированных тремя волунами. Один предмет происходит из Кобани и хранится в собрании Венского музея. Это пластина полуовальной формы, имеет полосу зигзагового орнамента, ограничивающую поверхность пластины. Центр украшен тремя соединенными вместе спиралями, образующими фигуру в форме треугольника¹⁶. На Средней Волге в Ахмыловском могильнике была найдена прорезная пластина круглой формы диаметром свыше 5 см. По ее внешней окружности располагаются выступы в виде пятизубчатого гребешка, внутренняя поверхность заполнена тремя спиралями, в целом образующими фигуру, близкую треугольнику¹⁷. Ахмыловская спираль сделана грубо, малокачественным мастером. По общему рисунку она несколько напоминает кобанские. Весьма вероятно, что она заимствована из кобанского искусства. Хотелось бы отметить двойную спираль, украшающую пластину с изображением лошади из Уфимского могильника, напоминающую кобанские¹⁸. Все это дает право предполагать, что и этот элемент искусства кобанской культуры оказал известное воздействие на искусство населения Прикамья раннего железного века¹⁹. Можно напомнить булавки с навершием в виде спирали и отметить аналогии в материале дьяковской культуры (главным образом на Троицком городище)²⁰. То же самое можно отметить и в отношении ананьинской культуры, где такие булавки не редки.

Тесные связи с Кавказом продолжались и в эпоху средневековья, что хорошо документировано для восточной части Среднего Поволжья и Приуралья. В литературе обращалось внимание на появление в Приуралье колесовидных подвесок с выступами по внешнему краю. Они широко известны на территории Башкирии, в Чепецком крае, в ломатовской культуре. Эти вещи представлены рядом вариантов. Некоторые экземпляры дают колесо со спицами и выступами с наружной стороны;

другие — круг, третьи — пластину с поверхностью, покрытой насечками. Однако для всех предметов характерны небольшие выступы с наружной стороны²¹. На Северном Кавказе в памятниках VI—VIII вв. н. э., таких, как Комунта и Кумбулта, известны пластины, богато орнаментированные выемчатыми эмалями различных типов, главным образом сплошные. Для всех них характерны выступы по внешней окружности, что сближает их с приуральскими. Вместе с тем можно отметить, что расположение отдельных частей цветной эмали напоминает орнаментальные насечки на подвесках из Приуралья²². Грубого литья бронзовые подвески из Приуралья далеки от северокавказских, но тем не менее они могут быть поставлены в один ряд. Сложившиеся под влиянием юга, на севере они получили широкое распространение и просуществовали длительный период — до X—XI вв. Это особенно хорошо ощущается в долине Чепцы²³.

Нельзя не отметить получившие широкое распространение под влиянием Хазарского каганата височные привески и серьги в виде овального или круглого кольца со стержнем и с напускной бусиной или шаровидной привеской без стержня, которые получили широкое распространение в Приуралье и на Средней Волге. Такие украшения характерны для VII—X вв. н. э. Много их, в частности, в древнеболгарских могильниках. Эти украшения не только очень часто копировались, повторяя форму во всех деталях, но и послужили прототипом для украшений, известных только в Приуралье. Для примера можно сравнить серьги из Комунты²⁴ с височными привесками, найденными в Верхнекамских могильниках²⁵. Серьги с грушевидной привеской хорошо датируются с IX—X вв. н. э. Несомненно, они сложились под влиянием северокавказских украшений. Их форма свидетельствует об этом. С другой стороны, декор в виде филиграни и зерни свидетельствует о болгарском воздействии²⁶.

Если в эпоху раннего железного века воздействие Северного Кавказа шло по линии торговых и культурных связей, то в эпоху средневековья, в конце I тыс. н. э., можно говорить и об этническом проникновении южного населения. Наряду с болгарами, которые обитали в Приазовье, на север, в область Среднего Поволжья, проникают савиры (сувары), которые до этого обитали на территории Дагестана. Савиры входили в число гуннских племен, что хорошо известно по данным византийских авторов²⁷. Это положение сейчас разделяется большим числом историков. Савиры попали на север только в конце I тыс. н. э. вместе с булгарами. Как можно судить по археологическому материалу, в предгорной части Кавказа савиры были ассимилированы аборигенами. Интересен факт наличия на поселениях Северного Дагестана серой и черной глиняной посуды, аналогичной той, которая в значительном числе известна в болгарских городах Среднего Поволжья как по левобережью Волги, так и правому берегу, включая территорию Чувашии. Серо- и черноглиняная посуда распространена всюду, где гончарное ремесло восходит к позднесарматским прототипам. Такого рода керамика характерна для аланских и болгарских памятников Северного Кавказа, для памятников салтово-маяцкой культуры и ее вариантов²⁸. Керамика этой группы представлена горшками и кувшинами. Горшки различного размера, с отогнутым венчиком, с лощеной

поверхностью, выполненной вертикальными полосами. Орнамент линейный и волнистый. Эта посуда впервые встречается на Средней Волге только с болгарского периода. В это время появляются и савиры (после ухода с Северного Кавказа), на что обратил внимание В. Ф. Каховский²⁹. Этот исследователь указывает на ряд элементов, которые связывают чувашей с народами Северного Кавказа³⁰.

Материал, которым располагает археология, достаточно убедительно свидетельствует о тесных связях Кавказа с севером Восточной Европы. Эти связи, которые документируются с эпохи бронзы, получили развитие и в эпоху раннего железа. Для этого времени наука располагает значительным количеством материалов в памятниках ананьинской культуры. В эпоху средневековья замечаются этнические связи, что известно по историческим источникам. Именно тогда савиры, жившие несколько столетий на территории Дагестана, ушли на север, принеся в новую для них среду элементы своей культуры.

- ¹ А. В. Эбруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 164.
- ² А. Х. Халиков. Стелы с изображением оружия раннего железного века. СА, 1963, № 3; он же. Железный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1963, стр. 100.
- ³ А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. М., 1961, стр. 92.
- ⁴ А. Х. Халиков. Железный век Марийского края, стр. 101.
- ⁵ «Древности Камы по раскопкам А. А. Спицина в 1898 г.». Л., 1933, стр. 19, табл. VI, 8.
- ⁶ Б. Э. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья. СА, 1, 1936, стр. 98, 99.
- ⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 433.
- ⁸ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII. М., 1900, табл. 43, 1, 2.
- ⁹ Там же, табл. 43, 3.
- ¹⁰ Там же, табл. 64, 14.
- ¹¹ «Древности Камы...» табл., X, 6.
- ¹² Там же, табл. X, 8.
- ¹³ В. Ф. Генинг. Деменковский могильник — памятник ломоватовской культуры. ВАУ, вып. 6, Свердловск, 1964, стр. 157, табл. 6, 1.
- ¹⁴ А. Ф. Дубынин. Троицкое городище, Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1970, стр. 33; К. А. Смирнов. Части костюма и украшения, найденные на Троицком городище. Там же, стр. 185. Троицкие умбонovidные подвески аналогичны орнаментальному узору на поясе, найденному в Поднепровье, который П. С. Уварова относит к числу кавказских (П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 37, 38, табл. 13).
- ¹⁵ К. А. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья, стр. 185.
- ¹⁶ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. 40, 12.
- ¹⁷ А. Х. Халиков. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. Йошкар-Ола, 1962, стр. 105, табл. XXI, 1.
- ¹⁸ В. В. Гольмстен. Могильник близ г. Уфы. «Отчет МАИ за 1912 г.». М., 1913, стр. 13.
- ¹⁹ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, табл. II, 3; табл. XXI, 1.
- ²⁰ Там же, рис. 9, 1; А. Х. Халиков. Очерки истории населения..., табл. XIII, 11; А. Ф. Дубынин. Троицкое городище, табл. 18, 17; табл. 15, 17—22.
- ²¹ Р. Д. Голдина. Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме. ВАУ, вып. 9, 1970, табл. 47; В. Ф. Генинг. Деменковский могильник..., табл. II; А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. МИА, № 58, 1957, стр. 51, VI, 7—9.
- ²² П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. 126, 14—17.
- ²³ Н. Г. Первухин. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии. МАВГР, вып. II. М., 1897, табл. II, III.
- ²⁴ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. 124, рис. 6, 9.
- ²⁵ Р. Д. Голдина. Могильники VII—XI вв. на Верхней Каме, табл. 33, 1—3, 7—9.
- ²⁶ Там же, табл. 33, 14, 15; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и

Прикамья. МИА, № 28, 1952, табл. 55, 3, 4; табл. 52, 4.

²⁷ В. Ф. Каховский. Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965, стр. 175, 180.

²⁸ Я. А. Федоров, Г. С. Федоров, К воп-

росу о южной границе Хазарии. «Вестник Московского университета», 1970, № 3, стр. 85, 87.

²⁹ В. Ф. Каховский. Происхождение чувашского народа, стр. 225.

³⁰ Там же, стр. 257.

А. Р. Магомедов

Новые данные по металлообработке у древнего населения Чечено-Ингушетии

Кавказ — один из древнейших очагов металлопроизводства на территории нашей страны. Широкого развития металлургия и металлообработка достигают здесь в эпоху поздней бронзы. Большой известностью пользуются разнообразные предметы металлообработки, особенно знаменитая кобанская бронза, которая датируется концом II — началом I тыс. до н. э.

До недавнего времени кобанская культура была известна главным образом по погребальным памятникам Северной Осетии и Кабардино-Балкарии и представлена многочисленными и разнообразными готовыми бронзовыми изделиями. Находок, указывающих на собственное металлопроизводство, было известно крайне мало. Так, на территории Северной Осетии найдены литейные формы для отливки булавок (Кобан)¹, а также литейная форма для отливки наконечника копья (Кумбулутский могильник, Верхняя Рутха)². На территории Чечено-Ингушетии глиняная литейная форма для отливки украшения обнаружена на Алхастинском поселении³.

Интересные материалы были получены работами Северо-Кавказской экспедиции под руководством Е. И. Крупнова, особенно в результате раскопок Змейского, Сержень-Юртовского и Бамутского поселений⁴.

Настоящая статья ставит целью ввести в научный оборот небольшой, но весьма интересный материал по металлообработке, добытый на Бамутском поселении.

Бамутское поселение, исследованное в 1966—1967 гг., располагалось на левом, высоком берегу р. Фортанги, у северо-восточного края хут. Веселый, который в настоящее время полностью слился с сел. Бамут Ачхой-Мартановского района Чечено-Ингушской АССР.

Восточная часть поселения разрушена рекой. Оно располагалось на ровной площадке, ограниченной с севера оврагом, а с юга — пологим спуском. Площадь сохранившейся части поселения составляла 100 м (север — юг) × 50 м (запад — восток). За два полевых сезона была вскрыта площадь около 500 кв. м.

Здесь добыт разнообразный археологический материал, в том числе каменные орудия, связанные с земледелием, костяные и роговые предметы, глиняные печати-пинтадеры, фигурки животных и значительное количество керамики. Кроме того, на Бамутском поселении обнаружена и серия пред-

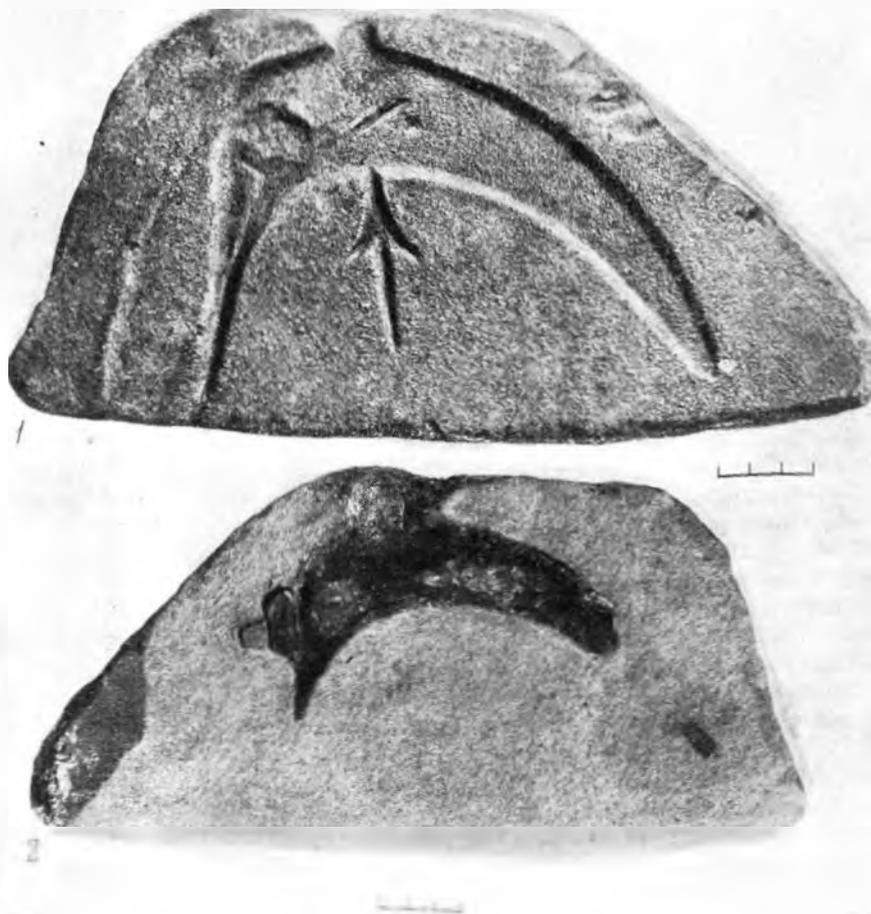

Рис. 1. Каменная литейная форма для отливки серпа (1) и наконечника стрелы (2)

метов, убедительно документирующих производство металлических орудий, оружия и украшений на самом поселении. Среди последних наибольший интерес представляют, пожалуй, литейные формы.

Особо привлекает внимание великолепная литейная форма для отливки серпа и наконечника стрелы, сделанная из плотного мелкозернистого песчаника. Размеры литейной формы: длина 29 см, длина меньшего основания 12 см, ширина 14,5 см, толщина 3,8 см. На плоской ее поверхности вырезана форма серпа и наконечника стрелы (рис. 1, 1). Литье производилось через отверстие, которое прикрывалось другой плоской плиткой.

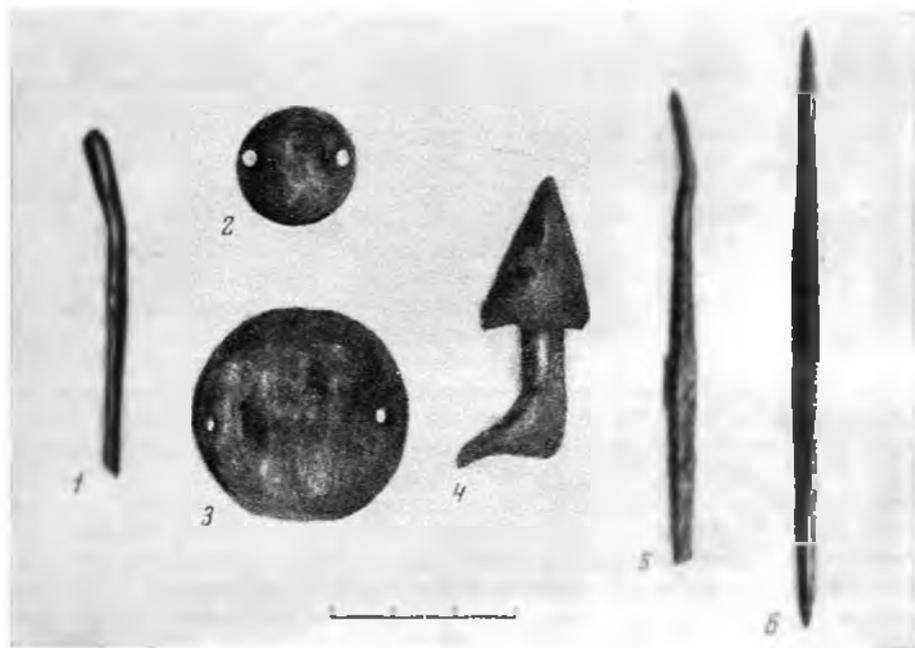

Рис. 2. Бронзовая игла с ушком (1), бронзовые полусферические бляшки (2, 3), бронзовый наконечник стрелы (4) и шилья-проколки (5, 6)

Изделия были готовы к употреблению сразу же после отливки, требуя лишь незначительной обработки.

Заметим, что вначале применялась одна сторона плитки (рис. 1, 2). Размеры: длина сохранившейся части 14,8 см, ширина 3,5 см. Когда эта сторона пришла в негодность, то форму вырезали на другой стороне.

Серпы отливались в односторонних формах. В середине изогнутой части серпа имелось отверстие, куда вливался металл. Серпы имели перегиб в рукоятке, концы их были заострены. При помощи прямого черешка происходило крепление с ручкой.

Серп, отлитый в такой литейной форме, имел следующие размеры: длина 16 см, ширина 4,5 см, ширина отверстия 1,5 см.

До сих пор ни на одном из известных нам памятников Кавказа не была встречена литейная форма для отливки одновременно орудия труда и предмета вооружения. Важен другой факт: в древних поселениях и могильниках Северо-Восточного Кавказа не были найдены вообще бронзовые серпы, в то время как они широко представлены в памятниках Северо-Западного Кавказа⁵.

На основании же литейной формы с Бамутского поселения можно констатировать, что и на территории Северо-Восточного Кавказа, в частности Чечено-Ингушетии, в эпоху поздней бронзы использовались металлические серпы. Более того, их производство было налажено на месте.

Эти серпы по форме, размерам и другим особенностям имеют много общего с подобными бронзовыми серпами, обнаруженными в таких памятниках, как Пятигорский могильник под горою «Бык»⁶, Бекешевский⁷ и Боргустанский⁸ клады, в урочище Агур, Теберда⁹. Последние датируются рубежом эпохи поздней бронзы и раннего железа. Следовательно, можно утверждать, что в конце эпохи поздней бронзы на Северном Кавказе одним из распространенных типов земледельческих орудий был именно такой бронзовый серп.

Наконечник стрелы, отлившийся в упомянутой литейной форме, представлял собой двухперый черешковый плоский, относящийся к северокавказскому типу литых стрел. Размеры: длина 7 см, ширина 0,6 см. (рис., 1, 1). Аналогичные наконечники стрел выявлены П. С. Уваровой в окрестностях с. Чми¹⁰, а также на Змейском¹¹ и Алхастинском¹² поселениях.

На синхронном Сержень-Юртовском поселении выявлены не только аналогичные по форме и размерам плоские черешковые стрелы¹³, но и литейная форма для отливки таких стрел¹⁴.

На Бамутском поселении найден плоский черешковый наконечник стрелы с шипом. Размеры: длина 4,5 см, ширина 1,8 см. (рис. 2, 4).

На Бамутском поселении обнаружена еще одна литейная форма также из плотного мелкозернистого песчаника (рис. 3, 1). Размеры: длина 6 см, ширина 5 см, толщина 2,5 см. Поверхность плитки плоская, в продольном направлении проходят две полукруглые в сечении канавки с легким изгибом. Следует указать, что плитка обломана, т. е. литейная форма сохранилась не полностью. Нам известны случаи находок подобных литейных форм в других синхронных памятниках Кавказа. Эта форма использовалась, по-видимому, для отливки шильев-проколов, отдельные экземпляры которых обнаружены на Бамутском поселении.

Примечателен тот факт, что всего в памятниках восточного варианта кобанской культуры найдены 20 литейных форм, из них семь — на Бамутском поселении.

Помимо каменных литейных форм, на Бамутском поселении найдено пять глиняных форм, в которых отливались украшения в виде очковидных привесок и конусовидных бляшек.

Две из них представляют собой плоские прямоугольные плитки с закругленными краями. У меньшей (4×3×1 см) на гладкой поверхности отсиснута до половины изложница в виде очковидной привески, у которой незамкнутые концы образуют плоские концентрические спирали в три оборота. По верху отсиска глубокими и широкими бороздами процарапан крест (рис. 3, 2а). На гладкой поверхности большей глиняной плитки (4,7×3,8×1 см) процарапан узкий слегка расширенный к самому краю клин (рис. 3, 2). Возможно, что вторая плитка была крышкой для первой при отливке описанного украшения.

Остальные формочки в виде линз диаметром от 5,7 см до 3,7 см, толщиной от 1 см до 1,7 см также изготовлены из глины (рис. 3, 3—6). На одной из сторон каждой формочки выдавлена изложница для отливки конусовидных бляшек диаметром от 2 до 1,5 см.

Среди металлического инвентаря Бамутского поселения нет предметов, которые были бы отлиты в этих глиняных литейных формах. Но совер-

шенно аналогичные украшения найдены во многих памятниках Кавказа II—I тыс. до н. э., в особенности кобанской культуры. Так, несколько экземпляров бронзовых очковидных привесок обнаружены в одном из разрушенных погребений в самом с. Бамут (у хут. Веселый)¹⁵. Такие украшения известны на синхронном Сержень-Юртовском поселении¹⁶. Можно сказать, что они относятся к числу характерных украшений кобанской культуры.

Кроме литейных форм в Бамутском поселении найдено несколько готовых бронзовых изделий в виде украшений, орудий труда и предметов вооружения. Среди них есть круглая в сечении игла с ушком, сделанная с большим мастерством. Длина ее сохранившейся части составляет 5,2 см, толщина 0,2 см. Ушко образовано концом, завернутым и склепаным с рабочей частью (рис. 2, 1).

Близкие по форме и размерам бронзовые иглы с ушком выявлены в ряде памятников Кавказа второй половины II тыс. до н. э. Интересно, что они найдены в памятниках кобанской культуры. Так, аналогичные иглы встречены на Змейском¹⁷ и Сержень-Юртовском¹⁸ поселениях. Некоторая отличительная особенность бамутской иглы состоит в том, что

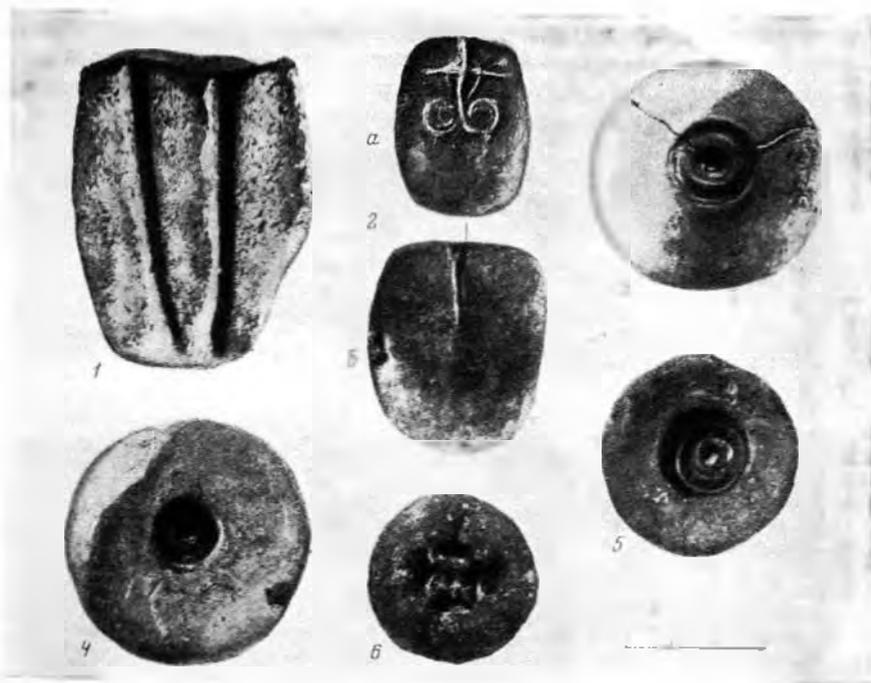

Рис. 3. Каменная литейная форма для отливки шильев-проколов (1), глиняная литейная форма для отливки очковидных привесок (2) и глиняные литейные формы для отливки конусовидных бляшек (3—6)

завернутая ее часть заметно длиннее, чем у иглы со Змейского поселения.

В Бамутском поселении обнаружены две бронзовые проколки-шилья: одна круглая в сечении длиной 7 см, а вторая длиной 9 см четырехгранная (рис. 2, 5, 6). По всей вероятности, эти предметы отлиты в упомянутой литейной форме или в другой, аналогичной ей по форме. Такие проколки-шилья, особенно четырехгранные, появляются уже в IV тыс. до н. э. и получают широкое распространение на Кавказе и смежных областях в III—II тыс. до н. э.¹⁹ Они бытуют здесь в эпоху поздней бронзы и раннего железа, о чем красноречиво свидетельствуют, в частности, находки их в Бамутском и Сержень-Юртовском²⁰ поселениях кобанской культуры. Шилья-проколки известны и в других памятниках конца II—I тыс. до н. э. в Чечне и Дагестане (Зандакский²¹ и Шахсенгерский могильники)²².

Украшения, выявленные в Бамутском поселении, представлены двумя бронзовыми полусферическими бляшками. Одна диаметром 3,5 см, другая — 2 см. Каждая имеет два маленьких отверстия на противоположных краях (рис. 2, 2, 3). Эти бронзовые полусферические бляшки полностью идентичны серженьюртовским²³.

Как видим, материал из Бамутского поселения находит близкие аналогии прежде всего в металлическом инвентаре памятников кобанской культуры. Это служит важным аргументом в пользу устанавливаемой культурно-хронологической принадлежности данного памятника. Кроме того, он убедительно доказывает существование на Бамутском поселении развитого бронзолитейного производства.

¹ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 106, рис. 12.

² Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. стр. 432, табл. X, 3.

³ Там же, стр. 156, рис. 18, 1.

⁴ Е. И. Крупнов, Д. В. Деопик. Змейское поселение — памятник кобанской культуры. «Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии». Орджоникидзе, 1961; В. И. Козенкова. Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии. «Археолого-этнографический сборник», т. II. Грозный, 1968.

⁵ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлообработки во второй половине II и начале I тысячелетия до н. э. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 20; Н. В. Анфимов. Находки предметов эпохи поздней бронзы близ станции Удобной. СА, 1957, № 4, стр. 187, рис. 1, 1.

⁶ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце

медно-бронзового века. МИА, № 23, 1951, стр. 110, рис. 47, 4.

⁷ Там же, стр. 92, рис. 21, 1—3.

⁸ Н. М. Егоров. Боргустанский клад в 1941. СА, XV, 1951, стр. 293.

⁹ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 132, рис. 20.

¹⁰ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, М., 1900, табл. VII, 3—5.

¹¹ Е. И. Крупнов, Д. В. Деопик. Змейское поселение — памятник кобанской культуры, стр. 31, рис. 9, 7.

¹² Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи. «Труды ГИМ», вып. XVII. М., 1948, стр. 25, рис. 5, 7.

¹³ Н. Я. Мерперт. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 году. КСИА, вып. 88, 1962, стр. 43, рис. 5, 2.

¹⁴ В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения (по раскопкам 1964 г.). КСИА, вып. 106, 1966, рис. 36, 10.

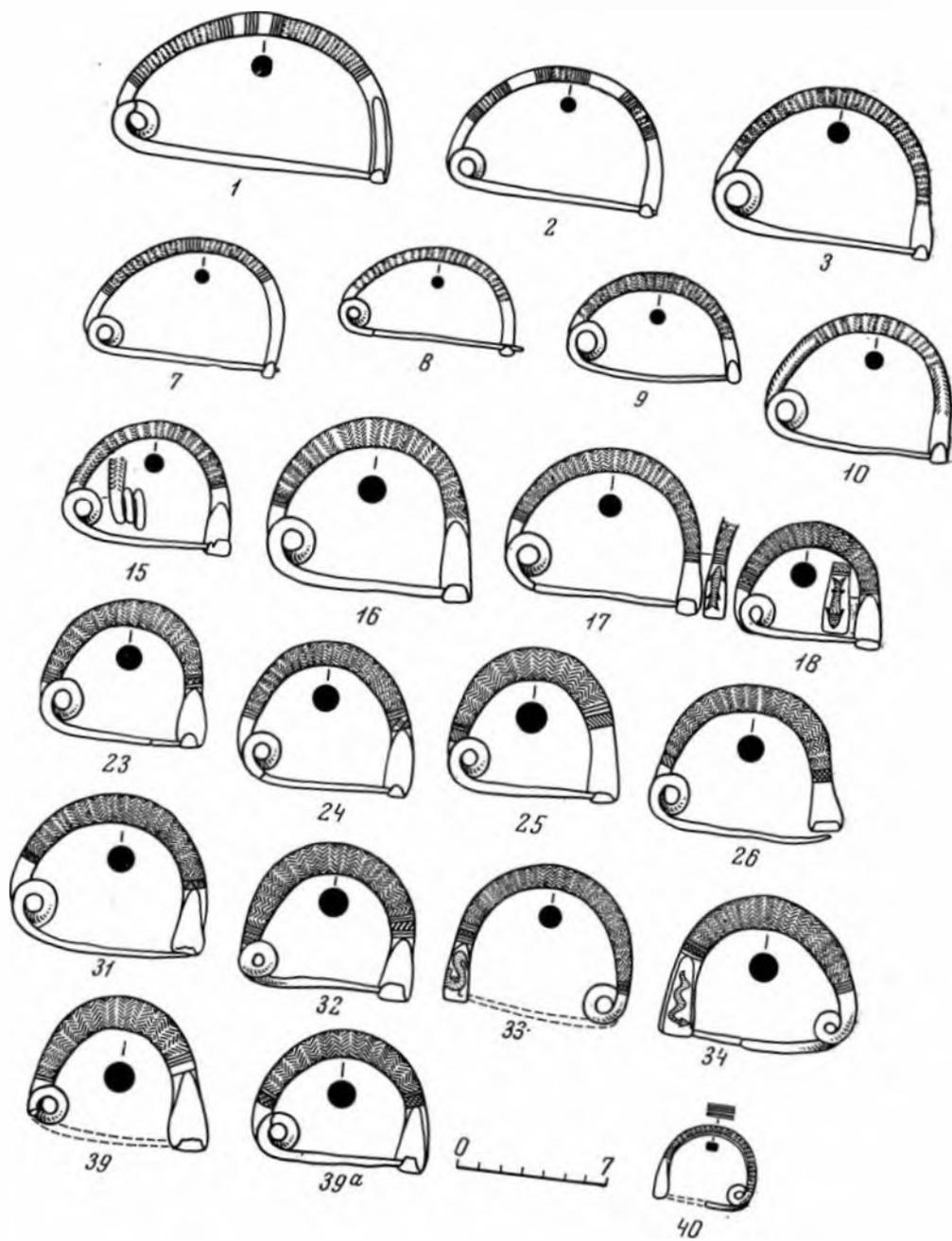
- ¹⁵ Материал не опубликован. Хранится в Чечено-Ингушском краеведческом музее. См.: «Отчет СКАЭ за 1965 г.» Архив ИА АН СССР.
- ¹⁶ В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения (по раскопкам 1964 г.), стр. 84, рис. 36, 4.
- ¹⁷ Е. И. Крупнов, Д. В. Деопик. Змейское поселение — памятник кобанской культуры, стр. 29, рис. 8, 5.
- ¹⁸ В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 70, рис. 24, 10.
- ¹⁹ Р. М. Мунчаев. Из истории раннебронзового века в Чечено-Ингушетии. «Археолого-этнографический сборник», т. I, 1966, стр. 12, рис. 6, 13; О. А. Абибулаев. К вопросу о древнейшей металлургии. МИА, № 125, 1965, рис. 1, 2.
- ²⁰ В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения (по раскопкам 1964 г.), стр. 84, рис. 36, 11.
- ²¹ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, стр. 21, рис. 3, 16.
- ²² О. М. Давудов. К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана. Махачкала, 1968, стр. 19, рис. 3, 17.
- ²³ Н. Я. Мерперт. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 году. КСИА, вып. 88, 1962, рис. 5, 4.

Б. В. Т е х о в

О появлении и развитии кавказской дугообразной фибулы

Одним из важных компонентов костюма у племен Центрального Кавказа эпохи бронзы и раннего железа была бронзовая дугообразная фибула — особый вид застежки, служившей в древности не только для скрепления одежды, но и для украшения. Встречаемые в памятниках Центрального Кавказа фибулы почти однотипны, особенно те экземпляры, которые попадают в комплексах XI—X вв. до н. э. Это один из типичнейших предметов кобанской бронзы и встречается почти во всех памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железа северного и южного склонов Главного Кавказского хребта. Наибольшее число дугообразных фибул дали Кобанский и Тлийский могильники. В кобанских древностях П. С. Уварова выделяет два типа фибул: простые дугообразные и фибулы с сильно вздутыми в середине дугами¹. Что же касается тлийских комплексов, то в них представлена самая многочисленная серия бронзовых дугообразных фибул в виде застежек с простой одночленной иглой, являющейся продолжением дуги и составляющей с нею одно целое. Кончик иглы помещается в иглодержательном канале, заканчивающемся незначительным загибом в одну сторону. Дуговая часть фибулы украшена елочным орнаментом.

Всего в погребальных комплексах Тлийского могильника зафиксировано более 112 фибул. Они бытовали в течение пяти столетий, т. е. с XI по VI вв. до н. э. Среди дугообразных фибул Тли более 20 экземпляров имеют орнаментальные мотивы на приемнике иглы. Самые ранние фибулы, появившиеся в конце XII в. до н. э., по форме более упрощенные, изготовлены из сравнительно тонкой проволоки круглого сечения (рис. 1, 1—11). Дуговая часть этих фибул покрыта либо сплошной елочкой, либо

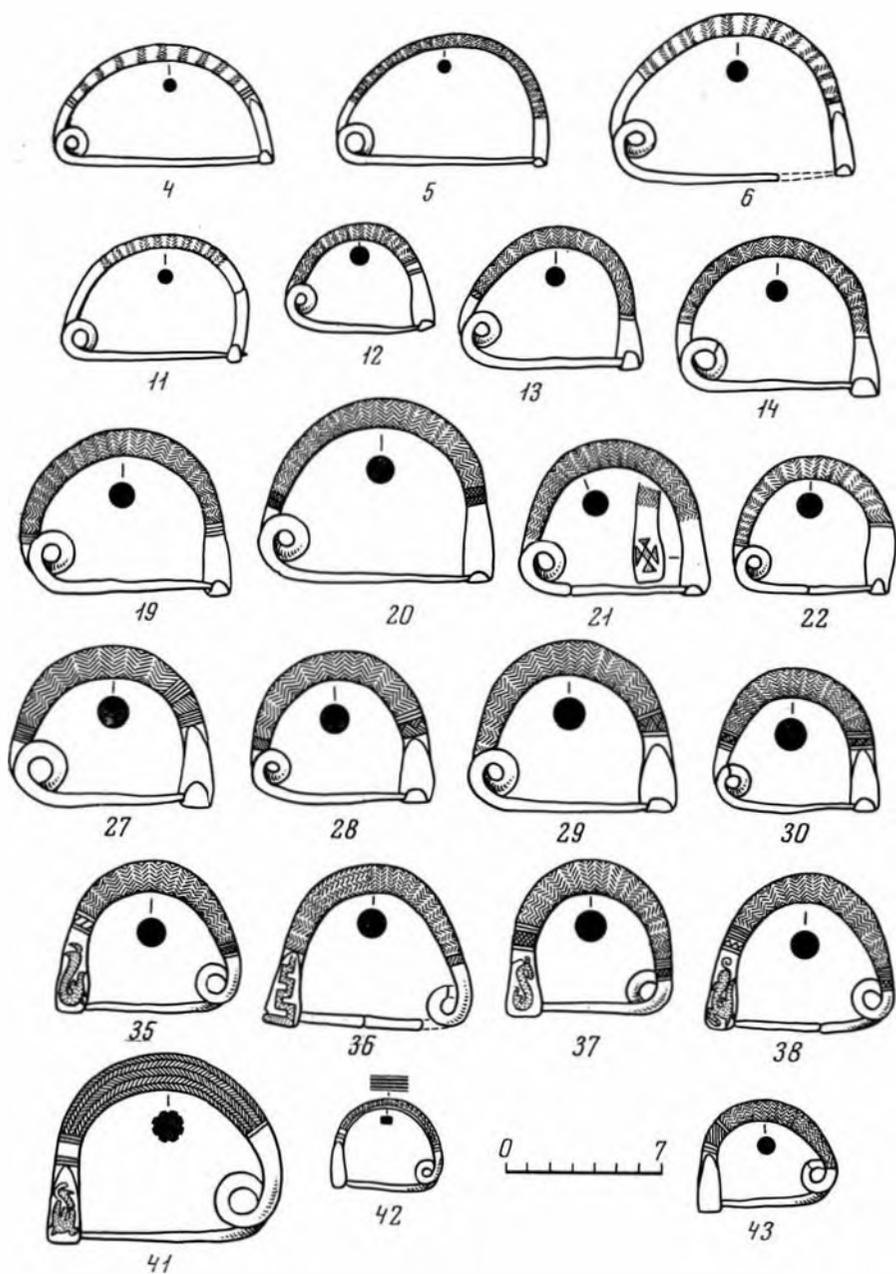

Рис. 1. Бронзовые дугообразные фибулы из Талийского могильника (1—43)

поясами, состоящими из тех же елочек. Приемная часть у этих фибул утончена, но еще не расширена, как это прослеживается на фибулах последующего периода. Дуговая часть у некоторых экземпляров изогнута полуовально, в то время как у других она больше изогнута. Постепенно у бронзовых фибул дуги утолщаются, получают более вздутую форму и вместе с тем укрупняется на них елочный узор. По сравнению с ранними фибулами приемная часть последующих чуть расширена. У всех имеющих в нашем распоряжении фибул на одном конце дугообразной части иглы делают полный оборот, а дальше протянуты к приемнику. Только на одной фибуле (рис. 1, 15) у начала иглы вместо одного имеется два витка.

В фибулах эпохи поздней бронзы и раннего железа можно выделить несколько типов, учитывая главным образом форму дуги и виды орнамента.

К первому типу относятся сравнительно ранние фибулы, отличающиеся полуовальностью дуги, узким приемником и елочным узором. Дужки у этих фибул не всегда покрыты сплошной елочкой. Иногда сплошное покрытие заменяется елочными поясами (рис. 1, 1, 2, 4, 6, 10).

Ко второму типу относятся фибулы, имеющие чуть утолщенные, более изогнутые дуги и чуть расширенные приемники. Дужки у этого типа фибул принимают пиявковидную форму; на концах дужек появляются кольцеобразные линии, между которыми иногда помещен сетчато-заштрихованный узор в виде поясов или узор из простых косых линий (рис. 1, 12—32). Фибулы этого типа характерны главным образом для комплексов конца XI — первой половины X в. до н. э.

К третьему типу относятся фибулы, дужки которых еще больше утолщены, и, кроме того, на утонченном приемнике у них появляется украшение в виде собаковидного или фантастического существа. У некоторых фибул этого типа приемники украшены изображениями змеи, рыбы, креста, меандра и т. п. (рис. 1, 17, 18, 21, 33—38, 41). Эти фибулы появляются в комплексах с конца X в. до н. э. Судя по описанию фибул Кобанского могильника, данному П. С. Уваровой, там не найдено ни одной фибулы с изображением животного или геометрического узора на приемнике². Все животные, помещенные на тлийских фибулах, имеют повернутую назад голову, вытянутую узкую талию, короткий хвост, а некоторые, помимо передних, еще и задние ноги (рис. 1, 33, 35, 37, 38, 41). Все эти изображения выполнены в том же стиле, что и изображения животных на топорах, пряжках, поясах, кольцах и т. д. Любопытно отметить, что при раскопках Тлийского могильника в 1969 г. все дугообразные фибулы оказались изображениями животных, помещенными на приемниках. У всех у них сильно вздутые дуги, напоминающие пиявку. Мастера, изготовлявшие эту категорию предметов, преследовали одну определенную цель — заполнить всю поверхность фибулы и ее приемную часть орнаментом, в то время как ранние фибулы (приемная часть, а также определенная часть дуги) оставались без орнамента.

К четвертому типу относятся фибулы, вся поверхность дуги которых разделена на шесть или восемь дугообразных полосок, украшенных либо елочкой, либо косой насечкой (рис. 1, 41). Подобные фибулы имеются и в кобанских материалах.

Пятый тип представлен фибулами, имеющими граненые дуги, ромбовидные в сечении. Они характерны в основном для комплексов VIII—VII вв. до н. э. и лишены орнаментальных мотивов. Приемник иглы менее утончен.

Шестой тип — самый малочисленный. Сюда входят фибулы с витой дужкой, датируемые XI—X вв. до н. э. Эти фибулы также редки в Кобанском могильнике. Встречаются они и в комплексах нижнего этажа Мцхетского могильника³.

Седьмой тип включает в себя фибулы, отличающиеся малыми размерами и имеющие уплощенную дужку (рис. 1, 40, 42). Эти фибулы обычно попадают в детских погребениях, а к VII—VI вв. до н. э. изредка встречаются и в женских захоронениях, в то время как фибулы всех других типов характерны только для мужских захоронений. Даже в могилах мальчиков, какого бы возраста они ни были, необходимым погребальным предметом всегда была фибула. Следовательно, фибулу следует рассматривать как компонент мужского костюма, а не женского, как это отмечают некоторые исследователи⁴.

В Кобанском могильнике, как и в Тли, дугообразные фибулы должны быть связаны главным образом с комплексами мужских захоронений. Возможно, что где-то в одном или нескольких случаях в женских погребениях и попадались дугообразные фибулы, но это вовсе не свидетельствует о принадлежности фибулы к женскому костюму. В раскопанных в Тли погребениях фибулы всегда находились либо на груди, либо на правой ключице. Засвидетельствовано несколько случаев, когда фибулы лежали или на нижней челюсти, или же под шейными позвонками. Многолетние наблюдения при раскопках Тлийского могильника привели нас к убеждению, что этими фибулами мужчины в эпоху поздней бронзы — раннего железа и даже позже, застегивали накиннутый на плечи плащ из грубой шерсти или кожаную накидку⁵. Застежка-фибула при этом прикреплялась к одежде не в области груди, а чуть правее или левее от нее. При каждом мужском костяке лежало по одной фибуле, а не несколько, как это отмечает П. С. Уварова для Кобанского могильника⁶. Только в четырех погребениях (52, 270, 68, 140) Тлийского могильника было найдено по две фибулы. Последние характерны главным образом для горных районов Центрального Кавказа. Однако они проникли и в низменные районы и встречаются почти по всей Восточной и Западной Грузии⁷. Следует отметить, что в равнинной части территории Абхазии фибула получает особое распространение в памятниках VIII—VII вв. до н. э.⁸ В более ранних памятниках она встречается реже, т. е. не обладает таким разнообразием в размерах и формах орнамента, как на территории центральных районов Кавказа. В таком известном памятнике, как Мцхетский могильник, она засвидетельствована только в нескольких погребениях нижнего этажа. Из Восточной Грузии дугообразные фибулы проникли и в Армению⁹. В памятниках Азербайджана дугообразная фибула почти не встречается. Не характерна она и для материальной культуры эпохи поздней бронзы — раннего железа племен Иор-Алазанского бассейна, территориально близкого к Азербайджану.

В настоящее время на Кавказе нет ни одного памятника, который дал

бы такой богатый ассортимент бронзовых дугообразных фибул, как Тлийский могильник. Создается впечатление, что здесь находился один из главных центров производства фибул. Вслед за Тлийским могильником можно назвать Кобанский, где тоже засвидетельствована целая серия находок этих изделий, но по количеству и богатству орнаментальных мотивов они намного меньше и проще тлийских экземпляров. Отмечу, однако, что форма кобанской фибулы более многообразна. Некоторые формы оказались чуждыми для района Тли. Так, в тлийских материалах неизвестна ни одна фибула со скульптурными головками барана, каковые имеются на одной из кобанских фибул¹⁰. Кроме того, в тлийских погребальных комплексах совершенно отсутствуют фибулы с сильно вздутыми дугами, перехваченными в концах кольцеобразными выступами, подчеркивающими переход дужки в пружинку иглы и пластинку приемника. Помимо кобанских материалов, подобные фибулы встречены в Кабарде¹¹, Западной Грузии¹², Абхазии¹³ и т. д.

В тлийских комплексах редки также фибулы, имеющие витые дужки. Здесь встречаются главным образом фибулы с простой, умеренно вздутой дужкой, но имеются экземпляры, напоминающие по форме пиявки, но без выступающих колец на краях дужки. Кроме того, тлийские фибулы этого типа не имеют таких сильно расплюснутых и широких приемников, как это наблюдается на кобанских фибулах¹⁴. На южном склоне Главного Кавказского хребта данная форма бронзовой фибулы не получила своего развития, хотя по многим элементам костюма, которые часто используются обществом для целей внешнего отличия от окружающих¹⁵, хорошо прослеживается единство культуры по обе стороны Главного Кавказского хребта, особенно в центральной его части. Здесь бронзовые дугообразные фибулы известны не только в Кобанском могильнике, но и во многих синхронных с ним памятниках Верхней Рутхи¹⁶, Кабарды и Пятигорья¹⁷.

Первые исследователи, как, например, Е. Шантр, сравнивали кобанские фибулы с экземплярами из Северной Италии и даже из Германии¹⁸. Концепция Е. Шантра в свое время была отвергнута П. С. Уваровой, отмечавшей, что все приведенные Е. Шантром аналогии имеют резкие перпендикулярные грани и что они отличаются от кобанских развитием своего приемника и представляют более развитые по форме и технике экземпляры¹⁹. Прототипы кобанских фибул в Греции и Северной Италии находил и Р. Вирхов, по мнению которого связующим звеном между кавказской и итальянской культурами могли быть Греция и западный берег Малой Азии²⁰. Кавказская бронзовая дугообразная фибула, чуждая территории Малой Азии, по мнению некоторых исследователей, находит аналогии в одной из более древних групп фибул, которой была посвящена специальная работа Блинкенберга²¹. Говоря о греческих фибулах, он наиболее древней формой считает «субмикенскую», датируя ее 1200—1150 гг. до н. э. или концом минойского периода. Вслед за Блинкенбергом некоторые исследователи эпохи поздней бронзы и раннего железа Кавказа стали считать прототипом кавказской дугообразной фибулы «субмикенскую» форму²². Одни археологи допускают даже вероятность занесения этой фибулы на Кавказ²³, другие же родиной кавказской дугообразной фибулы считают Италию²⁴. Если это так, то бронзовые фибулы в централь-

ные районы Кавказа должны были попасть через территорию Колхиды которая издревле тесно была связана с греческим миром. На территории Колхиды бронзовые дугообразные фибулы должны были появиться тогда же, когда и в Греции. Ведь после покорения Трои путешествия греков-ахейцев к берегам Черного моря должны были участиться, что, быть может, и послужило причиной проникновения бронзовой фибулы морскими путями на территорию Колхиды²⁵. Это обстоятельство могло иметь место к концу XII в. до н. э. Следовательно, уже в конце XII в. до н. э. бронзовая дугообразная фибула начинает встречаться в погребальных комплексах Центрального Кавказа. Это был период расцвета бронзовой металлургии Кавказа. Кавказские мастера-металлурги изготавливали много первоклассных изделий, в том числе не только оружие, но и предметы украшений. При таком уровне производства металлических изделий, очевидно, не представляло никакой трудности изготовить дугообразную фибулу. Форма последней не является сложной, тем более что в тот период, да и раньше, кавказские мастера-металлурги изготавливали великолепные булавки с изображением бычьих и бараньих рогов, с изображением кавказской секиры, с вилообразными зубцами, кончающимися соединенными овальными шляпками, и многое другое.

Если даже дугообразная фибула проникла из Греции на Кавказ, то почему она изобилует в памятниках горных районов и почему она так редко встречается в низменной зоне Колхиды, которая больше общалась с греческим миром?

Нам кажется, что кавказская дугообразная фибула возникла на местной, кавказской почве. Возможно, ее прототипами явились изогнутые бронзовые булавки северокавказской культуры первой половины II тыс. до н. э. Очень возможно, что эта форма необходимого компонента костюма формировалась одновременно и в Греции, и на Кавказе. Если бы кавказские фибулы изготавливались по греческим образцам, помимо дугообразной, здесь появились бы и другие формы, как в Греции, но на Кавказе их нет. Более того, в самой Греции обнаружено весьма незначительное количество дугообразных фибул. Может быть, через Колхиду эта форма проникла в Грецию в конце XII—XI вв. до н. э., и, не получив развития, там возникли совершенно иные формы застежек-фибул, как, например, беотийские.

Некоторые исследователи связывают кавказскую фибулу с появлением древнегреческих колоний на Черноморском побережье²⁶, но, как справедливо отмечает Б. А. Куфтин, у греков к этому времени фибулы совсем уже вышли из употребления, пережив перед этим ряд трансформаций, не получивших никакого отражения на кавказской фибуле²⁷. Если бы кавказская фибула была принесена греками, то она в первую очередь должна была бы распространиться в греческих колониях, однако здесь найден один-единственный экземпляр²⁸ и тот относится к более древнему слою²⁹.

Как бы то ни было, но вопрос развития кавказской дугообразной фибулы от «субмикенской» не подтверждается имеющимися на сегодня материалами. Конечно, когда Блинкенберг писал свою работу, на Кавказе, кроме кобанских фибул, не было других находок, поэтому его предполо-

жение, возможно, и было обоснованным, но теперь этот вопрос должен рассматриваться совсем иначе. Судя по находкам бронзовых дугообразных фибул Тлийского, Кобанского и других могильников Центрального Кавказа, можно прийти к выводу, что самыми распространенными были так называемые пиявковидные фибулы (*fibules en forme sangsue*), название которых было определено еще Е. Шантром³⁰. Кроме того, учет и стратиграфия находок бронзовой дугообразной фибулы убеждают нас в том, что кавказская фибула появилась и развивалась в местной почве, хотя пока трудно найти ее непосредственные прототипы в кавказских древностях.

- 1 П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII. М., 1900, стр. 54.
- 2 Там же, стр. 54—56.
- 3 Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 70, рис. 74а.
- 4 П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 54; Л. П. Семенов. Памятник древнего культа Осетии. МИА, № 23, 1951, стр. 143.
- 5 Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. ВГМГ, XII—В. Тбилиси, 1944, стр. 316; он же. Материалы к археологии Колхиды, I. Тбилиси, 1949, стр. 138.
- 6 П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 54.
- 7 Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры..., стр. 316, рис. 14; он же. Материалы к археологии Колхиды, I, стр. 138; он же. Археологические раскопки в Триалети, стр. 52, рис. 50, 2; табл. XXIII, стр. 70, рис. 74а и 74б; «Археология Грузии». Тбилиси, 1959, стр. 136, 184; В. И. Стражев. Бронзовая культура в Абхазии. ИАНО, вып. IV. Сухуми, 1926, стр. 111; М. М. Иващенко. Материалы к изучению культуры кохов. МИГК, вып. II. Тбилиси, 1941, стр. 38; М. М. Трапи. Памятники колхидской и скифской культур в с. Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми, 1962, стр. 66—67, табл. XXXIII, 2, 3; А. Н. Каландадзе. Чабарухский и Пасанаурский клады. «Первая научная сессия Душетского краеведческого музея. Плана работы и тезисы докладов». Тбилиси, 1965, стр. 23; Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952, стр. 99, табл. XLI.
- 8 М. М. Трапи. Древний Сухуми. «Труды», т. 2. Сухуми, 1969, стр. 191—195.
- 9 А. А. Мартirosян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 276, рис. 109, 1.
- 10 П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 55, рис. 53.
- 11 Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 101, рис. 23, 1; И. М. Чеченов. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, стр. 36—37.
- 12 Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, I, стр. 138.
- 13 Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры..., стр. 316, рис. 14, 3.
- 14 П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. XXXII, 5—7.
- 15 Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, I, стр. 138.
- 16 Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 226—228, табл. XLII, 9, 10; табл. XLIV, 6.
- 17 Comte Eugene de Zichy. Voyages au Caucase et en Asie Centrale. Budapest, 1897, tabl. XIII; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 100; И. М. Чеченов. Древности Кабардино-Балкарии, стр. 36—37.
- 18 E. Chantre. Recherches Anthropologiques dans le Caucase. t. II. Atlas, стр. 67—69.
- 19 П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 55.
- 20 R. Virchow. Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten. Berlin, 1883, стр. 26.
- 21 Chr. Blinkenberg. Fibules grecques et orientales. Det Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske Meddelelser, Bd. XIII, 1. København, 1926, стр. 60—64, fig. 30—36.
- 22 Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры..., стр. 316; он же. Археологические раскопки в Триалети, стр. 72; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного

- Кавказа, стр. 103; Г. К. Ниорадзе. Земоавчальский некрополь и некоторые его особенности. ВГМГ, вып. VI. Тбилиси, 1931, стр. 202, 203.
- ²³ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 103; он же. О происхождении и датировке кобанской культуры. СА, 1957, № 1, стр. 78; D. Stronach. The Development of fibula in the Near East. Iraq, vol. XXI. Autumn, London, 1959, p. 181, 185.
- ²⁴ В. А. Сафронов. Датировка Бородинского клада. «Проблемы археологии», вып. 1. Л., 1968, стр. 86.
- ²⁵ В. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры..., стр. 316; О. Д. Лорджипанидзе. Античный мир и древняя Колхида. Сб. «Античное общество». М., 1967, стр. 175.
- ²⁶ А. Калигинский. Из истории фибулы на Кавказе. Recueil d'etudes a la memoire de N. P. Kondakov. Prague, 1926, p. 50, 57, 61.
- ²⁷ В. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 72.
- ²⁸ Там же, стр. 75.
- ²⁹ Е. М. Tallgren. Miscellanen archeologica Varia. ESA, VI. Helsinki, 1931, стр. 175—177, рис. 1; В. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 75.
- ³⁰ E. Chantre. Recherches Anthropologiques dans le Caucase, стр. 66.

В. И. Козенкова

Предметы из Ца-Ведено (Чечено-Ингушетия) середины I тысячелетия до н. э.

К числу важнейших достижений кавказоведения относится разработанный Е. И. Крупновым вопрос о локальных вариантах кобанской культуры и, в частности, обоснование существования ее восточной локальной группы. В 30-е годы внимание археологов привлекли своеобразные, немногочисленные в то время памятники VI—V вв. до н. э. на территории Чечено-Ингушетии. А. П. Круглов предполагал их связь с каякентско-харачоевской культурой Дагестана¹. О. А. Артамонова-Полтавцева рассматривала эти материалы как свидетельство существования на территории Северо-Восточного Кавказа особой самостоятельной культуры скифского времени². Е. И. Крупнов первый указал на близость элементов материальной культуры памятников середины I тыс. до н. э. на Северо-Восточном Кавказе со знаменитой кобанской культурой Центрального Кавказа. Последующее открытие и исследование памятников типа Алхастинского, Нестеровского и Сержень-Юртовского поселений, а также Нестеровского и Лугового могильников более фундаментально подкрепило высказанные Е. И. Крупновым предположения об ареале, особенностях и хронологии восточного варианта.

Тем не менее источники по восточной периферии кобанской культуры все еще единичны, потому всякие новые материалы заслуживают самого пристального внимания. Такими новыми источниками в последнее время оказались великолепные позднекобанские комплексы из двух разрушенных погребений в Шалинском районе Чечено-Ингушской АССР. Один из комплексов, обнаруженный на окраине сел. Шали, опубликован³. Характеристике второго комплекса посвящена настоящая работа.

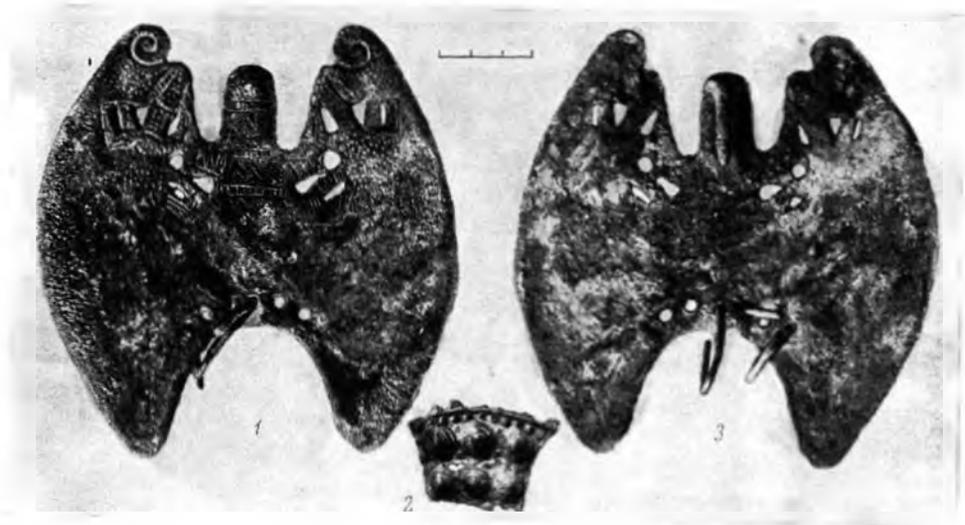

Рис. 1. Бронзовые бляхи

Предметы были обнаружены местными жителями на правом берегу р. Хулхулау в ауле Ца-Ведено ⁴ Веденского района.

По составу предметов можно говорить об одном захоронении. Видимо, оно было совершено в простой грунтовой яме, поскольку никаких следов каменного ящика или какого-либо другого погребального сооружения на месте находки обнаружено не было. Остался неизвестным и погребальный обряд.

Комплекс включал следующие предметы.

Бронзовая массивная литая бляха (рис. 1, 1) в форме птицы с распростертыми крыльями ⁵. Внешняя поверхность гладкая, обратная — с заусенцами от литейной формы. Между распластанными «крыльями» бляхи с одного края приделан крючок, а с противоположного — шесть круглых просверленных отверстий с остатками овальных проволочных звеньев от цепи. Поверхность бляхи около крючка на лицевой стороне покрыта чеканным орнаментом. На крючке почти до середины поверхности бляхи были нанесены четыре пояска, заполненных вертикальными штрихами. Между поясками — одинарные и двойные ломаные линии. По бокам крючка, на самом краю крыльев, изображены два изогнувшихся хищника с подогнутыми лапами, с длинными когтями, закрученными хвостами и оскаленными мордами.

Расположение фигур геральдическое, головами к центру, причем линии, изображающие пасти, непосредственно переходят в геометрический орнамент на крючке. Контуры тел зооморфных существ подчеркнуты дополнительными сквозными отверстиями и чеканными линиями (лапы, морда, глаза, прижатые уши). Тела животных украшены заштрихованными поясками. Три таких пояска — на средней части туловища, два — на лапах.

Один из зверей имел такой поясok на шее. Все пустое пространство в линейном изображении густо заполнено точками, выполненными пунсонной техникой. Такой же точкой и кружком вокруг нее изображены глаза. Размеры бляхи: ширина 14,8 см, высота 14,5 см, высота в средней части 8,8 см, толщина 0,3 см.

Обломок бронзовой литой бляхи трапециевидной формы (рис. 1, 2). Поверхность ее украшена сосцевидными выпуклостями, а между ними мелкими «перлами». На двух противоположных краях следы от отверстий. Размер бляхи: 5 см × 3,5 см.

Обломок бронзовой поясной пряжки (рис. 2, 5) удлиненной, неправильно прямоугольной формы. Посредине одной из продольных сторон слегка выступал крючок. На противоположном от крючка краю имелись круглые отверстия для крепления ремня. Этот ряд отверстий пробит в параллельном краю узком желобке на поверхности пряжки. Лицевая сторона предмета украшена чеканным орнаментом. Контур пряжки подчеркнут рамкой шириной 0,3 см, заполненной косыми насечками. Внутри рамки по центру пряжки — три продольных пояска. Два из них — циркульные кружки, соединенные между собой как бы бегущей спиралью, и между ними — третий поясok в виде параллельных линий, заполненных косыми насечками. Сохранилась только половина пряжки, но размеры ее восстанавливаются. Длина 10 см, ширина 3,7 см, ширина посредине вместе с крючком 4,4 см.

Обломки (два фрагмента) бронзовой гривны (рис. 2, 4). Гривна изготовлена из круглого в сечении прута. Концы обрублены и имели небольшие утолщения. Диаметр гривны около 14,5 см.

Две бронзовые литые фибулы (рис. 2, 8, 9). Дуги фибул арковидные, массивные, выпукло-уплощенные в сечении. На оборотной стороне дужек — желобок. Внешняя поверхность дужек украшена группами выпуклых полосок (по 9—12), равномерно распределенных по всему контуру. Приемник фибул имел форму широкой пластины с выпуклым вертикальным ребром по центру. Игла круглая в сечении. Размеры фибул: 10,6 × 7,7 см и 10,9 × 7,6 см.

Два бронзовых браслета из выпукло-уплощенного в сечении массивного прута (рис. 2, 6, 7). Концы браслетов несомкнутые обрубленные. Лицевая выпуклая поверхность орнаментирована чередующимися продольными и поперечными параллельными насечками, сгруппированными по четыре-пять штук. Концы браслетов украшены сочетанием одной-двух насечек и креста. Размер предметов: 6,5 × 5,3 см; 6,2 × 5,3 см.

Три массивные бронзовые бусины (рис. 2, 1) шаровидной формы с выступающими по краям канала валиками. Поверхность бусин ажурная, ребристая за счет продольных прорезных линий. Поперечный диаметр 2,4 см; длина 2,7—2,8 см.

Стекланные бусины неправильной шаровидной формы с приплюснутыми полюсами. Всего найдено 23 экземпляра (рис. 2, 2). Из них 14 бусин — глухого синего стекла, семь — синего стекла с темными глазками, заключенными в белое колючко и две — белого цвета с многокольчатыми темными глазками и темным пятнышком в центре каждого глазка. Размеры бусин примерно одинаковы. Поперечный диаметр от 1 до 1,9 см. Пре-

Рис. 2. Украшения (1—4, 6—9) и пряжка (5)
 1, 4—9—бронза; 2, 3—стекло

обладают бусины диаметром 1,1 см. В ожерелье составляет исключение лишь одна большая бусина синего глухого стекла. Ее диаметр 2,5 см, длина 1,8 см (рис. 2, 3).

Все предметы цаведенского комплекса отличаются хорошей сохранностью. Поверхность бронзовых украшений покрыта голубоватой блестящей «благородной» патиной. Соразмерность пропорций формы и орнамента предметов, их общий пышный стиль свидетельствуют о высоком мастерстве древних бронзолитейщиков и ювелиров.

Датировка комплекса не вызывает больших затруднений. Почти все предметы находят точные аналогии в погребениях VI—V вв. до н. э. могильников восточного варианта кобанской культуры Исти-Су, Луговом и Нестеровском⁶. Бронзовая гривна, фибулы, браслеты точно таких же типов обнаружены почти в каждом погребении Лугового могильника. Весьма близки и наборы бус в ожерелье⁷. Только бронзовые ажурные бусины не имеют аналогий, но по стилю близки, например, ажурной «булаве» из погребения 67 Лугового могильника⁸. Чрезвычайно близок цаведенский комплекс по составу предметов погребению 20 могильника Исти-Су⁹. Так, например, фибулы из обоих памятников почти не отличаются по размерам, форме и орнаментации.

Наибольший интерес в комплексе Ца-Ведено вызывает массивная птицеобразная бляха. Предмет этот — большая редкость в древностях Северного Кавказа. Немногочисленные находки неоднократно освещались в печати¹⁰. Специально их характеристике и особенностям посвящен этюд О. А. Артамоновой-Полтавцевой¹¹. В настоящее время известно всего 10 экземпляров. Местонахождение восьми из них определено точно (крепость Воздвиженская — 2, сел. Харачой — 1, сел. Хатуни — 1, могильник Исти-Су — 1, Луговой могильник — 1, сел. Шали — 1, сел. Ца-Ведено — 1). Две бляхи считались случайными находками. Одна из них значилась как происходящая «из Терской области», другая — «неизвестного происхождения «с Урупа»¹². В процессе работы нам удалось уточнить их местонахождение. Оказалось, что бляха «из Терской области» (коллекция Н. Н. Муравьева-Карского) обнаружена в крепости Воздвиженской, скорее всего в непотребованном погребении¹³. Захоронение было совершено в гробнице, обложенной булыжником. Костяк был положен «по христианскому обычаю», другими словами, вытянуто, головой на запад. Все эти признаки напоминают погребальный обряд в памятниках раннего железного века середины I тыс. до н. э. на Северо-Восточном Кавказе. Кроме бляхи, которая обозначена как массивный нагрудник, на шее погребенного имелась бронзовая витая жгутром гривна¹⁴ с расширенными и уплощенными концами, украшенными гравированным орнаментом такого же типа, как в Нестеровском могильнике. Помимо этих предметов, в комплекс входила массивная бронзовая фибула с рубчатым орнаментом по дуге, точно такая же, как фибулы из могильников Исти-Су и Лугового, а также из публикуемого комплекса из Ца-Ведено.

Публикация бляхи из Тбилисского музея как происходящей «с Урупа» является чистейшим недоразумением, в котором повинна П. С. Уварова¹⁵. При составлении археологического каталога древностей Тифлисского музея она все предметы, не сохранившие ко времени составления ката-

лога точных данных о местонахождении, обозначила как происходящие «с Урупа». Судя по приложенному к каталогу плану расположения витрин, все эти предметы (в том числе и бляха) были обнаружены в бассейне р. Терека, а не в бассейне р. Кубани, куда входит р. Уруп.

Более точные сведения о местонахождении интересующей нас бляхи нам посчастливилось обнаружить в «Указателе памятников Исторического музея за 1893 год», изданном девятью годами раньше каталога П. С. Уваровой¹⁶. В «Указателе» имелась опись слепков с некоторых предметов из Тифлисского музея, изготовленных при консультации Г. Д. Филимонова для музея Московского университета и позднее переданных в Исторический музей. Среди них оказалась и уникальная для того времени бабочковидная бляха, которая экспонировалась как нагрудное украшение вместе с дуговидной фибулой и бронзовым браслетом с нарезным орнаментом по концам. Все три предмета имели совершенно четкую аннотацию: «Чечня, берега Аргуни, близ Воздвиженского укрепления»¹⁷. Таким образом, и эта бляха была найдена в комплексе с вещами, по описанию совершенно аналогичными вещам из погребений середины I тыс. до н. э. на территории Чечено-Ингушетии.

Со времени написания работы О. А. Артамоновой-Полтавцевой расширился и углубился археологический фон птицеобразных блях, возросло их количество. Картографирование этих предметов отчетливо выявило их скопление в основном в предгорьях Чечено-Ингушетии, в бассейне рек Аргуна и Хулхула (рис. 3). Ни один предмет не встречен на плоскости или высоко в горах. Исключение составляет лишь бляха из Харачоя. По технологическим и стилистическим особенностям она стоит особняком среди других блях скифского времени, что справедливо было отмечено О. А. Артамоновой-Полтавцевой¹⁸.

Сравнительно недавно птицеобразные бляхи были обнаружены в погребениях средневекового могильника в сел. Дай и Аргунском ущелье высоко в горах¹⁹. Мы не удивимся, если «странности» харачоевской бляхи окажутся с накоплением новых данных явлением хронологического порядка, а сам этот предмет — промежуточным звеном (типологическим, хронологическим и территориальным) между формами блях середины I тыс. до н. э. из предгорий и такими же, но поздними формами, задержавшимися в быту населения в горах до VII—VIII вв. н. э. Пока наши источники слишком скудны, чтобы делать более уверенные выводы. Бесспорно одно: бронзовые птицеобразные бляхи характерны только для территории Чечено-Ингушетии. Они представляют одну из особенностей материальной культуры восточного варианта поздней Кубани. Половина блях — одиночные находки, иногда сопровождавшиеся трапециевидными орнаментированными пластинами²⁰. Пять блях обнаружены в комплексах, чрезвычайно близких по набору входивших в них предметов. Там, где условия находки комплекса более или менее определенные, они связаны с захоронениями в грунтовых ямах, иногда обложенных булыжниками.

Происхождение формы птицеобразных блях неясно. Среди ранних материалов мы не имеем прототипов, которые могли бы быть бесспорно признаны за исходную форму для этих предметов. О. А. Артамонова-Полтавцева считала, что возникновение такой формы могло быть как-то

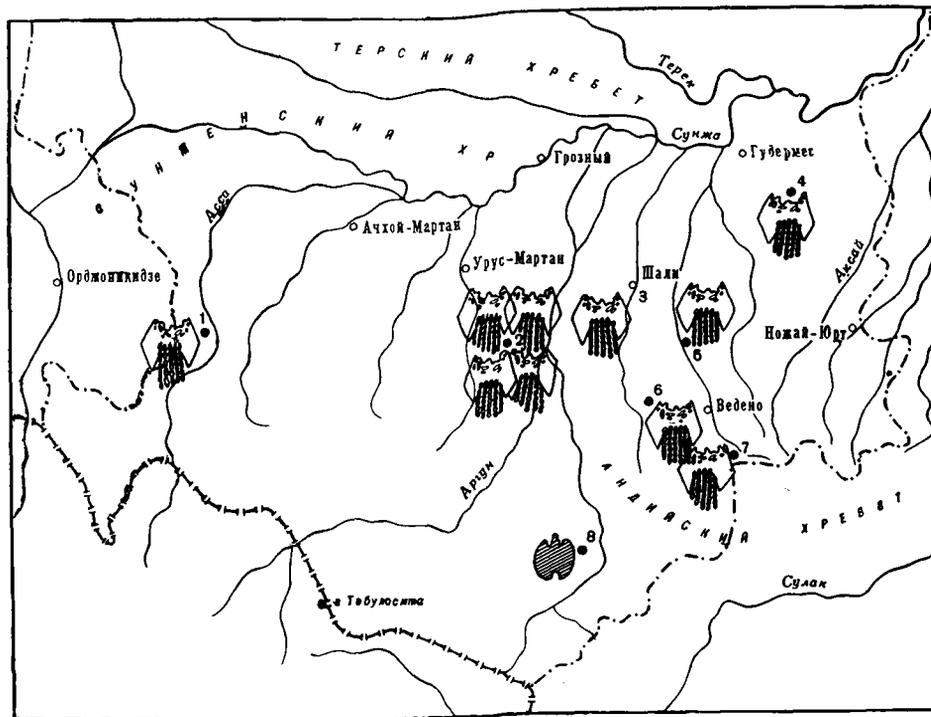

Рис. 3. Схема распространения бронзовых фигурных блях

1 — Луговой могильник; 2 — крепость Водвиженская (погребение); 3 — Шаинский могильник; 4 — могильник Исти-Су; 5 — Ца-Ведено; 6 — Хатуни; 7 — Харачой; 8 — Дай

связано с мотивом крылатой богини, известным в переднеазиатском и скифском искусстве²¹. К этому можно добавить еще более близкие параллели среди предметов скифского времени в памятниках Закавказья, южнорусских степей и на Алтае²², например, замечательная нагрудная пластина в форме парящего орла или грифа в погребении VII в. до н. э. в Красномаяцком могильнике (Абхазия)²³ или бляхи в виде орлов на портупейных поясах в скифских курганах (Журовка, Золотой курган)²⁴. Б. В. Виноградовым справедливо отмечено, что образ грозной птицы присущ и искусству народов Кавказа. Однако мотив парящего орла прижился в местном искусстве, видимо, не только по этой причине.

В какой-то мере он отвечал еще одной идее, хорошо известной в кобанском искусстве, идее «двух начал в целом», отраженной в ряде форм и изображений предметов (двуовальные бляхи, геральдическое расположение животных на кинжалах, булавах, пряжках, очевидные привески, перстни с двойными спиралями-щитками и т. д.). Эта мысль подтверждается расположением на бляхе двух хищников. Изобразительная манера, в которой они выполнены, несет в себе исконные традиции классической Кобани. Мягкая изогнутость тел, форма подогнутых когтистых лап,

техническая сторона исполнения, сочетающая пунсон и чеканку,— все это хорошо известно на оружии и украшениях из Кобанского, Тлийского, Сержень-Юртовского могильников.

Тем не менее мы далеки от мысли опровергнуть очевидный факт, выявленный нашими предшественниками на примере птицеобразных блях, а именно, мощный импульс скифской (О. А. Артамонова-Полтавцева) и савроматской (В. Б. Виноградов) культур в изобразительном искусстве поздних кобанцев Северо-Восточного Кавказа. Подчеркнем лишь, что речь может идти не о глубоком преобразовании местной культуры под воздействием культуры северных кочевых племен, а лишь о той общей для многих культур Европы и Кавказа специфически «скифо-сарматской» окраске, которая была, скорее, проявлением моды определенного времени.

Вопрос назначения птицеобразных блях еще недостаточно ясен, поскольку практически местоположение блях *in situ* нам неизвестно. Н. С. Семенов относил их к нагрудным украшениям²⁵. Как бляхи для ношения на груди они обозначены в описании коллекции Н. Н. Муравьева-Карсского. Тбилисская бляха в одном случае названа нагрудником, а в другом — пряжкой. В связи с этим трактовка О. А. Артамоновой-Полтавцевой птицеобразных блях как поясных пряжек все еще остается предположением. В тщательной продуманной реконструкции пояса, предложенной О. А. Артамоновой-Полтавцевой²⁶, вызывают сомнения два момента. Во-первых, несоответствие размера тяжелой пряжки ширине пояса. Во-вторых, неправильное композиционное расположение изображений на бляхе. По тщательности исполнения зооморфные изображения должны были нести основную орнаментальную, а может быть, и смысловую нагрузку. Следовательно, естественно предполагать их правильное положение при ношении предмета. В реконструкции О. А. Артамоновой-Полтавцевой эти нарядные изображения перевернуты боком, причем их нелепое размещение не уравнивалось никаким дополнительным орнаментальным мотивом на остальной поверхности предмета. В результате нарушалось предложенное самим же исследователем толкование смысла изображений²⁷. «Солнце» (круглая бляха, присутствующая в некоторых комплексах) светит не над головой «парящего орла», а располагается где-то сбоку, тем самым разрушая логику изображения.

Подобное расположение фигур на «пряжке» объяснялось О. А. Артамоновой-Полтавцевой, однако, тем, что пояс не носили постоянно, а держали в вертикальном положении²⁸. Едва ли это утверждение можно признать достаточно убедительным. На всех известных изображениях воинов с поясами последние изображены в том виде, в каком им и надлежит быть. Они опоясывают фигуру человека. Аргументом в пользу отнесения птицеобразных блях к поясным пряжкам служит наличие крючка. Но разве не известны нам предметы с крючком, в то же время не являющиеся поясными пряжками (колчаные крючки, нагрудные застёжки в скифских древностях, железные обоймицы с крючками в Луговом и Нестеровском могильниках)?

Композиционное расположение изображений на бляхах, длинные свисающие цепи скорее могут свидетельствовать в пользу исследователей, относивших бляхи к парадным нагрудникам. В какой-то мере это может

быть подтверждено известными нагрудными украшениями из Сержень-Юртовского, Нестеровского и Лугового могильников. В Сержень-Юртовском могильнике нагрудные украшения представлены простой круглой бляхой со свисающими от нее длинными рядами тонких спиралей и низками из сурьмяных бус. В Луговом могильнике они более сложные. Это или большая орнаментированная двувальная бляха, от которой иногда свисают восемь-десять пронизей бус²⁹, или фибула с большим прицепленным к ней треугольником с длинными цепями и колокольчиками³⁰.

Может быть, не случайно, что все птицеобразные бляхи найдены в сопровождении огромных фибул, которые могли играть какую-то роль в общей схеме нагрудного украшения.

Наконец, если принять предположение об использовании птицеобразных блях в качестве такого парадного украшения костюма, становится понятным наличие в Цаведенском комплексе настоящей поясной кобанской пряжки, характерной для позднего этапа формы (Кобанский, Галиатский, Верхнерутхинский могильники³¹, погребение 293 Самтаврского могильника, сопровождавшееся двухлопастными и трехлопастными втульчатыми наконечниками стрел скифского типа)³².

Таким образом, новые позднекобанские материалы из Чечни, в целом способствуют более глубокому изучению материальной культуры древних аборигенов бассейна Сунжи.

¹ А. П. Крушов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 94.

² О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 100.

³ В. Б. Виноградов. Новые комплексы скифского времени из Чечено-Ингушетии. СА, 1970, № 3, стр. 204—208.

⁴ Первое упоминание об этой находке см.: Е. И. Крупнов. Новое в изучении истории Северного Кавказа. «Археологические открытия 1965 года». М., 1966, стр. 35.

⁵ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа..., стр. 77; В. Б. Виноградов. Новые комплексы скифского времени..., стр. 207.

⁶ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 296; Р. М. Мунчаев. Луговой могильник. Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, стр. 142—210.

⁷ Р. М. Мунчаев. Луговой могильник, стр. 170, рис. 18.

⁸ Там же, стр. 180, рис. 26, 7.

⁹ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа, стр. 45, рис. 17.

¹⁰ Н. В. Ханьков, Л. С. Савельев. Древности, найденные на Кавказе. ЗАО. т. IX. СПб., 1857, стр. 50—60; ОАК за 1895 г., стр. 77; Е. И. Крупнов. Новое в изучении древней истории Северного Кавказа, стр. 35; В. Б. Виноградов. Новые комплексы скифского времени..., стр. 206, рис. 4.

¹¹ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа, стр. 69—101.

¹² Там же, стр. 70.

¹³ «Указатель памятников Императорского исторического музея». М., 1893, стр. 49—50.

¹⁴ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа, стр. 56, рис. 25, 2.

¹⁵ Коллекция Кавказского музея. Museum Saucasicum, т. V. Тифлис, 1902, стр. 44—46 (№ 1041).

¹⁶ «Указатель памятников Императорского исторического музея», стр. 51, № 1266—1268.

¹⁷ Там же.

¹⁸ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа, стр. 81.

¹⁹ М. Х. Базаев. Раскопки раннесредневековых могильников у сел. Харачой и Дай. Археологические открытия 1969 года. М., 1970, стр. 121.

- ²⁰ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа, стр. 45, рис. 17.2; стр. 76, рис. 38.
- ²¹ Там же, стр. 78—80.
- ²² С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, табл. XXXIII, 4.
- ²³ М. М. Трапш. Древний Сухуми. «Труды», т. 2, стр. 89, рис. 29.
- ²⁴ Б. В. Черненко. Скифский доспех. Киев, 1968, стр. 65, рис. 35, 1, 3.
- ²⁵ ОАК за 1895 г., стр. 77.
- ²⁶ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа, стр. 79, рис. 39.
- ²⁷ Там же, 79, 80, 95.
- ²⁸ Там же, стр. 77.
- ²⁹ Р. М. Мунчаев. Луговой могильник, стр. 181, погребение 58.
- ³⁰ Там же, стр. 78, рис. 24, 1.
- ³¹ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, табл. X; XLVII, 9; О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа, стр. 88, рис. 44.
- ³² Р. М. Абрамишвили. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. ВГМГ, вып. XXII—13, 1961, табл. XVIII, 1.

Б. А. Рыбаков

Календарный фриз северокавказского сосуда VIII—VII вв. до н. э.

Е. И. Крупнов передал мне для расшифровки рисунки и фотографии небольшого сосуда из Березовского могильника близ Кисловодска. В переданных материалах есть запись: «Кисловодск. Материал Н. Н. Михайлова. Березовский могильник. Каменный ящик 1.

Рис. 1. Сосуд из Березовского могильника близ г. Кисловодска

Глиняная миска лепная, коричневая, с черными пятнами шамота и следами заглаживания поверхности травой. Найдена уч-ками (учениками? участниками?) Прониным и Ценцера. Чрезвычайно интересен сложный символически-магический орнамент на верхней части корпуса сосуда, сделанный в технике врезки. Сосуд разбит, но склеен» (рис. 1).

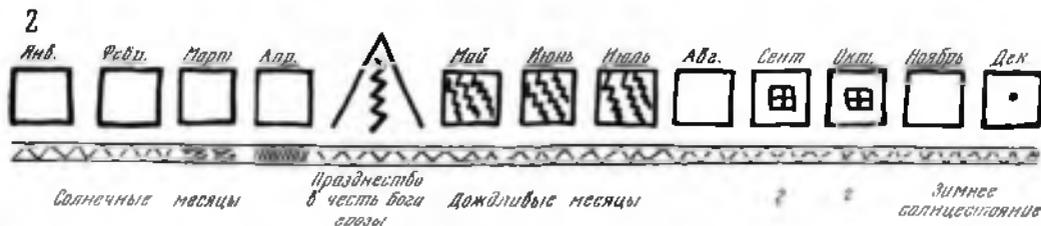
Дополнительные данные: «Фриз затерт белой пастой». Сосуд найден в 1965 г. Диаметр устья 19,2 см, диаметр дна 7 см, высота 13 см. На обороте фотографии рукой Е. И. написано: «Сосуд из Березовского могильника близ г. Кисловодска. VIII—VII вв. до н. э. (Н. Н. Михайлов)».

Орнаментальный фриз миски действительно представляет значительный интерес. Верхний широкий пояс состоит из серии свастических знаков и вертикальных зигзагов. Нижний поясок образован двумя прямыми линиями, между которыми идет зигзаг, прерванный только в одном месте, где его на протяжении двух знаков верхнего пояса заменили угловатые узоры и косая насечка. Свастические знаки различны: одни из них дают только схему, а другие заполнены между крестовинами и отрогами знака зигзагами и квадратиками с крестом внутри. Всех свастических знаков — 12 (рис. 2, 1). Не претендуя на убедительность, предлагаю гипотетическую расшифровку.

Отсутствие орнаментального ритма, повторяемости элементов (рапорта) не позволяют признать рисунки на миске простым узором. Очевидно, здесь перед нами сложный рисунок с определенным содержанием. Ключом к разгадке могут послужить 12 свастических знаков. Поскольку эти знаки нередко отождествляются с солнцем, то 12 солнечных знаков мы вправе истолковать как обозначение 12 месяцев года, а компактную серию несвастических рисунков, быть может, следует понимать как символическое изображение главного годового праздника — моления. В археологическом материале разных эпох, от бронзового века до средневековья, встречается много ритуальных сосудов с теми или иными обозначениями 12 месяцев. Однако эта мысль может получить признание только в том случае, если удастся хотя бы в общих чертах приурочить свастические солнечные знаки к определенным месяцам или сезонам.

На помощь нам приходят различия между знаками месяцев. Три расположенных рядом знака сплошь покрыты вертикальными зигзаговыми линиями, являющимися распространенной и устойчивой идеограммой падающей воды, дождя. В своей совокупности они, очевидно, обозначают трехмесячный сезон дождей. Два знака (тоже рядом) отмечены дополнениями в виде прямоугольников с перегородками внутри. Это могут быть идеограммы жилищ (?) или полей (?). Так как семантика этих рисунков неясна, то данные знаки не помогут нам в определении всей системы. Семь знаков содержат только одну схему без каких бы то ни было дополнений и по противоположности «месяцам дождя» они могут быть истолкованы как «солнечное время года».

Очень важно отметить, что один знак из всех 12 повернут отрогами в другую сторону, что может обозначать одну из четырех солнечных фаз года (зимнее или летнее солнцестояние, весеннее или осеннее равноденствие).

Сложная композиция, напоминающая горы с потоками воды и молнией (?) в центре, вторгается в ряды обозначений месяцев, отделяя солнечное время от дождливого и как бы открывая собой сезон предстоящих дождей.

Расшифровка фриза находится в прямой зависимости от климатической картины предгорий Кавказа. По данным справочников, в Кисловодске и его окрестностях обычно бывает солнечная осень и зима. Дожди идут только три месяца в году: в мае, июне и июле¹.

Теперь мы получили в руки путеводную нить. Три реальных дождливых месяца совпадают с тремя обозначениями дождливых месяцев на фризе. Нам остается только перенести символические знаки фриза на календарную сетку и проверить предположение о солнечной фазе.

Накладывая обозначения 12 месяцев на годичную сетку таким образом, чтобы знаки с зигзагами дождя совпали с маем, июнем и июлем, мы получаем следующее распределение знаков-месяцев (рис. 2, 2).

Год начинался с января, а кончался декабрем. Осень и зима — солнечны, как и в реальном климате предгорий. Дожди на фризе полностью совпадают с реальным сезоном дождей. Предполагаемый знак солнечной фазы оказался действительно таковым и обозначал зимнее (декабрьское) солнцестояние, после которого и в древности, и ныне наступает новый годичный цикл. Смысл особого декабрьского знака в том и заключается, что он отмечал конец года. Особый интерес представляет внекалендарная сложная композиция, помещенная между солнечными и дождливыми месяцами, отделяя апрель от мая. Эта композиция выделена на тулове сосуда двумя рельефными шишечками ниже фриза.

Приглядимся внимательнее к тем рисункам, которые вторгаются в ритм свастических календарных знаков.

Рис. 2. Расположение знаков на сосуде (1) и схема (2)

На схеме месяцы условно обозначены квадратами, зигзагами — дождь; точка означает свастический знак особого типа. Изменение ритма нижнего пояса приходится на март (весеннее равноденствие) и апрель (новая трава?)

При общем взгляде создается впечатление, что древний художник стремился изобразить горы и горные потоки, переданные зигзагами и штриховкой.

Центром композиции являются два очень широких потока (?), между которыми нарисован четкой, глубоко врезанной линией зигзаг, идущий, как молния, сверху вниз. Не исключено, что здесь, в самой середине композиции, действительно изображена молния.

Вполне возможно, что вся эта серия рисунков, помещенных между апрелем и маем, выражает мысль о каком-то молении, празднестве, связанном с грозами, дождями и горными потоками. Если центральный зигзаг можно истолковать как молнию, то моление, очевидно, было обращено к какому-то местному Зевсу-громовержцу, Зевсу-«орошающему».

Исключительно важно приведенное Е. И. Крупновым свидетельство ингушского народного календаря о том, что май — «Сели-бут» — месяц бога грома и молнии; «Сели — главный и наиболее почитаемый ингушами, как самый страшный, но и самый справедливый бог в вейнахском пантеоне»².

Бурное таяние снегов, могучие горные потоки, орошающие долины, весенние грозы, вслед за которыми идет единственный в году период плодоносных дождей, — вот тот комплекс природных явлений, который привел к выдвиганию на первое место в годовом цикле майских (или апрельско-майских) празднеств в честь бога-громовержца, аналогичного ингушскому Сели.

Так предположительно можно определить содержание серии рисунков на сосуде из Березовского могильника — ритуальном сосуде, являвшемся, судя по всему, принадлежностью важнейших в году молений, обращенных к местному Юпитеру.

И. Т. Кругликова

Каменные ящики у дер. Рыбное

Еще в XIX в. внимание исследователей крымских древностей привлекли своеобразные каменные сооружения — большие ящики, сложенные из крупных, часто уплощенных камней и окруженные круглыми оградами из больших дикарных камней — кромлехами.

Дюбуа де Монпере увидел такие сооружения близ Гаспры и назвал их дольменами, сравнив с дольменами Кавказа и Бретани¹. Позднее Н. И. Репников обратил внимание на различие их с дольменами и назвал каменными ящиками². Раскопки показали, что это погребальные сооружения. Наиболее широкие исследования крымских каменных ящиков проводились в Байдарской долине и на южном берегу Крыма³.

Е. И. Крупнов, изучая могильники Северного Кавказа, неоднократно отмечал сходство ряда погребений Нестеровского, Лугового, Березовского и других могильников с погребениями в таврских каменных ящиках горного Крыма⁴. Он находил параллели как в устройстве могил, так и в их инвентаре. Е. И. Крупнов присоединился к предположению В. В. Бобина о возможном этническом родстве населения Крыма и Северного Кавказа⁵.

Однако следует отметить, что внимание Е. И. Крупнова не привлекли каменные ящики Восточного Крыма, вероятно, из-за их малой изученности. Между тем еще в 1896 г. А. А. Дирин на Керченском полуострове, на берегу Азовского моря, раскопал могильник, состоящий из каменных ящиков⁶. В 1957 г., проводя разведки к западу от этого района на мысу Казантип, А. М. Лесков обнаружил несколько групп каменных ящиков⁷. Он раскопал два ящика. Один из них оказался полностью разграбленным, в другом сохранились обломки остродонных амфор V в. до н. э., бронзовая бляшка и перстень-печать V—IV вв. до н. э. Сравнивая открытые им ящики с каменными ящиками Байдарской долины, А. М. Лесков пришел к выводу, что каменные ящики Керченского полуострова тождественны ящикам, исследованным в горном Крыму, и принадлежат носителям одной археологической культуры.

В 1958 г. Восточно-Крымский отряд под руководством автора этой статьи исследовал в том же районе (к западу от дер. Рыбное) группу каменных ящиков. Они расположены на восточном склоне гряды каменных холмов в 1 км от деревни и в 100 м западнее лесопосадки. Были раскопаны три ящика, находившихся на поверхности. Все они были окружены кругами, выложенными из крупных дикарных камней, также возвышавшихся над поверхностью.

Рис. 1. Железный нож и стеклянные бусины

1 — ящик 1; 2, 3 — ящик 2

Ящик 1 находился в центре ограды, диаметр которой равнялся 3,4 м. Он сложен из поставленных на ребро уплощенных камней. Ширина ящика внутри 1 м, длина 1,6—1,8 м. Пол земляной на глубине 0,8 м. Ящик ориентирован на юго-запад — северо-восток. С юго-западной стороны (в головах) стояла большая плита; с противоположной стороны ящик был разрушен. Камни его стен упали, кости были выброшены, часть их осталась у северной стенки. Там же найден железный нож (рис. 1, 1) и восемь бронзовых наконечников стрел (рис. 2, 1—8). В земле, заполнявшей ящик, выявлены обломки гераклейских амфор. Все пространство между ящиком и камнями круглой ограды сплошь заполнено крупными дикарными камнями.

Все найденные наконечники стрел втульчатые, трехперые. Все они находят прямые аналоги в скифских памятниках V—IV вв. до н. э.⁸

Ящик 2 расположен в углублении и около скалы, выступающей над поверхностью. Ограда его сохранилась плохо. Она была, по-видимому, эллипсовидной в плане формы. Сложена из крупных дикарных камней. Ящик ориентирован с юго-запада на северо-восток. Юго-западный камень более высокий и уплощенный, чем остальные. Около него лежала часть черепа человека. Ящик был разграблен в древности. Каменная крышка отсутствует. Пол был земляным и находился на глубине 0,5 м. В ящике найдены 12 бронзовых наконечников стрел и один железный, две стеклянные бусины, обломок чернолакового скифоса и куски красноглиняного гончарного кувшина. Из 12 бронзовых наконечников стрел все находят аналоги в скифских комплексах V в. до н. э.⁹ Одна из стеклянных бусин крупная, из желтовато-золотистого стекла, уплощенная, ромбовидная, аналогична найденной в гробнице середины IV в. до н. э. в Аполлонии¹⁰. Вторая бусина маленькая, стеклянная, бочковидной формы, желтовато-зеленоватого стекла. Подобные бусы встречаются в погребениях V и IV вв. до н. э.¹¹ К V в. до н. э., судя по качеству лака, относился и чернолаковый скифос.

Ящик 3 расположен северо-западнее других, в естественном округлом углублении, между выходами скал. С востока, где не было скалистых выступов, окружность кромлеха искусственно дополнена приваленными крупными камнями. Внутренний диаметр каменного круга 2,4 м. Ящик был сложен из дикарных камней. Верхние камни, перекрывавшие его,

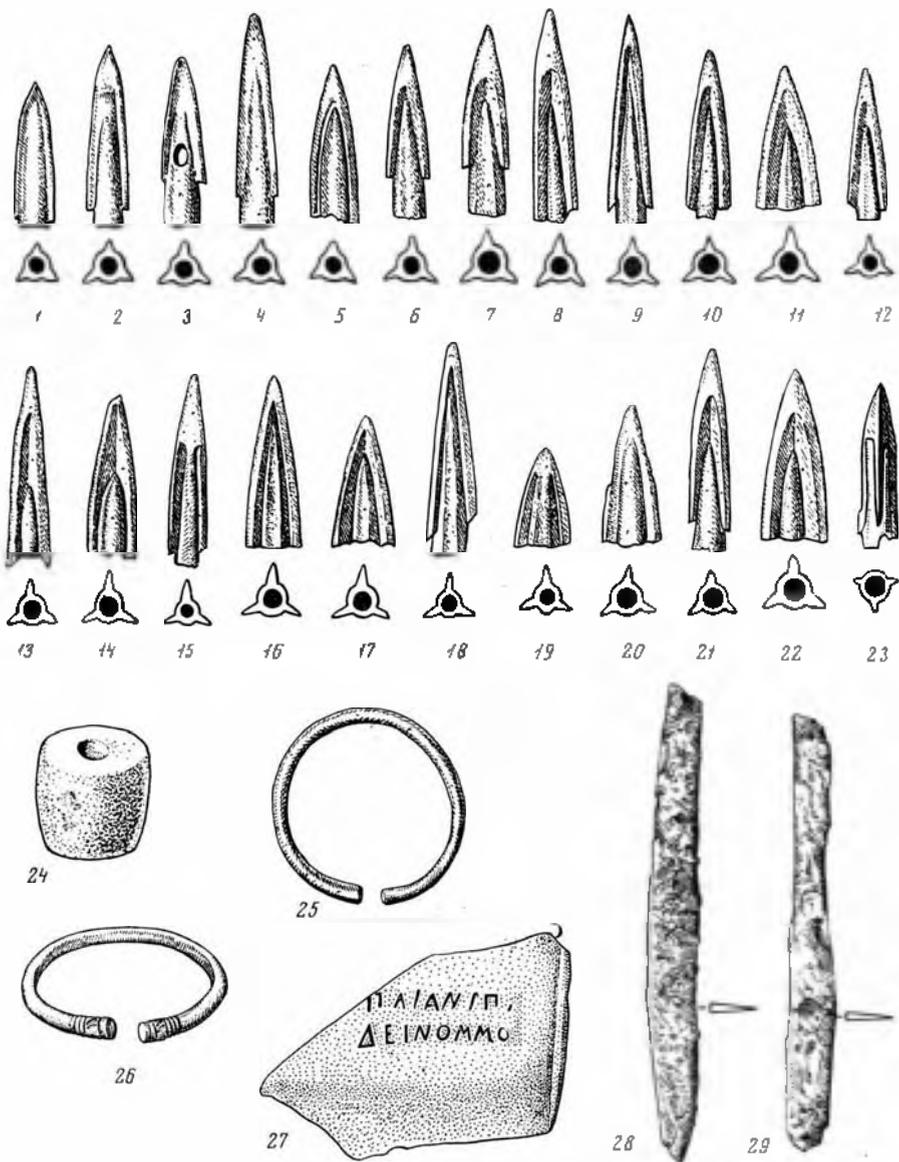

Рис. 2. Инвентарь каменных ящиков

1—23 — бронзовые наконечники стрел (1—8 — ящики № 1; 9—20 — ящики 2, 21—23 — ящики 3); 24 — каменное прищипце; 25, 26 — бронзовые браслеты; 27 — гераклеяская амфора; 28, 29 — железные ножи; (24—29 — ящики 3)

сброшены; боковые стенки слегка расползлись. Ящик двойной, квадратный в плане; он имел в середине каменную перегородку, разделяющую его на две части, ориентированные на северо-восток — юго-запад. Полом служила плоская поверхность скалы, находившаяся на глубине 0,5—0,6 м ниже современной поверхности. Ящик был разорен в древности. Кости скелетов и разбитые черепа разбросаны в беспорядке внутри и вне ящика. Части двух черепов лежали в юго-западном углу, куски других — в юго-восточной половине его. Там же лежали два бронзовых браслета, железный нож, обломки амфор, в том числе обломок гераклеяской амфоры с клеймом, каменное пряслице цилиндрической формы и два куска красной краски. На полу в северо-западной половине ящика найдены два железных ножа и три бронзовых наконечника стрел. Бронзовые браслеты такого типа (литые, со слегка расширяющимися, иногда орнаментированными концами), бытуют длительное время в Северном Причерноморье. Близкие им аналогии были обнаружены в могиле середины V в. до н. э. в Германассе¹². Железные ножи с прямой спинкой и изогнутым лезвием и с прямым лезвием и горбатой спинкой обычны для IV в. до н. э., хотя встречаются и в более раннее время¹³. Типы бронзовых наконечников стрел характерны для V в. до н. э.¹⁴, но сильная стертость их перьев заставляет предположить их длительное использование. К IV в. до н. э. следует отнести гераклеяское энглифическое клеймо, содержащее два имени без предлога (рис. 2, 27).

Итак, все три каменных ящика, раскопанных в 1958 г., относятся к V или к началу IV в. до н. э. А. М. Лесков также датировал V в. до н. э. открытые им ящики. Можно считать, что они содержали коллективные погребения или представляли собой что-то вроде семейных склепов, куда погребали членов одной семьи или других близких родственников. Обращает на себя внимание тот факт, что среди инвентаря ящиков часто отсутствуют лепные сосуды или другие предметы, которые могли бы помочь определить этническую принадлежность погребенных. По-видимому, население Керченского полуострова в V в. до н. э. уже было экономически тесно связано с античными городами. Привозные вещи играли большую роль в быту этого населения, прочно сохранявшего, впрочем, свой традиционный погребальный обряд. Погребальные сооружения почти не отличаются от тех, которые существовали у тавров горного Крыма. Отметим характерный обычай — почти обязательное наличие наконечников стрел в каменных ящиках. Интересно также, что каменные ящики с кромlexами на Керченском полуострове известны только для V и V—IV вв. до н. э. По-видимому, они существовали до полного подчинения всего Керченского полуострова боспорским Спартокидам, что произошло, вероятно, в IV в. до н. э. Вполне возможно, что это завоевание сопровождалось преднамеренным разорением могил населения этих земель.

¹ D. de Montpereux. Voyage autour de Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Arménie et en Crimée. Paris, 1839, т. II, р. 11—12.

² Н. И. Репников. О так называемых

дольменах Крыма. ИТУАК, вып. 14. Симферополь, 1910, стр. 12—13.

³ Н. И. Репников. Каменные ящики Байдарской долины. ИАК, вып. 30. СПб., 1909, стр. 127 и сл.; он же. Предполагаемые древности тавров.

- ИТОИАЭ, т. 1. Симферополь, 1927, стр. 130 и сл.
- Историю исследования каменных ящиков Крыма и изложение различных мнений об их принадлежности ст. в кн.: А. М. Лесков. Горный Крым в первом тысячелетии до н. э. Киев, 1965, стр. 7 и сл.
- ⁴ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 248, 252, 269, 294.
- ⁵ В. В. Бобин. Черты сходства культуры древнего населения Крыма и Северного Кавказа времени перехода от бронзы к железу. Сб. «История и археология древнего Крыма». Симферополь, 1957, стр. 60.
- ⁶ А. А. Дирин. Мыс «Эюк» и сделанные на нем археологические находки. ЗООИД, т. XIX. Одесса, 1896, стр. 128 и сл.
- ⁷ А. М. Лесков. Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове СА, 1961, № 1, стр. 259 и сл.
- ⁸ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д1—4. М., 1964, табл. 8 1, 8; М 2 и 3, Н 5—7; О 1 (третья хронологическая группа).
- ⁹ Там же, табл. 7 Е 1—4; И 2; Н 2—4.
- ¹⁰ Я. Младенова. Предметы от стекла и алабастра от некрополя на Аполония. «Аполония». София, 1963, стр. 311, № 1011 1, табл. 166—167.
- ¹¹ Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь. М., 1957, стр. 23, рис. 14, 5; К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Сарматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ, Д1—9. М., 1963, табл. 27, 11.
- ¹² В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, № 69, 1959, стр. 159, рис. 2.
- ¹³ К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Сарматы Поволжья..., табл. 18, 27, 29, 32.
- ¹⁴ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, табл. 7, Д 4; Е 1 и 10.

К. Ф. Смирнов

Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии

Курильницы и туалетные сосудики, вылепленные из глины или выточенные из мягких пород камня, часто входят в состав погребального инвентаря сарматов. В большинстве случаев эти мелкие глиняные сосудики изготовлялись на месте — в каждой общине или семье. Их форма и орнамент изменялись со временем. Поэтому изучение этого материала, распределение по типам и картографирование могут способствовать в какой-то степени определению хронологии сарматских памятников.

Находки курильниц определенных типов в могилах по краям сарматской ойкумены, безусловно, свидетельствуют о сарматской принадлежности погребений, если даже другие вещи и черты погребального обряда не вполне выразительны и не могут служить надежным эталоном для этнической принадлежности погребенных. Эти вещи имеют большое значение и для определения ареала сарматской культуры, расселения сарматских племен, выявления степени близости и очевидного родства отдельных групп древнего населения.

В степях азиатской Сарматии, т. е. к востоку от Дона — древнего Танаиса, нами учтено более 370 сосудиков, которые распределяются на

12 основных типов. Каждый из них имеет свои подтипы или разновидности (рис. 1; 2; 3). Конечно, здесь есть ряд переходных форм, и отнесение их к тому или иному типу зачастую носит условный характер. Здесь дается более дробная классификация, чем это сделано у М. Г. Мошковой по курильницам прохоровской культуры¹, которых несколько лет тому назад было известно значительно меньше. К тому же здесь учтены сосудики всех этапов развития сарматской культуры, а собственно курильницы и туалетные сосудики рассматриваются в единой классификации. Функциональное назначение этих сосудиков в пределах одного типа определяется чисто условно, по их общему сходству между собой. Большинство из них связано с определенным ритуалом. Это преимущественно глиняные сосудики, часто вылепленные наскоро от руки и специально для погребального обряда. Многие сосудики имеют на стенках следы закопченности или нагара. Иногда на дне такого сосудика встречается сажа, угольки, обгоревшие зерна злаков, зола от сгоревших трав, кусочки смолы или черный слой смолистого вещества в виде каких-то темных жирных пятен. Явно в них, помимо ароматических (смолистых) веществ, сжигали травы, злаки и пр. Иногда источник огня помещался в другом, более крупном сосуде того же типа. Многие из последних имеют цилиндрическую (тип I), блоковидную (тип II), бочковидную (тип III) форму, а также форму глубокой чашки с расширяющимися кверху прямыми и выпуклыми стенками (тип IV). Такие сосудики иногда называют «стопками». Назначение «стопок» определяется тем, что внутри их иногда находят угольки и над ними — сосудики меньшего размера, обычно с одним отверстием сбоку (часто подобные сосудики встречаются рядом со «стопками»). Вероятно, когда мы имеем подобное сочетание, то огонь разводился на дне «стопки» — жаровни, а в маленьком сосудике помещались ароматические вещества, которые от жары тлели и издавали приятный запах. Это подтверждает и факт закопченности малого сосудика снаружи. Назначение бокового отверстия у маленьких сосудиков не вполне ясно. То ли в него вставлялось какое-то приспособление, чтобы извлекать курильницу из стопки и носить ее в горячем виде, распространяя аромат, то ли через это отверстие попадал внутрь его воздух или распространялось благовоние, а сам сосудик сверху закрывался. Так, например, сосудик с боковым отверстием (тип IX) был покрыт сверху круглой крышечкой, сделанной из стенки сосуда. Эта курильница найдена в сарматском подбойном погребении 1 кургана 9 Мечетсайского могильника².

Иногда круглые отверстия устраивались на дне (рис. 1, IV A) или боковых стенках (рис. 2, IV, B) крупных курильниц для доступа воздуха или удобства воскурения.

Большинство мискообразных круглодонных сосудиков довольно крупных размеров (тип VII) и чашевидных сосудиков на довольно высоких поддонах (тип VIII) преимущественно служили курильницами. Первые из них иногда также были снабжены боковым отверстием, как и другие (типы I—IV). Сосудики двух последних типов по широкому горизонтальному краю украшались прорезным волнистым или зигзагообразным орнаментом, который мы встречаем на курильницах других типов. Некоторые из них имеют внутри специальное отделение для ароматических веществ,

подобные тем, которые имеются среди курильниц типов VII (рис. 2, VII¹, 2, 2¹) и VIII на рюмкообразных поддонах (рис. 2, VIII, 2¹, 2²). В этих двухкамерных разновидности типов VII и VIII мы видим сочетание в одном сосуде жаровни-«стопки» и малой курильницы. Подобные двухкамерные курильницы были найдены в Заволжье, в курганах у сел. Потемкино и Калиновки³. Они напоминают известные курильницы на ножках с богатым орнаментом, которые встречались в могилах Нижнего Поволжья. Эта отдаленная реминисценция катакомбной культуры, очевидно, была передана сарматским племенам Южного Заволжья далекими потомками катакомбников, вошедших в состав сарматов Заволжья последних веков до н. э. и рубежа н. э.

Часто при курильницах или внутри них, или рядом встречались куски и порошок мела, белая глина и реальгар. В таких случаях можно предполагать, что некоторые из мелких глиняных и каменных сосудов использовались в качестве туалетных, в них хранились белила, румяна или вообще краска. Известно, что белое и красное вещество у сарматов использовалось не только как косметическое, но и как ритуальное средство — в качестве заменителя огня, которому они поклонялись и почитали как священную силу⁴. У кочевников Поволжья и Приуралья в савроматский период (VII—IV вв. до н. э.) мы наблюдаем такую же картину, но только тогда упомянутые курильницы не были распространены. В то время в ритуале, связанном с культом огня, занимали значительное место каменные переносные алтарики⁵. При них также встречались куски мела, реальгар, угольки.

В более позднее время у сарматов широко в быт и ритуал, особенно погребальный, вошли сосудики, специально предназначенные для воскурения ароматических веществ божествам и предкам. Для погребального реквизита специально изготовлялись такие сосуды. Поэтому многие из них совсем не несут следов употребления. У сарматов каменные алтарики и редкие глиняные курильницы обычно встречались в женских могилах, но уже с IV в. до н. э., т. е. с тех пор, как сложилась прохоровская культура, курильницы различных форм стали широко применяться в погребальном обряде всех сарматских племен. Они часто встречаются и в женских, и в мужских могилах, но, очевидно, по старой традиции, чаще всего — в женских. Сопровождали они и детские захоронения. Какой-либо закономерности их помещения в могилы не удалось установить ни по половому признаку, ни по возрастному. Эти курильницы ставили в разные места могилы, иногда в коробочках, туесках вместе с мелкими предметами туалета. Некоторые, особенно без специального отверстия, служили в качестве туалетных сосудиков или игрушек, например, бочковидный сосудик (рис. 1, IIIa¹) из погребения 3 кургана 6 Мечетсайского могильника. В нем находилась зеленая краска для татуировки.

В качестве туалетных использовалось большинство закрытых сосудиков с суженным горлышком, отнесенных нами к типам IX и X. Так же употреблялись круглодонные и плоскодонные сосудики из алебаstra, мрамора и стеатита, характерные для суловской культуры. Внутри них встречались мел в порошке, различные краски (желтая, красная). Обычно подобные сосудики находят в женских и детских могилах

Курильницы впервые появились у кочевников Приуралья савроматского периода не позже V в. до н. э. Такой узкогорлый сосудик с боковым отверстием (тип IX) был найден в коллективной широкой, почти квадратной могиле кургана 9 Ново-Кумакского могильника⁶. На его стенках были следы копоти, а внутри — слой коричневого нагара. В могиле же при втором детском костяке находилось каменное овальное блюдо-жертвенник на ножках. Плоскодонный сосудик того же типа с боковым отверстием был обнаружен в савроматском кургане у с. Аландского; там же найден обломок каменного жертвенника⁷. Позже у сарматов глиняные курильницы стали применять в погребальном обряде уже без каменных жертвенников. Последние в виде плоских каменных блюд с бортиком использовались еще в течение IV в. до н. э. Однако у носителей прохоровской культуры Южного Приуралья все чаще и чаще стали встречаться небольшие и низкие каменные блюда и плитки с углублением для мела, красной краски или сжигания каких-то веществ (рис. 1 и 2; тип XI). Они имели квадратную, ромбическую и подтреугольную формы. Их функциональное назначение было тем же, что и каменных жертвенников савроматской эпохи и, вероятно, в какой-то степени с последними они были связаны генетически. На них растирали мел, желтую охру и красную краску, символизирующих огонь, а также, вероятно, зажигали ароматические вещества.

В одном из прохоровских погребений Старокишкинского могильника (курган 13, погребение 14) был найден ритуальный сосуд из мягкого камня в виде ладьи ромбовидной формы (рис. 1, XI, в) на кольцевидном поддоне. На его дне были следы сажи и угольки. Поблизости находилась малая глиняная курильница (рис. 1, V³, а), внутри которой обнаружены темные пятна. По бортам каменного сосуда — орнамент в виде тройных зигзагов, образующих ряд треугольников. Он напоминает орнамент, украшавший бортики ряда ритуальных савроматских и раннесарматских блюд⁸, а вместе с тем — орнамент сарматских глиняных курильниц Приуралья и Заволжья прохоровской и сусловской культур (рис. 1; 2). Генетически взаимосвязанность здесь бесспорна, и ритуальное назначение то же. В этом случае, как и в упомянутых савроматских погребениях Нового Кумака и Аландского, глиняные курильницы найдены в одних и тех же могилах вместе с каменными жертвенниками. В дальнейшем, когда каменные жертвенники вышли из употребления, вероятно, близкую ритуальную функцию исполняли «стопки»-жаровни и малые курильницы. Очевидно, комбинация малой и большой курильниц, которую мы встречаем в ряде могил прохоровской и особенно сусловской культур Поволжья и Приуралья, продолжала еще традицию савроматского времени.

Широкое распространение различных курильниц и туалетных сосудиков из глины и мягкого камня в сарматских могилах мы наблюдаем лишь с прохоровского времени, т. е. с конца IV в. до н. э. (см. табл. 1; 2; 3)⁹. В это время появляются почти все виды курильниц и лишь при переходе сусловской культуры в позднесарматскую, т. е. во II — начале III в. н. э., особенно в Поволжье, изученном лучше Приуралья, они заменяются прямоугольными курильницами типа XII. У поздних сарматов III—IV вв. н. э. почти безраздельно господствует этот тип курильниц.

Таблица 1

Распространение различных типов курильниц и туалетных сосудов из глины и мягкого камня в сарматских могилах в Южном Приуралье

Культуры	Тип I		Тип II		Тип III		Тип IV		Тип V		Тип VI	
	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.
Прохоровская (IV—II вв. до н. э.)	4				4		4		11	1	3	
Сусловская (I в. до II в. н. э.)							2				1	
Позднесарматская (II—IV вв. н. э.)			1									
Итого . . .	4		1		4		6		11	1	4	

Культуры	Тип VII		Тип VIII		Тип IX		Тип X		Тип XI		Тип XII	
	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.
Прохоровская (IV—II вв. до н. э.)	10		11		3	1	2	1		6		
Сусловская (I в. до II в. н. э.)	1		1									
Позднесарматская (II—IV вв. н. э.)	12		1		2		1				2	
Итого . . .	23		13		5	1	3	1		6	2	

В прохоровское время преобладали сосудики в виде низких чашечек и главным образом круглодонные чашечки с широким горизонтальным краем, часто орнаментированным (тип V), а также курильницы на высоком рюмкообразном поддоне (тип VIII).

Курильницы бочковидной формы (тип III) встречались в прохоровских и отчасти в сусловских погребениях. В последних наиболее характерными были курильницы цилиндрических форм (типы I и II) в виде «стопок»-жаровен и малых сосудиков, которые появились еще в прохоровское время и в Поволжье, и в Приуралье. Почти все типы выделенных ритуальных и туалетных сосудиков (особенно типы V и XI) происходят из сарматских могил Южного Приуралья. Закрытые туалетные сосудики (типы IX и X), среди которых выделяются сосудики со стилизованными зооморфными ручками, обнаружены преимущественно в сарматских могилах сусловской культуры Заволжья.

Тип I — 62 (из них 2 каменных)
 Тип II — 13
 Тип III — 19
 Тип IV — 37 (из них 1 каменный)
 Тип V — 42 (из них 13 каменных)

Тип VI — 8
 Тип VII — 46 (из них 9 каменных)
 Тип VIII — 33 (из них 3 каменных)
 Тип IX — 39 (из них 22 каменных)
 Тип X — 33 (из них 15 каменных)
 Тип XI — 12 (из них 11 каменных)
 Тип XII — 28

Таблица 2

Распространение различных типов курильниц и туалетных сосудиков из глины и мягкого камня в сарматских могилах в Заволжье

Культуры	Тип I		Тип II		Тип III		Тип IV		Тип V		Тип VI	
	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.
Прохоровская (IV—II вв. до н. э.)	6				8		5		14	5		
Сусловская (I в. до н. э.—II в. н. э.)	28	2	8		5		16		1	6	3	
Позднесарматская (II—IV вв. н. э.)							3					
Итого . . .	34	2	8		13		24		15	11	3	

Культуры	Тип VII		Тип VIII		Тип IX		Тип X		Тип XI		Тип XII	
	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.
Прохоровская (IV—II вв. до н. э.)	10		11		1		10	4		3		
Сусловская (I в. до н. э.—II в. н. э.)	1	7	3		6	21	4	9			3	
Позднесарматская (II—IV вв. н. э.)					5				2		11	
Итого . . .	11	7	14		12	21	14	13		5	14	

Таблица 3

Распространение различных типов курильниц и туалетных сосудинок из глины и мягкого камня в сарматских могилах в междуречье Дона и Волги

Культуры	Тип I		Тип II		Тип III		Тип IV		Тип V		Тип VI	
	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.
Прохоровская (IV—II вв. до н. э.)	4				2		1		3			
Сусловская (I в. до н. э.—II в. н. э.)	18		4				5	1		1	1	
Позднесарматская (II—IV вв. н. э.)												
Итого . . .	22		4		2		6	1	3	1	1	

Культуры	Тип VII		Тип VIII		Тип IX		Тип X		Тип XI		Тип XII	
	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.	гл.	кам.
Прохоровская (IV—II вв. до н. э.)	2	1		1								
Сусловская (I в. до н. э.—II в. н. э.)	1	1	2	2			1	1				
Позднесарматская (II—IV вв. н. э.)			1						1		12	
Итого . . .	3	2	3	3			1	1	1		12	

По всем трем большим регионам Восточной Сарматии (табл. 1; 2; 3) нами учтено 372 курильницы и туалетных сосуда, из которых 296 экземпляров — глиняные, а 76 экземпляров — каменные.

Рассмотрим вопрос о происхождении некоторых сарматских курильниц и тесно связанный с ним вопрос о распространении подобных или близких ритуальных сосудинок в среде древних племен Сибири, Казахстана и Средней Азии. Курильницы известны не только у сарматов. Они использовались и у некоторых других племен Зауралья, Западной Сибири, в ряде областей Средней Азии. Среди зауральских встречаются каменные и глиняные сосудики цилиндрической формы с боковым отверстием, относимые нами к типу I и очень похожие на сарматские¹⁰, судя по находке каменного сосуда из Шадринских курганов, которые

В. Ф. Генинг склонен датировать VI—IV вв. до н. э. Из Западной Сибири нам известны находки курильниц в бассейне Иртыша. Они найдены В. А. Могильниковым в кургане и синхронном поселении у сел. Коконьки Омской области¹¹; автор раскопок относит их к V—III вв. до н. э. Пока нет большой уверенности в столь ранней начальной дате исетских и коконовских находок. Однако курильницы цилиндрической формы (тип I) появились здесь не позже, чем в сарматском Приуралья, и свидетельствуют о прямой культурной взаимосвязанности древних племен Исетского бассейна и даже Прииртышья с сарматским миром.

Как уже говорилось, плоские каменные ритуальные сосудики и плитки (тип XI) по всей форме и назначению тесно связаны с приуральскими каменными блюдами-жертвенниками савроматского периода. Аналоги им в Северном и Центральном Казахстане, в особенности в тасмолинской культуре, имели подобное близкое назначение, связанное с отправлением однородных культов¹². В тасмолинской культуре Центрального Казахстана курильницы неизвестны. Они обнаружены в курганах Курманбета, близ самой Тасмолы (к западу от Иртыша), в Северо-Восточном Казахстане. Эти курильницы относятся ко времени позже III в. до н. э., поэтому не введены в перечень памятников тасмолинской культуры М. К. Кадырбаева¹³. В более поздних курганах Курманбета найдены глиняные сосудики бочковидной (тип II) формы и близкие им курильницы чашевидной (тип IV) формы¹⁴. Они очень похожи на сарматские и по времени им соответствуют.

В юго-восточных глубинах Средней Азии, в Семиречье (Юго-Восточный Казахстан и Киргизия), Фергане (часть Киргизии, Узбекистан и Таджикистан) и на Памире (Таджикистан), значительно отдаленных от основной территории расселения сарматских племен, ранние курильницы, близкие сарматским, нам неизвестны. Их нет и в хорошо исследованном А. М. Мандельштамом большом курганном Тулхарском могильнике Южного Таджикистана¹⁵, датированном исследователем II в. до н. э.—началом I в. н. э., т. е. временем, когда в сарматском мире курильницы разных типов были особенно широко распространены. Единственная область Средней Азии, территориально ближе всего находящаяся от Приуралья, где стали известны ранние курильницы, близкие сарматским типам,— это бассейн Сырдарьи. Группа каменных курильниц, пока еще не опубликованных¹⁶, относится к так называемой чирикрабатской культуре, синхронной прохоровской. Курильницы имеют вид низких блюдец, некоторые с отверстием на вертикальном бортике или имеют вертикальное отверстие на плоском, расширяющемся с одного бока крае. Полных аналогий с сарматскими каменными сосудиками здесь нет. Однако они очень сходны с некоторыми глиняными и каменными образцами (типа V, VII, XI) прохоровской культуры из Мечетсайского могильника на Илеке (рис. 1, XI а) и курганов Башкирии—Юрматы I (рис. 1, XI б, б'), Старые Книшки (рис. 1, VII¹ в; XI в). Подобные каменные формы были известны в это время и в южных районах Заволжья—Калиновке и Кара-Обе (рис. 2, XI, б', г.). Это сходство отражает тесные связи некоторых сарматских племен Илека, Башкирии и Южного Заволжья между собой и с родственными племенами нижней части Сырдарьи. Отдельные

экземпляры каменных сосудиков, вероятно, имеют приаральское происхождение. Возможно, на выработку определенных форм ранних сарматских курильниц оказали воздействие некоторые виды бытовой посуды древнего Хорезма и Бактрии. Это касается прежде всего курильниц на ножках (тип VIII), часто находимых в могилах прохоровской культуры, а иногда и в более поздних. Они напоминают бокалы или кубки на высокой ножке из Хорезма¹⁷ и Северной Бактрии¹⁸. В Тулхарском могильнике бокалы разных типов занимают первое место среди керамики, найденной в могилах¹⁹. По общим контурам многие из этих бокалов и ваз («миски на ножке») аналогичны сарматским, которые все сделаны очень грубо и от руки.

Курильницы известны и в наиболее «сарматоидных» могилах Средней Азии последних веков до н. э.—первых веков н. э. Они обнаружены О. В. Обельченко и в Кую-Мазарском, и в Лявандакском могильниках Бухарского оазиса (Бухарская область) II—I вв. до н. э.—начала н. э. (по датировке О. В. Обельченко)²⁰. Эти курильницы в виде низких подпрямоугольных сосудиков своеобразны и отличаются от сарматских²¹. Другие же, на высокой ножке²², близки сарматским (тип VIII). Одна такая курильница происходит из могилы III—II вв. до н. э. Шахри-Вайрана Бухарской области²³. Этот тип курильниц, вероятно, существовал в некоторых районах Средней Азии и позже, судя по находкам подобных курильниц в саганских курганах Самаркандской области III—IV вв. н. э.²⁴ и в Кенколе в Таласской долине Киргизии²⁵. Среди них имеется такая же, как и та, что была найдена В. П. Шиловым²⁶ в диагональной позднесарматской могиле 10 Жутовского могильника Волгоградской области, в междуречье Дона и Волги.

Яркие «сарматоидные» признаки в погребальном обряде (особенно в формах катакомб) и отчасти в инвентаре обнаружены в курганных могилах ранних кочевников Южной Туркмении, которые еще мало известны и плохо изучены. В опубликованных погребениях, одновременных сарматским памятникам сусловской культуры, обнаружены курильницы и каменные сосуды, среди которых имеются очень близкие сарматским.

Так, например, в одном из пархайских курганов, раскопанных А. М. Мандельштамом в 1961 г., найдены круглая и квадратная курильницы²⁷, аналогичные сарматским. Квадратная курильница с боковым отверстием и слегка приподнятыми краями из кургана 1 урочища Кизил-Чешме, исследованного А. А. Марущенко²⁸, очень похожа на позднесарматские экземпляры, особенно из Сусловского могильника (рис. 2, XII а⁶). Только из южнотуркменских кочевнических курганов происходят все известные нам каменные (алебастровые) сосудики с зооморфными ручками по бокам²⁹. Эти сосудики—явно сарматского происхождения, так как большинство их найдены на территории сарматского Поволжья (типы IX и X) и в других районах, куда проникали сарматы.

В материалах Средней Азии мы находим заметные соответствия с сарматскими прямоугольными курильницами (тип XII). Формы квадратных сосудиков появились в некоторых районах Средней Азии раньше сарматских. Здесь следует упомянуть такую квадратную курильницу с дырочками по бокам и с вертикальными валиками по углам, которая была

Таблица	Прохоровская культура (IV-II в.в. до н.э.)	Сусловская культура (I в. до н.э. - II в. н.э.)	Позднесарматская культура (II-IV в.в.)
I			
I'			
II			
III			
IV			
IV'			
V			
V'			
V2			
V3			
VI			
VII			
VII'			
VIII			
VIII'			
IX			
IX			
X			
XI			
		В погребениях переходного типа (II-нач. III в.в.)	
XII			

x - каменные сосудики

Рис. 1 Курильницы и туалетные сосуды сарматов Заболжья.

A, B и т. д. — разновидности крупных курильниц-«стопок»; a, б и т. д. — разновидности мелких «стопок»; x — каменные сосудики

Типы	Прозоровская культура (IV-II в.в. до н.э.)	Сусловская культура (I в. до н.э.-II в. н.э.)	Позднесарматская культура (I-II в.в. до н.э.)
I			
I'			
III			
IV			
V			
V'			
V ²			
V ³			
VII			
VII			
V'			
VIII			
VIII'			
IX			
X			
XI			
XII			

x-каменные сосудики

Рис. 2. Курильницы и туалетные сосудики сарматов Южного Приуралья. Условные обозначения те же, что на рис. 1

Междуречье Дона и Волги

Типы	Прозоровская культура (IV-II в.в. до н.э.)	Сусловская культура (I в. до н.э.-II в. н.э.)	Позднесарматская культура (II-IV в.в. до н.э.)
I			
I'			
II			
III			
IV'			
V ²			
V ³			
VII'			
VIII			
VIII'			
X			
XI			
XII		В погребениях переходного типа	

x-каменные сосудики

Рис. 3. Курильницы и туалетные сосудики сарматов междуречья Дона и Волги. Условные обозначения те же, что и на рис. 1

найдена в Келесской степи (граница Южного Казахстана и Узбекистана)³⁰, т. е. на территории древнего Чача³¹. Она происходит из кургана 7, который датируется фибулой типа *Aucissa I* в н. э., чему не противоречат и другие выразительные вещи инвентаря (костяное навершие гребня, бронзовое зеркало, наконечники стрел и пр.)³². С этой же территории происходит курильница с отверстиями и вертикальными валиками по корпусу, близкая по форме сарматским сосудикам типа IX. Она найдена в одном из курганов джунской культуры (I—IV вв., по А. И. Тереножкину)³³. Почти такая же курильница происходит из курмов первых веков н. э. в Кара-Мазарских горах Таджикистана³⁴. Западнее, в Самаркандской области, такая же курильница с ребрами обнаружена О. В. Обельченко в могильнике Акджар-тепе II—III вв.³⁵ Наконец, здесь следует упомянуть о курильнице в виде квадратного кубка с дырочками по бокам из Джоон-тобе Таласской долины Киргизии первых веков н. э.³⁶

Итак, этот обзор курильниц Средней Азии указывает, на то, что они носят черты сходства с сарматскими, но далеко не тождественны им. Этническое родство кочевой среды разных районов Средней Азии и тесные связи ее с сарматскими определили такое сходство.

В целом же, по-видимому, подавляющее большинство сарматских курильниц и других сосудиков — результат незамысловатого творчества самих сарматов Приуралья и Поволжья, возникшего в среде этих племен, хотя и не без некоторого влияния родственных древних народов Средней Азии.

Иная картина прослеживается на западе. Не будем подробно касаться степей Северного Причерноморья, где мы находим аналогичные и близкие сарматским поволжско-уральские формы. Они найдены также на Северном Кавказе. Среди сосудиков албано-сарматского времени в Дагестане выделяются богато орнаментированные круглодонные мисочки, иногда с умбом на дне или на высокой ножке³⁷, которые очень близки курильницам типов VII и VIII, особенно Поволжья. Некоторые из них почти совсем тождественны, как, например, курильница на высокой ножке из Бережновки II (рис. 2, VIII¹, 2) и вазочки из коллективной могилы 38 Карабудахкентского могильника I. Эта общность объясняется тесными связями сарматского Поволжья с Дагестаном во время проникновения в Дагестан аорсов и смешения их здесь с аборигенными удинскими племенами (утидорсы)³⁸. В Дагестане, возможно, эти сосудики использовались иначе (например, как погремушки и гадалые чаши) и изготовлялись они на месте, но, безусловно, под сарматским воздействием. Некоторые из поволжских экземпляров, возможно, — даже дагестанского или общесеверокавказского происхождения. Они также тщательно изготовлены от руки и залощены. Такие сосуды обнаружены не только в Дагестане, но и западнее, например, в Чечено-Ингушетии³⁹, где выявлен обломок мисочки, абсолютно тождественный курильнице из с. Потемкина (Заволжье, низовья Еруслана) и по форме, и по орнаменту (рис. 2, VII¹, 2¹)⁴⁰. Такого же типа глиняная курильница-погремушка найдена в одном из погребений I—II вв. у с. Подгорное⁴¹. В катакомбах Алхан-калы III—IV вв. имеется ваза на поддоне, близкая сарматским курильницам типа VIII⁴².

Такая же вазочка найдена в могильнике сарматской эпохи у с. Балан-Су⁴³. В древнем захоронении в г. Грозном обнаружена прямоугольная курильница с вертикальными ребрами, хорошо⁴⁴ представленная в позднесарматских могилах Поволжья (рис. 2, XII б¹)⁴⁴. Слабая изученность центральных районов Северного Кавказа не позволяет судить о распространении здесь сарматских курильниц. Их нет, насколько нам известно, в меотских могильниках Прикубанья. Зато в сарматских курганах Прикубанья и в тех меото-сарматских, в которых, на наш взгляд, присутствует сильный сарматский этнический элемент, встречены чисто сарматские курильницы цилиндрической и квадратной формы (типа I, XII), каменные сосудики поволжского типа с зооморфными ручками и без них, например, в Зубовском⁴⁵ и Воздвиженском⁴⁶ курганах. Известны они и в «Золотом кладбище» Н. И. Веселовского, «рядовой» материал из которого до сих пор, к сожалению, не опубликован и многие десятилетия лежит в фондах ГИМ и Эрмитажа. В меотских могильниках Прикубанья третьей хронологической группы Н. В. Анфимова (III — начало I в. до н. э.) и позже часто встречаются сероглиняные мисочки и вазочки на поддонах⁴⁷. Некоторые из них, особенно вазочки, довольно близки сарматским, но явно местного происхождения, так как обнаружены в меотских могилах IV в. до н. э.⁴⁸, когда еще никакого заметного воздействия сарматов на меотов не было. Кубанские мисочки, чашечки, вероятно, использовались и как туалетные, и как ритуальные сосудики, так как в некоторых из них найдены румяна и реальгар⁴⁹. Таковыми могли быть и мисочки, которые имели крышечки с отверстием наверху. Они, вероятно, служили курильницами, хотя следов огня на них не отмечено. Культовое назначение некоторых из них допускает и Н. В. Анфимов⁵⁰.

В целом общий облик мелкой сероглиняной посуды меотов Прикубанья иной, чем сарматов, и разница между ними бросается в глаза. В археологических памятниках устья Дона керамика имеет много общего с керамикой меотского Прикубанья. Кроме того, здесь наблюдается, главным образом в лепной керамике Танаиса, и большое сходство с сарматской керамикой, среди которой встречаются курильницы сарматских типов. Здесь представлены цилиндрические и бочковидные курильницы, особенно характерные для сарматов, в виде чашечек со стенками, расширяющимися кверху (тип IV¹)⁵¹, и курильницы-«стопки» с горизонтальными ребрами по тулову⁵². Последние несут также и сарматский орнамент: прочерченный зигзаг с точками по широкому горизонтальному краю бортика, вертикальные и косые насечки по ребрам. Горизонтальные ребра по углам характерны для целого ряда позднесарматских курильниц (тип XII) прямоугольной формы. В Танаисе также встречались и типичные позднесарматские прямоугольные курильницы типа XII, украшенные по бокам крестом, и сосуды с прямоугольным вместилищем на пирамидальной ножке⁵³. Они напоминают курильницу, обнаруженную Астраханской экспедицией в позднесарматской могиле Жутовского могильника⁵⁴. Танаисские экземпляры Д. Б. Шелов рассматривает тоже как курильницы⁵⁵, а И. Т. Кругликова, исходя из материалов поселения в Семеновке (Керченский полуостров), относит подобный сосуд к светиль-

никам⁵⁶. Среди танаисских курильниц имеется курильница III в., которая имеет вертикальные подчеркнутые ребра по углам и такие же горизонтальные ребра по краям устья и по дну⁵⁷. Возможно, что сарматского же происхождения танаисские блоковидные сосуды⁵⁸, имеющие, может быть ритуальное назначение. Т. М. Арсеньева справедливо связывает курильницы Танаиса с сарматскими⁵⁹ как результат проникновения этнических сарматских элементов в состав населения Танаиса⁶⁰.

В самом некрополе Танаиса курильниц пока не обнаружено, хотя воздействие сарматской культуры заметно проявляется в погребальном обряде и инвентаре этого могильника⁶¹. Из вещей следует отметить бочковидный алебастровый сосудик сарматского облика⁶².

Теперь рассмотрим вопрос о распространении разных типов курильниц и прочих мелких сосудиков внутри самой азиатской Сарматии. Как уже говорилось, они прежде всего различаются хронологически: на отдельных этапах развития сарматской культуры преобладают определенные типы сосудиков (см. табл. 1), однако четкой хронологической грани они не дают, как и, впрочем, почти все категории материальной культуры, взятые в отдельности. Некоторые типы курильниц и туалетных сосудиков встречаются в одинаковой степени в могилах разных форм. Следует лишь отметить, что алебастровые сосудики, как преимущественно предметы туалета, встречаются чаще всего в женских диагональных погребениях, которые в основной массе дают наиболее богатый и разнообразный вещевой материал.

Различные типы сосудиков встречаются во всех областях расселения сарматов и не составляют локальных особенностей из-за большого родства некоторых сарматских племен и их тесного общения. В пределах одного типа мы встречаем значительное число разновидностей, отличающихся друг от друга своими пропорциями, деталями формы и орнаментом. Почти каждый крупный сарматский могильник дает свои разновидности. По ним трудно уловить полное сходство, так как сами сарматские могильники исследованы неравномерно. Однако в некоторых случаях это сходство можно установить, с одной стороны, между могильниками бассейна Илека и бассейна Белой в Башкирии (Старые Кишки, Бишаулунгарово), с другой — между теми же могильниками Илека и крупными могильниками Заволжья (бережновскими, быковскими, Калиновским и пр.). Эту цепочку соответствий можно продолжить на запад, особенно на территорию междуречья Нижнего Дона и Нижней Волги, в пределах Астраханской и Ростовской областей. Это преимущественно касается прохоровского и суловского времени и связано с тем историческим событием, отмеченным письменными источниками, когда между Танаисом — Доном и Каспием и далее на восток сарматские племена были объединены обширным и могучим союзом во главе с аорсами. Тесное общение родственными сарматских племен, как входящих в этот союз так и соседствующих с ним, в значительной степени определяло сходство изучаемых атрибутов, связанных с религией и бытом сарматов.

¹ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ, Д1—10. М., 1963.

² К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 340, рис. 46, 1 ж, з.

³ И. В. Синецын. Археологические исслед.

- дования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). МИА, № 60, 1959, стр. 53, рис. 8, 3; В. П. Шилова. Калиновский курганный могильник. Там же, рис. 47, 8, 10, 11.
- ⁴ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 94 и сл.; 161 и сл.
- ⁵ А. М. Tallgren. Portable altars. ESA, XI. Helsinki, 1937; К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 68.
- ⁶ М. Г. Мошкова. Ново-Кумакский курганный могильник. МИА, № 115, 1962, стр. 212, 236, рис. 9, 7.
- ⁷ М. Г. Мошкова. Сарматские курганы в Оренбургской области. КСИА, вып. 83, 1964, стр. 117, рис. 46, 7, 10.
- ⁸ М. Х. Садыкова. Сарматские памятники Башкирии. МИА, № 115, 1962, стр. 269, рис. 2; она же. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Книшки. АЭБ, I. Уфа, 1962, стр. 104, табл. VIII, 12.
- ⁹ К. Ф. Смираов. Савроматы, стр. 367, рис. 75.
- ¹⁰ В. Ф. Генинг. Курганы у гор. Шадринска. ВАУ, вып. 4. Свердловск, 1962, стр. 96—97, рис. 37, 38; стр. 99, 103, рис. 43.
- ¹¹ Раскопки В. А. Могильникова 1967 и 1970 гг.
- ¹² К. А. Акишев, Е. И. Агеев. Археологические работы 1956 г. «Известия АН Казахской ССР», серия истории, археологии и этнографии, вып. 1 (6). Алма-Ата, 1958, стр. 88—89; К. А. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана. «Труды ИИАЭ АН Казахской ССР», т. 7. «Археология». Алма-Ата, 1959, стр. 30, табл. VI; Е. И. Агеева, А. Г. Максимова. Отчет Павлодарской экспедиции. Там же, стр. 52; А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана, ч. 2 (памятники тасмолинской культуры), стр. 303.
- ¹³ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура..., стр. 365.
- ¹⁴ Известны по рисункам М. Г. Мошковой, любезно ознакомившей меня с ними.
- ¹⁵ А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию. МИА, № 136, 1966.
- ¹⁶ С ними меня любезно познакомила Л. Н. Левина.
- ¹⁷ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. ТХЭ. Т. IV. Керамика Хорезма. М., 1959, стр. 112 и сл.
- ¹⁸ «Труды Таджикской археологической экспедиции», МИА, № 37, 1953, табл. XII (вклейка).
- ¹⁹ А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию, стр. 92—96.
- ²⁰ О. В. Обельченко. Кюю-Мазарский могильник. «Труды Института истории и археологии», вып. VIII. Ташкент, 1956, стр. 205 и сл.; он же. Лявндакский могильник. ИМКУ, вып. 2. Ташкент, 1961, стр. 97 и сл.
- ²¹ О. В. Обельченко. Лявндакский могильник, стр. 159; он же. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кюю-Мазарского могильника. «Труды САГУ. Археология Средней Азии», т. IV. Ташкент, 1957, стр. 116.
- ²² О. В. Обельченко. Курганные погребения первых веков н. э., стр. 114, 118.
- ²³ Неопубликованные материалы из раскопок О. В. Обельченко 1961.
- ²⁴ О. В. Обельченко. Сазганские курганы. ИМКУ, вып. 7, 1966, стр. 18, рис. 3, 4.
- ²⁵ И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины. «Археологические памятники Таласской долины», Фрунзе, 1963, стр. 47, рис. 47, 1, 2, 4.
- ²⁶ Материалы не опубликованы.
- ²⁷ А. М. Мандельштам. Некоторые новые данные о памятниках кочевого населения Южного Туркменистана в античную эпоху. «Известия АН Туркменской ССР», серия общественных наук, т. II. Ашхабад, 1973, стр. 27 и сл.
- ²⁸ А. А. Марущенко. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана. «Труды ИИАЭ АН Туркменской ССР», т. V. Ашхабад, 1959, стр. 110; стр. 118, табл. III, 5.
- ²⁹ Там же, стр. 121, табл. VI, 2, 3; А. Н. Мандельштам. Некоторые новые данные..., стр. 32, рис. 4.
- ³⁰ Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении. «Известия АН Казахской ССР, серия археологическая», вып. 1. Алма-Ата, стр. 77, табл. XVI, 128.
- ³¹ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 152 и сл.
- ³² Г. В. Григорьев. Келесская степь, стр. 77, табл. XVI, 121—128.
- ³³ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 154—155, рис. 69, XX, 6 (вклейка).
- ³⁴ Б. А. Литвинский. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Кара-Мазарских горах. «Труды ИИАЭ Таджикской ССР,

- т. LXIII. Сталинабад, 1956, стр. 42, рис. 3.
- ³⁵ О. В. Обельченко. Могильник Акджартепе. ИМКУ, вып. 3. Ташкент, 1962, стр. 68, рис. 7.
- ³⁶ И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины, стр. 47, рис. 13, 7.
- ³⁷ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, № 23, 1951, стр. 269, рис. 22, 5—7; стр. 270, рис. 23, он же. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент. МАД, т. II. Махачкала, 1961, стр. 192, рис. 22, № 390, 315; стр. 195, рис. 24, № 274.
- ³⁸ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки..., стр. 271.
- ³⁹ В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 195, рис. 19; стр. 197, рис. 22.
- ⁴⁰ Там же, стр. 197, рис. 22.
- ⁴¹ В. Б. Виноградов. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 г. «Археолого-этнографический сборник», т. II. Грозный, 1968, стр. 212; стр. 221, рис. 8, 1.
- ⁴² Там же, стр. 203, рис. 29.
- ⁴³ В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Могильник сарматской эпохи у селений Балан-су и Байтаки (Юго-Восточная Чечня). АЭС, т. III. Грозный, 1969, стр. 61, рис. 7, 2.
- ⁴⁴ Там же, стр. 210, рис. 37, 5.
- ⁴⁵ К. Е. Думберг. Раскопки курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области. ИАК, вып. 1, 1901, стр. 102, рис. 26—28.
- ⁴⁶ И. И. Гущина, Т. Б. Попова. Воздвиженский курган—памятник III тысячелетия—I в. до н. э. «Ежегодник ГИМ», 1965—1966». М., 1970, стр. 77, рис. 16, 2, 3.
- ⁴⁷ Н. Б. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Устья-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 171, рис. 5, 9, 10; стр. 176, рис. 8, 10; стр. 178, рис. 9; стр. 196, рис. 17, 5, 6.
- ⁴⁸ К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у станицы Пашковской. МИА, № 64, 1958, стр. 279, рис. 5, 20.
- ⁴⁹ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 177.
- ⁵⁰ Там же, стр. 197.
- ⁵¹ Т. М. Арсеньева. Местная керамика из Танаиса. СА, 1958, № 3, стр. 209, рис. 2, 5; 3, 3; стр. 210; она же. Лепная керамика Танаиса. Древности Нижнего Дона. МИА, № 137, 1965, стр. 196. табл. V, 1, 4—6.
- ⁵² Т. М. Арсеньева. Лепная керамика Танаиса, стр. 196, табл. V, 2, 3.
- ⁵³ Д. Б. Шелов. Раскопки Северо-Восточного участка Танаиса (1955—1957 гг.). Древности Нижнего Дона, стр. 73, рис. 15; Т. М. Арсеньева. Лепная керамика Танаиса, стр. 188, 197, табл. VI, 6.
- ⁵⁴ Материал не опубликован. См.: В. П. Шилов. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции за 1964 г. Архив ИА АН СССР, № 3429, 3429а.
- ⁵⁵ Д. Б. Шелов. Раскопки Северо-Восточного участка Танаиса, стр. 73—74.
- ⁵⁶ И. Т. Кругликова. Исследование сельских поселений античных государств юга СССР. Acta archaeologica Hungarica, 14. Budapest, 1962, fig. 6.
- ⁵⁷ Т. М. Арсеньева. Лепная керамика Танаиса, стр. 188, рис. 4.
- ⁵⁸ Т. М. Арсеньева. Местная керамика из Танаиса, стр. 210, рис. 4, 7, 8.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Т. М. Арсеньева. Лепная керамика Танаиса, как источник для этнической истории Нижнего Дона. Автореф. канд. дисс. М., 1970.
- ⁶¹ Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. МИА, № 98, 1961 отр. 81; XXIII, 7.
- ⁶² Там же, стр. 93, 94.

Н. И. Сокольский

Надгробие синдского воина из Кеп

В 1944 г. при земляных работах на Таманском песчаном карьере, около пос. Сенная, было найдено рельефное надгробие (рис. 1), которое в настоящее время хранится в Краснодарском историко-краеведческом музее. Оказалось, что песчаный карьер захватил территорию грунтового

Рис. 1. Надгробие синдского воина

некрополя г. Кепы. В 1959 г. начались раскопки этого некрополя. На надгробии изображен мужчина-воин явно негреческого типа, что придает особый интерес памятнику, так как г. Кепы — эллинистический и по происхождению, и по основному составу населения.

Надгробие высечено из серо-желтоватого мелкозернистого ракушечника, ближайшее месторождение которого находится на Керченском полуострове. По-видимому, надгробие изготовлено на Боспоре, вернее всего в Кехах. Стела представляет собой прямоугольную плиту. Тыльная сторона ее плоская, грубо обработана. Нижняя часть плиты отбита, причем откол прошел по краю углубленного поля так, что рельефное изображение сохранилось полностью. Высота надгробия в современном состоянии 1,02 м, ширина 0,54 м, толщина 0,20 м. Какова была первоначальная высота, сказать трудно.

Лицевая сторона надгробия оформлена в наиболее распространенном для боспорских надгробий эллинистическо-римского времени виде. Вверху изображен храмовый фронтон с акротериями, который концами

опирается на капители, завершающие боковые бортики и понимаемые как колонны или пилястры.

В центре, на фоне глубокого прямоугольного поля, в высоком рельефе изваяно поколенное изображение воина.

К сожалению, рельеф побит и потерт: отбита кисть левой руки, сильно потерты рельефные линии головного убора, волос и правой руки. Тем не менее изображение читается вполне удовлетворительно.

Мужчина одет в плащ, спускающийся складками по груди с плеч; на правом плече плащ закреплен пуговицевидной застежкой (аграфом). Левая рука, через которую перекинут плащ с массивными складками, полусогнута, правая, с небольшим изгибом, опущена вниз и кистью придерживает в средней части недлинный меч в ножнах, подвешенный к широкому боевому поясу. Под плащом у воина рубаха с длинными рукавами, доходящими до запястий, и низким полукруглым воротом, открывающим шею. Ниже пояса изображен панцирь, состоящий из двух рядов длинных, налегающих друг на друга пластин. Как можно судить по фактуре, ноги воина облегал штаны. На голове воина — шлемовидный головной убор со свешивающимся направо верхом. Из-под шапки почти до плеч спускаются волосы, намеченные крупными прорезями по боковым сторонам. Лицо воина широкое и открытое с близко сходящимися бровями; короткие усы и борода сильно стерты.

Рис. 2. Рельеф из фундамента у Ахтанизовского лимана

Рис. 3. Рельеф из фундамента у Ахтанизовского лимана

Надгробие входит в серию боспорских скульптур с изображением воинов. Эти скульптуры делятся на статуи-полуфигуры¹ и рельефные надгробия. Все они происходят с Таманского полуострова, т. е. из азиатской части Боспора. На Керченском полуострове подобных скульптур не найдено. Ареал находок и негреческий тип изображенных фигур свидетельствуют о том, что на этих надгробных памятниках изображены коренные жители Таманского полуострова античной эпохи — синды, а сами памятники относятся к классу синдской скульптуры.

Группа статуй-полуфигур является наиболее колоритной и наиболее исторически важной, поскольку ярко отражает этнографические черты синдской народности. О физическом облике синдов без этих скульптурных памятников мы не могли бы составить себе представления.

Изучение синдских статуй-полуфигур показало, что они относятся к эллинистической эпохе. В них отражены как общезатнические элементы (широкоскулое лицо, характерный головной убор со свешивающимся верхом, традиционное оружие и защитный доспех), так и индивидуальные черты. Использование статуй-полуфигур, т. е. победренных и поколенных изображений в качестве надгробных памятников, стало столь традиционным, что усопшие синды изображались часто и на рельефах в виде статуи-полуфигуры (не в полный рост). На кепском надгробии — именно

такое изображение. Длительное время это полуфигурное изображение синдского воина в рельефе было единственным. В 1963 г. при раскопках остатков фундамента укрепления у Ахтанизовского лимана², помимо статуй-полуфигур, найдены четыре подобных рельефа.

Что касается датировки кепского надгробия, то уже сравнение его со статуями-полуфигурами воинов позволяет отнести его к эллинистической эпохе. Этот вывод подкрепляется находками рельефов в фундаменте у Ахтанизовского лимана (рис. 2; 3), относящихся ко времени не позднее начала I в. до н. э. Близость кепского и ахтанизовских рельефов³ очень велика. Их различия заключаются в индивидуальных чертах и деталях. Отметим, что кепское надгробие уточняет способ ношения меча, ибо на других скульптурах (рис. 2; 3) воины держат меч правой рукой за рукоять в неподвешенном положении. Кепский воин на рельефе показан с легким поворотом влево, из-за чего его левый бок скрыт от зрителя. В тех же случаях, когда на статуе или рельефе⁴ левый бок приоткрыт, можно видеть, что воин вооружен также и луком в горите.

Для истории г. Кепы находка подобного надгробия в некрополе имеет огромное значение, так как свидетельствует о том, что в эллинистическую эпоху представители местного негреческого населения азиатской части Боспора были жителями города и не утратили своих традиций, обычаев и навыков (головной убор и вооружение)⁵. Многие погребения VI—II вв. до н. э., отличающиеся от обычных греческих, в частности погребения с оружием, можно с большой определенностью относить к разряду погребений синдов, проживающих в Кепях.

¹ Н. И. Сокольский. К вопросу о синдской скульптуре. Сб. «Культура античного мира». М., 1966, стр. 243—247, рис. 1; он же. Новые памятники синдской скульптуры. КСИА, вып. 100, 1965, стр. 90, рис. 35, 37; N. I. Sokolsky. La sculpture sinde. «Le rayonnement des civilisations grecque et romaine sur les cultures périphériques. (Huitième congrès international d'archéologie classique). Paris, 1965, p. 437—439, fig. 107; Н. И. Сокольский. Синдская скульптура. Сб. «Античное общество». М., 1967, стр. 194—195, рис. 1, 4, 8.

² Н. И. Сокольский. Новые памятники синдской скульптуры, стр. 92, рис. 37.

³ Мы приводим не лучшие по сохранности ахтанизовские надгробия, потому, что они еще не публиковались.

⁴ Н. И. Сокольский. Новые памятники синдской скульптуры, стр. 37.

⁵ О большой роли местных племен, в частности синдов, в истории Боспора и формировании его культуры см. в кн.: Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 161 и сл.

Стеклянные сосуды из могильника Харакс

Четкие хронологические рамки могильника Харакс, насыщенность его могил разнообразным инвентарем, высоконаучная методика раскопок и хорошая публикация¹ — все это заставляет исследователей часто обращаться к материалу из Харакского могильника для выяснения общих и частных вопросов истории Северного причерноморья второй половины III — первой половины IV в. н. э.²

В погребальный инвентарь могил Харакса наряду с керамикой, бурами, разнообразными металлическими изделиями входили стеклянные сосуды. В опубликованном отчете имеются лишь упоминания о находке стекла в могилах³; только два сосуда приведены в рисунках⁴. Однако не только эти, но и другие стеклянные сосуды из Харакса представляют большой интерес и заслуживают специального опубликования.

Из 33 могил Харакса в 11 было обнаружено стекло. В трех могилах (15, 29, 33) находились целые сосуды, в остальных — лишь фрагменты. Все целые сосуды представлены стаканами. Их было пять штук (рис. 1, 1—4; 2, 1—3, 6, 10).

Три стакана (могилы 15, 33) относятся к группе стеклянных сосудов с каплями синего стекла (рис. 1, 1—3).

Они двух типов⁵. Два стакана (рис. 1, 2, 3; 2, 1, 2) — первого типа, варианта Б (далее тип I Б); один (рис. 1, 1; 2, 3) — второго типа (далее тип II).

Стаканы I Б⁶ из могил 15 и 33 близки по размерам: один стакан имеет высоту 6,5 см, диаметр устья 6,7 см, дна 2,5 см; второй имеет высоту 6,3 см, диаметр устья 7 см, дна 2,8 см. Края сосудов не обработаны, донья — почти плоские. В средней части тулова расположены по одной схеме капли синего стекла: одна крупная капля чередуется с группой из трех (на одном стакане) и четырех мелких капель (на другом стакане). Над цветными каплями находится полоса из гравированных линий.

Стакан типа II из могилы 33 имеет форму усеченного конуса⁷. Его высота 9,5 см, диаметр устья 7,5 см, дна 3,5 см. Край не обработан, дно слегка вогнутое. В верхней части тулова восемь капель синего стекла. Все три стакана сделаны в технике свободного дутья. Общим для них является цвет стекла (оливково-зеленоватый) и, видимо, его состав: сосуды прозрачны, поверхность их блестящая, совершенно не покрыта иризацией. Все они, как и другие причерноморские сосуды с такими же украшениями, отражают один и тот же прием изготовления: их абсолютно гладкие донья без каких-либо следов инструмента и необработанные края заставляют думать, что капли синего стекла наносились мастерами на сосуд, когда изделие еще находилось на выдувной трубке.

Стакан из могилы 29 (рис. 1, 4; 2, 10) изготовлен из зеленоватотравянистого стекла⁸. Его высота 7 см, диаметр устья 5,4 см. Толщина стенок 1,5 см. Сосуд довольно тяжелый. Его край не обработан, дно скруглено. Под отогнутым краем — рельефные каннелюры, ниже — вдав-

Рис. 1. Стекланные стаканы

1, 3 — могилы 33; 2 — могила 15; 4 — могила 29; 1—7 — Харакс; 5 — Пактикапей, ОГАМ, А 56331

ленные неправильной формы шестиугольники (вверху — они небольшие, внизу — крупнее), образующие как бы соты. Этот орнамент позволяет присоединить данный стакан к группе сосудов с сотчатым орнаментом (в западной литературе они известны под названием «Wabenbecher»). Сосуд выдут в одночастной форме.

В. Хаберей⁹ высказал интересную гипотезу относительно техники изготовления сосудов, подобных харакскому. По его мнению, форма, в которой выдувался стакан, была плоской. Вращая затем на пюнкте изделие, мастер его вытягивал, придавал форму стакана. Отражение этого процесса В. Хаберей видит в рельефных орнаментах, которые на нижней части сосуда имели более вытянутую форму, чем в верхней. Это наблюдение заслуживает внимания. Но надо иметь в виду, что все известные нам стаканы с сотчатым орнаментом из Причерноморья таковы, что они очень легко могли быть вынуты из одночастной глубокой формы, поскольку книзу все они, за некоторым исключением, еле заметно сужаются.

Стакан из могилы 10 (рис. 2, 6)¹⁰ имеет расширяющееся книзу тулово, отогнутый обработанный край и кольцевой поддон, полый внутри.

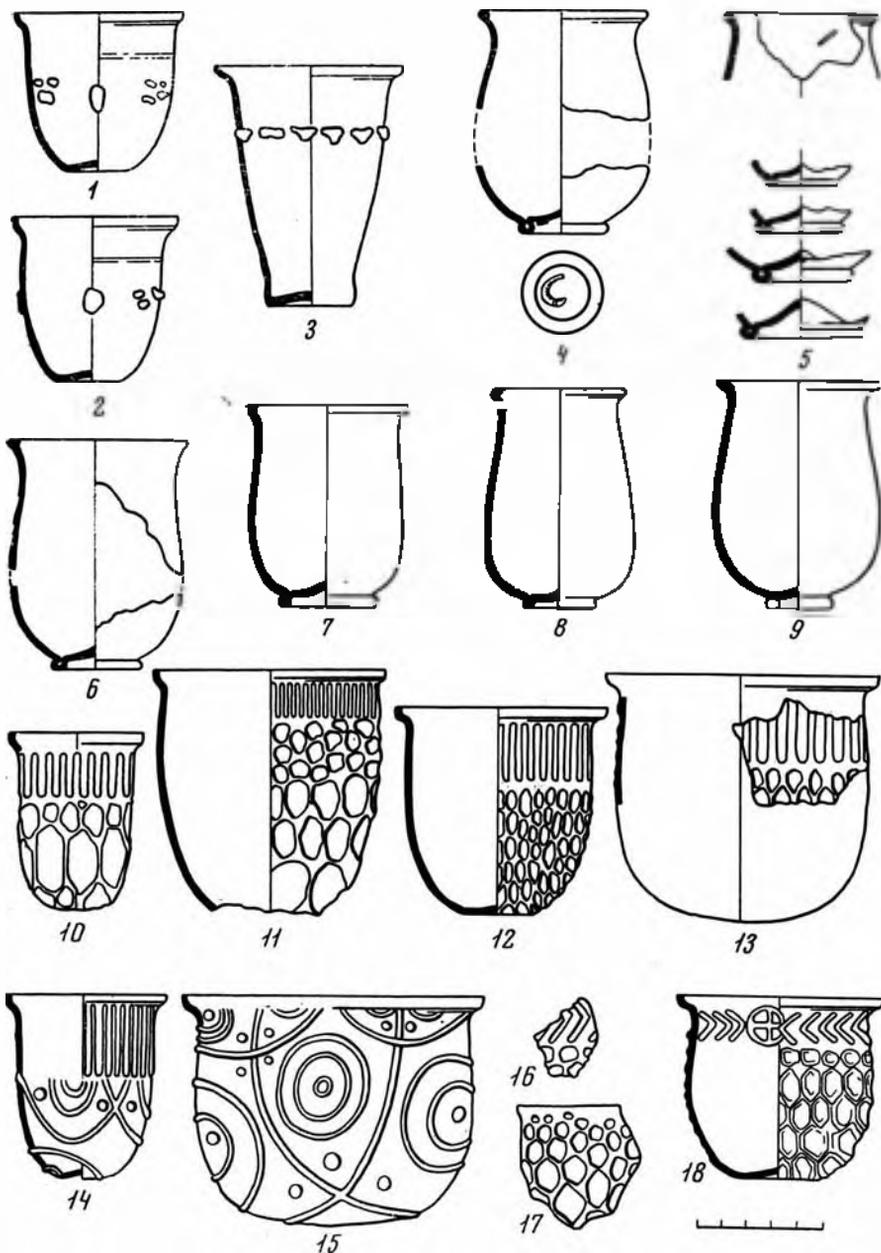

Рис. 2. Стекланные стаканы и сосуды IV—V вв. н. э.

1 — Харакс, могила 15; 2, 3 — Харакс, могила 33; 4 — «Совхоз 10», могила 283; 5 — осколки стакянов, Херсонес; 6 — Харакс, могила 10; 7 — «Совхоз 10», могила 81; 8 — могила 56 (11); 9 — Цебелда, могила 14; 10 — Харакс, могила 29; 11 — «Совхоз 10», могила 254; 12 — Цебелда, могила 36/5; 13 — Херсонес, ГХМ; без инв. номера; 14 — Пятышкапй, ОГАМ, А 56331; 15 — Цебелда, могила 9; 16 — Херсонес, раскопки 1967 г.; 17 — Херсонесская обл., Радевск; 18 — Цебелда, могила 13

Стекло сосуда голубоватое, легкое. Стенки стакана очень тонкие, покрыты иризацией. Высота стакана 9,2 см, диаметр устья 7 см, дна 3,7 см.

Сосуд сделан путем свободного дутья. Оплавка его края на огне происходила тогда, когда сосуд был снят с выдувной трубки и принят на металлический стержень, прикрепляемый кусочком расплавленного стекла ко дну. Следа от этого инструмента на стакане из Харакса нет. Но этот прием позволяет восстановить аналогичный харакскому стакан (рис. 2, 4) из могилы 285 могильника «Совхоза 10»¹¹, у которого на дне сохранился кусочек стекла, соединявший сосуд со стержнем. След от металлического стержня на стакане из могилы 285 очень важен для изучения процесса изготовления стеклянных сосудов и рабочих инструментов стеклодувов¹². О них мы знаем очень мало, но по косвенным данным можно, например, установить, что диаметр металлического стержня, которым работал стеклодув, изготовивший стакан (могила 285), равнялся примерно 1,8—1,9 см.

Датировка всех стеклянных стаканов из Харакса определяется хронологическими рамками могильника — конец III — первая половина IV в. н. э. Кроме того, в двух могилах вместе со стаканами находились монеты. Со стаканом из могилы 10 — монеты Рескупорида VII (314—337 гг.) и Константина I (чеканена после 337 г.), со стаканом из могилы 29 — две монеты Рескупорида VII (320—325 гг.). Монеты позволяют установить дату *ante quem* найденных с ними сосудов.

Отнесение всех стаканов ко времени первой половины IV в. не противоречит времени распространения подобных стаканов из могильников восточных и западных территорий Римской империи, а также Причерноморья. Стаканы с сотчатым орнаментом из Кельна датируются временем около середины IV в.¹³ Обломок такого стакана найден в Пантикапее в слое III—IV вв.¹⁴ Стакан с сотчатым орнаментом (рис. 2, 11) вместе с краснолаковой керамикой, типичной для IV в. и более позднего времени, был обнаружен в погребении 254 могильника «Совхоз 10»¹⁵.

Стакан из Харакса (рис. 2, 6) находит полную аналогию со стаканами из могильников Инкермана и у «Совхоза 10» (рис. 2, 4, 7, 8), найденными тоже не только с монетами Константина I¹⁶, но и с монетой Лициния¹⁷, монетами IV в.¹⁸ В слоях III—IV вв. Пантикапейского¹⁹ и Таманского городища²⁰ также встречались донья от стаканов, подобных харакским. IV в. датируются такие же стаканы из Средиземноморья²¹. Приведенные данные дают прочное основание отнести время распространения этих стаканов к IV в.; вряд ли может внести существенную поправку в их датировку стакан (рис. 2, 9) из Цебельдинского могильника, найденный вместе с монетой Юлии Домны (193—211)²².

Стаканы из могилы 15 (рис. 1, 2; 2, 1) и 33 (рис. 1, 1, 3; 2, 2, 3) не сопровождались находками монет. Но общая дата могильника — конец III — первая половина IV в. — позволяет считать харакские экземпляры самыми ранними из всех известных стаканов с каплями синего стекла не только Причерноморья и таких римских провинций, как, например, Паннония²³. В целом они становятся характерными для второй половины IV — начала V в. Харакские же стаканы фиксируют, видимо, начало их распространения.

Место стаканов Харакса среди стеклянной посуды III—IV вв. позволяет представить обзор аналогичных сосудов Причерноморья и Римской империи. Стаканы на кольцевом поддоне, аналогичные харакскому из могилы 10 (рис. 2, 6), засвидетельствованы в Пантикапее, Гермонассе²⁴. Для Боспора они не столь характерны, как для Херсонеса и его округи. Только в могильнике «Совхоз 10» их найдено 11 штук²⁵, в Инкерманском могильнике — 4²⁶. Значительное количество доньев таких стаканов обнаружено при раскопках городских слоев Херсонеса. Имелись они также среди многочисленных осколков стеклянной посуды двух стеклоделательных мастерских Херсонеса IV в. н. э. (рис. 2, 5)²⁷. Поэтому есть основание считать, что стаканы, аналогичные харакскому, могли производиться в Херсонесе и оттуда поступать к обитателям близлежащих поселений. Что касается немногочисленных стаканов на кольцевом поддоне с Боспора, то вряд ли в них можно видеть продукцию херсонесских мастерских. Их могли завозить в небольшом количестве на Боспор из Средиземноморья, где такие стаканы IV в. засвидетельствованы тоже²⁸.

Стаканы с сотчатым орнаментом круга харакского стакана из могилы 29 (рис. 1, 4; 2, 10) довольно редки в Северном Причерноморье. Обломки таких стаканов найдены в Пантикапее²⁹ и Херсонесе (рис. 2, 13)³⁰, один стакан — в могиле 254 «Совхоза 10»³¹ (рис. 2, 11), несколько стаканов — в могильниках Цебельды³² (рис. 2, 12). Этим исчерпываются точные или близкие аналогии харакскому стакану. К ним примыкают сосуды с украшениями, дающие отклонения от основной схемы орнаментальных мотивов: на одних каннелюры сочетаются с пересекающимися кругами, как, например, на стакане из Пантикапее (рис. 2, 14)³³, на других — соты бывают отделены от края не каннелюрами, а крестом, вкомпонованным в ряд фигур в виде галочек (рис. 2, 16, 18)³⁴. Такие сосуды характерны для цебельдинских могильников. Один обломок такого сосуда найден в Херсонесе (рис. 2, 16). Есть сосуды, у которых отсутствует полоса верхнего орнамента, а для украшения сосуда используется только один из видов основного орнамента: пересекающиеся круги (рис. 2, 15)³⁵ или только соты (рис. 2, 17)³⁶.

Сосуды с орнаментом в виде сот, как на харакском стакане, помимо Северного Причерноморья, известны среди западноримского стекла³⁷ и встречаются в Египте³⁸. Аналогии имеются и для стаканов с близкими орнаментами. Только стаканы из цебельдинских могильников абсолютно оригинальны, и все они являются более поздними представителями этой группы выдутых в формах сосудов, относящимися уже к концу IV—V в. н. э.

Могильник Харакса, как считает В. Д. Блаватский³⁹, был оставлен небогатым населением, занимавшимся несложным ремеслом и сельским хозяйством. Поэтому вряд ли обитатели Харакса могли в IV в. вести самостоятельную торговлю со странами Средиземноморья и центрами Западно-Римской империи. Вероятнее, что товары, в том числе и стекло, поступали в IV в. в Харакс через северопричерноморские города. Монеты Харакского могильника свидетельствуют о связях Харакса в IV в. н. э. с Боспором и Херсонесом. Учитывая эти данные, мы можем предположить, что стакан из могилы 10 поступил в Харакс из Херсонеса, где

эти стаканы, видимо, и производились. Известно, что в орбиту торговых интересов Херсонеса в первые века н. э. входили главным образом окрестные территории и Юго-Западный Крым; проникновение херсонесских товаров на южное побережье Таврики, особенно в IV в., было значительно слабее⁴⁰. Поэтому харакский стакан из могилы 10 важен для истории экономических связей Херсонеса в IV в.

Сложнее решить вопрос, из каких центров могли быть привезены в Харакс стаканы с каплями синего стекла из могил 15 и 33. Стакан типа II из могилы 33 был привезен, вероятно, с Боспора, где такие стаканы встречаются чаще всего. Данных о существовании связей Харакса с Восточным Причерноморьем в IV в., где эти стаканы известны тоже, у нас пока нет. Два стакана с каплями синего стекла типа IB из могил 15 и 33 могли попасть в Харакс из Херсонеса, Боспора или Паннонии. Но, вероятнее всего, что это был Херсонес или Боспор, так как в Паннонии подобные стаканы датируются несколько более поздним временем. Стакан с орнаментом из сот (могила 29) — тоже импорт с Боспора или Херсонеса, куда он был в свою очередь завезен из Средиземноморья, как, по видимому, и стаканы IB с каплями синего стекла.

Сосуды из Харакса имеют большое значение для изучения стеклянной посуды позднеантичной эпохи. Они позволяют проследить различную технику их изготовления, уточняют время распространения определенных форм сосудов. Не менее важно, что стаканы из Харакса отражают экономические связи первой половины IV в. не только между центрами Северного Причерноморья, но и свидетельствуют о торговле последних со Средиземноморьем.

¹ В. Д. Блаватский. Харакс. МИА, № 19, 1951, стр. 250 и сл.

² А. П. Смирнов. К вопросу о славянах в Крыму. ВДИ, № 3, 1953, стр. 32 и сл.; В. Д. Блаватский. Земледеи в античных городах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 110; И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 36; А. К. Амброз. Фибулы юга европейской части Восточной Европы. САИ, Д1—30. М., 1966, стр. 66; М. М. Трапш. Древний Сухуми. Сухуми, 1969, стр. 342; Г. К. Шамба. Ахачарху — древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970, стр. 34 и сл.; Сб. «Керамическое производство и античные керамические строительные материалы». САИ, Г1—20. М., 1966, стр. 50 и сл. и др.

³ В. Д. Блаватский. Харакс, стр. 264, могилы 1, 4; стр. 266, могилы 6, 8, 10; стр. 266 и сл., могила 11; стр. 269, могилы 15, 18; стр. 270, могила 25; стр. 272, могилы 29, 33.

⁴ В. Д. Блаватский. Харакс, рис. 14, 5, 6.

⁵ Мы не даем здесь подробной характеристики сосудов с каплями синего стек-

ла из Причерноморья и территории Римской империи, а отсылаем к нашей статье: Н. П. Сорокина. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья. СА, 1971, № 4, стр. 85—101.

⁶ Стаканы хранятся в ГМИИ, инв. № 511, 978; В. Д. Блаватский. Харакс, рис. 14, 5.

⁷ «Собрание ГМИИ», инв. № 979; В. Д. Блаватский. Харакс, рис. 14, 6.

⁸ «Собрание ГМИИ», инв. № 886.

⁹ W. Haberey. Zur Herstellung der römischen Wabenbecher. Bonner Jahrbücher, Bd. 166, 1956, p. 208.

¹⁰ «Собрание ГИМ», инв. № 82019, оп. 793 151. В описи он значится как «фрагменты стеклянного сосуда». Сосуд был нами склеен и, хотя некоторых осколков недостает, его форма в целом хорошо восстанавливается.

¹¹ Раскопки С. Ф. Стржелецкого 1966 г. Хранится в ГХМ.

¹² А. А. Абдуразаков, М. А. Безбородов, Ю. А. Заднепровский. Стеклоделие в древности и средневековье. Ташкент, 1963, стр. 214, рис. 47; стр. 215;

- E. Spartz. Antike Gläser. Kassel, 1967, p. 5; G. D. Weinberg. Evidence for Glass Manufacture in ancient Thessaly. AJA, 1962, 66, № 2, p. 129 и сл.*
- ¹³ *F. Fremersdorf. Römisches geformtes Glas in Köln. Denkmäler des römischen Köln. Bd. 6. Köln, 1961, Taf. 113; O. Doppelfeld. Römisches und frankisches Glas in Köln, № 56. Köln, 1966, (с монетой Константина II); C. Isings. Roman Glass form dated finds. Djacarta, 1957, 133, forme 107^a.*
- ¹⁴ *Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея 1945—1959 гг. МИА, № 103, 1962, стр. 231, рис. 11, 5; 13, 5.*
- ¹⁵ *Раскопки С. Ф. Стржеleckкого 1966 г. Хранится в ГХМ.*
- ¹⁶ *«Совхоз 10», могила 56(11). Раскопки С. Ф. Стржеleckкого 1962 г. Хранится в ГХМ; Е. В. Веймарн. Археологічні роботи в районі Інкермана. «Археологічні пам'ятки», т. XIII. Київ, 1936, стр. 17 и сл., могила 6 (37).*
- ¹⁷ *«Совхоз 10», могила 78. Раскопки С. Ф. Стржеleckкого 1962 г. Хранится в ГХМ.*
- ¹⁸ *«Совхоз 10», могила 81 (ящик). Раскопки Стржеleckкого 1962 г. Хранится в ГХМ.*
- ¹⁹ *Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея, рис. 18.*
- ²⁰ *Н. П. Сорокина. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища. Сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 154, 168; рис. 4, 8, 9.*
- ²¹ *D. V. Harden. Tomb-groups of Glass of Roman date from Syria and Palestine. Iraq, 1949, 11; рис. XLIX, 3; fig. 1, 6.*
- ²² *Раскопки М. М. Трапша, могила 14.*
- ²³ *L. Barkóczy—A. Salmon. Gyásfunde von Ende des IV und Anfang des V Jhs. in Ungarn. AE, t. 95, 1968, стр. 67—83.*
- ²⁴ *Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея, рис. 18; она же. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища, стр. 154, 168; рис. 4, 8, 9.*
- ²⁵ *Могила 56 (11), 58^a, 78, 81. (ящик), 166, 168^b, 175, 177. Раскопки С. Ф. Стржеleckкого 1962 г.; могилы 228, 260, 285. Раскопки С. Ф. Стржеleckкого 1966 г. Собрание ГХМ.*
- ²⁶ *Е. В. Веймарн. Археологічні роботи... могилы 6(37), 12(33), 19(16), 2(43)*
- ²⁷ *Г. Д. Белов. Стеклоделие в Херсонесе СА, 1965, № 3, рис. 3, 2; он же. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе. КСИА, вып. 116, 1969, стр. 81 и сл., рис. 23 а—в; он же. Херсонес — Корсунь. Л., 1969, стр. 32.*
- ²⁸ *D. V. Harden. Tomb-groups of Glass...*
- ²⁹ *Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея..., стр. 231, рис. 11, 5, 13, 5.*
- ³⁰ *ГХМ, без инвентарного номера.*
- ³¹ *Раскопки С. Ф. Стржеleckкого 1966 г. Хранится в ГХМ.*
- ³² *Раскопки М. М. Трапша 1960, погребение 36(5).*
- ³³ *Пантикапей. ОГАМ, А. 56331. Подобные стаканы имеются в собраниях зарубежных музеев. См.: W. Haberey. Zur Herstellung..., стр. 109, рис. 1.*
- ³⁴ *Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, табл. XLVII, 21.*
- ³⁵ *Раскопки М. М. Трапша, погребение 9.*
- ³⁶ *В. В. Кропоткин. Римские импортные изделия в Восточной Европе. САИ, Д 1—27. М., 1970, рис. 79, 9, № 987.*
- ³⁷ *F. Fremersdorf. Römisches geformtes Glas in Köln. O. Doppelfeld. Römisches und Frankisches Glas in Köln (с монетой Константина II); C. Isings. Указ. соч.; W. Haberey. Zur Herstellung; в статье приведен список таких же стаканов из западноевропейских собраний.*
- ³⁸ *Smith Catalog, № 420.*
- ³⁹ *В. Д. Блаватский. Харакс, стр. 290.*
- ⁴⁰ *В. Д. Кадеев. Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV вв. н. э. Харьков, 1970, стр. 156 и сл.*

**О датировке северокавказских подражаний
римским денариям**

Среди нумизматических памятников Северного Причерноморья выделяется группа подражаний римским денариям, имеющим на оборотной стороне изображения идущего Марса с копьем в руках. Эти подражания, судя по топографии находок, были распространены в западной части Северного Кавказа и в азиатской части Боспорского царства.

Рассматриваемые подражания стали известны с середины XIX в.¹, но первая попытка их изучения была предпринята только в конце этого столетия А. В. Орешниковым. В специальном этюде А. В. Орешников опубликовал и разобрал все известные ему подражания². Он пришел к совершенно правильному заключению о том, что монеты скопированы с римских денариев II—III вв. н. э., не определяя, однако, с каких именно. Что касается датировки и происхождения подражаний, то А. В. Орешников высказал предположение, впрочем, очень осторожное, что наиболее ранние из подражаний следует датировать IV—V вв. н. э. Основанием для датировки А. В. Орешникову, видимо, послужило присутствие на некоторых монетах крестообразного орнамента, который был принят им за изображение христианского символа, креста.

В 1937 г. Н. А. Захаров опубликовал остатки клада, состоявшего из рассматриваемых подражаний и найденного в 1933 г. около Новороссийска³. Ссылаясь на мнение А. Н. Зографа, он счел прототипами всей этой чеканки денарии Септимия Севера (193—211 гг. н. э.) и, отвергнув слишком позднюю датировку подражаний, предложенную А. В. Орешниковым, отнес первый их выпуск к началу III в. н. э. В определении характера этих монет Н. А. Захаров занял, однако, совершенно ошибочные позиции. Он не понял природы варварских подражаний, а считал вероятным выпуск их на Боспоре какими-то римскими представителями с целью выплаты жалованья римским солдатам, якобы находившимся в то время в этом районе. Несостоятельность всех этих предположений совершенно очевидна⁴.

А. Н. Зограф наиболее полно характеризовал всю рассматриваемую группу монет⁵. Он определил их как варварские подражания римским императорским денариям, проследил постепенную деградацию металла от сравнительно хорошего серебра к чистой меди и прогрессирующее огрубение и искажение монетных типов. Он же указал на фигуру идущего Марса как на прототип для оборотной стороны подражаний. Эта фигура появляется на римских денариях уже со времен Траяна (98—117 гг. н. э.), но наиболее вероятным оригиналом для копирования А. Н. Зограф считал денарии Марка Аврелия (161—180 гг. н. э.) или Септимия Севера. Что касается датировки подражаний, то А. Н. Зограф относил возникновение этой чеканки к первой половине или середине III в. н. э.⁶

Наконец, сравнительно недавно северокавказские подражания были детально исследованы в специальной статье Л. Н. Казамановой и В. В. Кро-

поткина⁷. Образцами для создания этих подражаний здесь признаются денарии Марка Аврелия с типом идущего Марса. Авторы разделили весь известный материал на три группы, последовательно отражающие степени деградации первоначального типа. Первая группа подражаний, включающая немногочисленные монеты хорошего серебра, близкие по изображению денариям Марка Аврелия, датируется ими серединой III в. н. э.; вторая группа, наиболее многочисленная, состоящая из многих монетных серий, обозначенных различными дифферентами и представленная монетами низкопробного серебра, отнесена В. В. Кропоткиным и Л. Н. Казамановой к чеканке второй половины III в.; третья группа представлена медными монетами с изображениями, превратившимися уже в чисто орнаментальный мотив, и датируется концом III и началом IV в.⁸

Л. Н. Казаманова и В. В. Кропоткин никак и нигде не обосновали данные ими датировки разных групп северокавказских подражаний, хотя датировки эти были повторены ими в нескольких работах⁹. Их даты были приняты и другими исследователями, специально северокавказскими подражаниями не занимавшимися, в том числе и автором настоящей заметки¹⁰.

Позднее В. В. Кропоткин признал нужным внести некоторые коррективы в хронологическое определение этих монет. В его работе 1967 г. мы находим ту же подробно разработанную классификацию северокавказских подражаний, выраженную почти теми же словами, что и в совместной статье В. В. Кропоткина и Л. Н. Казамановой, но даты всех трех хронологических групп приведены здесь уже другие: группа I — первая половина III в.; группа II — первая половина и середина III в.; группа III — вторая половина III в.¹¹ Л. Н. Казаманова осталась в этом вопросе на прежних позициях; в опубликованной еще двумя годами позднее книге она повторяет первоначальные датировки, даже не упоминая о новой точке зрения В. В. Кропоткина¹².

Между тем, если относительная хронология разных групп северокавказских подражаний, выделенных в свое время Л. Н. Казамановой и В. В. Кропоткиным, не вызывает никаких возражений, то выдвинутые ими и получившие широкое распространение датировки, по нашему мнению, не могут быть приняты и нуждаются в значительных уточнениях в духе последних датировок В. В. Кропоткина.

Действительно, если мы признаем, вслед за Л. Н. Казамановой и В. В. Кропоткиным, что оригиналом для первого выпуска подражаний послужили денарии Марка Аврелия¹³ (а это наблюдение, по-видимому, совершенно справедливо), то окажется совершенно непонятным хронологический разрыв между обращением этих денариев во второй половине II в. и выпуском первых подражаний только в середине следующего столетия. Столь позднее копирование денариев II в. тем менее вероятно, что в конце II — начале III в. денарии эти, как правило, выпадают из обращения. Как раз к этому времени относится зарытие многочисленных кладов сравнительно еще полноценных римских денариев I—II вв., которые заменяются на денежных рынках деградировавшими биллоновыми денариями и антонинианами Северов¹⁴. Этот процесс хорошо прослеживается на материале кладов: в кладах, зарытых после Септимия Севера, денарии II в. встречаются в незначительном количестве. Что касается

специально денариев Марка Аврелия, послуживших образцами для северокавказской подражательной чеканки, то их обращение на рынках Восточной Европы практически прекратилось не позже самого начала III в.: из 1344 экземпляров монет этого императора, зарегистрированных в кладах В. В. Кропоткиным, только около полусотни встречены в кладах, зарытых после 211 г.¹⁵⁻¹⁶ В кладах же, захороненных во времена Коммода (180—192 гг.), Клодия Альбина (193—197 гг.) и Септимия Севера (193—211 гг.), они часто составляют большинство монет.

Уже эти данные показывают, что первый выпуск подражаний денариям Марка Аврелия должен был быть осуществлен не позднее самого начала III в. н. э. Об этом же говорят и другие соображения. Сравнительно доброкачественное серебро, из которого были чеканены первые выпуски подражаний, могло употребляться для монетной эмиссии только тогда, когда на рынке еще циркулировали серебряные денарии II в. Выпуск серебряных подражаний в условиях более позднего рынка, наполненного массой биллоновых и просто медных римских денариев и антонинианов III в., не имел бы никакого смысла, так как эти серебряные монеты немедленно исчезли бы из обращения, ушли в сокровища и демонетизировались. Это относится и ко второй группе подражаний, чеканенных все еще из серебра, хотя и очень пониженной пробы. Этим подражаниям также не было места наряду с медной монетой второй половины III в. Они должны были быть выпущены ранее, чем произошло окончательное превращение римской серебряной монеты в медную, т. е. до середины III в. Наоборот, медные подражания последней, третьей, группы находят себе полное соответствие в деградировавшей римской монете второй половины III в., равно как и в обильных выпусках боспорских статов, также превращающихся в медную монету.

К сожалению, для решения вопроса о датировке северокавказских подражаний почти совершенно не могут быть привлечены данные об обстоятельствах находок, так как все подражания, об условиях находки которых на городищах имеются сведения, встречены в перемешанных позднеимских слоях, не поддающихся точной датировке. Правда, одна из монет, найденных в Фанагории в 1955 г., была обнаружена под вымосткой, которая, казалось бы, должна была определить *terminus ante quem* для этого подражания, но оказалось, что эта вымостка 359 датируется I в. н. э.¹⁷ Совершенно очевидно, что подражание денарию Марка Аврелия, как бы оно ни датировалось, не могло находиться *in situ* под этой вымосткой. Следует предположить, что либо при шифровке материала была допущена какая-то ошибка, либо в месте находки имел место перекоп, либо иные условия, позволившие поздней монете оказаться ниже уровня вымостки I в. н. э. Наличие ям III—IV вв. на этом участке засвидетельствовано раскопками. Таким образом, и эта монета не получает датировки по условиям стратиграфического залегания.

Все же одна находка северокавказского подражания имеет датирующее значение. Мы имеем в виду находку в Танаисе в 1971 г. подражания, принадлежащего второй хронологической группе В. В. Кропоткина и Л. Н. Казамановой. Оно найдено тоже в перемешанном слое, но то обстоятельство, что Танаис был полностью уничтожен около середины

III в. и не восстанавливался до последней четверти следующего столетия¹⁸, исключает возможность попадания этой монеты в город после 40-х годов III в. н. э. Значит, выпуск подражаний второй хронологической группы осуществлялся еще до этого времени — в первой половине III в.

Все изложенные соображения заставляют нас настаивать на несколько более ранних датах выпуска северокавказских подражаний, чем общепринятые. Видимо, подражания первой группы чеканились в конце II или в самом начале III в. н. э.; подражания второй группы — в первой половине III в.; подражания третьей группы — во второй половине того же столетия. Время окончания чеканки не может быть определено, но, судя по небольшому числу известных подражаний третьей группы, выпуск этих подражаний был сравнительно непродолжительным¹⁹ и вряд ли можно предполагать, что он выходил за рамки III в. н. э. Это, конечно, не исключает возможности несколько более долгого бытования рассматриваемых подражаний в денежном обращении.

Вопрос о датировке северокавказских подражаний тесно связан с проблемой происхождения этих подражаний. Для определения места их выпуска первостепенное значение имеет топография находок подражаний. Вот краткий перечень этих находок:

Новороссийск, 1923 (клад, гр. II)²⁰

Новороссийск, 1935 (гр. II)²¹

Раевская, 1962 (3 экз., гр. II)²²

Гайкадзор (ак. Анапы) 1961 (гр. III)²³

Крымская, 1912 (гр. I)²⁴

Червленая (ЧИ АССР), 1930 гг. (клад, гр. II и III)²⁵

Цагери (Грузинская ССР), 1955 (гр. III)²⁶

Сенная (Фанагория), 1920 гг. (несколько экз.)²⁷

Сенная (Фанагория), 1936 (гр. III)²⁸

Сенная (Фанагория), 1939 (гр. III)²⁹

Сенная (Фанагория), 1955 (2 экз., гр. III)³⁰

Сенная (Фанагория), 1959 (10 или 12 экз., гр. III)³¹

Недвиговка (Танаис), 1971 (гр. II)³²

Керчь (Пантикапей), 1945—1961 (гр. III)³³

Аршинцево (Тиритака), 1933 (гр. III)³⁴

Может быть, к этому списку нужно присоединить еще упоминаниеклада подражаний римским денариям, найденного в Новороссийске в 1928 г. Тип этих подражаний, однако, не был указан³⁵.

Ареал находок рассматриваемых подражаний достаточно ясно показывает, что подражания имели обращение в западных районах Северного Кавказа и что выпускались они какими-то племенами, обитавшими на этой территории. Каковы могли быть эти племена? Вряд ли стоит разбирать совершенно необоснованные и произвольные атрибуции Г. Келлера (вандалы) и Н. А. Захарова (римские представители на Боспоре). Еще А. В. Орешников предположительно приписал эти подражания готам³⁶. Этой точки зрения придерживаются и В. В. Кропоткин³⁷, и Л. Н. Казамова. Они даже пытаются точнее определить группу готов, которым могли принадлежать подражания, и считают возможным приписать их

готам-тетракситам³⁸. Впрочем, В. В. Крпоткин в других своих работах связывает возникновение северокавказских подражаний с появлением в Причерноморье не только готов, но и боранов, и уругундов³⁹. Исходным пунктом для такой атрибуции подражаний служит убеждение в том, что их должны были выпускать не местные северокавказские племена, якобы малознакомые с римскими денариями, а пришельцы — германцы, познакомившиеся с этими денариями в местах прежнего обитания.

Однако теория готского происхождения северокавказских подражаний приходит в противоречие с установленной хронологией их выпуска. Для А. В. Орешникова, датировавшего подражания IV—V вв. н. э., естественно было думать, что чеканили их готы. Но уже датировка начала выпуска подражаний серединой III в. должна была вызвать сомнения исследователей относительно их готского происхождения, ибо, как совершенно правильно заметила И. Т. Кругликова, у нас нет никаких оснований считать, что готы к этому времени уже обосновались на Северном Кавказе⁴⁰. Тем большее недоумение вызывает попытка В. В. Крпоткина связать эту чеканку с племенами готского союза при признании того, что обе первые группы подражаний датируются еще первой половиной III в.⁴¹ Проникновение готов на Кавказ еще на рубеже II и III вв. слишком маловероятно. На более правильном пути стоит, по нашему мнению, И. Т. Кругликова, приписывающая эту чеканку местным северокавказским племенам. На основании концентрации находок подражаний в районе современных Новороссийска и Анапы она предполагает, что их могли выпускать обитавшие в этом районе племена торетов или ахеев⁴². Не отрицая в принципе возможности такой атрибуции кавказских подражаний, следует все же заметить, что далекое проникновение этих монет на восток (Чечено-Ингушетия), на юг (Грузия) и на север (Подонье) говорит как будто бы о том, что народ, выпускавший их, обладал значительно более мощным экономическим потенциалом и влиянием, чем упомянутые небольшие прибрежные племена. Нельзя ли связать чеканку этих подражаний с сираками, господствовавшими в предкавказских и прикубанских степях? Во всяком случае представление о готском происхождении этих подражаний должно быть отвергнуто, и их выпуск следует приписать деятельности северокавказских, скорее всего сармато-аланских, племен.

По-видимому подлежит пересмотру и вопрос о возможности обращения северокавказских подражаний на боспорских денежных рынках. В. В. Крпоткин и Л. Н. Казаманова категорически отрицают такую возможность, указывая на отсутствие подражаний в кладах боспорских монет⁴³. Но постоянство находок подражаний именно в культурных слоях боспорских городов (более половины всех находок приходится на территорию Боспора) свидетельствует о том, что эти монеты в значительном числе проникали на Боспор⁴⁴. Отсутствие же совместных находок их в кладах с собственно боспорскими монетами может объясняться тем, что они обладали собственным курсом и рассматривались как особый вид монеты. В таком случае они и не должны встречаться в кладах с боспорскими статерами, как не встречаются в кладах обычно монеты из разного металла, хотя они и обращаются одновременно на том же рынке.

- ¹ *Н. К. Е. Koehler. Gesammelten Schriften, I. SPb., 1850. S. 12, табл. II, 5; ДБК, I, 1854, стр. 160, табл. LXXXVI, 18—21; П. Бурачков. О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах, ему принадлежащих. ЗООИД, т. IX. Одесса, 1875, стр. 108, табл. XIII, 5—7.*
- ² *А. В. Орешников. Монеты неизвестного народа, находимые в Керчи и на Таманском полуострове. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892, стр. 35—38, табл. III.*
- ³ *Н. А. Захаров. Вопрос о монетах «неизвестного народа». ВДИ, 1937, № 1, стр. 262—268.*
- ⁴ Критику точки зрения Н. А. Захарова см.: *Л. Н. Казаменова и В. В. Кропоткин. «Варварские» подражания римским денариям с типом идущего Марса. ВДИ, 1961, № 1, стр. 129—130.*
- ⁵ *А. Н. Зограф. Распространение находок античных монет на Кавказе. ТОНГЭ, I, 1945, стр. 45—48, табл. III.*
- ⁶ Там же, стр. 47; ср.: *А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Тирнтаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. МИА, № 4, 1941, стр. 163, 165, № 27.*
- ⁷ *Л. Н. Казаменова, В. В. Кропоткин. «Варварские» подражания..., стр. 128—136.*
- ⁸ Там же, стр. 133.
- ⁹ Ср.: *В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. САИ, Г4—4. М., 1961, стр. 16; Л. Н. Казаменова. Введение в античную нумизматику. М., 1969, стр. 98.*
- ¹⁰ *К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг. НиС, I, 1963, стр. 26, 61, № 736; Ю. С. Крушкол. Находки античных монет в Анапском районе. НЭ, V, 1965, стр. 54—55; И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, стр. 202; И. А. Онайко. «Варварские» подражания римским денариям из раскопок Раевского городища. КСИА, вып. 109, 1967, стр. 52.*
- ¹¹ *В. В. Кропоткин. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967, стр. 28—31.*
- ¹² *Л. Н. Казаменова. Введение в античную нумизматику, стр. 98.*
- ¹³ *Л. Н. Казаменова, В. В. Кропоткин. «Варварские» подражания..., стр. 130; Л. Н. Казаменова. Введение в античную нумизматику, стр. 98; В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР, стр. 17; он же. Экономические связи..., стр. 28—29.*
- ¹⁴ *В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4, стр. 248—249; он же. Клады римских монет на территории СССР, стр. 18, 28; он же. Экономические связи..., стр. 39—40.*
- ^{15—16} *В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР, табл. 9.*
- ¹⁷ *М. М. Кобылина. Отчет о раскопках Фанагории в 1955 г. Архив ИА, Р.—1, № 1420, стр. 26.*
- ¹⁸ *Д. Б. Шелов. К истории Танаиса. ВДИ, 1959, № 1, стр. 126—127; он же. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, стр. 299—301.*
- ¹⁹ Ср.: *В. В. Кропоткин. Экономические связи..., стр. 32.*
- ²⁰ *Н. А. Захаров. Вопрос о монетах..., стр. 262—268.*
- ²¹ *А. Н. Зограф. Распространение находок..., стр. 76, № 168, табл. III, 6.*
- ²² *Н. А. Онайко. «Варварские» подражания..., стр. 52, рис. 12.*
- ²³ *Ю. С. Крушкол. Находки античных монет, стр. 54—55, рис. 1.*
- ²⁴ *А. Н. Зограф. Распространение находок..., стр. 76, № 167, табл. III, 4.*
- ²⁵ *Е. А. Пахов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. IV. Баку, 1949, стр. 23, № 1056.*
- ²⁶ *Д. Г. Капанадзе. К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным. ПИСП, 1959, стр. 150, № 16.*
- ²⁷ *Ю. С. Крушкол. Монеты фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Государственного Исторического музея. СА, XV, 1951, стр. 257.*
- ²⁸ *А. Н. Зограф. Распространение находок..., стр. 76, № 169, рис. III, 7.*
- ²⁹ *Л. Н. Казаменова, В. В. Кропоткин. «Варварские» подражания..., стр. 136, № 10.*
- ³⁰ *Д. Б. Шелов. Находки монет в Фанагории в 1947—1957 гг. НЭ, III, 1962, стр. 66—67, 114, № 1018; стр. 119, № 1132.*
- ³¹ *Л. Н. Казаменова, В. В. Кропоткин. «Варварские» подражания..., стр. 136, № 12.*
- ³² Т—71, раскоп IV, пл. 72—76, шт. 3, № 220.
- ³³ *К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Пантикапея..., стр. 26, 61, № 736, табл. VI, 736.*

- ³⁴ А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия, стр. 163, 165, № 27.
- ³⁵ В. В. Кротошкин. Клады римских монет на территории СССР, стр. 39, № 8.
- ³⁶ А. В. Орешников. Монеты неизвестного народа, стр. 38.
- ³⁷ В более ранней работе В. В. Кротошкин отрицал принадлежность северокавказских подражаний готам и приписывал их сармато-аланским племенам Северного Кавказа. См.: В. В. Кротошкин. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР. ВДИ, 1954, № 3, стр. 154, прим. 1.
- ³⁸ А. Н. Казаманова, В. В. Кротошкин. «Варварские» подражания..., стр. 134—135.
- ³⁹ В. В. Кротошкин. Клады римских монет на территории СССР, стр. 16; он же. Экономические связи..., стр. 32.
- ⁴⁰ И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время, стр. 202.
- ⁴¹ В. В. Кротошкин. Экономические связи..., стр. 32.
- ⁴² И. Т. Кругликова. Боспор и позднеантичное время, стр. 203—204.
- ⁴³ А. Н. Казаманова, В. В. Кротошкин. «Варварские» подражания..., стр. 129; В. В. Кротошкин. Экономические связи..., стр. 33.
- ⁴⁴ Ср.: И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время, стр. 204.

Е. П. Алексеева

Зооморфные ручки Дружбинского городища 2

Дружбинское городище 2 находится на левом берегу р. Кубани, в 3 км к югу от города Черкесска, в Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края. Городище в плане представляет собой трапецию, широким основанием повернутую к западу. С западной, напольной стороны, оно защищено рвом, с южной и северной — оврагами, с восточной — обрывом р. Кубани. Юго-восточная часть — цитадель — от остальной площади городища отделена рвом.

В 1934 г. Дружбинские городища и могильники были обследованы геологом П. Н. Шишкиным, который обнаружил здесь материал меотосарматского времени¹. В 1949 г. этот памятник был осмотрен Т. М. Миновой².

В 1956 г. на городище провела разведку экспедиция Черкесского (ныне Карачаево-Черкесского) научно-исследовательского института под руководством автора этой статьи. Материалы, добытые в результате разведки, были показаны Евгению Игнатьевичу Крупнову, который ими заинтересовался и предложил продолжить исследование Дружбинского городища 2.

В 1968—1969 гг. экспедиция Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института провела раскопки на Дружбинском городище 2. Основные работы экспедиции велись на цитадели, где была вскрыта площадь в 80 кв. м и глубиной до 5 м. Кроме того, были заложены шурфы в центральной и южной частях городища, собран богатый подъемный материал. За пределами городища, у юго-западной его части, доследовался могильник.

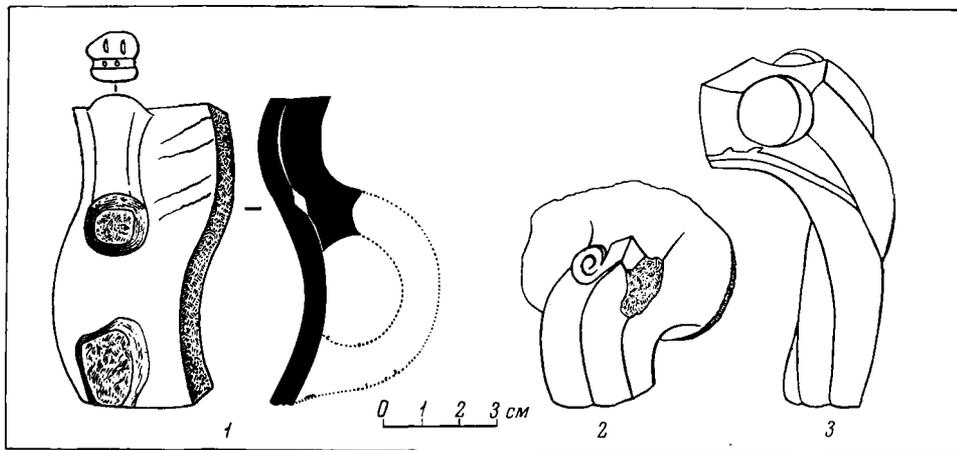

Рис. 1. Зооморфные ручки (1—3)

Наиболее ранними находками на Дружбинском городище являются сероглиняная лощеная миска и бронзовый S-овидный псалий. Миска, по определению Е. И. Крупнова, относится к позднескифскому времени — к IV в. до н. э. Псалий, подобный дружбинскому, происходит из седьмого Семибратнего кургана IV в. до н. э.³ Основной материал Дружбинского городища относится к III в. до н. э.—III в. н. э. Обломки глиняных сосудов, глиняные рыболовные грузила, глиняные и каменные пряслица аналогичны подобным же предметам из Усть-Лабинского могильника 2 (погребений III в. до н. э.—II в. н. э.), Тахтамукаевского могильника I—II вв. н. э. и других прикубанских памятников сарматского времени. Вещи, найденные в исследованном нами могильнике, относятся ко II—III вв. Так, среди прочих предметов в могильнике найдена бронзовая фибула с T-образной перекладиной. Подобные же фибулы известны в комплексах II—III вв. Северо-Восточного Кавказа⁴.

Материал Дружбинского городища 2, имеющий ближайшие аналогии в меотских памятниках Среднего Прикубанья, а также Восточного Приазовья и отчасти Нижнего Подонья, в основе своей является меотским. Характер поселения — без каменных построек и каменных укреплений, с турлучными постройками и земляными укреплениями (рвами), также говорит о том, что перед нами — меотское поселение. Это поселение с земляными укреплениями и выделенной цитаделью очень сходно с меотскими поселениями Средней Кубани и Закубанья, обследованными Н. В. Анфимовым, не только по материалу, но и по характеру и планировке поселения. Особенно близко Дружбинскому городищу 2 Урупское городище⁵. Последнее также имеет трапецевидную форму, укреплено рвами, в передней его части находится цитадель, отделенная от остальной части городища рвом.

О том, что Дружбинское городище 2 является меотским памятником, свидетельствует еще один факт: в могильнике у юго-западной части городища отмечен случай помещения сосуда в миску. Обычай ставить в могилу глиняный сосуд в миске характерен именно для меотов в первые столетия н. э., особенно во II—III вв.⁶

Среди прочих вещей на дружбинских памятниках обнаружены зооморфные ручки глиняных сосудов. Кувшин с такой ручкой найден в могильнике.

Одна ручка — гончарная (рис. 1, 1); остальные — лепные.

Ручка у кувшина из могильника. Кувшин сероглиняный, поверхность серая, с черными лощеными полосами. Горло сосуда высокое, тулово сплюснутое. По форме кувшин похож на опубликованный К. М. Скалон⁷. Ручка, круглая в сечении, идет от верхней части горлышка к верхней части тулова. Она имеет вид сильно стилизованного зверька. В нижней части ручки два острых отростка, изображающих задние лапы животного. Дата кувшина — II—III вв.

Ручка в сечении четырехугольная, из серой глины, поверхность серая, лощеная, имеет вид скобы. Верхняя ее часть представляет собой сильно стилизованную голову животного. Найдена в слое III в. до н. э.—II в. н. э.

Ручка из серой глины, поверхность желтоватая, без лощения, в сечении четырехугольная. Верхняя часть ручки изображает сильно стилизованную голову животного (отчетливо заметны уши). В нижней части ручки — три отростка, изображающих задние лапы и хвост животного. Ручка найдена в слое I—II вв. Аналогичная ручка выявлена в ст. Тбилисской, I—II вв.⁸

Ручка сероглиняная, поверхность темносерая, лощеная, представляет собой скобу, прямоугольную в сечении в виде стилизованного животного. В верхней части — площадочка с выступающим наружу краем. Происходит из слоя I—II вв.

Ручка (рис. 1, 1) из серой глины, поверхность серая, лощеная, в сечении круглая, имеет вид петли с отростком наверху: петля — в виде туловища зверька, отросток — шея и голова; в верхней горизонтальной части отростка изображена морда. Найдена ручка в слое I—IV вв. Аналогия ей — в ст. Воронежской (III—IV вв.)⁹. Подобные ручки имеются у сарматских кувшинов Поволжья¹⁰.

Ручка на верхней части кувшина с яйцевидным туловом. Кувшин сероглиняный, поверхность серая, лощеная. Ручка витая, состоит из двух валиков, идет от горлышка к верхней части тулова. На горлышке валики расходятся, образуя рога животного. Найдена в слое I—IV вв.

Ручка сероглиняная, поверхность серо-желтоватая, со следами лощения (рис. 1, 2). Ручка в сечении прямоугольная, имеет вид скобы. В верхней части ручки — рельефное изображение стилизованной бараньей головки: морда в виде треугольника, рога в виде спиральных завитков, один рог отбит. Изображение трактовано в стиле, близком к кобанскому. Найдена ручка в слое I—IV вв.

Ручка — обломок верхней части в виде головы барана. Сероглиняная, поверхность серая, без лощения. Найдена в слое I—IV вв.

Ручка из серой глины, поверхность серая, без лощения, витая, двуствольная (рис. 1, 3). Верхняя горизонтальная часть изображает голову животного. В сечении она трапециевидна. По бокам ее — две круглые кнопки. Ручка происходит из подъемного материала. Точных аналогий ей нет. Вообще же витые двуствольные ручки, зооморфные и обычные, довольно часто встречаются в памятниках Прикубанья меото-сарматского времени. Так, зооморфные витые двуствольные ручки найдены в Усть-Лабинском втором могильнике I—II вв.¹¹ Обычная двуствольная витая ручка имеется на кувшине из Коба-Башинского склепа (Карачаево-Черкессия, между ст. Сторожевой и Преградной), I—III вв.¹²

Ручка сероглиняная, в виде фигурки барана; она выполнена очень реалистично. Поверхность серо-коричневая, лощеная. Совершенно аналогичная ручка обнаружена в Усть-Лабинском втором могильнике, I—II вв.¹³ Дружбинская ручка происходит из подъемного материала.

Итак, почти все ручки из Дружбинского городища 2 найдены в слоях I—II и I—IV вв. н. э. Судя по аналогиям, ручки в основном датируются I—II вв., только одна (рис. 1, 1) относится к несколько более позднему времени — III—IV вв.

Долгое время считалось, что зооморфные ручки характерны для сарматской керамики¹⁴, но в 1969 г. М. П. Абрамова выдвинула весьма аргументированное положение о том, что на Северном Кавказе, в Поволжье и в Средней Азии керамика с зооморфными ручками возникла на местной основе¹⁵. Впрочем, М. П. Абрамова не отрицает факта влияния сарматов на культуру северокавказских племен¹⁶.

Действительно, ручки, обнаруженные в Прикубанье, в частности на Дружбинском городище, очень своеобразны. С сарматскими сходна только одна из десяти (рис. 1, 1).

В местном, кобанском стиле выполнена головка барана на одной из ручек (рис. 1, 2). Витая двуствольная ручка также характерна для местной, меотской керамики. Некоторые исследователи полагают, что витые двуствольные ручки появились у меотов Прикубанья под влиянием античных форм керамики. Во всяком случае, подобные ручки свойственны меотской, а не сарматской керамике.

Итак, Дружбинское городище 2 — меотское. Находки в основном также меотские.

Однако такие зооморфные ручки, как изображенная на рисунке 1, могли появиться под влиянием сарматских керамических форм. Сам факт появления в Прикубанье, в частности на Дружбинском городище 2, в первые века н. э. зооморфных ручек может быть, на наш взгляд, объяснен влиянием сарматской культуры.

¹ П. Н. Шишкин. Материалы к археологической карте Черкесской автономной области (рукопись). Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 2, 1934, д. № 1406.

² Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкесии. «Труды Черкесского НИИ», вып. II. Черкесск, 1954, стр. 271—274.

³ А. К. Коровина. К вопросу об изучении Семибратних курганов. СА, 1957, № 2, стр. 185, рис. 10.

⁴ Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. «Труды ГИМ», вып. XII. М., 1941, табл. VI, 5; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. «Труды Чечено-

- Ингушского НИИ», т. VI. Грозный, 1963, стр. 203, рис. 28.
- ⁵ Н. В. Анфимов. Археологические работы Краснодарского краевого музея в 1949—1950 гг. Архив ИА АН СССР, Р.—1, № 484, л. 11, табл. XI.
- ⁶ И. С. Каменецкий. Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э. Автореф. канд. дисс. М., 1965, стр. 15—16.
- ⁷ К. М. Скалон. Изображения животных на керамике сарматского периода. «Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа», т. I. Л., 1941, рис. 1, 2.
- ⁸ Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 152, рис. 53; М. П. Абрамова. О керамике с зооморфными ручками. СА, 1969, № 2, рис. 2, 18.
- ⁹ М. П. Абрамова. О керамике с зооморфными ручками, рис. 2, 30.
- ¹⁰ Там же, рис. 1, 1—27.
- ¹¹ Там же, рис. 2, 19.
- ¹² Е. П. Алексеева. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкессии. Труды Карачаево-Черкесского НИИ», серия историческая, вып. V. Ставрополь, 1966, табл. 4, 2.
- ¹³ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. МИА № 23, 1951, рис. 16, 8; М. П. Абрамова. О керамике с зооморфными ручками, рис. 2, 24.
- ¹⁴ К. М. Скалон. Изображение животных..., стр. 173 и сл.; Е. Г. Кастанаян. Художественные элементы в лепной керамике Боспора. Сб. «Античные города Северного Причерноморья». М.—Л., 1955; стр. 392 и сл.; В. Б. Виноградов. К вопросу о изображении животных на сарматской керамике. «Археологический сборник МГУ». М., 1961, стр. 32 и сл.; См.: М. П. Абрамова. О керамике с зооморфными ручками, стр. 61—71 и примечания к этим страницам.
- ¹⁵ М. П. Абрамова. О керамике с зооморфными ручками, стр. 83—84.
- ¹⁶ Там же, стр. 84.

М. Х. Багаев

Раннесредневековые птицевидные бляхи из Дайского могильника

В 1969 г. при раскопках раннесредневекового могильника у сел. Дай Советского района ЧИ АССР в пяти грунтовых могилах были найдены шесть птицевидных¹ блях, близких бляхам из могильника Исти-Су. Из них три бляхи сделаны из железа и три — из бронзы (рис. 1; 2).

Ниже дано подробное описание находок. Большая литая бронзовая поясная бляха птицевидной формы найдена на поясе погребенного в могиле 8² (рис. 1, 1). По краю она украшена выпуклым орнаментом в виде веревочки. Между крыльями бляхи, в верхней части имеется длинный (3,5 см) выступ с крючком, имитирующий голову птицы. Верхняя часть одного крыла обломана, а на другом — три сквозных орнаментальных выреза (два — в виде двух равнобедренных треугольника и один — в виде угла). Внизу, напротив выступа между крыльями, расположены три сквозных отверстия (диаметр каждого 0,4 см) со следами стертости. На бляхе отмечен также гравированный орнамент в виде буквы «М» и двух розеток; две двойные выпуклые S-овидные спирали украшают нижнюю часть крыльев бляхи.

Другая пряжка (рис. 1, 2) обнаружена также в могиле 8 у ног погребенного. Эта бронзовая бляха по форме очень близка предыдущей,

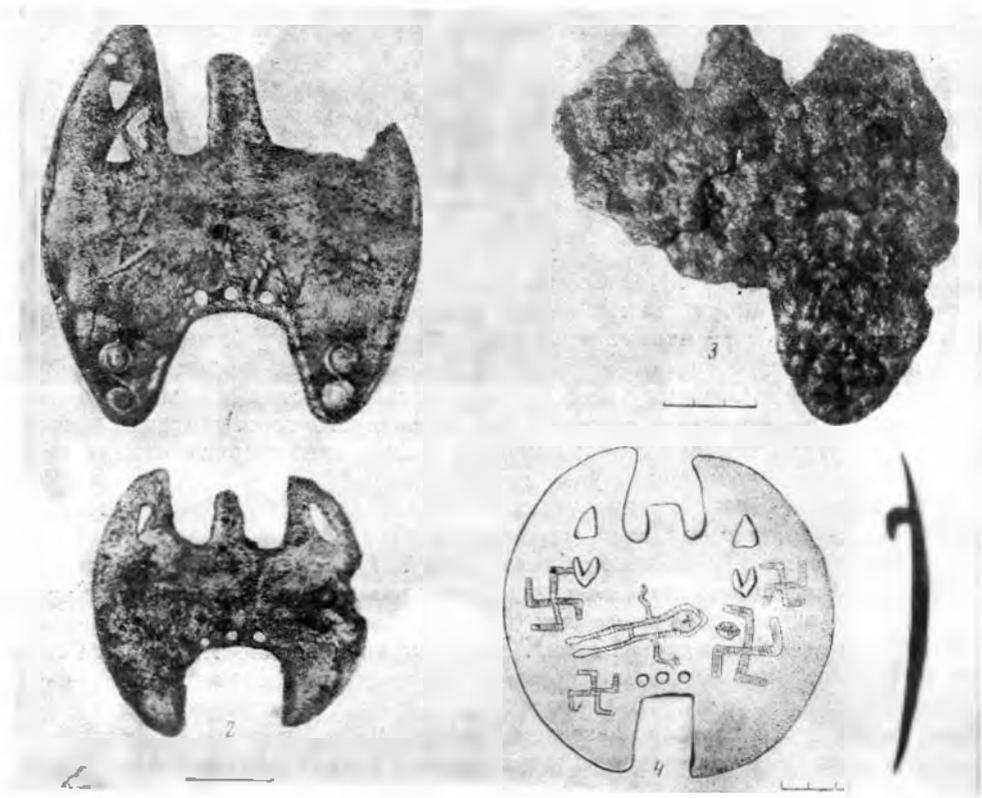

Рис. 1. Птицевидные бляхи из Дайского могильника
 1, 2 — погребение 8; 3 — погребение 11; 4 — погребение 17; 1, 2, 4 — бронза; 3 — железо

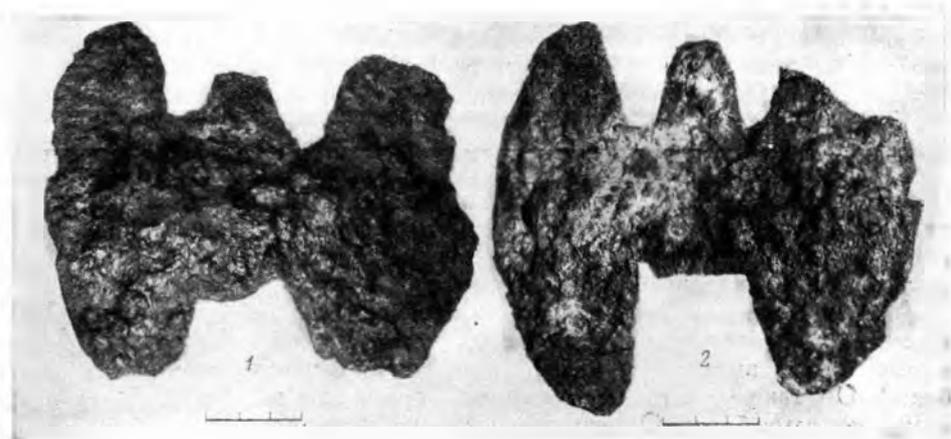

Рис. 2. Птицевидные бляхи из Дайского могильника
 1 — погребение 19; 2 — погребение 19А; 1, 2 — железо

только она почти круглая. Вверху между крыльями имеется выступ (с двумя отверстиями), имитирующий голову птицы. С тыльной стороны бляхи к выступу припаян железный крючок (сохранилась только часть его). Напротив выступа, в нижней части бляхи, по краю сделаны три сквозных отверстия (диаметры их 0,35 см, 0,3 см, 0,2 см). Верхняя часть одного крыла украшена сквозными вырезами треугольной и овальной форм. Бляха литая, чуть выгнута наружу, с тыльной стороны сохранились заусенцы (следы литья).

Железная бляха (рис. 1, 3) найдена среди вещей, лежавших у головы погребенного, в могиле 11. Она не украшена, но по форме идентична бляхам из погребения 8; сильно корродирована.

Бляха (рис. 2, 1) входит в комплекс вещей из погребения 19. Лежала она на поясе погребенного. Изготовлена из железа, по форме очень близка упомянутым. Однако у нее отсутствуют отверстия в нижней части, а конец трапецевидного выступа, изображающего голову птицы, загнут внутрь, образуя тем самым крючок. Какие-либо следы орнаментации проследить на ее поверхности не удалось.

Железная бляха найдена в погребении 19а (рис. 2, 2). Она во всех деталях повторяет бляху из погребения 19.

В погребении 17 найдена бляха (рис. 1, 4), сделанная из бронзы. Она имеет трапецевидный выступ, изображающий голову птицы. Как и у бляхи из погребения 8, на ней три круглых отверстия. В плане она круглой формы (диаметр 11,7 см). Ее внешняя поверхность покрыта гравированными рисунками. На каждом крыле расположено по два знака свастики. В центре бляхи (поперек ее) изображен мужчина, исполняющий танец. Руки танцора разведены в стороны и согнуты в локтях, кистями вверх. Фигура человека выполнена реалистично: на голове — типичный кавказский башлык; обут танцовщик в легкие кавказские сапоги; лаконично и очень точно передано лицо, подчеркнуты глаза, нос, рот и борода. Выше и чуть правее — изображения головы человека, рядом со свастикой выгравирован шестиугольник с елочным орнаментом. На «крыльях», по обе стороны от крючка — головы орла, симметрично расположены сквозные треугольные отверстия, а ниже — вырезы в виде углов.

Итак, все эти плоские бронзовые и железные литые поясные бляхи имитируют фигуры парящих птиц.

На Северном Кавказе близкие по форме пряжки известны в количестве 10 экземпляров, девять из них найдены в Чечено-Ингушетии (сел. Исти-Су, Хатуни, Харачой, Воздвиженское, Луговое, Ца-Ведено, Шали) и одна — в Северной Осетии (Уруп)³. Почти все бляхи происходят из комплексов, но есть и случайные находки. Относительно датировки этих блях существует единое мнение о бытовании их в VI—V вв. до н. э.⁴, т. е. в позднекобанское время.

Может создаться впечатление об одновременности бытования найденных нами дайских позднекобанских блях. В этой связи В. И. Марковым была высказана мысль о вторичном использовании описанных блях⁵. Он также считает гравировки, нанесенные на бляху, более поздними, чем сама бляха. Однако думается, что упомянутые нами бляхи одновременны и относятся к средневековью.

Дайские бляхи обнаружены в очень хорошо датированных раннесредневековых комплексах. Например, бронзовые бляхи из погребения 8 найдены с браслетами, имеющими три утолщения (такие браслеты зафиксированы на Верхнечирюртовском могильнике с двумя золотыми византийскими монетами и индикацией середины VII в.⁶, а также с подвесками из круглой проволоки с накрученной спиралью на разомкнутых концах). Последние хорошо известны в раннем средневековье не только на Кавказе, но и за его пределами — на могильнике Лимбарь в Молдавии⁷. Наконец, датировку погребения 8 ранним средневековьем подтверждает и глиняный сосуд (гончарная работа, серая глина с примесью песка, желобки вокруг корпуса).

Не менее выразителен и комплекс из погребений 19а, где найдена железная бляха (интересно, что до сих пор не было зафиксировано ни одной железной бляхи позднекобанского времени, в то время как в Дзе их найдено три). Это свидетельствует о производстве их на изучаемой территории именно в раннем средневековье. Бронзовые браслеты с тремя утолщениями и подвески из погребения 8, а также арбалетовидные фибулы VII—VIII вв., найденные в этой же могиле, побуждают нас датировать все погребение, а следовательно и бляху, концом VII — началом VIII в. Этой же дате не противоречат и комплексы вещей из погребений 11 и 19, где также найдены железные бляхи в комплексе с другими вещами того же времени.

Обратим теперь внимание на орнамент дайских блях. Он крайне беден. Если бляхи типа «Исти-Су» столь пышно украшены фигурами зверей, вгрызающихся в шею орла, то на дайских бляхах они совершенно отсутствуют. От зооморфной орнаментации так называемого звериного стиля VI—V вв. до н. э. на бляхах раннего средневековья сохранились только по нескольку (от 1 до 3) симметричных сквозных вырезов на верхней части «крыльев». На бляхах типа «Исти-Су» подобные отверстия делались для подчеркивания торса животного (пантеры или волка). На дайских же бляхах (бронзовых) эти отверстия сохранялись, очевидно, традиционно. Однако и это вскоре исчезает. Бляхи принимают упрощенный вид без всяких отверстий и рисунков (рис. 1, 3; 2, 1, 2). Единственное, что осталось от позднекобанских блях, — форма парящей птицы. На одной бронзовой бляхе из погребения 8 имеется S-образный выпуклый узор — двойная спираль. В нем нетрудно угадать излюбленный кобанский орнамент⁸, который также традиционно дожил до раннего средневековья. Не менее интересна и бронзовая бляха из погребения 17. Как уже говорилось, на нее нанесены знаки свастики и фигура танцующего человека в типичном кавказском одеянии. Это еще один пример того, как долго живут традиции. Знак свастики известен в Чечено-Ингушетии и других пунктах Кавказа еще с начала I тыс. до н. э.⁹ Изображение фигуры человека в эпоху средневековья на Северном Кавказе также приобретает широкое распространение как традиция, идущая с I тыс. до н. э.¹⁰

Таким образом, в декорировке блях «типа Исти-Су» и подражающих им дайских отразилась глубокая местная традиция, выразившаяся в переплетении позднекобанских, скифо-савроматских и раннесредневековых элементов материальной культуры местных племен с конца первой половины

I тыс. до н. э. по VIII в. н. э.¹¹ Более того, дайские бляхи заставляют нас предполагать в горной Чечено-Ингушетии производство их и в период раннего средневековья, так же как это было в I тыс. до н. э., тем самым мы еще раз убеждаемся в существовании глубокой преемственности от высокой кобанской культуры местного средневекового промысла¹². Кроме того, доказательством одновременности рассматриваемых блях всему остальному средневековому материалу служат объективные данные, полученные в результате специального анализа металла в лаборатории Института археологии АН СССР. Анализы проводились Т. Б. Барцевой, которая дала такое заключение: «Бляхи из Дая изготовлены из сложного сплава. Основными лигирующими примесями в металле этих блях являются олово (больше 10%), свинец (больше 2%), цинк (больше 1%), мышьяк (от 0,2 до 1%). Дая металлургических рецептов металлических изделий Дая—Харачоя примесь цинка очень характерна. С примесью цинка изготовлены почти все изделия, включая и «фигурные» (т. е. птицевидные.— М. Б.) бляхи»¹³.

Анализ же фигурных блях из Исти-Су и крепости Воздвиженской показывает резкое отличие металла ранних блях от блях Дая. В ранних бляхах нет примеси цинка, а изготовлены они из оловянисто-свинцовистых бронз.

На основании данных спектрального анализа нельзя, по нашему мнению, говорить о вторичном использовании «фигурных» блях в поздних памятниках. «Фигурные» бляхи Дая изготовлены по новым металлургическим рецептам (в сравнении с ранним временем). Это местное производство с более сложной рецептурой, нежели та, которой пользовались древние мастера.

Подводя итог интерпретации дайских блях, можно сделать следующие выводы. Поскольку в Дайском могильнике встречена не одна птицевидная бляха, а целая серия (причем бронзовые и железные), следует считать подобные находки не случайным, а вполне закономерным явлением.

Форма предметов и изображения на них близки, но не идентичны форме и изображениям на бляхах кобанского времени. Скорее можно говорить о воспроизведении поздними мастерами непонятных для них деталей. Так, в частности, ажурный орнамент на средневековых бляхах имеет свой декоративный смысл, в то время как на кобанских бляхах эти сквозные отверстия не несут самостоятельных функций, а лишь подчеркивают контур изображения зверя, выполненного гравировкой.

Дайские птицевидные бляхи по составу металла связаны с, бесспорно, средневековыми бронзовыми предметами, входящими в комплексы.

Таким образом, можно говорить о глубокой традиционности данного вида украшений¹⁴.

¹ В литературе такие бляхи известны под названием «бабочковидных блях». По форме они в какой-то степени напоминают бабочку, но в основном символизируют птиц, и поэтому их называют «птицевидными».

² В 1969 г. на названном могильнике исследовано 22 могилы. Приведенная здесь нумерация соответствует тем погребениям, в которых найдены пряжки.

³ О. А. Артамонова-Полтавцева. Куль-

- тура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 69—70, рис. 31—37; Р. М. Мунчаев. Луговой могильник. Сб. «Древности Чечено-Ингушетии», т. 1. М., 1963, стр. 180, рис. 26, 1; Е. И. Крупнов. Новое в изучении древней истории Северного Кавказа. Сб. «Археологические открытия 1965 года». М., 1966, стр. 35, рис. 3; В. Б. Виноградов. Новые комплексы скифского времени из Чечено-Ингушетии. СА, 1970, № 3, стр. 206, рис. 4.
- ⁴ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа..., стр. 98; В. Б. Виноградов. Новые комплексы скифского времени..., стр. 207—208.
- ⁵ В. И. Марковин. Отзыв о работе М. Х. Багаева «Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии», представленной к защите в качестве кандидатской диссертации (Выступление на защите диссертации в 1971 г., стр. 4—5).
Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник. МАД, т. II. Махачкала, 1961, стр. 256; Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, стр. 77.
- ⁷ И. Г. Хынку. Лимбарь — средневековый могильник XII—XIV вв. в Молдавии. Кишинев. 1970, стр. 14, рис. 5, 5.
- ⁸ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. II, 3; табл. 47, 8; табл. 70, 3; табл. 71, 1.
- ⁹ Р. М. Мунчаев. Луговой могильник, рис. 7, 3; рис. 10, 2—4 и сл.; С. А. Есаян. Амулеты, связанные с культом солнца из Армении. СА, 1968, № 2, рис. 2, 2, 3, 8, 11, 12, 15.
- ¹⁰ В. И. Марковин. Материалы по археологии горной части Восточной Чечни. «Археолого-этнографический сборник». «Известия ЧИНИИЯЛ», т. III, вып. 1. Грозный, 1966, стр. 130.
- ¹¹ В. Б. Виноградов. Новые комплексы скифского времени..., стр. 208.
- ¹² Е. И. Крупнов. Проблема происхождения осетин по археологическим данным. Сб. «Происхождение осетинского народа». Орджоникидзе, 1967, стр. 34.
- ¹³ Пользуясь случаем, приношу Т. Б. Барцевой искреннюю благодарность.
- ¹⁴ Б. А. Рыбаков. О двух культурах древнего феодализма. Сб. «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма». М., 1970, стр. 26.

С. А. Плетнева

Сосуды с зооморфными чертами в салтово-маяцких древностях

В настоящее время в нашей литературе накопилось уже довольно много работ о керамических сосудах с так называемыми зооморфными ручками или иными отдельными «звериными» чертами (глазами, рогами, сосцами и пр.), которыми снабжались некоторые типы сосудов, довольно широко распространенные в сарматскую эпоху в ряде областей Советского Союза (Крым, Северном Кавказе, Прикубанье, Нижнем Подонье, Нижнем Поволжье, Азербайджане и Средней Азии)¹.

Последняя подробная сводка этих сосудов дана в большой статье М. П. Абрамовой, которая, в отличие от предшествующих ей исследователей, рассмотрела зооморфные черты на керамике на всей территории их бытования и разделила сосуды на несколько хронологических этапов (от IV в. до н. э. по XI в. н. э.)². Категорически отрицая принадлежность сосудов с зооморфными ручками собственно сарматам, М. П. Абрамова в то же время считает, что «в позднем периоде (V—XI вв.),

когда вообще происходит нивелировка в материальной культуре местных и аланских племен, они распространяются среди инвентаря катакомбных погребений алан»³. Не менее важен для нас и другой вывод М. П. Абрамовой — о локализации этих сосудов в позднее время исключительно в центральных районах Северного Кавказа (Северной Осетии и Кабардино-Балкарии)⁴.

В VIII—IX вв. сосуды с зооморфными чертами появились, помимо Северного Кавказа, и в синхронных северокавказским аланам памятниках, принадлежавших населению верховий Северского Донца и Дона, в так называемом аланском варианте салтово-маяцкой культуры⁵. Об этом очень коротко упоминает в заключении своего исследования К. М. Скалон⁶. М. П. Абрамова вообще не остановилась на этом интереснейшем вопросе. Объясняется это молчание тем, что до последнего времени нам были известны в салтово-маяцкой культуре только отдельные экземпляры сосудов с ручками в виде схематизированно изображенных животных.

Думается, что из-за этой схематичности и, главное, из-за крайней редкости находок даже и примитивных изображений они так и не привлекли внимания ученых.

С 1957 г. ведется исследование катакомбного, в основном аланского, могильника, расположенного на одном из небольших притоков верховий Северского Донца — речке Короче (у с. Дмитровки Шебекинского района Белгородской области). Результаты раскопок частично опубликованы⁷. Однако в предыдущих публикациях вопрос о сосудах с зооморфными чертами, в большом количестве попадавшихся в раскапываемых погребениях катакомбах, совершенно не затрагивался.

Всего на могильнике обнаружено 359 сосудов. Все они делятся по функциональному назначению, способу изготовления и орнаментации на ряд отделов и групп. Предварительная, более или менее обстоятельная характеристика их дана была в ряде работ о салтово-маяцкой керамике⁸.

Нас интересует та группа сосудов, которая сопровождается зооморфными мотивами. Зооморфные мотивы, в подавляющем большинстве случаев представленные в виде ручек, изображавших сильно стилизованных животных, характерны исключительно для сосудов, объединенных нами в группу кружек.

Это тонкостенные сосуды, изготовленные на гончарном круге из хорошо отмученного теста. Тулово сосудов приземистое, горло широкое, венчик прямой (редко с нешироким раструбом), без слива. Цвет обжига черный или темно-серый, иногда — желтый. Поверхность лощеная, горло покрывалось вертикальным лощением, тулово — чаще горизонтальным. Изредка у линии стыка горла с туловом проводился один желобок, нанесли вертикальные насечки или пояс из сетчатого лощеного же узора.

Каждая кружка снабжена массивной ручкой, прикрепленной одним концом к середине горла, другим — к средней или нижней части тулова. Форма ручек двоякая: простая (кольцевая или овальная) и двойная, т. е. стилизованная, зооморфная. Всего из погребений Дмитровского могильника извлечено 105 кружек, из них 62 относятся ко второй подгруппе — с зооморфными ручками.

Рис. 1. Кружки с зооморфными ручками
 1, 2 — тип I; 3 — тип II; 4 — тип I (с сосцами на тулове)

Рассмотрим их подробнее.

По соотношению высоты сосуда с высотой тулова кружки с зооморфными ручками делятся на два основных типа. В первый входят кружечки с соотношением 1 : 0,5 (22 экз.). Тулово у них приземистое и раздутое (соотношение высоты и ширины 1 : 2 и иногда даже 1 : 3). Как правило, наибольший диаметр тулова приходится на середину его высоты (рис. 1, 1). Попадаются экземпляры, у которых широкая часть тулова приходится примерно на $\frac{1}{3}$ его высоты (рис. 1, 2). В таких случаях кажется, что сосуды эти относятся не к первому, а ко второму типу, так как тулово у них представляется значительно более плоским, чем у кружек с туловом, раздутым на середине высоты. Второй тип включает кружки с соотношением высот 1 : 0,3, 3 : 0,4 (37 экз.). Тулово у них еще более приземистое и сплющенное, чем у кружек первого типа (рис. 1, 3).

Что представляют собой зооморфные ручки, которые и являются по существу предметом нашего исследования?

Форма их чрезвычайно однообразна и лишь отдаленно напоминает фигурку какого-то животного, морда которого прикреплена к горлу, передние ноги упираются в плечико, а задние — в нижнюю часть сосуда. В результате получалась фигура с двумя отверстиями для пальцев, что

Рис. 2. Типы зооморфных ручек на кружках
 1, 2 — тип I; 3 — тип II; 4 — ручка с мордочкой лошади; 5 — тип III

и позволило эти ручки называть «двойными». Животное, очевидно, изображалось пасущимся, поэтому мордой оно касается земли (поверхность сосуда). Нам повезло в одной из катакомб (79) обнаружить кружку с ручкой, на которой вылеплена мордочка животного с ушами и горбатым носом (рис. 2, 4). Именно такие фигурки с горбоносими мордами и острыми ушами, единодушно признанные исследователями изображениями лошадей, прикреплялись дагестанскими гончарами начала I тыс. на изготавливаемые ими кувшины.

М. П. Абрамова наметила примерные районы распространения того или иного изображения животного на сосудах в сарматскую эпоху: для Крыма I—II вв. характерен кабан, птица, собака; в те же века и позднее (в III—V вв.) на Дону и в Прикубанье к сосудам прикреплялись фигурки барана (более или менее стилизованные). Для средневековых памятников Северного Кавказа (VII—IX вв.) характерны в общем силь-

рой — кружки с тем же соотношением корпуса и ручками, имеющими заострение в верхней части; к третьей группе относятся кружки с уплощенным туловом и ручками с увеличенным нижним отверстием; к четвертой — кружки с уплощенным туловом и большим верхним отверстием в ручках.

Разница между этими группами — не хронологическая. Кружки разных групп встречаются не только в синхронных катакомбах. Нередко в одной и той же камере или дромосе помещались кружки двух или даже трех различных групп¹⁰.

Очевидно, это объясняется наличием нескольких мастерских или мастеров, изготавливавших подобные сосуды. Особенно заметна рука одного мастера на кружках с заострением на месте ушек. Форма самих кружек, простое продольное лощение и форма ручек с резко выделенными гранями не оставляют сомнения в том, что все они сделаны одним человеком. То же можно сказать и о кружках с плоским туловом и ручками с большим верхним отверстием. Их объединяет как тождество формы, так и клеймо мастера (свастика) на донцах двух из них, отпечатанное явно на одном гончарном круге. Интересно, что другой знак мастера, двусторонний двузубец, встречен на кружках другой группы (второй). Таким образом, в районе нынешнего с. Дмитровки кружки с зооморфными ручками изготавливались несколькими мастерами-ремесленниками.

Как уже говорилось, ручки являлись стилизованными фигурками пащущихся лошадей. Поза эта вполне соответствует назначению предмета — сосуда для питья или пищи. То же значение сосудов — вместилищ пищи — подчеркивалось и изображениями сосцов на тулове нескольких обнаруженных на этом могильнике сосудиков (рис. 1, 4).

Что касается породы изображенного на ручке животного — лошади, то мы знаем, какую роль играла лошадь в религиозных представлениях людей, похороненных на Дмитровском могильнике. В катакомбах не раз находили в женских и детских погребениях бронзовые охранные амулеты, изображавшие лошадь¹¹. Видимо, ту же роль амулета играли и зооморфные ручки на кружках. Нам удалось проследить, что подавляющее большинство кружек с такими ручками найдено в камерах и дромосах тех катакомб, в которых находились погребения детей разного возраста (от грудного до 12—14 лет). Остальные кружки обнаружены при женских погребениях, преимущественно при старухах (рис. 3б). Интересно, что амулеты также обычно находили только при старческих женских и детских скелетах.

Итак, кружки с зооморфными ручками, обнаруженные на Дмитровском могильнике, представляют значительный интерес для решения различных вопросов, касающихся как хозяйства (ремесла), так и идеологических представлений алан, живших на северо-западной окраине Хазарского каганата. Еще большее значение эти находки имеют для решения одной из основных проблем салтово-маяцкой культуры — проблемы ее происхождения.

Тождество погребального катакомбного обряда лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры с погребальным обрядом северокавказских алан, тождество антропологических показателей — достаточно весомые до-

казательства того, что на лесостепных берегах Северского Донца и Дона жили аланы. Были ли эти аланы остатками местного, сарматского населения или они явились сюда с предгорий Северного Кавказа? Вопрос этот неоднократно ставился учеными в работах о салтово-маяцкой культуре и ее создателях. Решался он по-разному. Однако в последнее время получила признание вторая точка зрения, а именно — о непосредственной генетической связи северокавказской культуры алан с салтово-маяцкой.

Салтово-маяцкая культура возникла на Дону и Донце только в начале VIII в. Памятники более раннего времени, которые бы помогли связать ее с предшествующим (сарматским) временем, пока неизвестны. В то же время близость аланских культур Северного Кавказа и Подонья очевидна. Эта близость становится особенно разительной, если учесть, что один из характернейших признаков северокавказских аланских древностей — зооморфные черты на керамике — встречается в VIII—IX вв. только в Верхнем Подонье, там, где до этого времени подобной керамики не знали.

Следует, однако, помнить, что сосуды с зооморфными ручками известны далеко не на всех памятниках лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. В самом Салтовском могильнике их очень мало (несколько штук), несмотря на сотни открытых там катакомб. На остальных могильниках и поселениях этого варианта их нет совсем. Впрочем, и исследованы эти памятники еще недостаточно, судить об их керамическом комплексе мы не можем. Зато совершенно уверенно можно говорить о полном отсутствии сосудов с зооморфными ручками на памятниках других вариантов этой культуры: крымском, нижнедонском, приазовском, т. е. на памятниках, которые связываются с другим этносом — с протоболгарами.

Все это свидетельствует, очевидно, о том, что не все население лесостепного варианта пришло с Северного Кавказа. Вполне возможно, что с выходцами из кавказских предгорий можно связывать только те памятники, на которых встречаются характернейшие для аланских кавказских памятников сосуды с зооморфными ручками. В настоящее время мы уверенно говорим о связях с Северным Кавказом только обитателей Дмитровских городища и селищ, хотя, несомненно, существовали эти связи и с жителями большого «салтовского» района, расположенного немного южнее Дмитровки. Там это подтверждается находками треугольных «рогатых» поясных пряжек, хорошо известных в дагестанских памятниках VII—IX вв., т. е. на той же территории, где распространены были (правда, на несколько веков раньше) зооморфные ручки в виде лошадок, характерные и для салтово-маяцких кружек.

Эти факты служат дополнительными доказательствами переселения части восточной ветви алан на Дон¹². В начале VIII в. аланы именно Восточного и Центрального Предкавказья подверглись сокрушительным ударам арабских войск¹³. Остатки многих разоренных войной аланских родов отступили, видимо, вместе с войсками хазарского кагана на север (за Дон), а затем, поднявшись по рекам, осели на удобных, напоминающих родные горы, высоких прибрежных холмах в верховьях Дона и его притоков.

- ¹ К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода. «Труды ОИПК», 1. Л., 1941, стр. 173—218; Е. Г. Кистанаян. Сарматские сосуды из Тиритаки. СА, XV, 1951; она же. Художественные элементы в лепной керамике Боспора. Сб. «Античные города Северного Причерноморья». М.—Л., 1955; В. Б. Виноградов. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике. «Археологический сборник МГУ». М., 1961.
- ² М. П. Абрамова. О керамике с зооморфными ручками. СА, № 2, 1969.
- ³ Там же, стр. 81.
- ⁴ Там же.
- ⁵ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. МИА, № 142. 1967, стр. 186.
- ⁶ К. М. Скалон. Изображение животных..., стр. 214, 215, табл. XVI.
- ⁷ См.: С. А. Плетнева. От кочевий к городам, стр. 103—134, (На рис. 28—30 представлены сосуды из Дмитровского могильника; в прим. 1 дан перечень работ, посвященных салтово-маяцкой керамике).
- ⁸ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, стр. 103—134.
- ⁹ М. П. Абрамова. О керамике с зооморфными ручками, стр. 77, рис. 3, 41, 43, 44.
- ¹⁰ Удалось установить, что кружки с зооморфными ручками никогда не встречаются только в самых поздних катакомбах конца IX в., расположенных на окраинах могильника.
- ¹¹ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, стр. 176, рис. 49.
- ¹² Там же, стр. 91, 184, рис. 23, 3
- ¹³ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 218.

В. А. Кузнецов

К вопросу о производстве стали в Алании

Алания — одно из первых государственных образований на севере Кавказа, занимавшее обширную территорию в междуречье Кубани и Терека и игравшее крупную роль в международной жизни Юго-Востока Европы. Археологические материалы, хранящиеся в центральных и кавказских музеях и относящиеся к аланской культуре второй половины I — первым векам II тыс. н. э., свидетельствуют не только о высоком уровне этой культуры в целом, но и о высоком уровне местного ремесленного производства. Историческая важность и актуальность изучения средневекового ремесленного производства не нуждается в особых обоснованиях. Тем не менее специального исследования аланского ремесла до сих пор фактически не предпринималось.

Ведущее место в аланском ремесленном производстве занимали черная металлургия и металлообработка. Местная рудная база полностью обеспечивала потребности этого производства в исходном сырье¹. Одно из северокавказских железорудных месторождений — Малкинское, особенно благоприятно для прямого восстановления железа благодаря наличию в нем хрома и никеля².

Основываясь на многочисленных месторождениях Северного Кавказа, местная металлургия железа делает большие успехи уже в кобанский период³. В эпоху раннего средневековья кузнечное дело получает необычайный размах, обеспечивая население как первоклассным по тому времени наступательным и оборонительным оружием, так и орудиями труда, пред-

метами быта и т. п. Номенклатура кузнечных изделий насчитывает многие десятки наименований, но мы остановимся здесь на одном важном вопросе — о производстве в Алании стали и изделий из нее.

Наиболее ранние предметы из стали известны на Северном Кавказе уже в эпоху раннего железа (Келермесские курганы, VI в. до н. э.)⁴. Средневековые источники дают нам ценные сведения об аланском кузнечном производстве и об изделиях из стали. Так, армянский автор XI в. Шапух Багратуни пишет об Алании: «Это страна, полная всяческих благ, есть в ней много золота и великолепных одеяний, благородных коней и стального оружия, закаленного кровью пресмыкающихся, кольчуг и благородных камней»⁵. В середине XIII в. Гильом Рубрук видел у монголов прекрасные аланские латы, а в XV в. византиец Лаоник Халкокондилас, компилировавший более ранние источники, свидетельствует об оружии из бронзы, которое делают аланы и которое называется аланским⁶. В. Ф. Миллер прав, указывая на то, что бронза в то время — явный анахронизм, и мы вправе считать, что в позднеаланский период оружие делалось исключительно из железа и стали.

Эти предположения подтверждаются пока еще скромными результатами металлографических исследований. В конце 20-х годов В. В. Арендтом было выполнено первое металлографическое и химическое исследование двух сабель так называемого хазарского типа, широко распространенного в VIII—IX вв. на юго-востоке Европы. Следует отметить достаточно совершенную методику, примененную Арендтом, — взятие шлифов, изучение макро- и микроструктуры, химические и рентгеновские анализы. Было установлено, что клинки имели наварные стальные лезвия с содержанием углерода до 0,75%⁷.

Исходя из своей предвзятой теории о том, что распространителями сабли «хазарского» типа были мадьяры, Арендт все эти сабли связывал прямо или косвенно с мадьярами. Но из 31 учтенной Арендтом сабли 17 происходят из кавказских или заведомо аланских могильников (сабли с паспортом «Северный Кавказ», Кобань, Рутха, ст. Фельдмаршальская, Новороссийск, Майкоп, Верхнее Салтово). Как видим, большая часть интересующих нас сабель приходится на Кавказ.

В 1958—1962 гг. Северокавказская экспедиция ИА АН СССР и Североосетинского НИИ вела раскопки крупнейшего городища Северной Осетии «Верхний Джулат» (нач. экспедиции Е. И. Крупнов). Из числа найденных железных предметов 18 были подвергнуты металлографическому анализу (исследованы семнадцать ножей и одно кресало). Один нож был изготовлен путем сварки двух полос — стальной и железной, причем на лезвие ножа выходит сталь. Пять ножей были выкованы целиком из стали, в основном малоуглеродистой, структурно неоднородной. Все изделия подвергались термической обработке. Привожу выводы, ставшие возможными после металлографического анализа: «Техника обработки металла, исходя из оценки технологии ножей, стояла на достаточно высоком для своего времени уровне. Ножи изготавливались, вероятнее всего, специальными кузнецами, в совершенстве владевшими техникой сварки железа и стали, режимами термической обработки и другими операциями. Хорошее качество железа и стали говорит о высоком уровне разви-

тия металлургии и профессионализме металлургов, поставлявших железо кузнецам»⁸.

Следует подчеркнуть, что сварка железа и стали — достаточно сложная операция⁹. Местные мастера в совершенстве владели как этой, так и другими операциями и технологическими приемами.

Г. А. Вознесенской было произведено металлографическое исследование сабли «хазарского» типа (рис. 1), найденной случайно на Нижне-Архызском городище X—XIII вв., в Карачаево-Черкесской автономной области. Длина сабли 72,8 см, ширина клинка в верхней части 2,8 см, в нижней части 2,5 см, толщина в верхней части 0,5 см; клинок имеет хорошо заметный изгиб, в средней точке достигающий 1,01 см. Сабля может быть

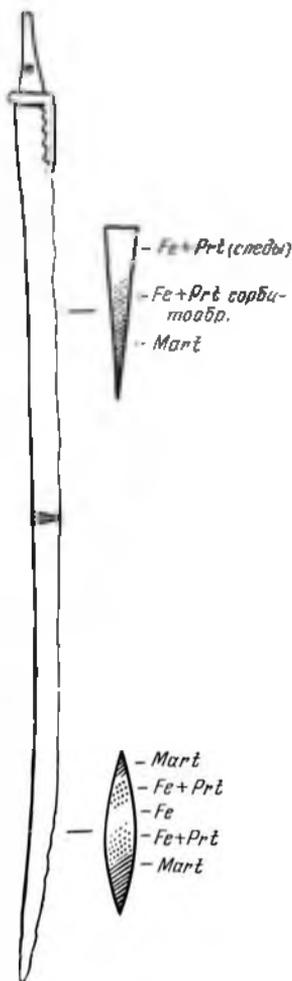
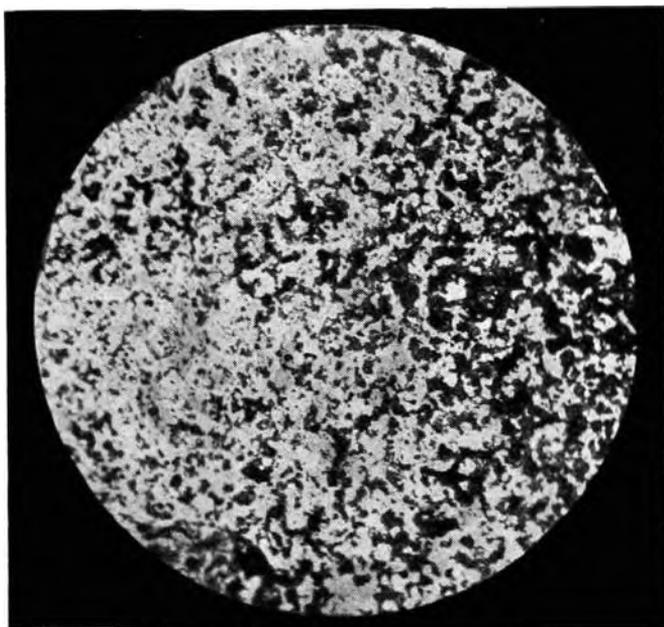

Рис. 1. Сабля из Нижнего Архыза и ее технологическая схема

Рис. 2. Сабля из Нижнего Архыза. Микроструктура лезвия (мартенсит с трооститом). Увелич. 70 раз

датирована XI—XII вв. Привожу заключение Г. А. Вознесенской: «В результате исследования удалось установить, что клинок был откован из сыродутного железа. Готовое изделие было подвергнуто локальной цементации (науглероживанию). Цементировалось только лезвие сабли, остальная часть ее была изолирована от науглероживания (вероятно, обмазывалась глиной). У обоюдоострой части клинка цементировались оба лезвия. В результате цементации лезвие сабли получилось из высокоуглеродистой стали. Последующей операцией была термическая обработка — сабля закалена в холодной воде. Стальное лезвие получило структуру мелкоугольчатого мартенсита (рис. 2), обеспечивавшую наивысшую твердость стали. Микротвердость мартенсита к обоюдоострой части клинка — 1100 кг/кв. мм.

Сама операция цементации довольно сложна для такого большого изделия, не менее сложна и его термообработка. Тем не менее все операции проведены безукоризненно. Качество металла отличное: шлаковых включений очень мало, структура мелкозернистая. Технология, которую мы наблюдаем на этой сабле, очень целесообразна. Она дает клинку наивысшую твердость, следовательно, и остроту лезвия в сочетании с мягкой и пластичной сердцевиной клинка, что обеспечивало сабле необходимую гибкость». Добавим, что наряду с закалкой в воде у народов Северного Кавказа издавна существовали и другие способы закаливания: в струе холодного воздуха¹⁰, в растительном или животном жире. У адыгов, например, закалка одного изделия производилась до семи раз¹¹. Не исключено, что подобная многократная закалка была применена и при изготовлении нижнеархызской сабли.

Исследованная сабля принадлежит к числу обычных и вполне «рядовых» аланских сабель. Характерная для нижнеархызской сабли деталь — накладка в верхней части лезвия и под прямым углом идущая под перекрестие. Другая сабля с точно такой накладкой происходит из любительских раскопок учителя А. Кузьмина в окрестностях г. Карачаевска¹² и хранится в Ставропольском краеведческом музее. Датировается по комплексу X—XII вв. Великолепные сабли того же типа и с аналогичными накладками в верхней части клинка были найдены П. А. Дитлером в погребениях XI—XII вв. Колосовского могильника на р. Фарс¹³. Все находки подобных сабель с накладками в верхней части клинка концентрируются в восточной части Прикубанья, что и указывает на их местное производство.

Металлографический анализ сабли из Нижнего Архыза и ее технологическая схема (рис. 1) свидетельствуют о том, что аланские сабли X—XII вв. обладали такими необходимыми и ценными качествами, как упругость и вязкость клинка, максимальная твердость лезвия.

Был произведен металлографический анализ сабли из Змейского катакомбного могильника (катакомба № 46). По поперечному сечению клинка сделан шлиф, обнаруживший ферритно-перлитную структуру с неравномерным содержанием и распределением углерода. Есть чисто ферритные зоны. Перлит имеет сорбитообразный характер. Шлаковых включений довольно много. Вывод — клинок сабли откован из мягкой сырцово-й стали невысокого качества; дополнительных технологических операций по

улучшению рабочих качеств клинка не установлено. Однако нужно заметить, что клинок плохой сохранности и что металлографическое исследование его было затруднено.

Имеющиеся сейчас в нашем распоряжении скромные данные, полученные при помощи современных лабораторных исследований, позволяют говорить о том, что производство стали и стальных изделий у кавказских алан в X—XIII вв. не вызывает сомнений, причем вряд ли мы ошибемся, априорно допуская существование производства стали и в предшествующий период; при производстве стальных изделий применялась вполне современная по тому времени технология; имеющийся материал свидетельствует о высоком профессиональном уровне аланских кузнецов.

- ¹ Н. К. Мхитаров. Черные металлы Северо-Кавказского края. Природные богатства Северо-Кавказского края. Пятигорск, 1935; М. Н. Шерстюков. Полезные ископаемые Северо-Кавказского края. Ростов-Дон, 1926, стр. 16—18; Д. П. Сердюченко. Полезные ископаемые Северо-Кавказского края и проблема их практического использования. Ростов-Дон, 1932, стр. 10—11.
- ² А. Корженевский. Малкинское железохромоникелевое месторождение в Кабардино-Балкарской автономной области. Северный Кавказ — мощная минерально-сырьевая база СССР. Ростов-Дон, 1932, стр. 199—208; Д. П. Сердюченко. Полезные ископаемые..., стр. 10.
- ³ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- ⁴ Б. А. Шрамко, Л. А. Солнцев, Л. Д. Фомин. Металл скифов — железо и сталь. Методы естественных и технических наук в археологии. «Тезисы докладов на Всесоюзном совещании по применению в археологии методов естественных и технических наук». М., 1963, стр. 35—36.
- ⁵ Архив Северо-Осетинского НИИ, ф. 1. 137, л. 54 (перевод-М. Дарбиняна).
- ⁶ Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957, стр. 186;
- В. Ф. Миллер. Терская область. Археологические экскурсии. МАК, I. М., 1888. стр. 118.
- ⁷ В. В. Арндт. О технике древнего клинового производства. Архив истории науки и техники, вып. 8. М.—Л., 1936, стр. 166; он же. Türkische Säbel aus der VIII—IX Jahrhunderten. «Archaeologia Hungarica», XVI. Budapest, 1935, S. 49—50.
- ⁸ Приношу глубокую благодарность Г. А. Вознесенской за выполненные ею анализы. Анализы производились в лаборатории ИА АН СССР.
- ⁹ В. Ф. Скуратов. Сельская кузница. Л., 1927. стр. 18.
- ¹⁰ В. В. Арндт. О технике древнего клинового производства, стр. 165.
- ¹¹ М. А. Меретуков. Кузнечное ремесло у адыгов в XIX веке. «Ученые записки Адыгейского НИИ». Т. IV, История и этнография. Майкоп, 1965, стр. 98.
- ¹² А. К. Кузьминов. Средневековый могильник на горе Дардон у Карачаевска. «Труды Карачаево-Черкесского НИИ», серия историческая, вып. VI. Ставрополь, 1970, стр. 398—422.
- ¹³ П. А. Дитлер. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс. «Труды Адыгейского НИИ», т. II. Майкоп, 1961, табл. XVIII. 1, 2; табл. XIX, 1, 3.

Шелк в торговых связях Владимиро-Суздальской Руси со Средней Азией

В эпоху раннего средневековья шелк, согласно письменным источникам, составлял одну из самых значительных статей импорта Руси из Византии и стран мусульманского Востока.

Дорогие шелковые ткани шли на изготовление парадной одежды феодальной знати; роскошные материи из шелка широко применялись и в церковном быту.

Сельское население, а также рядовое население русских городов использовали более дешевые сорта шелка для декорировки платья: обшивались ворот и обшлага рукавов, украшались головной убор. Из шелковых тканей делались также футляры для кошельков, гребней и пр.

О многообразии тканей, которые привозили из стран Востока, дает представление коллекция шелковых материй, хранящаяся в Государственном историческом музее. Она состоит из фрагментов шелка, найденных на территории Древней Руси более чем в 40 различных памятниках X—XIII вв.— в княжеских гробницах, кладках, курганах, оставленных сельским населением. Эта коллекция, хотя и небольшая (включает всего около 150 образцов шелкового текстиля), содержит ткани всевозможных переплетений и различных узоров, что позволяет сравнительно полно изучить ассортимент шелковых материй, из которых складывался русский импорт. Преобладающая часть материала этой коллекции достаточно точно датирована и может служить критерием для хронологического определения некоторых сортов шелка.

Структурный анализ шелковых тканей данной коллекции¹ выявил существенные различия в способе соединения нитей основы с нитями утка в процессе выработки этих материй на ткацких станках. Так, среди одноцветного безузорного шелка, который составляет $\frac{1}{3}$ всей нашей коллекции, встречаются ткани полотняного и саржевого (киперного) переплетения, а также ткани двухлинные с саржевым переплетением на лицевой стороне. Имеются ткани хорошего качества, значительной плотности, выполненные из ровной крученой пряжи, и материи более низкого качества, вытканые из некрученых нитей. Эти отличия в технике изготовления тканей, а также в качестве пряжи указывают на то, что шелковые ткани поступали на русский рынок из различных центров шелкоткачества.

В настоящей статье мы коснемся только одной из групп импортных тканей, выявленных структурным анализом, специфической особенностью которой является почти полное отсутствие крутки нитей основы. Перечень тканей приводится в хронологической последовательности.

1. Гладкокрашенная шелковая ткань полотняного переплетения из кургана 10 близ с. Давыдково Ивановской обл., XI в., инв. № 55 421. Основа и уток из некрученой пряжи. Плотность ткани 40×40 н/см. Украшена золотым шитьем местной работы (рис. 1, 1).

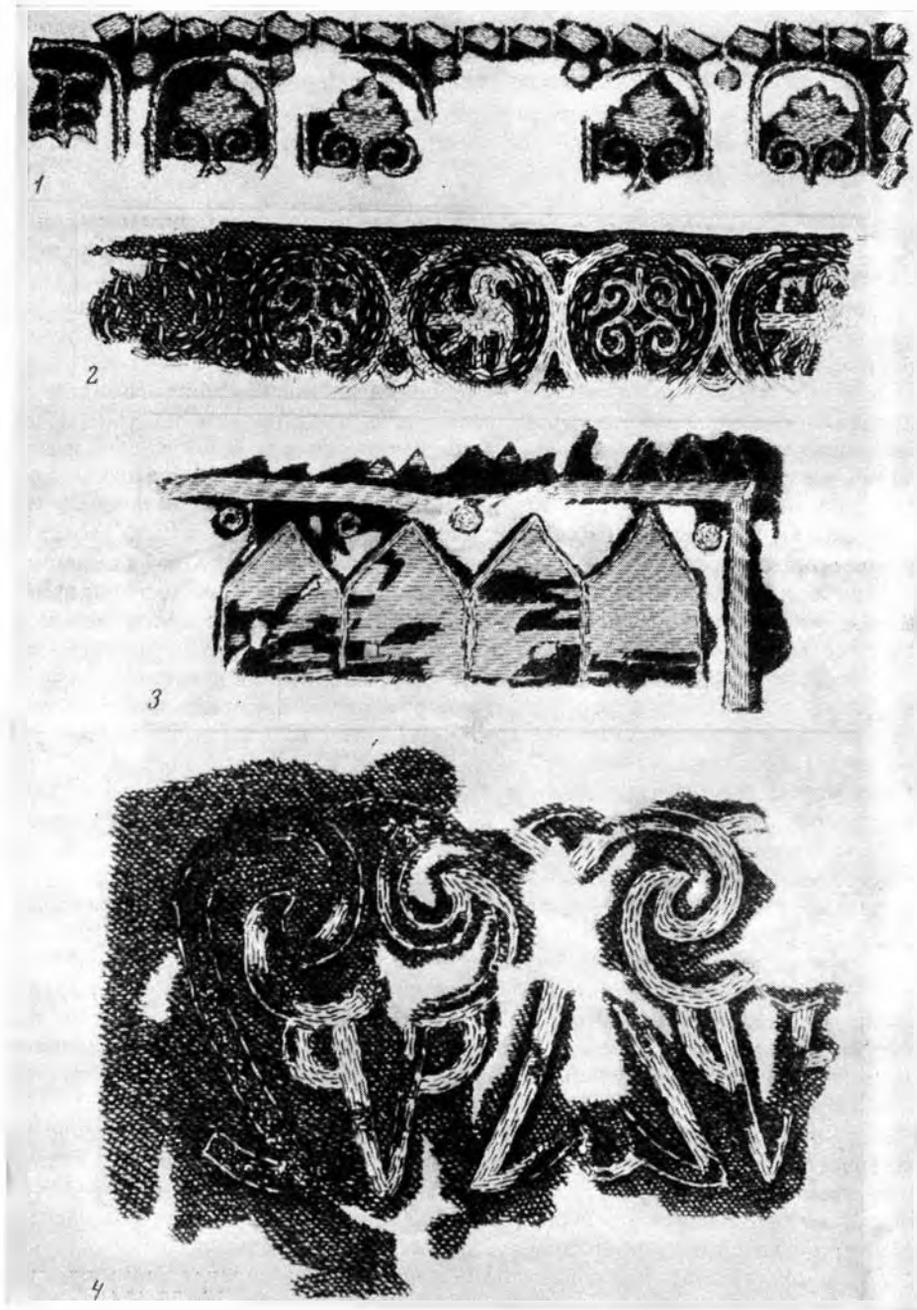

Рис. 1. Шелковые ткани с золотым шитьем (1—4)

2. Фрагмент «ожерелья» (9 × 3 см) из женского погребения у дер. Давыдково (курган 187) Ивановской области. XI в., инв. № 55421. Гладкокрашенный шелк полотняного переплетения. Основа и уток из некрученных нитей. Плотность ткани 44 × 30 н/см. Сохранились следы золотного шитья.

3. Фрагменты узорной ткани (9,5 × 8,5 см; 5,6 × 5,2 см) из кургана у дер. Воробьево Калининской области, XI в., инв. № 78605. Двухцветный шелк (по желтому фону зеленый орнамент, расположенный полосами) киперного переплетения. Основа из тонкой некрученой пряжи, уток из толстых некрученных нитей. Плотность ткани 40 × 20 н/см. Узор из-за плохой сохранности ткани полностью выявить не удалось.

4. Шелковая ткань (14 × 3,7 см) из кургана у дер. Быково Владимирской области, XII в., инв. № 55421. Гладкокрашенная, двухличная, саржевого переплетения. Основа и уток из некрученных нитей. Плотность ткани 66 × 50 н/см. Сохранились следы золотного шитья.

5. Шелковая ткань (2,5 × 2,5 см) из кургана близ дер. Исады Владимирской области, XII в., инв. № 55421. Гладкокрашенная, полотняного переплетения. Основа и уток из некрученой пряжи. Плотность ткани 36—30 н/см.

6. Фрагмент головного венчика (10 × 2 см) из женского погребения у с. Осеево Московской области, XII в., инв. № 78607. Гладкокрашенный шелк полотняного переплетения. Основа из тонкой слабокрученой пряжи, уток из нитей без крутки. Плотность ткани 36 × 36 н/см. Сохранилось золотное шитье местной работы (рис. 1, 2).

7. Фрагмент ткани (6,5 × 5,5 см), видимо от «ожерелья», из кургана у дер. Калчуга Московской области, XII в. Гладкокрашенная, полотняного переплетения. Основа из слабо крученой пряжи, уток из некрученных нитей. Плотность ткани 38 × 26 н/см. Сохранились следы золотного шитья.

8. Фрагмент шелка (9,5 × 7 см), видимо от «ожерелья», из кургана у дер. Шушпаново Владимирской области, XII в., инв. № 78605. Гладкокрашенная ткань полотняного переплетения. Основа и уток из некрученой пряжи. Плотность ткани 30 × 30 н/см. Сохранились следы золотного шитья местной работы (рис. 1, 4).

9. Фрагменты ткани от одежды из клада, обнаруженного в Киеве в 1903 г. (в усадьбе бывшего Михайловского монастыря), XII — начало XIII в., инв. № 49876. Гладкокрашенный шелк полотняного переплетения. Основа из пряжи небольшой крутки, уток из некрученных нитей. Как по основе, так и по утку пряжа неравномерная. Плотность ткани 25 × 25 н/см.

10. Фрагмент отделки ворота (11 × 4,8 см) женского платья из погребения у дер. Маклаково (курган 21) Рязанской области, конец XII — начало XIII в., инв. № 101844 г. Гладкокрашенный шелк полотняного переплетения. Основа и уток из некрученой пряжи. Плотность ткани 32 × 32 н/см. Украшена золотным шитьем местной работы (рис. 1, 3).

Изучение перечисленных образцов показывает, что почти все ткани этой группы исполнены полотняным и киперным переплетением с одной основой и одним утком. Они не отличаются большой плотностью. Так,

плотность нитей по основе у этих тканей колеблется от 25 до 66 на см, а по утку — 20—50 нитей на см.

Как выше отмечалось, характерным является для этой группы тканей почти полное отсутствие крутки основы. Эта черта не типична для шелкоткацких мастерских Византии, где материи ткали из сильно крученых нитей. Следовательно, эта особенность рассматриваемых тканей указывает на иное их происхождение.

Известно, что в VII—IX вв. в окрестностях Бухары в селении Зандана вырабатывались роскошные узорные шелковые ткани из некрученой пряжи, известные на мировом рынке под названием «занданечи»². Это наводит на мысль, что ткани, найденные на территории Руси, также являются изделиями среднеазиатского ремесла. Правда, с конца X в. под тканью «занданечи» понималась в основном тонкосортная хлопчатобумажная материя, которая пользовалась большой популярностью за пределами Средней Азии³. Однако производство шелковых тканей в окрестностях Бухары и в других городах Средней Азии не прекратилось, последние занимали значительное место в экспорте⁴.

Любопытно, что, за исключением одной ткани из Киевского клада, все остальные фрагменты шелка, которые, по всей видимости, являются среднеазиатского происхождения, обнаружены на территории Владимиро-Суздальской (семь фрагментов) и сопредельных с ней Рязанской и Новгородской землях (два фрагмента). Это дает основание полагать, что в экономических связях Владимиро-Суздальского княжества со Средней Азией торговля шелком занимала важное место. Торговля эта шла по волжско-каспийскому пути через г. Булгар—крупнейший торговый город Поволжья.

¹ Структурный анализ тканей произведен ст. науч. сотрудником Института художественной промышленности Н. Т. Климовой.

² А. Л. Иерусалимская. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье. СА, 1967, № 2, стр. 60—61. Приложение.

³ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович. Из

истории среднеазиатского шелкоткачества. СА, 1961, № 2, стр. 76—77.

⁴ А. Якубовский. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. 1. Л., 1932, стр. 2, 3, 5; «История Узбекской ССР», т. 1. Ташкент, 1955, стр. 203.

Я. А. Федоров

Половецкое наследство в Приэльбрусье

«Вот как происходило событие, искры которого разлетелись во все стороны и зло которого простерлось на всех, как туча, которую гонит ветер... Тогда татары напали на алан, произвели между ними избиение, бесчинствовали, грабили, забирали пленных и пошли на кипчаков, которые спокойно разошлись на основании мира, который был заключен между

ними. Услышав эту весть, кипчаки бежали без всякого боя и удалились: одни укрылись в болотах, другие — в горах»¹.

Свидетельство современников об уходе части кипчаков в горы представляется чрезвычайно важным: можно предположить, что некоторые из половецких беглецов укрылись в горных ущельях Центрального Кавказа у своих кунаков-горцев, тех же алан, с которыми у кипчаков давно установились добрососедские отношения. «Картлис Цховреба» сообщает, например, что уже в 1118 г. грузинский царь Давид Строитель примирил алан с кипчаками². С тех пор прошло более ста лет, и дружба между ними укрепилась. Известно, что в час жестокого испытания аланы и кипчаки дружно выступили против общего врага — татаро-монгольских полчищ Чингисхана. Только обманом и посулами удалось коварному врагу нарушить алано-кипчакский союз. Кипчаки заплатились не меньше, чем покинутые ими аланы; нет ничего удивительного в том, что уцелевшие от погрома степняки нашли убежище у тех самых алан-горцев, которых они в свое время потеснили с предгорных равнин в глубину ущелий Приэльбрусья³. Этот факт, по справедливому мнению большинства исследователей, послужил решающим фактором формирования карачаево-балкарской народности⁴. Какие же памятники Приэльбрусья XIII—XIV вв. могут быть отнесены к половецким древностям?

С этой точки зрения особый интерес представляют грунтовые погребения конца XIII—начала XIV в. в урочище «Байрым», недалеко от балкарского аула Верхний Чегем. Могильник исследован в 1960—1961 гг. Г. И. Ионе⁵ и в 1965 г.—И. М. Мизиевым⁶. Байрымские погребения были совершены в деревянных составных гробах; могильные ямы обложены камнем. В одном из женских погребений обнаружены остатки одежды: кожаные сапожки, головной убор (шапочка), шерстяное платье с меховой вставкой на груди, нижняя рубаха и шаровары. Покрой одежды и головного убора напоминают одежду кипчаков XII—XIV вв., реконструированную по половецким каменным изваяниям.

И. М. Мизиевым был исследован могильник на горе Курнаят, около сел. Верхняя Балкария, в верховьях р. Черек⁷. Вскрыто 26 погребений, расположенных двумя группами. В первую группу вошли более ранние погребения, датируемые XIII—XIV вв., совершенные в каменных ящиках. Могилы не имели наружных отметок; в ящиках содержались коллективные погребения. Ориентировка погребений во всех случаях строго выдержана: головой на запад. Инвентарь содержал некоторые типично кочевнические вещи, например, бронзовые серьги в форме вопросительного знака с бусиной на конце стержня и пуговицы-бубенчики. Тип серег хорошо укладывается в общую датировку могильника и характерен для позднеполовецкого времени⁸. Как отмечает И. М. Мизиев, групповые погребения носят пережиточные черты местной раннесредневековой традиции, связанной с позднеаланской культурой. Надо полагать, что вещи кочевнического облика свидетельствуют о контактах местного аланского населения с пришельцами-половцами: именно в это время кипчаки, спасаясь от татаро-монгольского погрома, ушли в горные районы Балкарии.

В связи с этим особый интерес представляет вторая группа погребений Курнаятского могильника. Эти погребения примыкают по времени к

погребениям первой группы и датируются XIV—XVI вв. Хотя погребения этой группы также совершены в каменных ящиках, погребальный обряд приобретает яркие кочевнические черты. Все погребения имеют овальную каменную выкладку; курганная насыпь содержит большое количество камней — забутовку; под насыпью — массивная каменная плита, перекрывавшая ящик. Все погребения одиночные. Костяки покоились либо на деревянной доске, либо в деревянной колоде, обе половины которой скреплены железными скобами. Инвентарь погребений схож с инвентарем первой, более ранней группы. По-видимому, изменения в погребальном обряде, наблюдаемые в погребениях второй, более поздней группы Курнаятского могильника, отражают постепенное затухание местной традиции и могут свидетельствовать о начавшемся процессе смещения пришельцев-кочевников с аборигенами. Интересно, что в погребениях Курнаятского могильника полностью отсутствовала керамика, которая неизменно входила в состав погребального инвентаря предшествовавшей аланской эпохи. Все эти факты говорят о том, что в погребальном комплексе Курнаята, возможно, нашли отражение процессы начальной стадии формирования карачаево-балкарской народности.

Теперь обратимся к району Приэльбрусья, расположенному в верховьях Кубани. Речь идет о курганных погребениях, исследованных в конце прошлого века В. М. Сысоевым вблизи аула Хурзук в Большом Карачае. Е. П. Алексеева привлекает материалы этих раскопок для решения вопроса преемственных связей кипчаков и карачаевцев⁹. Здесь требуются некоторые уточнения.

Вот что рассказывает В. М. Сысоев (цитируем отрывок из его отчета): «По левую сторону реки Уллу-Кам, против Хурзука и ниже, по направлению к Учкулану, находится несколько небольших курганов, покрытых камнем... Здесь я произвел раскопки в двух местах. В первом случае, на глубине одного аршина, под слоем камней и тонким слоем земли нашли костяк в деревянном истлевшем гробу, составленном из двух колод. Костяк лежал на спине, головой на запад, лицо повернуто к югу. Около костяка справа находился большой железный нож. Во втором случае, на глубине одного аршина, под камнями же найдены следы костей и рассеяно три железные скобки, железный нож, железное огниво и маленькое колечко»¹⁰. По аналогии с другими северокавказскими погребениями такого типа Е. П. Алексеева датирует уллукамские курганы XIV—XVI вв. По ее мнению, эти погребения принадлежат ранним поселенцам-карачаевцам, проникшим в верховья Кубани задолго до массового заселения Большого Карачая выходцами с Баксана¹¹.

Прежде всего о датировке памятника. Соглашаясь с предлагаемой Е. П. Алексеевой нижней датой, считаю верхнюю недостаточно обоснованной вот на каком основании. По Г. А. Федорову-Давыдову камень в курганных насыпях появляется в степях Восточной Европы в половецкое время и наибольшее распространение приобретает во второй половине XIII—XIV в.¹² Гробы-колоды характерны для кочевнических погребений того же времени¹³. Напомню, что грунтовые погребения в деревянных гробах половецкого облика в Верхнем Чегеме также датируются концом XIII—XIV в.¹⁴ По-видимому, и уллукамские курганы

следует датировать в тех же хронологических рамках: для иной даты материалы раскопок В. М. Сысоева не дают оснований. В то же время устройство каменных насыпей уллукамских курганов находит ближайшие аналогии среди половецких памятников Восточной Европы¹⁵. Почему же не признать их кипчакскими, оставленными беглецами, укрывшимися в верховьях Кубани после разгрома северокавказских половец татаро-монголами? Такое предположение, кстати, соответствует разысканиям Л. И. Лаврова, доказывающего, что переселение карачаевцев с Баксана в верховья Кубани произошло не ранее второй половины XVII в.¹⁶ Впрочем, что касается вопроса переселения карачаевцев на Кубань, то здесь далеко не все ясно.

В самом деле, если карачаевцы заселили верховья Кубани только в XVII в., тогда версия о принадлежности уллукамских курганов кипчакам получит дополнительную аргументацию. В то же время придется допустить, что алано-кипчакские контакты происходили не только в нынешней Кабардино-Балкарии, но и в современном Большом Карачае. Соответственно придется расширить и зону этногенеза карачаевского народа, включив в нее Верхнюю Кубань. Может быть, далеко не случайно, что один из аулов большого Карачая носит название Карт-Джурт, что означает и на карачаевском, и на древнетюркском языках «Старая родина»¹⁷. Особый интерес в связи с этим представляют новейшие исследования Картджуртовского могильника, произведенные И. М. Мизиевым в 1969 г.¹⁸ Он раскопал группу погребений, расположенную рядом с теми, которые в свое время исследовала Е. П. Алексеева и отнесла к числу домусульманских памятников карачаевцев. Датировала Е. П. Алексеева Картджуртовской могильник XVII—XVIII вв.¹⁹ Обе группы погребений находятся к югу от аула Карт-Джурт и представляют собой курганный могильник с сильно оплывшим невысокими насыпями. Курганы, раскопанные И. М. Мизиевым, имели каменные выкладки вокруг могилы, а сами курганные насыпи содержали большое количество камня. Погребения были совершены в деревянных колодах, находившихся на небольшой глубине от дневной поверхности. Нетрудно сопоставить картджуртовские погребения с уллукамскими и половецкими погребениями Восточной Европы. Понятно и длительное сохранение традиций погребального обряда: известно, что пришельцы, попав в другую этнокультурную среду, упорно стремятся сохранять свои исконные традиции, свою идеологию и лишь с трудом поддаются ассимиляции; почти всегда при этом этнокультурный облик смешанного населения содержит элементы смешавшихся этнических групп. Так можно объяснить появление особенностей половецкого погребального обряда у ранних карачаевцев. Эти черты отражают заимствованные у половец идеологические представления, например культ небесного божества Тенгри. Понятие о Тенгри как о верховном божестве сохранялось у карачаевцев в пережиточной форме до недавнего времени, лишь название божества изменилось на Тейри. В карачаево-балкарском пантеоне Тейри — бог Неба, податель всякого добра.

Пусть бог Тейри даст успех и счастливую дорогу,
Пусть он в жизни принесет радость и отгонит
несчастье...

Так поется в старинной народной песне — «алгыш». Это слово означает «благопожелание», что само по себе говорит о первенствующем значении бога Тейри в языческом пантеоне карачаево-балкарского народа. По мнению А. И. Караевой, «алгыш» возник в языческой древности как гимн богу неба Тейри, о чем говорит сохраняющаяся и поныне в некоторых вариантах архаическая форма заклинания: «Тейри берсин, ол насыбны» — «Да подаст это благо Тейри»²⁰.

Знаменательно, что в карачаевском языческом пантеоне наряду с тюркским Тейри известны божество охоты Апсаты, в котором нетрудно узнать осетино-аланского покровителя охоты Авшаты, и покровитель овец Аймуш, двойник адыгского Емиш. Религиозный синкретизм отразил этнические процессы, протекавшие в Приэльбрусье в XIV—XVI вв. Памятники, сохранившие половецкие черты в древностях Верхней Кубани, свидетельствуют о том, что здесь в сходных условиях с горными районами Балкарии формировалась ветвь карачаевского народа. Карачаевцы воссоединились уже в XVII в., когда в Кубанское ущелье выселились карачаевцы, жившие до того времени на Баксане. По мнению И. М. Мизиева, баксанским карачаевцам принадлежало поселение Эль-Джурт, датированное XIV—XVII вв.²¹

О том, что верховья Кубани составляли с бассейном верхнего Баксана единую этнокультурную зону, говорят некоторые наблюдения в области жилищного строительства карачаевцев, являющего общие черты и в Большом Карачае, и на Баксане. При этом совпадают не только приемы рубки стен, но и внутренняя планировка жилища, его оборудование, отопительная система, способ сооружения кровли²².

Формирование традиции срубного строительства в Большом Карачае уходит корнями в далекое прошлое и наверняка связано с половецким наследием. Стоит лишь вспомнить, что еще сравнительно недавно в Карачае строили многогранные срубные жилища. Примечательно, что такие жилища известны с глубокой древности там, где кочевники переходили к оседлому образу жизни. Едва ли не древнейшие многогранные срубы тюрков открыты на Таштыкском поселении на р. Кие в Алтайском крае. Поселение датируется I—III вв. н. э. По мнению Г. С. Мартынова, на основе многогранных жилищ таштыкской эпохи в более позднее время сложились подобные же жилища тюркских народов Южной Сибири²³. Можно утверждать, что и в Карачае многогранные срубные жилища возникли тем же путем модификации кочевнической юрты при переходе кипчакского населения Верхней Кубани к оседлости. Именно в это время возникла потребность замены переносной юрты стационарным жилищем. Е. Н. Студенецкая считает, что многогранные срубы дожили у карачаевцев до XIX в.²⁴ Со своей стороны добавлю, что нами обследованы в 1965 г. шестигранный сруб в заброшенном ныне высокогорном ауле Дуут. В центре сруба находилась опора, на которой покоилась крыша. Эту опору карачаевцы называют «багъана», что само по себе, как справедливо указывает Е. Н. Студенецкая, свидетельствует о преемственной связи карачаевской строительной традиции с кочевнической, в данном случае — с половецкой. Термином «багъана» кочевники-тюрки обозначали «шест», которым поднимают и подпирают кошмы или верхний круг юрты при ее

постройке. Иногда он ставился, — добавляет Е. Н. Студенецкая, — в готовой юрте в качестве опорного столба»²⁵. Связь в данном случае очевидна: опорный столб как в кочевнической юрте, так и в генетически связанном с ней карачаевском многоугольном жилище имел одну и ту же архитектурную форму, одинаковое назначение, а потому и одинаковое название — «багъана». Идея юртообразного сруба — одно из ярких проявлений половецкого наследства в Приэльбрусье.

В заключение следует отметить, что проблема половецкого наследства в целом — важнейший аспект этнической истории; поэтому решение ее — основа для плодотворной разработки вопросов происхождения тюркоязычных народов Северного Кавказа.

- ¹ *Ибн-ал-Асир. Совершенство по части летописания. В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, ч. 1. СПб., 1884. стр. 2, 26.*
- ² *Э. В. Анчабадзе. Кипчаки Северного Кавказа, по данным грузинских летописей. «Материалы научной сессии по проблемам происхождения балкарского и карачаевского народов». Нальчик, 1960, стр. 125.*
- ³ *Т. М. Минаева. К вопросу о половецях на Ставрополье по археологическим данным. «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. 11. Ставрополь, 1964, стр. 190—191.*
- ⁴ *Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, стр. 56; Л. И. Лавров. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. «Кавказский этнографический сборник», т. IV. М., 1969, стр. 77.*
- ⁵ *Г. И. Ионе. Археологические раскопки 1960 г. в районе селения Верхний Чегем. Архив Кабардино-Балкарского НИИ, пнв. № 1751, лл. 38—49, рис. 23, 30;*
- ⁶ *И. М. Мизиев. Средневековый могильник Байрым у с. Верхний Чегем. Сборник студенческих научных работ КБГУ», вып. III. Нальчик, 1964, стр. 15—21.*
- ⁷ *И. М. Мизиев. Могильник Курнаят в Кабардино-Балкарии. «Археологические открытия 1968 года». М., 1969, стр. 125—126.*
- ⁸ *Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 116.*
- ⁹ *Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы..., стр. 43—44.*
- ¹⁰ *В. М. Сысоев. Археологические экскурсии по Закубанью. МАК, IX. М., 1904, стр. 157—158.*
- ¹¹ *Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы..., стр. 44.*
- ¹² *Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы..., стр. 120—122.*
- ¹³ *Там же, стр. 130.*
- ¹⁴ *И. М. Чеченов. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, стр. 82.*
- ¹⁵ *Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы..., стр. 123; С. А. Плещнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, 1958, стр. 173.*
- ¹⁶ *Л. И. Лавров. Карачай и Балкария..., стр. 76.*
- ¹⁷ *«Русско-карачаево-балкарский словарь». М., 1965, стр. 550; «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. 282.*
- ¹⁸ *И. М. Мизиев. Могильник у сел. Карт-Джурт в Карачаево-Черкесии. «Археологические открытия 1969 г.». М., 1970, стр. 128.*
- ¹⁹ *Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы..., стр. 47—48.*
- ²⁰ *А. И. Карасава. О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа. Черкесск, 1961, стр. 25—27.*
- ²¹ *И. М. Мизиев. Раскопки поселения Эль-Джурт. «Археологические открытия 1970 г.». М., 1971, стр. 133—134.*
- ²² *Э. Б. Бернштейн. Народная архитектура балкарского жилища. «Материалы сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов». Нальчик, 1960, стр. 205—215.*
- ²³ *Г. С. Мартынов. Древнейшие археологические данные о многоугольных жилищах сибирских народов. Происхождение аборигенов Сибири. «Сборник материалов межвузовской конференции». Томск, 1969.*
- ²⁴ *Е. Н. Студенецкая. Культура и быт карачаевцев. «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. I. Ставрополь, 1967, стр. 356.*
- ²⁵ *Там же, стр. 356.*

Караванные пути в Восточной Европе

Письменные источники сохранили мало сведений о караванных путях в Восточной Европе, об использовании верблюдов для перевозки товаров из Средней Азии и Закавказья в Скифию и Сарматю.

В «Истории» Геродота¹ упоминается древний торговый путь из Ольвии в Поволжье и Приуралье². Существование этого пути, как показал Б. Н. Граков, подтверждается археологическими материалами VI—IV вв. до н. э.³

По сведениям Страбона, аорсы, обитавшие в прикаспийских степях, «вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев»⁴. Это краткое сообщение Страбона является первым упоминанием в античных источниках об использовании верблюда для перевозки товаров у племен Восточной Европы.

Прямым свидетельством о караванных путях в восточноевропейских степях в античную эпоху являются сравнительно редкие находки костей верблюда (*Camelus bactrianus*) в Северном Причерноморье и Поднепровье (Танаис, Фанагория, Пантикапей, Илурат, Неаполь скифский, Южно-Донузлавское городище, Ольвия, Каменское городище)⁵.

Древнейшая находка костей верблюда на Каменском городище относится еще к скифскому времени (V—III вв. до н. э.). Все остальные находки датируются римским временем. В Пантикапее, Илурате, Неаполе скифском и Южно-Донузлавском городище найдено по одной кости верблюда, две кости — в Фанагории (от двух особей), 12 костей — в Ольвии (от двух особей), и только в культурном слое Танаиса обнаружено 53 кости (минимально от семи особей)⁶. «Совершенно очевидно, — писал В. И. Цалкин, — что верблюд не принадлежал к числу местных домашних животных и не имел в хозяйстве народов Северного Причерноморья сколько-нибудь серьезного значения. Можно думать, что появление верблюда на этой территории в эпоху раннего железа связано с торговыми отношениями, существовавшими между Северным Причерноморьем, с одной стороны, и Закаспийской областью и Закавказьем, с другой»⁷. «В пользу этого предположения говорит, в частности, тот факт, что большинство остатков верблюда происходит из раскопок Танаиса»⁸.

По всей вероятности, кости верблюда в первую очередь встречаются в тех районах, где проходили древние караванные пути Восточной Европы, что подтверждается сведениями Страбона⁹ о торговой роли Танаиса в эпоху позднего эллинизма¹⁰.

Как известно, Танаис сохранял свое значение крупного центра в посреднической торговле греков с кочевыми народами Причерноморья и в римское время до середины III в. н. э., т. е. до его разрушения готским союзом племен¹¹. Об этом свидетельствуют как археологические материалы из Танаиса, так и многочисленные находки импортных античных вещей за его пределами. Картографирование этих изделий показало, что они

встречаются не только на периферии античных городов Северного Причерноморья, но и в глубинных районах Восточной Европы, проникая в Поволжье, Приуралье, Западный Казахстан, Сибирь и Среднюю Азию. В богатых сарматских погребениях евразийских степей изредка находят светлоглиняные амфоры, серебряные и бронзовые сосуды, стеклянные чаши, кубки и флаконы, бронзовые шарнирные фибулы типа AVCISSA, бронзовые округлые и ромбические фибулы с разноцветной эмалью и другие вещи¹². Стеклянные сосуды римского производства, римские и византийские монеты находят не только в Средней Азии и Казахстане, но и в Индии, на Шри-Ланка, в Корее и Китае¹³.

О существовании караванной торговли Средней Азии и Закавказья с Поволжьем и Древней Русью мы узнаем из арабо-персидской географической литературы IX—X вв.¹⁴ По сообщению Ибн-Хордадбега, через Хазарию в IX в. пролегал торговый путь из арабской Испании в Китай¹⁵.

Важное значение в посреднической торговле Древней Руси с Востоком в IX—X вв. имели Хазарский каганат и Волжская Болгария. Сведения о караванном пути из Булгара в Куябу (Киев) сохранились в арабских дорожниках X в., сообщают о нем ал-Истахри и ал-Идриси¹⁶. По мнению А. Ю. Якубовского, особую роль в торговле с Восточной Европой имели хорезмийские купцы. «Хорезмийцы в большей мере посещали Поволжье и более западные районы Восточной Европы, чем русско-славянские или даже болгарские купцы посещали города Средней Азии. Общеизвестно, как много хорезмийских купцов было в IX—X вв. в Хазаране (торговая часть города Итиля) и какую огромную культурную и политическую роль они там играли»¹⁷. О торговой роли Итиля, Суvara и Булгара в Восточной Европе свидетельствуют не только письменные источники, но и многочисленные археологические и нумизматические материалы.

В русской исторической литературе еще в XIX в. утвердилась мысль о раннем возникновении торговых связей Древней Руси с Востоком. Об этих связях в VIII в. писали В. О. Ключевский, П. Г. Любомиров, Ю. В. Готье, Б. Д. Греков, В. В. Мавродин и другие историки, причем основным аргументом в их построениях являлись клады куфических монет VIII—IX вв., найденные в различных районах Восточной Европы¹⁸.

В Прикамье и Приуралье приток восточных монет и вещей начался несколько раньше, чем в остальные районы Восточной Европы, по всей вероятности, еще в конце VII в. Массовый ввоз арабского серебра в Восточную Европу относится к концу VIII — началу IX в. Ранние клады куфических монет, как показали Р. Р. Фасмер и В. Л. Янин, встречаются далеко не на всей территории Восточной Европы. Ареал ранних кладов с дирхемами (до 833 г.) еще не охватывал основных областей расселения восточных славян в эту эпоху. Клады пока еще не найдены в Молдавии, в Прикарпатье, на Волини, в Побужье и на правобережье Днестра (рис. 1)¹⁹.

С территории Хазарии и Волжской Болгарии куфические монеты в большом количестве проникали в Верхнее Подонье и на левобережье Днестра, в Посеймье и Подесенье, в Верхнее Поднепровье, на Оку, в Верхнее Поволжье, в бассейн Волхова, в Восточную и Южную Прибалтику, на о. Готланд и в материковую Швецию²⁰.

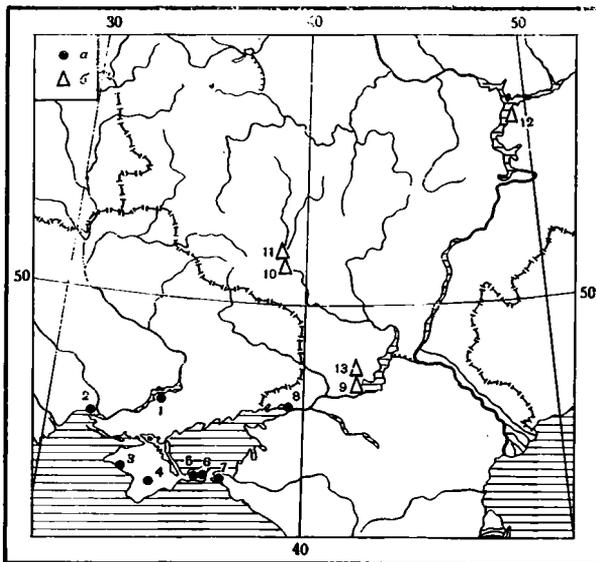

Рис. 1. Находки костей верблюда в Восточной Европе.

Условные обозначения:

- а — античные и скифские поселения;
- б — средневековые памятники;
- 1 — Каменское городище;
- 2 — Ольвия;
- 3 — Южно-Донузавское городище;
- 4 — Неаполь скифский;
- 5 — Илурат;
- 6 — Пантикапей;
- 7 — Фанагория;
- 8 — Танаис;
- 9 — Правобережное Димлянское городище;
- 10 — Титчиха;
- 11 — Большое Боршевское городище;
- 12 — Булгар;
- 13 — Карнауховское поселение

К началу X в. наблюдается значительное возрастание притока куфических монет на Русь. Клады саманидских дирхемов, относящиеся к первой половине и середине X в., встречаются не только в Восточной Европе и Скандинавии, но и во многих областях Средней и Центральной Европы, которые раньше не входили в сферу обращения куфических монет. X век — время максимального распространения дирхемов в Европе.

Каким же образом завозились арабские монеты и товары в Поволжье и на Русь, как была организована караванная торговля? Как известно, организация купеческих караванов требовала тщательной подготовки. «Вести сухопутную торговлю в одиночку с отдаленными странами тогда было невозможно: как бы ни был богат тот или иной купец, однако опасности дороги и путевые расходы были настолько велики, что никакие барыши не покрыли бы затраченных денег, товаров и усилий»²¹. По сведениям ал-Мас'уди, караваны из страны хазар и булгар в Хорезм и обратно из-за неспокойной обстановки ходили в сопровождении вооруженной стражи²². Караваны в некоторых случаях достигали очень больших размеров. По сообщению Ибн-Фадлана, в составе халифского посольства, направленного из Багдада в Волжскую Болгарию, насчитывалось около 5 тыс. человек и 3 тыс. лошадей²³. По мнению А. П. Ковалевского, в составе этого каравана, по всей вероятности, были и верблюды, упоминание о которых редактор или переписчик выбросил²⁴. Об использовании верблюдов в караванной торговле в средние века свидетельствуют не только письменные источники, но и находки костей верблюда на поселениях салтово-маяцкого типа VIII—X вв. и на славянских городищах боршевского типа в Верхнем Подонье²⁵. Кости верблюда отмечены на Правобережном Димлянском городище и на Карнауховском поселении на Дону²⁶. При раскопках Большого Боршевского городища обнаружено шесть костей

верблюда (от трех особей), а на городские Титчиха — одна кость верблюда. По мнению В. И. Цалкина, «обнаружение верблюда в двух упомянутых городищах свидетельствует лишь о связях боршевцев с более южными степными племенами»²⁷. Очевидно, торговые караваны из Итиля и Булгара заходили по пути в Киев в пограничные славянские поселения на Верхнем Дону²⁸.

По данным арабских источников и археологическим материалам, из Средней Азии и Закавказья в Восточную Европу привозили шелковые ткани, серебряные сосуды, поливную керамику, золото и серебро в монетах и слитках, драгоценные камни, слоновую кость, сердоликовые бусы, раковины каури и другие товары²⁹.

Русские купцы привозили на рынки Волжской Болгарии, Хазарии, Средней Азии и Закавказья драгоценные меха, янтарь, лен, кожи, рыбу, мед, воск, рабов. Как известно, в Дербенте в средние века находился крупнейший невольничий рынок на Каспии³⁰. Формы и организация торговли Древней Руси с Востоком еще не вполне ясны, но несомненно, что на караванных путях из Итиля и Булгара в Среднюю Азию и Закавказье широко использовали не только лошадей, но и верблюдов, которые были особенно хорошо приспособлены для транспортировки товаров в засушливых и пустынных районах Заволжья, Приаралья и Средней Азии.

¹ Herod., IV, 17—27.

² R. Henning. Herodots Handelsweg zu den sibirischen Issedonen. Klio, 1935, H. III, S. 246, ff.

³ Б. Граков. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? «Археологія», т. I. Київ, 1947, стр. 23 и сл.

⁴ Strabo, XI, 5, 8.

⁵ В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА, № 53, 1960, стр. 50 и сл.; он же. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. МИА, № 135, 1966, стр. 89. Сведения о находке костей верблюда на Южно-Донузлавском городище мне любезно сообщил покойный В. И. Цалкин.

⁶ В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья, стр. 50; он же. Фауна Танаиса. Сб. «Античные древности Подолия — Приазовья». МИА, № 154, 1969, стр. 282—283, табл. I; В. О. Топачевский. Фауна Ольвии. Збірник праць зоологічного музею АН УРСР, № 27. Київ. 1956, стр. 73.

⁷ В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья, стр. 50.

⁸ В. И. Цалкин. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии, стр. 89.

⁹ Strabo, XI, II, 3.

¹⁰ Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, стр. 176 и сл.

¹¹ Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон. Автореф. докт. дисс. М., 1968, стр. 52 и сл.; он же. Танаис — потерянный и найденный город. М., 1967, стр. 124; А. И. Болтунова. Танаисская надпись IOSPE, II 454, ВДИ, 1950, № 3, стр. 104.

¹² Д. Б. Шелов. Итальянские и западно-римские изделия в торговле Танаиса первых веков нашей эры. «Acta Archaeologica Hungarica», т. XVII. Budapest. 1965, 251 old.; В. В. Кропоткин. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.—V в. н. э.). САИ, Д1-27. М., 1970, стр. 112, № 1023, стр. 113, № 1043, стр. 132, № 1310; Б. А. Литвинский. Джунский могильник и некоторые аспекты кангуйской проблемы. СА, 1967, № 2, стр. 30 и сл. Находки римских и ранне-византийских стеклянных сосудов в Средней Азии (Топрак-Кала, Куня-Уаз, Джеты Асар, Миздакхан) еще не опубликованы. Сведения об этих находках получены мною от Л. Н. Левиной.

¹³ M. Wheeler. Rome beyond the Imperial Frontiers. London, 1955, p. 172. C. C. Seligman. The Roman Orient and the Far East. Antiquity, vol. XI, N 41, march, 1937, p. 5—30. pl. II, 8, 9.

- ¹⁴ А. Ю. Якубовский. Хозяйственная жизнь туркмен и караванная торговля Средней Азии с Поволжьем и Древней Русью в IX—XI вв. «Очерки по истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.» Ашхабад, 1954, стр. 39 сл.
- ²⁵ *Ибн-Хордадбех*. *Китаб ал-масалик ва'л-мамалик*. Ed. de Goeje, «Bibliotheca Geographorum arabicorum», VI. Lugduni Batavorum, 1889, p. 153; T. Lewicki. *Zródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny*, t. I. Wrocław — Kraków, 1956, p. 74—75 118 сл.
- ¹⁶ *Ал-Истахри*. «Китаб масалик ва'л-мамалик». «Bibliotheca Geographorum arabicorum». Lugduni Batavorum, 1870, p. 227; Б. А. Рыбаков. Путь из Булгара в Киев. «Древности Европы». М., 1969, стр. 189 сл.
- ¹⁷ А. Ю. Якубовский. Хозяйственная жизнь..., стр. 31.
- ¹⁸ В. О. Ключевский. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919, стр. 19, 20; П. Г. Любимиров. Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. «Ученые записки Саратовского университета», т. I, вып. 3. Саратов, 1923, стр. 5 и сл.; Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 120; В. В. Мавродин. Образование, Древнерусского государства. Л. 1945, стр. 135; Б. Д. Греков. Волжские болгары в IX—X вв. «Избранные труды», т. II. М., 1959, стр. 527 и сл., 530.
- ¹⁹ Р. Р. Фасмер. Завалишинский клад куфических монет VIII—IX вв. ИГАИМК, т. VII, вып. 2. Л., 1931, стр. 3 и сл.; В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 79 и сл., рис. 5.
- ²⁰ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы..., стр. 86 и сл.; В. В. Кропоткин. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967, стр. 118 и сл., карта на стр. 132; он же. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII—первой половине IX в. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 72 и сл.; В. М. Потин. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX—XII вв.). Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970, стр. 64 сл.
- ²¹ А. Ю. Якубовский. Хозяйственная жизнь..., стр. 54.
- ²² *Ал-Масуди*. *Китаб Мурудж аз-Захаб*. Изд. С. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1864, p. 11, 15—16.
- ²³ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». М.—Л., 1939, стр. 63.
- ²⁴ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 18, 186, прим. 239. О верблюдах в составе каравана мы узнаем в других местах записки Ибн-Фадлана (см. перевод, стр. 125, 127 и 130).
- ²⁵ В. И. Громова. Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа. МИА, № 8, 1948, стр. 121; В. И. Цалкин. Фауна из раскопок боршевских и роменских городищ. СА, 1969, № 4, стр. 92, табл. I; А. М. Москаленко. Городище Титчнха. «Из истории древнерусских поселений на Дону». Воронеж, 1965, стр. 68, 285
- ²⁶ И. И. Ляпушкин. Карнауховское поселение. МИА, № 62, 1958, стр. 313; С. А. Плетнева. От кочевий к городам. МИА, № 142, 1967, стр. 147.
- ²⁷ В. И. Цалкин. Фауна из раскопок боршевских и роменских городищ, стр. 92.
- ²⁸ Кости верблюда были найдены в древнем Белгороде, недалеко от Киева (сообщение Л. А. Голубевой в 1973 г.), и в самом Киеве, на Киселевке (Н. Г. Тимченко. К истории охоты и животноводства в Киевской Руси. Киев, 1972, стр. 172).
- ²⁹ М. В. Фахнер. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII в. «Международные связи России до XVII в.», М., 1961, стр. 46 и сл.; А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.). «История СССР», 1967, № 3, стр. 104 и сл.
- ³⁰ А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто. Внешняя торговля Древней Руси... стр. 107; А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 88 и сл.

Знаки на керамике Верхнего Джулата

Среди многотысячных обломков керамики и целых сосудов, добытых за пять лет раскопок средневекового городища Верхний Джулат¹, обнаружено около сотни гончарных клейм, среди них — 74 с четко определенным рисунком. Клейма были получены во время формовки сосуда от отпечатка негативного изображения, вырезанного на круге.

До недавнего времени некоторые исследователи считали, что рельефные клейма отпечатывались на готовом сосуде перед его обжигом. Этнографический материал как будто окончательно разрешил спор в пользу первого способа².

На городище Верхний Джулат обнаружены клейма в равной степени как на столовой лощеной посуде, так и на кухонных горшках. Найдено много донешек кувшинов и горшков без клейм, так как клеймились далеко не все сосуды. С этим вопросом тесно связан вопрос о назначении клейм. Являлись ли они знаками гончара-ремесленника или заказчика, или имели религиозно-символическое значение, а возможно, просто служили украшением.

Дискуссия о назначении клейм возникла давно и продолжается до сих пор³. С. А. Плетнева, как мне кажется, удачно решает этот вопрос, говоря о сочетании в знаках клейма двух идей — символической и практической. Знаки, имеющие символическое значение оберегов, давали возможность гончару отличать его продукцию от изделий других мастеров. В Средней Азии, например, женщины еще в недавнее время, закладывая сосуды для обжига в печь, метили крестами только крайние в ряду горшки. Так легче было производить подсчет, а клеймо защищало знаком весь ряд⁴. Этот этнографический пример может служить одним из объяснений тому, что клеймились не все сосуды.

Клейма Верхнего Джулата довольно разнообразны (рис. 1). Часть из них встречается на очень большой территории и бытует длительное время (рис. 1, 1—17), но имеются знаки, характерные только для данного района (рис. 1, 18—20). Клейма этой второй группы найдены в нижнем, наиболее раннем слое.

На городище вскрыто семь культовых зданий и один жилой дом. Здания были впущены в более ранний культурный слой, датирующий X—XIII вв. Здесь располагалось большое аланское поселение, превратившееся в город с каменными зданиями. Исследовались только эти здания и могильники вокруг них; культурный слой и стратиграфия нарушены строительством и рытвем могил, что затрудняет изучение керамики. И все же в культурном слое, достигающем глубины двух метров, не затронутом строительством и могилами, а также в хозяйственных ямах, срезанных только частично, обнаруживаем непотревоженные материалы X—XII вв. Керамика этого слоя датируется не только стратиграфически. Столовая посуда имеет характерный черный или коричнево-серый цвет; очень мало красной и красно-бурой посуды.

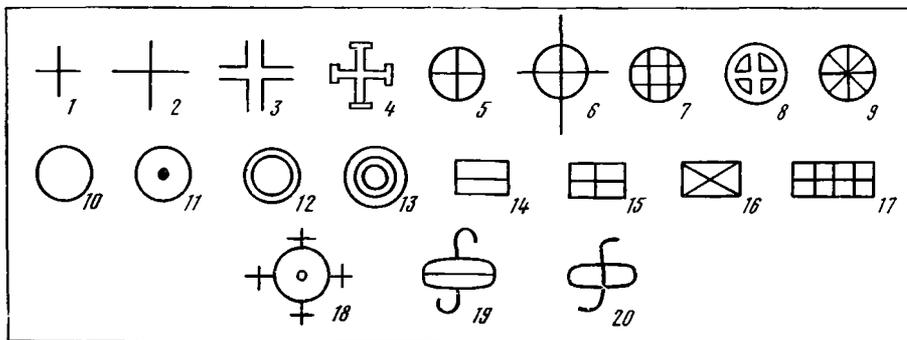

Рис. 1. Рельефно-выпуклые клейма на днищах сосудов (1—20)

Клейма, найденные в слое X—XII вв. на серо-коричневой керамике, очень характерны и все имеют точные аналоги в Змейском катакомбном могильнике, расположенном в 2,5 км от городища. Керамика этого слоя также имеет много аналогий среди сосудов змейских катакомб. Сходство материалов этих двух памятников (городища Верхний Джулат и Змейского катакомбного могильника) и датирует в основном нижний слой городища.

Уже не раз высказывалось мнение, что жители Верхнего Джулата хоронили умерших в змейских катакомбах. Точное совпадение клейм на керамике с упомянутых памятников подтверждает это, так же как и датировку нижнего культурного слоя городища X—XII вв.

Если сложные крестообразные и S-овидные клейма (рис. 1, 18—20) найдены исключительно в ямах и нижних слоях и на серо-коричневой керамике, то другие типы клейм (простые перекрестия, композиции с кругами и прямоугольниками) распространены в основном в верхних — поздних слоях, хотя встречаются изредка и в ранних. Они были найдены также и в змейских катакомбах (рис. 1, 1—17). Среди них клейма в виде решетки или прямоугольника с пересекающимися внутри него линиями (рис. 1, 14—17); найдены они в нижнем и в верхнем слоях.

Такое повсеместно распространенное клеймо, как крест, имеет разные рисунки: в виде маленького крестика в центре дна, широколопастного креста и перекрестия линий, перечеркивающих все дно. Крест самых сложных очертаний (рис. 1, 4) обнаружен на донце черно-коричневого сосуда, бесспорно относящегося к слою X—XII вв. Крестообразные клейма обычны и для змейских катакомб⁵.

Клейма в виде концентрических кругов (двойные, реже — тройные) найдены в раскопках 1959—1961 гг. (рис. 1, 12, 13).

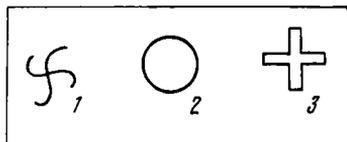
Клейма в виде круга и круга с точкой в центре — наиболее многочисленные, они выявлены в раскопках 1959—1962 гг., на кухонных горшках и кувшинах серого и красно-бурого цвета, а одно — на доньшке красного пифоса (рис. 1, 10, 11). Всего известно 13 подобных клейм.

Одним из самых распространенных клейм Верхнего Джулата является крест в круге (рис. 1, 5—8). Известно 27 экземпляров. 13 из них оттисну-

ты на днищах красной керамики. Отметим также клеймо в виде колеса с восемью спицами (рис. 1, 9).

М. Комша на основании изучения керамического материала территории СССР, Чехословакии, Польши, Швеции, Австрии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Румынии приходит к выводу о том, что определенная категория рельефных знаков на днищах сосудов встречается повсюду и хронологически существует долго, в то время как некоторые знаки ограничены

Рис. 2. Рельефно-углубленные
клейма на днищах сосудов
(1—3)

в пространстве и во времени. К первой категории знаков относятся: круг, крест (простой или сложный), крест с S-овидно загнутыми концами, крест, вписанный в круг, колесо, крест, вписанный в квадрат⁶.

Это как раз знаки клейм на керамике Верхнего Джулата. Хорошо известно их символическое значение в различных районах, в том числе и на Кавказе. Все они связаны с культурами солнца и огня.

Исследователи считают, что солярные знаки на доньшках сосудов получили распространение в период развитого городского ремесла. Все они были метками гончаров⁷.

Вернемся к ранней группе клейм Верхнего Джулата. Одно из них — сложный крест (рис. 1, 18) — имеет точную аналогию в Змейской катакомбе (49). Очевидно, это клеймо религиозно-символического значения, еще не получившее той стандартной формы, которой отличаются клейма гончаров-ремесленников.

Клейма с S-овидными концами можно считать тамгами. На городище они обнаружены в ямах; в Змейском могильнике — в катакомбах. Этот знак никогда не повторяется точно, а имеет небольшие различия.

С. Станчев (Болгария) считает, что рельефные клейма были вначале знаками отдельных семейств (тамгами) и лишь впоследствии превратились в знаки мастеров⁸.

Очевидно, и на Верхнем Джулате клейма, хронологически более ранние, относятся к домашнему производству посуды. С развитием города и гончарного ремесла меняются и клейма, превратившиеся в знаки мастера и выбранного им оберега своей продукции.

Судя по материалам Верхнего Джулата и Змейского катакомбного могильника, рельефные клейма со временем упрощаются.

Кроме рельефно выпуклых клейм, на городище найдены три клейма углубленных (рис. 2, 1—3): знак в виде свастики, прочерченный острием на дне небольшого лепного сосуда; круг в виде желобка на днище коричневого сосуда; широколопастной крест (клеймо глубоко утоплено).

Этого материала слишком мало для каких-либо выводов. Кроме клейм, на городище найдено несколько ручек от сосудов, в верхней части которых у края венчика имеются углубленные знаки. Найдены они в хозяйст-

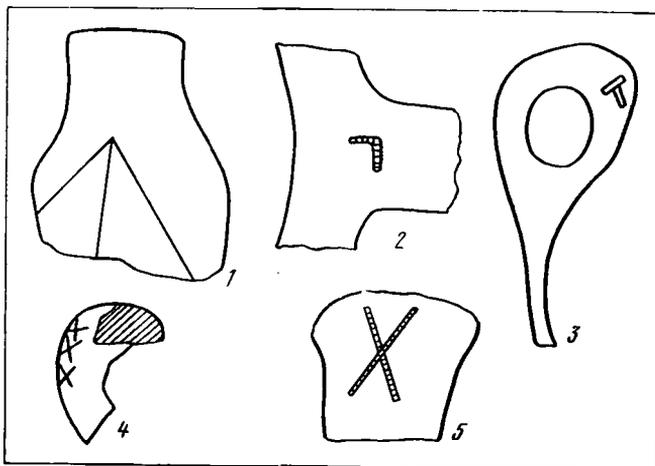

Рис. 3. Знаки на ручках сосудов (1—5)

венных ямах и датируются X—XII вв. Знаки на ручках прочерчены или иногда нанесены с помощью гребчатого штампа. Знаки эти — трезубец, Т-образный, Г-образный в виде косога перекрестия (рис. 3, 1—5) — могут быть связаны с письменными знаками. На Верхнем Джулате найдены еще два фрагмента керамики со знаками, напоминающими надписи. Один из них — фрагмент сосуда из раскопок В. А. Кузнецова 1962 г. Это днище большого буро-коричневого пифоса. С внешней стороны двадцатизубой гребенкой проведены две пересекающиеся полосы, образующие крест, окруженный волной, прочерченной этой же гребенкой. С внутренней стороны заметна «надпись», напоминающая арабскую. Длина ее 6 см; сохранилась полностью, но трудно различима. Она подчеркнута двумя рядами накола гребенки, как бы пунктиром. Интересно местонахождение надписи на внутренней стороне пифоса. Правда, известны в средневековой таманской керамике пифосы, на доньшке которых с внутренней стороны нанесен наколом орнамент (обычно это звезда, вписанная в круг)⁹. Другая надпись замечена на обломке днища небольшого сосуда. Знаки этой надписи рельефные, расположены по кругу и напоминают буквы.

Упомянутые находки требуют исследования и расшифровки специалиста.

На городище Верхний Джулат знаки обнаружены на строительной керамике — кирпичах и черепице. Это вавилоны, кресты, отдельные буквы и др. Большая часть из них уже опубликована в работе Е. И. Крупнова о первой джулатской церкви¹⁰.

¹ Городище расположено в 3 км к юго-востоку от ст. Змейской в Северо-Осетинской АССР. Исследование горо-

дища велось в 1958—1962 гг. СКАЭ совместно с СОНИИ под руководством Е. И. Крупнова.

- ² М. Комша. О значении гончарных клейм раннефеодальной эпохи. «Дасіа», 1961, № 5, стр. 449.
- ³ М. Комша. О значении гончарных клейм..., стр. 455, 456.
- ⁴ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 126—128.
- ⁵ В. А. Кузнецов. Змейский катакомбный могильник. МАДИСО. т. 1. Орджоникидзе. 1961, катакомбы 13, 27; он же. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. МИА, № 114, 1963; катакомбы 29, 32, 35, 36, 41, 44, 50, 52, 54, 56. Остальные клейма этого могильника см.: С. А. Плетнева. От кочевий к городам, рис. 32, 9.
- ⁶ М. Комша. О значении гончарных клейм... стр. 457.
- ⁷ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, стр. 127 (по этнографическим материалам Е. М. Пещеровой).
- ⁸ Ст. Станчев. Гънчарска знаци от Плиске, Мадаре и Преслав. Разкопки и проучвания, т. III. София, 1948.
- ⁹ С. А. Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища. Сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 60.
- ¹⁰ Е. И. Крупнов. Христианский храм XII в. на городище Верхний Джулат. МИА, № 114, 1963, стр. 55, рис. 5.

К. Х. Кушнарева

Производственный комплекс древнего Двина

Раскопки Двина — древней столицы Армении — вот уже больше трех десятилетий привлекают внимание исследователей¹. Исключительный по своей научной значимости, разноплановый и обильный материал, добытый за многие полевые сезоны, способствует воссозданию исторической картины города в эпоху средневековья². Однако на цитадели Двина, ныне представляющей собой мощный оплывший холм, чуть ли не с первых лет раскопок начали попадаться черепки архаичной чернолощеной посуды, чуждой гончарному производству средневековой Армении. Стало очевидным, что выгодное расположение местности, раскинувшейся в плодородной Араратской долине, было облюбовано древним человеком задолго до расцвета здесь подлинной городской культуры.

Находки требовали специальных уточнений. Заложенный в северо-восточной части стратиграфический раскоп выявил под мощным средневековым слоем значительный слой периода поздней бронзы — раннего железа, лежавший на отложениях III тыс. до н. э. Систематические раскопки ранних слоев начались с 1958 г. сначала на западном склоне холма, где на глубине 3,5—3,7 м были выявлены признаки периода ранней бронзы³, а затем распространились постепенно на большую часть центрального участка. Здесь, в центре холма, мощность культурных наслоений оказалась значительно большей, нежели на склонах. Под слоем X—XIII вв. (толщина его в среднем 3—4 м), фактически на всей площади раскопа (около 400 кв. м), залегал мощный древний слой, изобилующий монументальными каменными постройками и чернолощеной посудой, большая часть которой носит явно не утилитарный характер. Все признаки обнаруженного производственного комплекса свидетельствуют о работе здесь некогда металлообрабатывающей мастерской. Однако сенсационными стали в этом

слое несколько капищ с глиняными обелисками, покрытыми сложными рельефными композициями, полными своеобразной и загадочной символики⁴.

Из большого круга проблем, возникших в связи с этими находками, мы коснемся лишь одной, связанной с производством двинскими мастерами различных украшений. Интересующий нас комплекс обнаружен в южной части центрального участка, на глубине около 6 м, на уровне глинобитного пола какого-то рабочего помещения, погибшего, как и все помещения этого слоя, в результате пожара⁵. Здесь обнаружены следующие предметы.

Небольшая двусторонняя форма из серого камня (гранит?) для отливки мелких украшений (рис. 1, 1); камень почти прямоугольный, размеры: $7 \times 5 \times 1,5$ см; поверхность его полированная, со следами употребления; на каждой стороне имеются отверстия для скрепления со второй (необнаруженной) створкой. На одной плоскости (а) — три формы для отливки колец разного калибра (самое маленькое только намечено) и два — для отливки миниатюрных кольцеобразных заготовок каких-то украшений; на другой плоскости (б) — глубокая форма для отливки биконической бусины и две, слегка намеченные формы — для двуспиральных украшений.

Обломок двусторонней глиняной формы, также предназначенный для отливки мелких украшений (рис. 1, 2)⁶. Размеры: 7×3 , 7×2 см, глина тонкая, сильно обожженная, поверхность лощеная, с повреждениями. Вторая створка не обнаружена. На одной плоскости (а) — форма для отливки круглого медаллона, состоящего из трех рубчатых дисков, соединенных перемычками, а также для продолговатой биконической бусины; на другой (б) — многочисленные формочки для отливки круглых украшений типа крупной зерни и для миниатюрной розетки.

Изящная двусторонняя форма из темно-коричневого камня (стеатит?), служившая для изготовления мелких украшений (рис. 1, 3); камень прямоугольный, размеры: 6×4 , $7 \times 1,2$ см; поверхность полированная; на каждой стороне имеются отверстия для скрепления со второй (необнаруженной) створкой. На одной плоскости (а) — три узорчатые формочки: круглая, глубокая, с крестообразными нарезками и маленькими точечными сверлинами; подквадратная, глубокая, состоящая из разных по глубине маленьких круглых сверлин; прямоугольная, плоская, с врезанными концентрическими кружками и точечными углублениями. На второй плоскости (б) — две канавки для заливки металла, от которых отходят полусферические формочки для отливки каких-то украшений.

Кроме литейных форм, здесь найдено несколько десятков мелких «рубленых» бусин неправильной формы и разного размера из светлого сердолика; семь прекрасно полированных круглых и одна биконическая бусина из темно-красного сердолика (рис. 1, 5); две массивные бусины из коричневого агата с белыми прожилками правильной цилиндрической формы; сверление двустороннее, длина 5,5 и 4,5 см, диаметры 1,5 см и 1 см (рис. 1, 6); крупная подвеска грушевидной формы из желтовато-дымчатого оникса, длина 3 см (рис. 1, 7); заготовка какого-то изделия, выточенная из красно-белого мраморовидного камня и имеющая форму усечен-

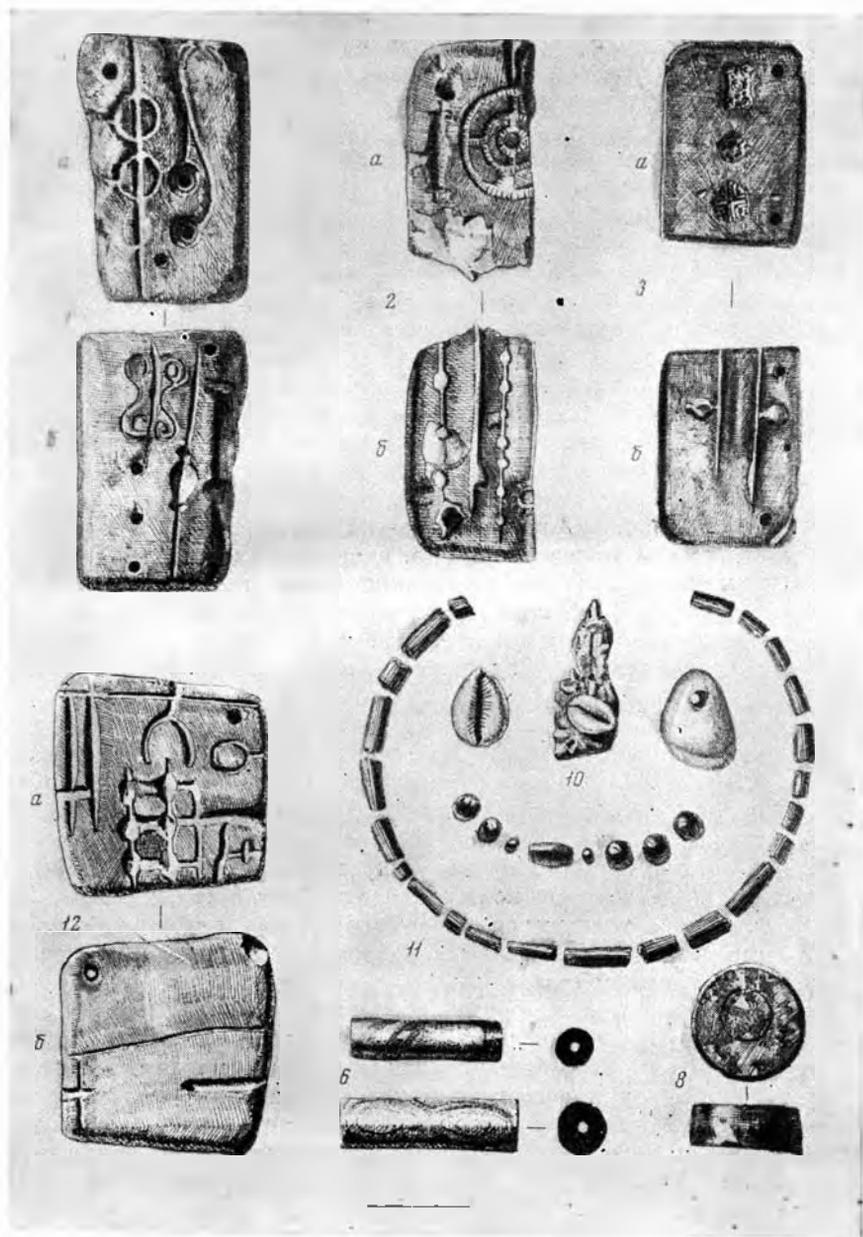

Рис. 1. Находки литейных форм и различных украшений из Двина (1—11) и Айгедаора (12)

ного конуса; поверхность хорошо отполирована, диаметры 3,5 и 3,2 см; на верхней плоскости циркулем намечен круг (рис. 1, 8); свыше тысячи серых мелких пастовых бусин; около сотни непросверленных ракушек — Сургеа (рис. 1, 10); около двух десятков удлиненных цилиндрических бусин из тонкого ракушечника (рис. 1, 11). Характер перечисленных находок вводит нас в круг занятий мастера-литейщика и ювелира-камнереза накануне гибели поселка (возможно урартского нашествия), результатом которого явился грандиозный пожар, уничтоживший все постройки. Наибольший интерес представляют литейные формы, рассчитанные на отливку мелких золотых, серебряных и бронзовых украшений.

Находки литейных форм, особенно форм для украшений, — редкая удача для археолога. До сих пор в Армении были найдены только формочка с известного поселения Муханнат-тапа⁷ и публикуемая нами случайная находка С. А. Есяяна в сел. Айгедзор Шамшадинского района (рис. 1, 12)⁸.

В поисках аналогий нашим материалам обратимся к сопредельным с Кавказом южным областям, где богатый ассортимент ювелирных изделий характеризует уже очень ранние эпохи. Вспомним «хеттский камень» — литейную форму, купленную в Измире (рис. 2) и пролившую свет на взаимоотношения Малой Азии и Месопотамии в конце III тыс. до н. э.⁹ Своими размерами, а также принципом экономного использования поверхности она напоминает двинские и особенно шамшадинскую находки. Однако двинские формы, обнаруженные непосредственно в мастерской крупного поселения, не позволяют присоединиться к мнению Дж. Канби относительно того, что формы этого рода являлись принадлежностью странствующих торговцев-литейщиков.

Исключительную близость нашим находкам проявляет форма, открытая Лейярдом в Нимруде (рис. 3). В ней, как и в первой двинской модели (рис. 1, 16), отливались украшения в виде двойной спирали с петлей посередине. Мотив этот широко бытовал в ювелирном искусстве Шумера, оказавшего сильное воздействие на последующие культуры Передней и Малой Азии¹⁰. Именно эти типы украшений, найденные, в частности, в виде золотых подвесок в одной из богатых могил Ашура (XIII в. до н. э.), трактуются Франкфортом как амулеты, наделенные сложной символикой, и связываются с древним, ведущим свое начало из Шумера, культом плодородия.

Позднее, в период, к которому относятся и наши формы, двойная спираль с петлей, служившая раньше, судя по находкам в храмах и жреческих могилах, бесспорным религиозным символом и неизменно вкрапленная во многие дорогостоящие золотые изделия (серьги, подвески, диадемы), получает широкое распространение в отливках из бронзы, выполнявших значительно более утилитарные функции. Последние пришивались в качестве крючков или петель к одежде, сохраняя прежнее смысловое значение.

О широком распространении этих изделий на Южном Кавказе говорит серия бронзовых находок из разных могильников (Марал-дереси, Ахтала и другие)¹¹, датировка которых не выходит за пределы VIII—VII вв. до н. э.

Примерно этим же периодом датируются серебряные, бронзовые и

Рис. 2. «Хеттский камень» — литейная форма, купленная в Измире

Рис. 3. Литейная форма из Нимруда

свинцовые реплики двинской формы — медальоны (рис. 1, 2а). Изготовлявшиеся в ней изделия имели рубчатую поверхность, имитирующую проволочную обмотку. Теперь становится очевидным, что украшения эти отливались, а не вырезывались из пластины, как это предполагалось для серебряных медальонов из Димаца¹². Такие нагрудные подвески, бесспорно связанные с астральными (солярными) представлениями древнего человека, использовались при жизни в качестве амулетов и должны были охранять души умерших, будучи положенных в их могилы.

Разные варианты солярных медальонов мы находили в могильниках Армении — в Редкином лагере, в Толорсе, в Вардакаре, Ахтале, Димаце, Шайтан-даге¹³.

Характерны и остальные предметы, отливавшиеся в двинских формах, — закрытые и несомкнутые колечки, бочонкообразные бусины, шарики зерни, розетки. Напомним, что свинцовые бусинки в виде розеток, аналогичные отливкам из нашей миниатюрной формочки (рис. 1, 2б), находим в одной из могил Шайтан-дага¹⁴. Несколько припаянных друг к другу золотых розеток такой же формы образуют бусы, сплошь покрытые капельками зерни. Они известны из могильников Лчашена, Лори, Ташир-Дзоргета и др.¹⁵

Наконец, серия полукруглых углублений разного калибра в двинской форме (рис. 1, 2б) заставляет думать, что зернь изготовлялась не только обычным способом из золотой проволоки, расплавленный конец которой стекал в виде капель в сосуд с водой, но и получалась также в результате отливки в формах. При этом зернь приобретала полусферическую форму и припаялась затем, как, скажем, на подвеске из Толорса, к основе¹⁶.

Труднее всего сказать, из какого материала изготовлялись бусины в

маленьких узорчатых формочках последнего двинского камня (рис. 1, 3а). Они могли служить для тиснения кружков из листового золота, которые затем спаивали, получая, таким образом, бусины сферической формы. Такие бусины мы встречаем в том же Димаце. Вместе с тем конфигурации этих негативов должны были дать в позитиве биконические и плоские украшения, имеющие близкое сходство с биконическими бусинами из голубой пасты и плоскими тальковыми бусинами широко известного на Кавказе типа «домино»¹⁷.

Мы склоняемся ко второму назначению этих негативов, в пользу которого могут служить два дополнительных аргумента: во-первых, зафиксированное на месте находок литейных форм производство пастовых изделий в виде многих сотен мелкого бисера; во-вторых — отсутствие на исследуемой поверхности камня канавок — литиков, необходимых для заливки жидкого металла и совершенно ненужных при работе с глиняной пастой. Напомним, что находки бусин указанного типа характеризуют на Южном Кавказе комплексы раннежелезного века, а бусины «домино» обычно сами являются датирующим элементом.

Мелкий пастовый бисер, производство которого требовало определенных навыков, и специальных рецептов¹⁸, широко изготовлялся и в других мастерских. Однако остатков их производства *in situ*, кроме двинской мастерской, на Южном Кавказе зафиксировано не было, и мы знакомы с этими бусами исключительно по могилам предурартского и урартского времени. Двинский бисер залегал не компактной массой, а слоями, причем сплошь и рядом попадались неразъединенные бусинки. Возможно, он находился еще на просушивании, во всяком случае, он в употреблении не был. Первоначальная голубая окраска бисера под действием огня пожара превратилась в серовато-темную.

В мастерской обрабатывали также и раковины. Здесь было обнаружено несколько десятков непросверленных раковин Сургеа, родиной которых ученые считают Персидский залив. Находки в мастерской, где изготовлялись украшения, заставляют рассматривать их как заготовки, которые впоследствии должны были быть превращены в бусины либо вставлены в перстни. Известно, что раковины иногда наделялись профилактическими и лекарственными свойствами¹⁹. На Древнем Востоке, где раковинам придавалось магическое значение, их постоянно находят заложенными в фундаменты храмов или украшавшими стены.

Наконец, двинские мастера занимались изготовлением и каменных бус — из сердолика, агата, оникса. Заготовка из мраморовидного камня с намеченной на поверхности циркулем окружностью указывает на производившиеся здесь камнерезные работы.

Таким образом, в Двине мы имеем дело как бы с универсальной мастерской, где производились различные по своей технологии операции — отливка мелких украшений, изготовление каменных и пастовых бусин, обработка раковин.

Обращает на себя внимание расположение мастерской между двумя культовыми сооружениями, буквально в нескольких шагах от них. Это упоминавшиеся уже капища с глиняными обелисками, следами возжигания огня и серией, бесспорно, культовых сосудов, необычных форм, покрытых

сложными символическими композициями. Совмещение на одной территории этих двух различных по назначению комплексов не случайно. Многие примеры из области археологии и этнографии показывают, как производственные процессы издревле освещались верованиями. Достаточно хорошо это сочетание иллюстрирует, скажем, Мецамор в Армении²⁰, в основной своей части синхронный древнему слою Двина. И здесь, как и на нашем поселении, процессы производства и обрядность имели несомненную внутреннюю связь, представляли собой как бы единое целое; так, в непосредственной близости с печами — «домницами» и отбросами производства находился сложный и многообразный культовый комплекс.

Для нашей темы исключительный интерес представляют данные о связях ювелирных дел мастеров с различными культовыми отправлениями на Переднем Востоке²¹. Исходной точкой этой связи являлось наделение древними шумерийцами драгоценных металлов, а также тонких камней различными магическими свойствами, вера в то, что эти металлы связаны с богами. Есть также свидетельства о том, что драгоценные металлы идентифицировались со звездами, т. е. несли в себе астральную символику. Все эти концепции лежали в основе ювелирного дела, которое в гот период обслуживало в первую очередь храмовые организации с их сложным ритуалом и заупокойным культом; в конечной цели эти драгоценные предметы должны были стать неотъемлемой частью божественной собственности. Ритуал был точно разработан и неуклонно проводился в жизнь, о чем красноречиво говорит единообразие ювелирных изделий в древней Месопотамии. Шумерийские религиозные традиции оказались достаточно живучими; повторение тех же обрядов, требовавших того же убранства, мы видим позднее в Ашуре и в других городах.

Месопотамские материалы непосредственно не связаны с памятниками Армении. Мы привели их лишь для того, чтобы показать возможное направление в работе над проблемой связей моментов производства, в частности ювелирного дела, с религиозной обрядностью. Можно предполагать также, что непосредственным ключом к разрешению этой проблемы может оказаться этнография.

Двинская мастерская относится к тому периоду социальной истории Закавказья, когда ремесло окончательно выделилось из земледельческо-скотоводческого хозяйства общин. Об этом, помимо других достаточно весомых признаков, свидетельствуют появившиеся погребения различных профессионалов — литейщиков, плотников, камнерезов, гончаров, знаменующие об особом положении этих людей в обществе²². Теперь атрибуция могил все чаще и чаще отвечает на вопрос, кто же в них был похоронен. Процесс этот, начавшийся по крайней мере с конца III тыс. до н. э., во II тыс. до н. э. в связи с общим ростом производительных сил бурно развивается. С усилением богатой прослойки родо-племенной знати повышается спрос на изысканные изделия прикладного искусства, в частности на предметы ювелирного дела, которое, можно думать, постепенно выделяется из общего цикла металлопроизводства.

Одним из веских аргументов в пользу последнего, помимо серии великолепных образцов украшений из могильников Триалети, Кировакана, Узунлара, Зуртакети, указывающих на взлет ювелирного дела уже в середине

II тыс. до н. э. является обнаружение могилы ювелира со своим рабочим инструментом в Авневи. Именно эта находка является первым свидетельством бесспорной социальной значимости ремесленника на древнем Кавказе²³.

- ¹ Работы ведутся экспедицией Института археологии и этнографии АН Арм. ССР. под руководством К. Г. Кафадаряна.
- ² К. Г. Кафадарян. Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952; А. Калантарян. Материальная культура Двина IV—III вв. Ереван, 1970.
- ³ Э. В. Ханзадян. Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э. Ереван, 1967, стр. 13.
- ⁴ К. Г. Кафадарян. Языческое святилище на двинской цитадели. ИФЖ, 1966, № 2, стр. 52.
- ⁵ Приношу благодарность С. Махатчян за возможность ознакомиться с ее полевым дневником.
- ⁶ Вторая и третья формы были обнаружены в нескольких метрах от первой.
- ⁷ Е. А. Байбуртян. Орудия труда древней Армении. «Известия Института истории и литературы Арм. АН СССР», т. 1. Ереван, 1938, рис. 131.
- ⁸ Приношу благодарность С. А. Есяяну за возможность использования этой находки.
- ⁹ J. V. Canby. Early bronze «trinket» moulds. Iraq, vol. XXVII, p. 42.
- ¹⁰ K. R. Maxwell-Hyslop. The Ur jewellery. Iraq, vol. XXII, 1960, p. 105; W. Culican. Spiral-end beads in Western Asia. Iraq, vol. XXVI, p. 1, p. 36.
- ¹¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, табл. XXIV.
- ¹² С. Деведжан. Некоторые золотые и серебряные предметы бронзового века из Ташир-Дзорагета ВОН, 1966. № 12, стр. 103, рис. 1.
- ¹³ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, рис. 77. 4—7; А. О. Мнацаканян. Находки предметов бронзового века в сел. Толорс (Зангезур) Армянской ССР. КСИИМК, вып. LIV, 1954, рис. 45; Т. С. Хачатрян. Комплекс бронзовых предметов из сел. Вардакар. «Известия АН Арм. ССР, № 3, 1961, J. M. Morgan. Mission scientifique au Caucase, vol. I. Paris, 1889, fig. 10, 69, 119.
- ¹⁴ J. de Morgan. Mission scientifique, fig. 10, 11a.
- ¹⁵ А. О. Мнацаканян. Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956. СА, 1957, № 2, рис. 4; С. Деведжан. Некоторые золотые и серебряные предметы бронзового века..., табл. 1, 16; она же. Золотые и серебряные украшения из могильника № 2 Лорийской цитадели, цветная таблица № 9. ИФЖ, 1971, № 1.
- ¹⁶ А. О. Мнацаканян. Находки предметов бронзового века в сел. Толорс (в Зангезуре)..., рис. 45. 1.
- ¹⁷ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 56, табл. XXXII.
- ¹⁸ E. W. Burgess. Antique jewellery and trinkets. New York, 1919, p. 201.
- ¹⁹ J. M. Aynard. Coquillages mesopotamiens. Syria, vol. XLIII. Paris, 1966, p. 21.
- ²⁰ А. А. Мартиросян. Поселения и могильники эпохи поздней бронзы. Ереван, 1969, стр. 46.
- ²¹ K. W. Maxwell-Hyslop. The Ur jewellery, p. 105.
- ²² К. Х. Кушнарева. К вопросу о развитии ремесла на древнем Кавказе (в печати).
- ²³ Ф. Тавадзе, Т. Сакварелидзе. Бронза древней Грузии. Тбилиси. 1953, стр. 27.

О позднесредневековых поселениях и жилищах балкарцев и карачаевцев

События XIII—XIV вв., связанные с татаро-монгольским нашествием, образованием Золотой Орды и походами тимуровских полчищ, значительно изменили этническую карту Северного Кавказа и заложили основу современной этногеографии края. Именно в этот период закончилось продвижение адыгских племен на восток, начавшееся еще в золотоордынское время и усилившееся после погромов Тимура. Поэтому предки современных балкарцев и карачаевцев оказались замкнутыми в горах; окончательное формирование их культуры протекало в высокогорьях между Боковым и Скалистым хребтами Кавказа, в зоне северной депрессии по верховьям рек Черек, Чегем, Баксан, Малка, Кубань. Основная связь их с внешним миром осуществлялась через посредство грузинских племен — сванов, мегрелов и осетин-дигорцев. Самые ранние письменные сведения о балкарцах содержатся в грузинских документах XIV—XV вв.¹

Вероятно, в XIV—XVI вв. связи с Кабардой были минимальными и эпизодическими, позже они стали более тесными.

С отмеченными народами Кавказа связано и проникновение в среду балкарцев и карачаевцев иных этнических групп, которые зафиксированы в местных фамилиях (Эбзеевы, Черкесовы, Рахаевы, Кабардиковы и т. п.).

Связи между балкарскими и карачаевскими обществами, образовавшимися по ущельям упомянутых рек, осуществлялось по сравнительно легким перевалам внутри северной депрессии, связывающим Карачай через Балкарию с Дигорией. Выход на равнину осуществлялся через Кабарду и Черкесию. Связи с Закавказьем проходили по высокогорным перевалам Бокового и Главного хребтов Кавказа, большинство из которых функционировали с глубокой древности.

В указанных районах, расположенных от 2 до 3 тыс. м над уровнем моря, и застает история и этнография балкарцев и карачаевцев дореформенного периода 60-х годов XIX в., когда начинается выход их поселений в предгорные районы.

По топографическим особенностям можно выделить: а) поселения, размещенные на крутых склонах гор, вблизи водных источников, в естественно защищенных местах (Верхний Чегем — XIII—XIV вв., Эль-Журт — XV—XVIII вв.); б) поселения, размещенные на вершинах небольших водораздельных хребтов и некоторых других возвышенностей (Макка-кая, Курнаят).

Почти все они расположены в отдалении от сенокосных и пастбищных угодий, которые, как правило, находились в зоне плоскогорий, что отличает балкарские поселения от сванских². Однако балкарские поселения, несмотря на малочисленность жилищ, очень близки по своей компактности к сванским, дигорским и др.³ То, что сближает упомянутые поселения, в свою очередь отличает их от разбросанных поселений мегрелов, абхазов, черкесов, кабардинцев, типа хуторов, тянущихся до несколь-

ких километров вдоль речных террас⁴. Особенностью балкарских поселений является их компактность. Об этом свидетельствуют поселения XIII—XIX вв. (Верхний Чегем, Эль-Журт, Малкар-кала, Кюнлюм, Коспарты и др.), ныне заброшенные. Эту особенность отмечал также А. И. Робакидзе. Более свободно балкарские и карачаевские усадьбы и поселения размещаются во второй половине XIX в.⁵ Следует отметить и еще одну тенденцию в развитии балкаро-карачаевских поселений — это постепенное сползание их с высот в низины (поселения Чегемского, Балкарского и других обществ).

По морфологическим признакам можно выделить несколько типов поселений. Во-первых, это небольшие компактные поселения, прижатые к основному сооружению, несущему при необходимости и оборонительные функции. Таковым является Малкар-кала на труднодоступном участке горы над аулом Кюнлюм в Верхней Балкарии. Оно состоит из нескольких небольших каменных жилищ, размещенных на скальных площадках. Другой тип — это поселения без оборонительного комплекса, но расположенные на естественно укрепленных участках (Макка-кая). Еще один тип — поселения с системой оборонительных сооружений или с одной-двумя башнями. Примером поселения с системой оборонительных сооружений служит Верхне-Чегемское городище XIII—XIV вв., расположенное на крутом склоне горы в верховьях р. Чегем. В самом узком месте ущелья р. Джилги-су доступ к поселению прикрывала мощная крепость с отходящей от нее на скальной лестницей — Битикле. Над ней на вершине горного кряжа располагалась башня. Кроме указанных сооружений, подходы к поселению защищал ряд башенных построек, размещенных вдоль ущелья по обеим сторонам речки. В случае осады поселение обеспечивалось водой из ручья, подававшейся по гончарным трубам. Между домами проходили неширокие улицы-проулки, закрепленные каменными выкладками. На отдельном участке располагалось небольшое христианское кладбище, синхронное поселению. Другим поселением этого типа является Эль-Журт, расположенное в 2 км южнее г. Тырныауз, на левом берегу р. Баксан. Как и Верхне-Чегемское, оно размещалось на крутом склоне горного массива. Поселение основано в XIV—XV вв. карачаевцами из рода Крымшаухаловых, фамилия которых известна с начала XVII в. по русским документам. В этом поселении в тактически выгодных и господствующих точках размещены две башни, соединенные между собой оборонительной стеной. Здесь, как и в Верхнем Чегеме, террасами проходили улицы-проулки.

Поселение перестало существовать в начале XVIII в.

Интересны также небольшие поселения-крепости, принадлежащие отдельным феодальным фамилиям. Сюда относится Зылги в Верхней Балкарии, в ущелье р. Черек, принадлежащее Бозиевым, и Усхур в ущелье р. Черек-безенгийский. К этому же типу поселений относятся поселки в виде замков — Джабоево, недалеко от Усхура, и Курнаятский замок, в Верхней Балкарии. Датируются они XV—XVI вв. Наконец, следует отметить поселения, основанные в XVI—XVIII вв. и функционировавшие до 40-х годов XX в.: Кюнлюм, Мукуш, Коспарты, Шканти и др. (Верхняя Балкария), Холам, Шики, Безенги и др. (Безенгийское ущелье),

Булунту, Эль-тюбю и др. (Чегемское ущелье). Все эти поселения хорошо сохранились для этнографического изучения. Заслуживает внимания тот факт, что для Карачая не характерны террасно размещенные поселения.

Среди поселений XIII—XVIII вв. можно выделить моногенные и полигенные, основанные на родственном и территориальном принципе заселения.

К первым можно отнести небольшие поселения, носящие имя основателя и населенные, как правило, его потомками, связанными между собой кровным родством и хозяйственными интересами. Таковыми являются Малкар-кала, Макка-кая, Усхур-кала, Джабоево и др. На наш взгляд, подобные поселения представляют собой различные фазы патронимических (тукумных) поселков⁶.

К полигенным поселениям относятся поселения XVI—XVIII вв. типа Кюнлюм, Коспарты, Шканты, Булунгу, Эль-тюбю и другие, где кровнородственные группы семей занимали отдельные кварталы-тийре.

Жилища XIII—XVIII вв. сооружались в зависимости от рельефа территории поселения — либо на склоне, врезааясь в него, либо на сравнительно ровном участке, углубляясь в землю. На склонах они размещались террасами, соблюдая определенные ряды. Стены воздвигались сухой кладкой из необработанных камней. В плане они имели четырехугольную, трапециевидную, неправильную форму. Полом служил утрамбованный грунт. Задняя и части боковых стен жилищ, расположенных на склоне, врезаались в срезы склона.

В середине или в одном из углов жилых камер устраивались неглубокие четырехугольные очаги, закрепленные обработанными каменными брусьями. Вдоль одной или двух стен проходили каменные лежанки. Подобное устройство наблюдается и в балкарских жилищах недавнего прошлого.

Поселения Верхний Чегем, Эль-Журт и ряд старых заброшенных сел Баксанского ущелья с каменными жилищами не подтверждают вывод Бернштейна и других о том, что жилища в Баксанском ущелье в прошлом были только срубными⁷. Вероятно, здесь бытовали как каменные, так и деревянные жилища.

Сравнительное изучение поселений Верхний Чегем и Эль-Журт с привлечением этнографического материала подтверждает вывод А. И. Робакидзе о том, что развитие балкарского (добавим, и карачаевского) жилища шло в горизонтальной плоскости. Это отличает их от жилищ соседних горцев — сванов, вейнахов, хевсур и др.⁸

В упомянутых двух поселениях XIII—XVIII вв. хозяйственных построек при жилищах не выявлено. Последние представлены в этнографически известных поселениях только XVIII—XX вв.

Особенностью этнографически изученных карачаевских жилищ и поселений является наличие крытых дворов⁹. Последних нет в домах балкарцев и других соседних горских народов. Интересно отметить в качестве аналогии, что крытые дворы имеются в чувашских усадьбах, в то время как у их соседей, башкир, их нет.

Таким образом, можно констатировать, что в развитии жилищ XIII—XVIII вв. наблюдается переход от однокамерных жилищ без хозяйст-

венных пристроек к многоквартирным домам с хозяйственными пристройками, а в эволюции поселений прослеживается переход от родственного принципа расселения к территориальному.

- ¹ *Е. С. Такайшвили.* Археологические экскурсии, разыскания и заметки. ИКОМАО, вып. IV. Тифлис, 1915, стр. 106; *Вахушти.* География Грузии. ЗКОРГО, кн. XXIV, вып. 5, 1904, стр. 138—150; Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. (составил В. Н. Гамрекели). Тбилиси, 1968, стр. 105.
- ² *Б. Е. Деген-Ковалевский.* Сванское поселение как исторический источник. СЭ, 1936, № 4—5, стр. 26, 27.
- ³ Там же, стр. 28; *Б. А. Калоев.* Осетины. М., 1967, стр. 118.
- ⁴ *А. А. Миллер.* Из поездки в Абхазию. МЭР, т. 1. СПб., 1910, стр. 71; *Б. Е. Деген-Ковалевский.* Сванское поселение..., стр. 28.
- ⁵ *Н. Г. Волкова.* Переселение с гор на равнину на Северном Кавказе в XVIII—XX вв. СЭ, 1971, № 2, стр. 38, 39, 42.
- ⁶ *М. О. Косвен.* Семейная община и патрионимия. М., 1963, стр. 92—100, 116.
- ⁷ *Э. Б. Бернштейн.* Народная архитектура балкарского жилища. Сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960, стр. 189; *Н. Ф. Такоев.* Балкарцы. «Народы Кавказа», т. 1. М., 1960, стр. 282.
- ⁸ *А. И. Робакидзе.* К вопросу о форме поселения в Сванетии. КСИЭ, вып. XXIX, 1958, стр. 52—61.
- ⁹ *Н. Ф. Такоев.* Балкарцы, стр. 251.

Э. В. Кильчевская

Некоторые детали возникновения искусства черни на Кавказе

Культура художественной обработки металла на Кавказе очень древняя. А. А. Иессен, Е. И. Крупнов и Б. Б. Пиотровский во многих своих работах писали о том, что Кавказ является одним из древнейших очагов металлургического дела¹. Здесь, в районах Малого и Центрального Кавказа, имелись богатые месторождения самых разнообразных металлов, особенно меди, золота и серебра. Греческие легенды об аргонавтах и золотом руне не были, очевидно, простой выдумкой. Страбон, например, полагал, что главной целью похода Фрикса и Язона на Колхиду было богатство Кавказа золотом, серебром и медью². В своей «Географии» он пишет: «Говорят, что зимние потоки сносят золото, а варвары собирают его шкурами: отсюда и берет начало миф о золотом руне»³.

Наконец, большое сходство образного строя изделий кобанской бронзы Кавказа с бронзами иранского Луристана, их типологическая и стилистическая близость также, безусловно, свидетельствуют о давнем существовании и параллельном развитии этих двух крупнейших очагов высокой культуры художественного металла с их своеобразной скульптурно-пластической основой.

Более всего ранние традиции художественной обработки металла на Кавказе просматриваются на материале кобанской бронзы, особенно характерной для центральных горных районов. Она достаточно хорошо изуче-

на ⁴, хотя новые материалы и памятники этой огромной ветви древнего искусства бронзы все еще продолжают поступать в руки ученых и пополняют коллекции музеев страны ⁵.

В античную пору намечается следующий этап в развитии местных художественных традиций искусства обработки бронзы. В сравнении с более ранней эпохой собственно бронзового века, где господствовала главным образом техника литья, на рубеже нашей эры все шире начинают применяться самые разнообразнейшие технические и декоративные приемы обработки металла — литье,ковка деталей, резьба, гравировка, чеканка, напайная скань, зернь и т. п.

В эпоху средневековья в ювелирном искусстве и оружейном деле народов Кавказа особое, а со временем все более значительное место начинает занимать чернь. Однако до сих пор еще остаются невыясненными ее истоки, ее происхождение, несмотря на распространенность этого технического и декоративного средства украшения всевозможных изделий из металла у большинства народов Кавказа, Передней Азии и Европы.

На Кавказе традиции черни, как характерного декоративного и технического приема, восходят, как теперь устанавливается, к раннему средневековью, хотя точное время и место зарождения и первоначального совершенствования этого способа украшения золотых и серебряных изделий считаются неопределенными ⁶. Бесспорным пока следует считать то положение, что чернь на Кавказе появляется в период перехода от бронзы к серебру в массовом производстве предметов украшения одежды, а затем и в декорировке холодного оружия.

Общеизвестно, что массовое изготовление всевозможных женских и мужских украшений из бронзы продолжалось здесь вплоть до раннего средневековья — примерно до VIII—X вв., особенно в высокогорных районах Кавказа ⁷.

Примерно к X в. мастера ювелирного дела на Кавказе хорошо усвоили основные методы применения и приготовления черни. Им были прекрасно известны все компоненты, необходимые для изготовления черни и их свойства. Рецепты составления черни к X в. мы видим также уже отработанными. Мастерам серебряного дела того времени в совершенстве знакома была техника обработки металла под чернь и искусство наведения сложных рисунков, все тонкости нанесения черни на серебро и золото. Об этом свидетельствуют некоторые памятники, дошедшие до нас, например, энколпион Мартвильского монастыря в Грузии, выносной Ишхатский крест 973 года и некоторые другие.

В наше время известно несколько народных рецептов приготовления черни, в которых основные компоненты присутствуют в разных дозах и пропорциях. Самый обычный рецепт, по которому готовят чернь многие мастера различных народностей Кавказа: полмеры серебра, полмеры меди и полмеры смеси металлов — серы. В этом случае чернь получается очень черной. При экономии серебра его берут одну треть, а меди две трети, причем от этого существенно меняется оттенок черни.

Известно, что некоторые мастера в состав черни включали и некоторые другие составные: брали, например, одну четверть свинца и одну четверть латуни. Все это вместе сплавлялось, причем сначала плавляли

серебро и латунь, затем добавляли свинец, а в этот «раствор» сверху вливали расплавленную серу и буру⁸. Такой состав черни хорошо известен в ювелирном искусстве вообще, и аналогичные рецепты неоднократно публиковались⁹.

Последовательность смешивания составных частей черни довольно разнообразна. Почти каждый мастер составляет чернь на глаз и часто берет «свои» дозировки основных компонентов,— это является «секретом» его школы. Но во всех вариациях очевиден один общий принцип. Любому мастеру знает, что в каждом составе черни, куда входит серебро, медь и сера, количество серебра и его частичных «заменителей» и меди должно быть равное, а серы — в половинном размере сплава всех металлов. Нередко встречается и такая чернь, в которой больше меди, чем серебра. Чернь, в составе которой присутствует свинец, количество серебра в большинстве случаев сокращается. Например, в Адыгее бытовал рецепт — одна часть серебра, три части свинца и три части меди. По словам многих мастеров, чернь со свинцом изготавливается гораздо легче, она менее шероховатая и имеет больше блеска после полировки.

Полученная масса черни имеет вид синевато-черных кристаллов. Такая чернь считается нормальной, хорошей. Если она не обладает этими свойствами, ее опять расплавляют — «переваривают», добавляя тот компонент, которого не хватает, по мнению мастера. Если отсутствуют синие кристаллы, то это значит, что в составе черни не хватает свинца, в то время как от излишества серы усиливается чернота. Опытному мастеру кипящий раствор сам «показывает» своим поведением, чего в нем недостает.

Охлажденную массу черни толкут в ступке, затем растирают в порошок. Растолченную чернь хорошо промывают горячей водой, пока не отойдет вся грязь. Чернь тяжелая, она хорошо осаждается в воде. После всей этой обработки порошок черни высушивают и хранят в стеклянной посуде.

Сохранились любопытные сведения о составе черни в эпоху средневековья. Грузинский царь Вахтанг VI специально изучал способы получения черни. В параграфе 188 его «Книги химии»¹⁰ описывается такой способ приготовления черни, который бытует в народном ювелирном искусстве у многих народностей Кавказа и поныне. Если сопоставить данные, полученные от мастеров нашего времени, и записи в книге царя Вахтанга VI, то станет очевидным, что сведения, записанные в эпоху средневековья в целом, совпадают с теми рецептами, которые зафиксированы в работе многих современных мастеров Кавказа.

Современные данные, высказывания писателей античного времени и археологические материалы, обнаруженные на Кавказе, указывают на то, что даже в самой высокогорной его части были известны месторождения драгоценных и цветных металлов и различных минералов. А среди них и те, которые входили в состав черни,— серебро, медь, свинец, сера, бура, селитра, нашатырь¹¹. Уже это дает нам право предполагать возможное место зарождения искусства черни на Кавказе или по крайней мере говорить о благоприятных посылках сложения здесь давних традиций ее изготовления. Именно на Кавказе чернь приобрела необычное многообразие способов приготовления и применения в изделиях из серебра и золота.

Рис. 1. Украшения с чернью

1 — аварская пряжка с гравированными узорами под чернь (примерно XVIII в.); 2 — аварский браслет с фонован чернью и гравированными узорами (примерно XVIII в.); 3 — аварская пряжка с линейным черным узором (XIX вв.)

Гравировка изделий под чернь на всем Кавказе обычно выполняется штихелем, режущим металл тонкими плавными линиями. Контуры узоров обычно врезаются в металл довольно глубоко. На более плоских и широких элементах узора — лепестках, листьях, бутонах поверхность металла снимается большими плоскостями, кроме того, на разном уровне глубины выполняются верхние дополнительные порезки, «разделяющие» детали узора (рис. 1, 1, 2). Они являются своеобразным контррельефом по отношению к общей пластической лепке формы. Резьба широких частей и деталей орнамента, а также тонких графических линий выполняется одним и тем же штихелем, но с разной силой и направленностью самих порезок (рис. 1, 1). Иногда фон, покрываемый чернью, занимает большие пло-

скости, но и в этих случаях его «выбирание» производится все тем же штихелем. Эта своеобразная нерациональность техники компенсируется виртуозным мастерством и скоростью традиционных приемов работы.

На Кавказе издавна встречаются два разных приема использования, а следовательно, и нанесения черни: чернь, накладываемая по узору и чернь фоновая, т. е. закрывающая весь фон. В первом случае на светлом серебряном фоне получается черневой узор (рис. 1, 3), во втором — узор остается светлым, серебряным на черневом фоне (рис. 1, 2).

При нанесении черни на тонкие линии узора важно, чтобы линии его были тщательно обработаны «внутри», в глубине. Мастер во время их гравирования следит за тем, чтобы на поверхности линии были четкими, плавными и ровными, а внутри, точнее в глубине, они должны сохранять своеобразные «заусеницы», получающиеся от естественной прерывистости движения штихеля в руке гравера. Опытный мастер делает это без всяких усилий, но дается эта естественность только большим мастерством и виртуозным владением техникой гравировки.

При подготовке фона под чернь также имеются свои «секреты» мастерства. В этом случае важна естественная шероховатость, получаемая от прерывистого движения штихеля, снимающего верхний слой металла, но уже не в глубине линий, а на плоскости, отведенной под чернь. И мастер теперь следит за тем, чтобы они располагались равномерно и на одинаковом уровне. В обоих вариантах несоблюдение этих условий приводит к тому, что чернь выкрашивается — или она сразу «не ляжет», или со временем, и довольно скоро, начнет осыпаться (рис. 1, 1, 2).

Сам процесс нанесения черни заключается в том, что заранее подготовленный порошок черни мастер разводит в воде, содержащей немного нашатырного спирта, до состояния густой сметаны. Эту массу мастер накладывает на линии или плоскости, предназначенные и выгравированные для черни. Затем предмет или его деталь с наводимой чернью нагревают на огне. Чернь при этом расплавляется, так как температура ее плавления более низкая, чем у серебра¹². Расплавленная чернь соединялась с серебром, сплавлениясь с ним, плотно заполняя отведенные для нее углубления линий или плоскостей. Затем «начерненную» поверхность вещи чистили. Первоначальная грубая очистка поверхности производилась рашпилем, затем тонким напильником снимали лишнюю чернь («напльвшую») при плавке на те места, которые по замыслу художника-мастера должны оставаться чистыми, серебряными. После этого предмет промывали в сыворотке и, наконец, полировали черненный предмет до блеска куском шерстяной материи или войлока.

Чернью украшались на Кавказе самые разнообразные изделия: всевозможные женские украшения (серьги, кольца, браслеты, шейные и нагрудные ожерелья, различные подвески, амулеты и т. п.), мужские пояса, конская сбруя, холодное, а затем и огнестрельное оружие (рис. 1, 1, 3; 2, 1—4).

Как уже говорилось, наиболее ранние образцы черневого искусства восходят примерно к VIII—IX вв. н. э. Дошедшие до нас ранние памятники черневого искусства являются предметами церковной утвари¹³. Конечно, это еще не может служить доказательством того, что впервые

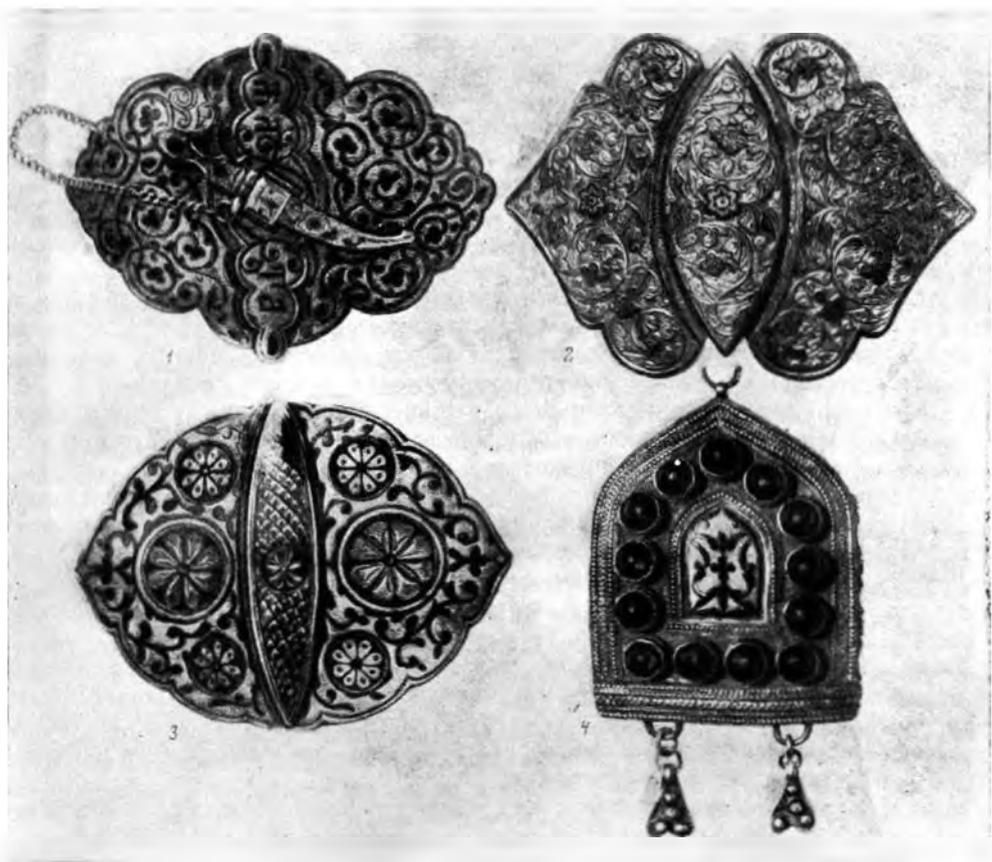

Рис. 2. Украшения с чернью

1 — локская серебряная пряжка с черными узорами (примерно конец XVIII — начало XIX в.); 2 — пубачинская серебряная пряжка с рельефным гравированным узором и чернью (XIX в.); 3 — аварская серебряная пряжка с черными узорами (примерно XVIII в.); 4 — аварская подвеска с чернью, сканью и цветными стеклами (примерно конец XVIII в.)

чернь начала применяться лишь для декора предметов культового назначения, а не изделий светского характера (украшений костюма). Дело в том, что сама природа техники кавказской черни в своей основе и особенно начальных этапов ее развития ювелирна. С нашей точки зрения, она тесно связана и, очевидно, даже рождена ювелирным искусством в отличие, скажем, от русской или европейской черни. В русском, например, черневом искусстве все строится на штрихе, который лепит какую-либо крупную изобразительную или декоративную форму. Он в какой-то мере «имитационен» и легко воспроизводит или по крайней мере способен повторять линии и штрихи обычного рисунка. Русская и европейская чернь

во многом идет от гравюры с ее системой линий — штрихов, ложащихся по форме.

В кавказской черни, напротив, линия, сам штрих — порезка, есть готовая форма, иными словами, почти каждой порезкой мастер создает законченный элемент узора. Следовательно, масштабная основа в кавказской черни идет от небольшого, ювелирного по размерам приема-порезки. И уже в этой «миниатюрности» самих технико-декоративных средств, с нашей точки зрения, заложена основа иного понимания этого искусства, его декоративных приемов и возможностей, а в какой-то степени и расшифровка ее истоков.

Однако ранние образцы собственно ювелирного черного искусства до нас не дошли, а добытые археологами раннесредневековые серебряные украшения преимущественно плохой сохранности и по ним судить о первых этапах развития черного искусства почти невозможно.

Из средневековых культовых памятников наибольший интерес представляет, например, энколпион Мартвильского монастыря в Грузии, где чернью выполнены четыре композиции на оборотной стороне¹⁴. Памятник этот особенно интересен с точки зрения применения в нем черни «под фон» (для фона). Четыре сцены на обороте энколпиона и основная композиция на внутренней стороне выполнены с применением больших плоскостей черни¹⁵. Кудри на плечах крестителя, например, покрыты чернью иссиня-черного цвета и решены цельной нерасчлененной массой, как эмали¹⁶.

Не менее интересен и другой памятник — знаменитый выносной Ишхатский крест 973 г.¹⁷, где чернь также применена в качестве фона, на котором отчетливо вырисовывается растительный узор в виде «бегущего» трилистника, расположенного в бордюре, обрамляющем весь крест.

Таким образом, в большинстве зафиксированных сейчас памятников раннего черного искусства мы видим одинаковое применение черни преимущественно для заполнения фона, или наложение ее крупными массами, как в фигуре крестителя на энколпии¹⁸. Отсюда вполне логично напрашивается вывод о том, что первоначально чернь, скорее, использовалась так же, как эмаль — она служила фоном и так же закрывала значительные поверхности. Использовались преимущественно ее цветковые качества, тем более что чернь намного прочнее эмалей и паст, которые стали применяться преимущественно в изделиях из золота.

Совсем другое отношение к черни мы видим на памятниках X—XI вв. На серебряном или позолоченном фоне узоры или отдельные мотивы выводятся чернью. В изделиях этого времени чернь сама становится как бы изображающим средством, а не фоном для узоров, как прежде. Перед нами отчетливо вырисовывается следующий этап понимания декоративных и технических возможностей самой черни.

Эта традиция наведения и выполнения черневых узоров на белом (серебряном) фоне развивается и все больше совершенствуется на памятниках последующих веков. Так, например, на оборотной стороне Ишхатского креста часть узоров выполнена чернью по светлому фону серебра. Правда, сами узоры, заполненные чернью, здесь еще довольно широкие; чернение по-прежнему ложится крупными плоскостями, и она опять-

таки используется еще почти как эмаль. И все же здесь мы видим принципиально иное отношение к черни. Она использована не подражательно (как эмаль), а с выявлением собственных декоративных выразительных возможностей.

Особенно часто в этом своем новом качестве она применяется в эпоху средневековья для наведения надписей на предметах церковной утвари и иногда на иконах. Например, на иконе св. Георгия из церкви сел. Они, датированной XII—XIII вв., надпись выполнена чернью¹⁹.

Позднее, в эпоху зрелого и позднего средневековья, чернь в основном применяется как средство для выполнения декоративных форм и узоров. Со временем все больше разрабатываются ее выразительные возможности и разнообразные декоративные приемы. В ювелирных изделиях того времени чернь становится утонченной, графичной. Черневые узоры в серебряных изделиях средневековой поры словно тонким кружевом заплетаются в сложные, прихотливые и бесконечные по своим вариациям орнаментальные композиции. Вот эти-то ее графические свойства и были, нам думается, усвоены и по-своему развиты русским и европейским серебряным делом в эпоху уже сложившегося средневековья.

Особенно интересно и многообразно применение черни в ювелирном искусстве горного Дагестана XVII—XIX вв. В самых разнообразных украшениях к мужскому и женскому костюму этого времени чернь располагается и «по узору», и «под фон». Причем, их сочетание обогащается еще за счет соединения черни с рельефными, контррельефными и просто гравированными, штриховыми узорами по серебряной или золоченой поверхности. Нередко рельефы гравированных узоров дополняются сканными и зерневыми деталями, а иногда вещь украшается вставками цветных полудрагоценных камней и ярких стекол в высоких кастах. Сочетание всех этих многообразных декоративных приемов обычно строится на принципе соподчинения их одному главному, ведущему средству. Причем такая соподчиненность строго соблюдается и в цветовом, и в пластическом отношениях (рис. 1, 3; 2, 1, 4).

Если главным является рельефный гравированный узор, то черневой орнамент обрамляет его, выявляет, подчеркивает. В этом случае активно включается позолота, покрывающая рельефные формы. В сочетании с позолотой чернь звучит еще отчетливее, ярче, и в ее подчиненности рельефным деталям композиции заключена большая сила выразительности (рис. 2, 2).

Совсем иначе строится соотношение форм, когда главным в декоративном убранстве вещи сохраняется чернь, особенно фоновая. Тогда чаще всего на черневом фоне гравировются крупные контррельефные серебряные узоры. Значительно большую роль в таких декоративных композициях имеет дополнительная гравировка, которой «прорабатываются» все серебряные, выполненные контррельефом центральные узоры. Эта, так называемая дополнительная гравировка, наносимая после наведения черни и позолоты рельефно гравированных узоров, придает всему убранству вещи большую нарядность, изысканность, мерцание (рис. 1, 2, 3; 2, 2, 3).

В эпоху средневековья ни на Западе, ни на Востоке, ни на Руси не были разработаны столь богатые и разнообразные приемы декорирования

черневых изделий. Только мастера Кавказа сумели «прочитать» все непоторимое своеобразие и многогранные возможности черни как особого декоративно-выразительного средства художественной обработки серебра. Чернь, рожденная первоначально как особый прочный «заменитель» черной эмали и пасты, была осмыслена затем на Кавказе как самостоятельный ведущий и очень эффектный декоративный и технический прием.

Чернь — это вклад народов Кавказа в сокровищницу мировой культуры ювелирного дела, ибо нигде чернь не получила столь многообразного применения и широкого развития, как на Кавказе.

- ¹ *А. А. Исесен. Древняя металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. «III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии 1935». Л.—М., 1939, стр. 91—103; он же. К вопросу о древней металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 7—237; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957; он же. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; Б. Б. Пиотровский. Эпоха меди и бронзы в Закавказье. «История СССР», ч. 1, 1939; он же. Археология Закавказья. Л., 1949, и др.*
- ² *Т. Каухчишвили. География Страбона. Сведения о Грузии. Тбилиси, 1957, стр. 70—71.*
- ³ Там же, стр. 126.
- ⁴ *П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.*
- ⁵ *Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. «Ученые записки ЛГУ», вып. 13, 1949; О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 20—101; А. А. Исесен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954; Б. В. Техов. Раскопки Тлийского могильника. Сб. «Археологические открытия» 1968 года. М., 1969 и др.*
- ⁶ *Г. Чубинашвили. Грузинское ювелирное искусство VII—VIII вв. Тбилиси, 1957; Л. Бочоришвили. Материалы о ювелирном искусстве в горах Кахети. «Материалы по этнографии Грузии», т. VIII. Тбилиси, 1956; он же. Ювелирное искусство в Сванети. «Сообщения АН Груз. ССР», т. VII, № 5. Тбилиси, 1946.*
- ⁷ См. материалы позднекобанской бронзы: *П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII. М., 1900;*
- Д. М. Атаев. Археологические исследования у Главного Кавказского хребта. «Ученые записки Даг. филиала АН СССР», т. VII. Махачкала, 1960, стр. 185—204; Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. «Ученые записки ЛГУ», вып. 13, 1949 и др.*
- ⁸ Во время многократных поездок на Кавказ — Дагестан, Осетию, Кабардино-Балкарию, Черкесию, Адыгею, Карачай, Грузию, Сванетию, Армению, Азербайджан — у многих мастеров нами зафиксированы разные варианты рецептов составления черни (дневники 1949—1954, 1956—1965, 1967, 1969, 1970 годов).
- ⁹ *Л. Бочоришвили. Материалы о ювелирном искусстве в городах Кахети, стр. 153; он же. Ювелирное искусство в Сванети; Г. Н. Чубинашвили. Грузинское ювелирное искусство VII—XVIII вв.; О. В. Маркграф. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882; Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. «Историко-этнографические этюды». М.—Л., 1949, стр. 81; Н. Б. Бакланов. Златокузнецы Дагестана. М., 1926, стр. 21, и др.*
- ¹⁰ *Вахтанг VI. Книга о смешении масла и создании химии. Рукопись хранится в Институте палеографии АН Груз. ССР, колл. № 3721, 188, см. § 55, 27, 28, 44, 146, 192, 202, 277.*
- ¹¹ *Б. Е. Дегген-Ковалевский. К истории железного производства Закавказья. По материалам раскопок Чуберской железоплавильни. ИГАИМК, вып. 120. Л., 1935; Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949; Г. М. Сухарев, Ю. К. Тарануха. Богатства недр Кавказа. М., 1969; И. Р. Селимханов. Разгаданные секреты древней бронзы. М., 1970, и др.*
- ¹² *О. В. Маркграф. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства; Н. Б. Бак-*

ланов. Златокузнецы Дагестана, стр. 14—22; Е. М. Шиллинг. Кубачинское чернение, гравировка и литье. «Народное искусство СССР в художественных промыслах», т. I. М., 1940; он же. Кубачинцы и их культура, стр. 81—89; Л. Бочоришвили. Ювелирное искусство в Сванетии; Г. Н. Чубинашвили. Грузинское ювелирное искусство VII—XVIII вв.

¹³ См., например: В. Бардавелидзе. Грузинские образцы культового графического искусства. Тбилиси, 1953.

¹⁴ Г. Н. Чубинашвили. Грузинское ювелирное искусство VII—XVIII вв. Альбом, табл. 4.

¹⁵ Там же, стр. 7.

¹⁶ Там же, стр. 7, рис. 138.

¹⁷ Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство. «Исследование по истории грузинского средневекового искусства». Тбилиси, 1959, табл. 57, 59, 60.

¹⁸ Г. Н. Чубинашвили. Грузинское ювелирное искусство VII—XVIII вв., стр. 7, рис. 138.

¹⁹ Там же, стр. 7.

О. Х. Б г а ж б а

Замок Баграта

Одним из интереснейших памятников средневековой Абхазии является замок Баграта (Атвыла-баа — «крепость страны» по-абхазски), давно привлекавший внимание многих исследователей¹. В последнее время были продолжены работы по изучению этого памятника. Обследованы его оборонительные стены, взяты и изучены растворы, а также проведены дополнительные раскопки для выявления строительного слоя и установления стратиграфии памятника.

Замок Баграта стоит у края обрыва на крутом холме в 500 м от моря на северо-восточной части г. Сухуми. Замок этот согласно с конфигурацией рельефа местности имеет в плане форму полукруга, вытянутого с востока на запад (рис. 1). С северной стороны укрепление примыкает почти к отвесному обрыву и в северо-восточной части имеет мощный контрфорс.

С запада, юга и востока возвышаются монументальные, высокие, от 9 до 12 м. стены, имеющие толщину 1,8—2 м. Как писал в свое время Витрувий, толщина стен должна быть такой, чтобы двое вооруженных могли беспрепятственно разойтись².

Вообще при строительстве крепостей и замков, говорил Витрувий, для начала нужно учесть все условия для здорового расположения, vybrать местность, обильную плодами³. Связывая обязательно постройку крепостных стен с рельефом местности, следует также учитывать наличие реки, а также возможных подходов к данному укреплению. Все эти условия были учтены строителями замка Баграта.

Подойти к замку можно только по стрелке мыса с юго-востока. Поэтому предусмотрительные защитники замка перекопали в двух местах эту тропинку, которая упиралась в юго-восточную башню. Именно в этом месте находился вход в замок⁴, к которому вел постепенно поднимающийся крутой узкий парапет, приводивший к своеобразному вестибюлю или дворику (рис. 2).

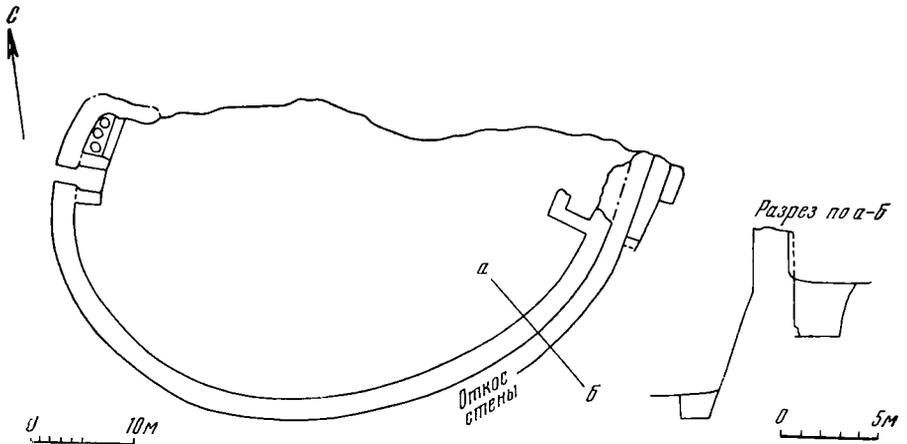

Рис. 1. План замка и разрез по линии а—б

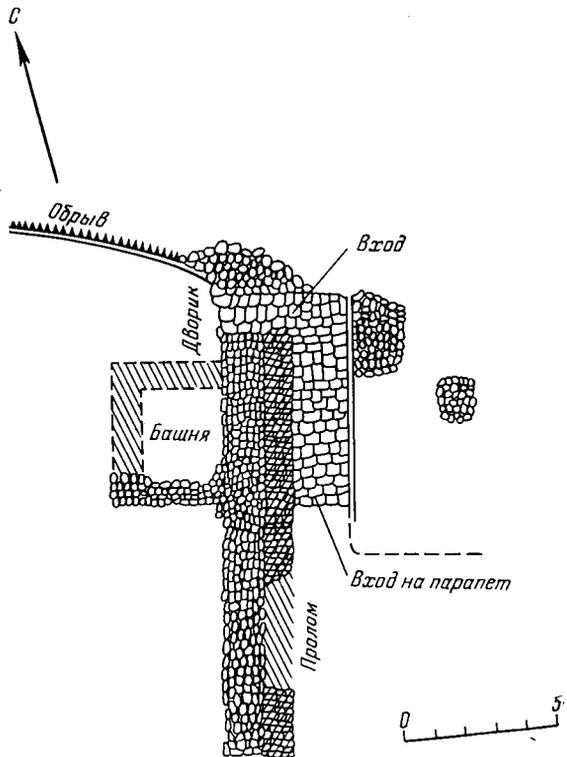

Рис. 2. Восточная часть замка

В основном кладка стен замка бутовая, постелистая, характерная для Абхазии развитого средневековья⁵. Чтобы валун имел постель, в особенности в облицовочной части кладки, его подвергают гранению, отбивая у него округлые части, создавая, таким образом, верхнюю и нижнюю постель. Мелкий валунный камень «галечник» идет на забутовку. Выступает в замке и следующая деталь — в крепостных стенах имеются небольшие отверстия на определенной высоте. Это следы от деревянных бревен-лежней, которые служили для того, чтобы кладка стен дала равномерную осадку. Подобную технику можно встретить и на других памятниках Абхазии (на приморской башне Великой абхазской стены, в римском и турецком слоях Сухумской крепости).

При строительстве, наряду со сбитыми валунами, применялись крупные обломки известняка. В восточной части замка прослеживаются три пояса кладки: это остатки укрепленного парапета и внутренней башни.

Кладка стены восточной внутренней башни имеет некоторые особенности: камни положены не постелисто, а на ребро. Им придано косое положение под разными углами с таким расчетом, чтобы их поверхность образовала постель для верхнего горизонтального слоя. Такую кладку можно назвать диагональной. Это та же бутовая кладка, только в другом варианте. Этот способ стал возможен благодаря улучшению качества извести.

По-видимому, внутренняя башня была пристроена позже, когда противником был сделан большой пролом в основной стене замка Баграта. Тогда, чтобы укрепить замок, рядом со входом была пристроена внутренняя башня (рис. 2). Кроме того, сами каноны фортификационного искусства требовали подобных изменений в системе защиты⁶.

Профили стен замка имеют переломы: верхняя часть вертикальная, а нижняя расширяется книзу (рис. 1). Очевидно, это сделано для устойчивости. Нижняя часть стены служит как бы панцирем того целика земли, на котором построен замок. Вместе с тем такой профиль, дающий рикошеты, указывает на усовершенствования в технике обороны. Брошенные сверху тяжелые камни, бревна и пр. отскакивали рикошетом от нижней части стены замка, поражая противника. Этот прием применялся на востоке с глубочайшей древности, а в средние века он стал применяться постоянно при строительстве крепостных стен⁷.

Весьма интересным является пролом, обнаруженный в восточной части стены замка Баграта. Здесь кладка не имеет существенных отличий от кладки основных стен. Пролом, видимо, был заделан вскоре после штурма. Внушительные размеры пролома (ширина 4 м, высота 2 м) говорят о наличии у осаждающих стенобитной машины.

В западной стене над обрывом находится большое вылазное окно, перекрытое плоско-округлой аркой. У вылазного окна имеется паз четырехугольной формы (диаметр его около 30 см), в который вставлялось бревно-вкладыш, чтобы прочнее закрыть окно. В противоположной стороне от паза можно заметить небольшие отверстия для петель. Попасть в замок через это окно можно было, видимо, только с помощью лестницы. Отсюда, вероятно, делались вылазки для атак на противника с тыла или с флангов. Это место было укреплено сводчатой полубашней.

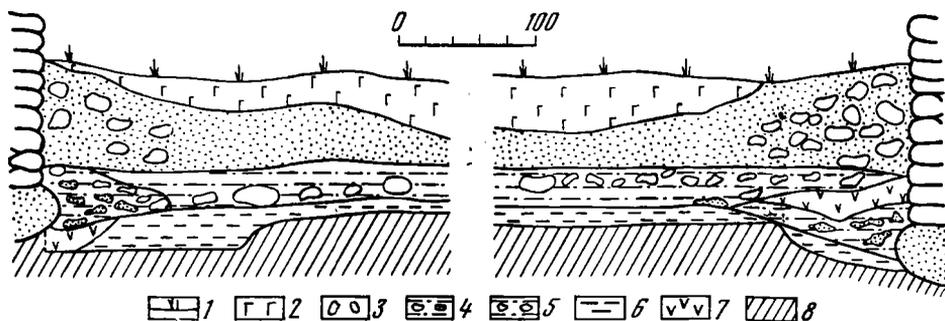

Рис. 3. Поперечные разрезы раскопок

Слева — вид с востока; справа — вид с запада.

Условные обозначения: 1 — растительный покров; 2 — земля — засыпка от старых раскопок; 3 — гумус; 4 — суглинок — засыпка с камнями и известковым раствором; 5 — суглинок с камнями; 6 — светло-желтая глина; 7 — глина насыпанная; 8 — материк

В результате раскопок внутри замка Баграта у южной стены было выявлено четыре слоя (рис. 3).

Первый слой был растительный; второй — темный, рыхлый, гумусированный; он содержит фрагменты пифосов с очковидными наделами, кувшинов с массивными ручками, орнаментированными продольными нарезками, поливной керамики зеленого и коричневого цвета, железные гвозди и т. д. Датируется этот слой XI—XIII вв. Следующий слой — светлый с примесью глины. Толщина его 30—40 см. Он содержит фрагменты пифосов, кувшинов с плоскими ручками, кухонной керамики, строительный мусор. Датируется он VIII—X вв. Четвертый слой — самый светлый и самый древний, содержал большое количество каменных и кремневых орудий.

К востоку от замка по тому же гребню гор были обнаружены следы четырех средневековых поселений.

Таким образом, строительство замка Баграта началось не позже X в., что подтверждает сама кладка и раствор, примененные в строительстве крепостных стен замка.

Возникает вопрос, почему был построен замок Баграта и как он был связан со средневековым Сухуми? И правда, строительство замка может на первый взгляд вызвать недоумение — ведь имелась в то время приморская Сухумская крепость (Себастополис), входившая некогда в «Понтийский лимес»⁸. О значении ее в период римского господства говорить много не приходится.

Позднее, как сообщает Прокопий⁹, Себастополис был разрушен самими византийцами, а затем восстановлен Юстинианом.

К X в., в период независимости от византийского господства, часть крепостей, входивших в «Понтийский лимес», была разрушена; другая же (оставшаяся) часть потеряла всякое политическое значение. В связи с этим появилась новая опора в лице замка Баграта.

В средние века современный Сухуми, на территории которого расположен замок Баграта, фигурирует в древнегрузинских летописях, начиная с VIII в., как Цхум, а позднее Цхом¹⁰. Слово Цхом (Цхум) И. Орбели¹¹ и Г. А. Меликишвили¹² считают сванского происхождения. Правда, по И. Орбели Цхом (Цхум) означает близнецов, двойню, что по смыслу связывается с древнегреческим названием Диоскуриада. Г. А. Меликишвили переводит Цхом (Цхум) как граб (по-свански «цхум» — граб). Кроме названия Цхом (Цхум), существовало еще более древнее местное абхазское название Аква¹³. С. Н. Джанашия¹⁴ считал, что словообразовательный элемент «ква» в черкесском (кабардинском) обозначает «овраг», «балка», «ущелье» «речка». Г. Э. Шакирбай¹⁵, пытаясь это конкретизировать, связывает основу «ква» с серной водой.

По этим вопросам существовали два мнения. В. И. Стражев, а вслед за ним Ш. Д. Инал-Ипа локализируют город Цхом в Сухумской крепости и считают, что именно это место также соответствует абхазскому Аква¹⁶. Таким образом, по их мнению, замок Баграта находится где-то в стороне от самого города, вне всякой связи с ним.

В. И. Сизов же, наоборот, справедливо связывает замок Баграта со средневековым Цхумом (в древнегрузинских летописях) и с древнеабхазским Аква. К этому выводу он приходит, ссылаясь на Рейнеггса и на грузинского царевича Вахушти¹⁷. Такого же мнения придерживаются А. В. Фадеев¹⁸ и Э. В. Анчабадзе¹⁹.

Местность, где расположен замок Баграта, была в свое время культурным и политическим центром средневековой Абхазии. Автор «Истории и восхваления венценосцев» сообщает, что царица Тамара летнее время проводила иногда в Цхуми²⁰.

Из всего сказанного есть основания полагать, что замок Баграта, господствовавший над морским берегом и долиной реки Беслетки, служил цитаделью средневекового «Цхума» («Аква»), портом которого в то время был Сабастополис. Опираясь на естественный рубеж, гряды холмов, круто обрывающихся над рекой, замок защищал вход в Южную Абхазию и перекрывал с северо-запада подступы к Великой абхазской стене, с которой он был соединен линией сторожевых пунктов по гребням холмов.

¹ Dubois. Voyage autour du Caucase. Paris, 1839, p. 315; В. И. Сизов. Восточное побережье Черного моря (археологические экскурсии). МАК, II. М., 1884; В. И. Чернявский и М. И. Галашевский. Древности. «Труды по сохранению древних памятников Московского археологического общества», т. IV. М., 1912, стр. 26—28, 63—65; А. С. Башкиров. Археологические изыскания летом 1925 г. «Известия АБНО», вып. IV. Сухуми, 1926, стр. 18, 19; И. Е. Адзинба. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958; В. П. Пачула. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М., 1968; М. М. Трапш. Ценные археологические

находки. «Советская Абхазия», 28.VIII 1956 г. (здесь М. М. Трапш делает краткий отчет о своих раскопках в замке Баграта в 1954—1956 гг.).

² Витрувий. Десять книг об архитектуре, книга 1-я, глава V. М., 1936, стр. 32.

³ Там же.

⁴ П. П. Закарая. Древние крепости Грузии. Тбилиси, 1969, стр. 203.

⁵ Для Абхазии развитого и позднего средневековья характерно употребление в крепостном строительстве простого валуна, которым так богато дно рек и побережье Черного моря.

⁶ О. Шуази. История архитектуры, т. II. М., 1937, стр. 515, 526.

⁷ Там же, стр. 517.

- ⁸ В. Левиндазе. Понтийский лимес. ВДИ, 1969, № 2, стр. 82—84.
- ⁹ Прокопий. О постройках. ВДИ, 1939, № 4, стр. 249.
- ¹⁰ Джуаншер. Жизнь и деятельность Вахтанга Горгасали. «Картлис цховреба», т. I. Тбилиси, 1955 (на грузинском языке).
- ¹¹ И. Орбели. Город близнецов диоскуров и племя возниц генихов. ЖМНП, ч. XXXIII. СПб., 1911.
- ¹² Г. А. Меликишвили. Наименование города Фазиса и вопрос об этническом составе населения древней Колхиды. ВИД, 1966, № 1, стр. 86.
- ¹³ Название «Аки» встречается на монетах III в. до н. э., подражающих статаерам фракийского царя Лисимаха. Г. Э. Шакирбай предполагает, что имя «Аки» связано с абхазским названием города Сухуми — Аква. См.: Г. Э. Шакирбай. Топонимика Абхазии (в печати).
- ¹⁴ С. Н. Джанашия. Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии. «Сообщения АН Груз. ССР», т. I, № 8, 1940, стр. 628.
- ¹⁵ Г. Э. Шакирбай. Топонимика Абхазии.
- ¹⁶ В. И. Стражесв. Руинная Абхазия. «Известия АБНО», вып. 1. Сухуми, 1935, стр. 154; Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы. Сухуми, 1960, стр. 111.
- ¹⁷ В. И. Сизов. Восточное побережье Черного моря.
- ¹⁸ А. В. Фадеев. Древний город Цхуми. «Советская Абхазия», 12.XII 1938 г.
- ¹⁹ Э. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). Сухуми, 1959, стр. 180—190.
- ²⁰ «История и восхваление венценосцев». Тбилиси, 1954, стр. 52, 87.

Список сокращений

АЭБ — Археология и этнография Башкирии
АЭС — Археолого-этнографический сборник
БСЭ — Большая советская энциклопедия
ВАН — Вестник Академии наук СССР
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВОН — Вестник общественных наук
ВООПИК — Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры
ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГХМ — Государственный херсонесский музей
ДАН — Доклады Академии наук
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗАО — Записки археологического общества
ЗКОРГО — Записки Кавказского отделения Русского географического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории древностей
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии
ИАК — Известия археологической комиссии
ИАБНО — Известия Абхазского научного общества
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИАЭ — Институт истории, археологии, этнографии
ИКОМАО — Известия Кавказского отделения Московского археологического общества
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии, этнографии
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИФЖ — Историко-филологический журнал
КБГУ — Кабардино-Балкарский университет
КБНИИ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
КЧНИИ — Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт

МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МГУ — Московский государственный университет
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИГК — Материалы по истории Грузии и Кавказа
МКА — Материалы культуры Азербайджана
МЭР — Материалы по этнографии России
НИИ — Научно-исследовательский институт
НнС — Нумизматика и сфрагистика
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
ОИПК — Общество изучения памятников культуры
ПИСП — Проблемы истории Северного Причерноморья
СА — Советская археология
САГУ — Средне-Азиатский государственный университет
САИ — Свод археологических источников
СИЭ — Советская историческая энциклопедия
СКАЭ — Северо-Кавказская археологическая экспедиция
СОНИИ — Северо-Осетинский научно-исследовательский институт
СЭ — Советская этнография
ТОНГЭ — Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа
ТХЭ — Труды Хорезмской экспедиции
АЕ — *Archaeologiai Ertesitö*
АЖА — *American Journal of Archeology*
ЕАА — *Eurasia septentrionalis antiqua*
ІОСПЕ — *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini*

Содержание

В. А. Кузнецов. Евгений Игнатьевич Крупнов	1
Список печатных работ Е. И. Крупнова	8
П. У. Аутлев. Мустьерская стоянка в Губском навесе 1	19
О. Н. Бадер. Об изображении мамонта с Каменной Могилы	26
<u>Л. Н. Соловьев.</u> Гарпуны грота Хупнипшахва	33
А. А. Мартиросян. Древние иероглифы Армении и их урарто-армянские двойники	39
Д. А. Крайнов. Стоянка и могильник Сахтыш VIII	46
Д. А. Халилов, Г. П. Кесаманлы. Гяфле-тепелери — поселение эпохи ранней бронзы в Азербайджане	55
И. Г. Нариманов. Архаические керамические маслобойки и этимология азербайджанского слова «нехре»	59
В. В. Бжания. Поселения очамчирской культуры в горах Абхазии	65
Р. М. Мунчаев. Бронзовые псалмы майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе	71
В. Г. Котович, В. М. Котович. Находки древних бронзовых топоров в Дегестане	77
Т. А. Бунятов. К истории молотбы в Закавказье	85
В. И. Марковин. Ложнопортальные дольмены Причерноморья	90
В. П. Алексеев. О структуре и древности кавказского типа в связи с происхождением народов Центрального Кавказа	98
В. М. Массон. Древние гробницы вождей на Кавказе (Некоторые аспекты социологической интерпретации)	102
В. И. Сарияниди. Статуэтка лошади с Алтын-депе	113
П. Д. Либеров. Памятники абашевской культуры в Курской области	117
А. И. Тереножкин. Бронзовые кинжалы предскифского времени	121
О. М. Давудов. Мугерганская культура	125
А. П. Смирнов. О культурных связях Кавказа с Поволжьем	130
А. Р. Магомедов. Новые данные по металлообработке у древнего населения Чечено-Ингушетии	135
Б. В. Техов. О появлении и развитии кавказской дугообразной фибулы	141

В. И. Козенкова. Предметы из Ца-Ведено (Чечено-Ингушетия) середины I тыс. до н. э.	149
Б. А. Рыбаков. Календарный фриз северокавказского сосуда VIII—VII вв. до н. э.	158
И. Т. Кругликова. Каменные ящики у дер. Рыбное	162
К. Ф. Смирнов. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии	166
<u>Н. И. Сокольский.</u> Надгробие синдского воина из Кеп	179
Н. П. Сорокина. Стекланные сосуды из могильника Харакс	183
Д. Б. Шелов. О датировке северокавказских подражаний римским денариям	190
Е. П. Алексеева. Зооморфные ручки Дружбинского городища 2	196
М. Х. Багаев. Раннесредневековые птицевидные бляхи из Дайского могильника	200
С. А. Плетнева. Сосуды с зооморфными чертами в салтово-маяцких древностях	205
В. А. Кузнецов. К вопросу о производстве стали в Алании	212
М. В. Фехнер. Шелк в торговых связях Владимиро-Суздальской Руси со Средней Азией	217
Я. А. Федоров. Половецкое наследство в Приэльбрусье	220
В. В. Кропоткин. Караванные пути в Восточной Европе	226
О. В. Милорадович. Знаки на керамике Верхнего Джулата	231
К. Х. Кушнарева. Производственный комплекс древнего Двина	235
И. М. Мизиев. О позднесредневековых поселениях и жилищах балкарцев и карачаевцев	243
Э. В. Кильчевская. Некоторые детали возникновения искусства черни на Кавказе	246
О. Х. Бгажба. Замок Баграта	255
Список сокращений	261

Кавказ и Восточная Европа в древности

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор издательства Н. И. Сергиевская. Редактор М. А. Карповская
Художественный редактор В. Н. Тикуннов. Художник И. Е. Сайко.
Технический редактор В. Д. Прилепская

Сдано в набор 3/IV-1973 г. Подп. к печ. 19/IX-1973 г. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага № 1
Т-11793. Усл. печ. л. 19,6+1 вкл. Уч.-изд. л. 21,5. Тираж 2300 экз. Тиз. зак. 2220
Ц е н а 1 р. 74 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10